ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
Выпуск VIII

Р 4/6 563

ИЛИАС АЛКИН

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КАРА-КАЛПАКСТАНА КИРГИЗСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА, ТУРКМЕНИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

ЧАСТЬ I

★

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
МОСКВА 1931

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
ПОГУБЛЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
Выпуск VIII

Р 4
Р6 563

ИЛИАС АЛКИН

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КАРА-КАЛПАКСТАНА, КИРГИЗСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА, ТУРКМЕНИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

ЧАСТЬ I

(Методологическое введение. Задачи среднеазиатских республик в перспективном плане социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. Процесс хозяйственной специализации Средней Азии).

★

11444

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
МОСКВА 1931

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В то время, как во всех других общественных науках марксистско-ленинская мысль завоевала господствующее положение и в основном идет ликвидация остатков буржуазных течений, а также борьба со всякого рода извращениями марксизма-ленинизма, в экономической географии до сих пор, не встречая должного отпора, беспрепятственно и неприкрыто развиваются буржуазные, контр-революционные, вредительские и оппортунистические идеи. В то время, как буржуазные теоретики пытались и пытаются влиять на работу хозяйственно-планирующих органов, в особенности в национальных республиках и областях (например—Кажановщина в Средней Азии, Рыбниковщина в Казакстане и т. д.), в то время, как буржуазная экономико-географическая литература наводняет книжный рынок и на этой литературе воспитываются кадры строителей социализма,—марксистско-ленинские основы экономической географии почти совершенно не разработаны.

Практика социалистического строительства пред'являет огромные требования к экономической географии по линии разработки вопросов территориаальной организации народного хозяйства СССР. Обострение классовых противоречий в странах капитала, усиление революционной активности широких пролетарских и трудящихся масс в разных уголках земного шара выдвигают перед экономической географией важнейшую задачу—при помощи соответствующего анализа отдельных частей мирового капиталистического хозяйства облегчить понимание путей и перспектив развития в них революционного движения. Между тем марксистами эконом. географами почти ничего не сделано для удовлетворения этих все более растущих требований.

Книга тов. Алкина является попыткой дать марксистскую систему экономической географии и применить ее при анализе хозяйства одного из районов СССР—Средней Азии.

Президиум НИА считает книгу тов. Алкина нужной и своевременной: 1) потому, что в ней дается попытка освещения и разрешения ряда экономико-географических проблем, связанных с территориальной организацией хозяйства рес-

публик и областей Средней Азии в период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, и 2) потому, что опыт социалистического строительства Советского Востока может и должен быть использован в странах, идущих по некапиталистическому пути развития. Насколько автору удалось справиться со своей задачей, выяснится в процессе дальнейшей коллективной проработки поднятых в книге вопросов. Президиум считает, что некоторые вопросы тов. Алкиным освещены недостаточно полно, задеты только вскользь, (напр., штандорт отдельных отраслей хозяйства, в частности вопросы географии транспорта, классификация экономических районов, районирование и т. д.), и ряд положений, выставляемых автором, является в настоящее время еще дискутабельными (напр., понимание экономической географии, вопросы общей теории размещения хозяйства — географическое разделение труда, типы экономических районов, вопросы составления экономических карт и т. д., периодизация развития Ср. Азии, роль торгового, промышленного и финансового капиталов в развитии хозяйства Ср. Азии, значение остатков родовых и феодальных отношений, экономические районы дореволюционной Ср. Азии, вопросы районирования Ср. Азии и т. д.). Президиум выпускает настоящую книгу в качестве материала для дискуссии, которая неизбежно развернется как вокруг теоретических проблем экономической географии, так и вокруг проблем экономической географии Средней Азии.

Президиум Научно-Исследовательской Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Составление экономико-географического очерка Средней Азии на основе тех методологических установок, которые изложены мною во введении, представляет большие трудности. По некоторым вопросам или совсем нет материала, или этот материал недостаточен, или же он требует еще специального марксистского анализа, специальных монографий. Несмотря на это, мы все же решились дать общий экономико-географический очерк Средней Азии по следующим соображениям: во-первых, быстрый темп и своеобразные формы социалистического строительства на Советском Востоке, вопросы индустриализации и коллективизации национальных республик и областей, специализации их в системе общесоюзного разделения труда, вопросы районирования, уничтожения фактического неравенства между национальностями

и т. д., требуют немедленного освещения и разрешения ряда проблем, связанных с территориальной организацией хозяйства отдельных национальных районов в период социалистической реконструкции хозяйства СССР, во-вторых, богатейший опыт социалистического строительства Советского Востока несомненно должен стать руководящей нитью в развитии многих колониальных и полуколониальных стран и этот опыт теперь же должен быть использован в тех странах, которые уже вступили на некапиталистический путь развития (Монголия и Тува), и, в третьих, никакие методологические введения не могут быть убедительными без их конкретного применения, т. к. только практика революционной борьбы укажет на правильность тех или иных методологических положений.

По ряду соображений работу пришлось печатать двумя выпусками. Первый выпуск очерка (часть 1-я) в основном был написан еще весною 1929 года, что не могло не отразиться на материале и изложении. Так мы в этом выпуске очерка почти не рассматриваем Кара-Калпакскую автономную область, как входившую до 20 июля 1930 года в состав Казакской АССР-ки. Мы не смогли также дать библиографию, оценку использованных материалов, административную карту Средне-Азиатских республик, фотографические снимки и т. д. Все эти пробелы думаем восполнить по возможности во втором выпуске очерка. Второй выпуск посвящен следующим двум основным проблемам: 1) современные сдвиги в экономике Средней Азии и 2) перспективы развития хозяйства Средней Азии.

Составление очерка облегчалось коллективной проработкой некоторых тем на занятиях со студентами КУТВ по экономике Средней Азии (1928—29 и 1929—30 уч. годы), на кружке по изучению экономики Средне-Азиатских республик и Казакстана (в КУТВ, 1927 и 1928 гг.), на секции Советского Востока НИАНКП (1928—30 гг.), в группах по летней практике студентов КУТВ (лето 1927 г. в Фергане), с группой аспирантов НИАНКП (лето 1930 г. в Таджикистане), на заседаниях каферды экономической географии КУТВ, на заседаниях экономико-географической группы при Коммунистической Академии и т. д.

В очерке, кроме печатной литературы, использованы также материалы ЭКОСО, госпланов, наркоматов, различных экономических учреждений, материалы Госплана СССР, СТО представительств отдельных республик и материалы, собранные мною во время поездок в Среднюю Азию (зимой 1923—24 г., главным образом, в Старой Бухаре, летом 1925 г.,

главным образом, в б. Пишпекском районе Киргизстана, летом 1927 г., главным образом, в Фергане, с группой студентов КУТВ, летом 1928 г., главным образом, в районе Фараба[1] Туркменистана, в Старой Бухаре и в районе Каракола Киргизстана, летом 1930 г., главным образом, в Сарай-Камарском районе Таджикистана с группой аспирантов НИАНКП, в Каратагском районе Таджикистана и в Ашхабадском и Байрам-Алийском районах Туркменистана).

Работа в рукописи была просмотрена тт. Х. С. Арутюновым, П. Г. Галузо, В. И. Кац и И. И. Полеесом, которые сделали ряд ценных указаний. Большую помощь оказали в подборе библиографического материала библиографы КУТВ — тт. Е. Н. Яковлева и Н. Я. Виткинд. Всем им приношу искреннюю благодарность.

Эконом-географические проблемы вообще, а тем более Средней Азии, разработаны в очень малой степени. Несомненно имеется целый ряд пробелов и в данной работе. Автор был бы весьма признателен всем товарищам, в особенности работающим на местах, которые могли бы в порядке критики и отдельных предложений помочь автору в дальнейшей разработке затронутых проблем.

Всякого рода указания прошу направлять по адресу: г. Москва, Мал. Путинковский перд., д. 2, НИАНКП — для И. Г. Алкина.

Декабрь 1930 года.

г. Москва.

[1]) Выражаю искреннюю признательность бывшему студенту КУТВ тов. Назарову, который оказал большую помощь в собирании материалов по Фарабскому району.

«...необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практикой, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма».

«...только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма—ленинизма».

И. Сталин—Выступление на Первой Всесоюзной конференции аграрников—марксистов. Труды конференции, т. I, М. 1930 г. стр. 431, 432.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Когда приступаешь к составлению экономико-географических очерков отдельных районов, то встречаешься с одним серьезным затруднением—отсутствием марксистски разработанной методологии экономической географии. Без преодоления этого затруднения нельзя выполнить поставленной задачи. Трудности усугубляются еще тем, что, во-первых, теоретическое наследие буржуазных ученых эконом-географов, которое может быть после соответствующей критики использовано марксистской экономической географией, слишком незначительно, и, во-вторых, в условиях СССР, в условиях социалистического строительства не могут быть применены в экономической географии положения, устанавливаемые для капиталистического способа производства.

Поэтому, прежде чем дать очерк какого-либо района, необходимо предварительно остановиться на методологических вопросах экономической географии и обосновать свою схему построения и подход в экономико-географических работах.

1. Процесс воспроизводства и экономическая география.

Общественный процесс производства вообще «есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экомических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства, а, следовательно, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т. е. определенной общественно-экономической формы последних. Потому что совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношений, при которых они производят, эта сово-

купность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает при определенных материальных условиях, являющихся в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидиумы в процессе воспроизводства своей жизни. Как те условия, так и эти отношения являются с одной стороны предпосылками, с другой стороны—результатами и продуктами капиталистического процесса воспроизводства; они производятся и воспроизводятся последними»[1]).

Общественный процесс производства, будь то в условиях капиталистических или некапиталистическхих, совершается в определенное время и в известных территориальных границах. В процессе воспроизводства, происходящем во времени, должны быть воспроизведены производственные отношения в пространстве (по территории). В отдельные этапы развития общества это воспроизводство по территории будет принимать различные формы и будет подчиняться различным законам в зависимости от существующего способа производства.

В период родового строя разделение труда внутри рода и между родами развито слабо. Каждый род сам, внутри себя производит почти все, что ему нужно, чтобы воспроизвести материальные условия своей жизни и родовые отношения. Одни и те же процессы производства, можно сказать, повторяются в прежних размерах, при неизменных условиях[2]). Разделение труда внутри рода основано на естественном разделении труда, возникающем «вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свой материал с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим»[3]. Обмен между родами носит еще случайный характер, обмениваются только излишками и самый обмен основан на необходимости производить различные продукты в зависимости от различной географической среды. При тогда еще слабом развитии производительности труда нет присвоения прибавочного продукта внутри рода, нет эксплоатации.

---

[1]) К. Маркс. Капитал. т. III, ч. 2, ГИЗ, 1929 г. стр. 289—290.

[2]) „. . . капитализм не в состоянии повторять одни и те же процессы производства в прежних размерах, при неизмененных условиях (как это было при докапиталистических хозяйственных режимах) . . . " Ленин, т. III, 1-е изд., стр. 482.

[3]) К. Маркс—„Капитал", т. I, ГИЗ, 1929 г., стр. 265.

В период феодального способа производства мы видим уже значительное развитие разделения труда внутри феодального общества, которое основывается на эксплоатации феодалами крестьян, на личной зависимости последних от первых. Происходит значительное развитие сельского хозяйства, отделяются от него некоторые промыслы. Основной отраслью остается сельское хозяйство. Домашнее ремесло и мануфактурный труд представляют подсобное производство при сельском хозяйстве. На этом сочетании и покоится натуральное хозяйство феодального способа производства [1]). В процессе воспроизводства необходимо теперь воспроизводить материальные условия нового способа производства и те новые специфические историко-экономические отношения, внутри которых теперь происходит процесс производства. Последний в значительной степени происходит в неизменных условиях и повторяется в прежних размерах.

С развитием товарного хозяйства рамки разделения труда расширяются еще в большей степени и само развитие этого хозяйства основано на развитии общественного разделения труда. «Основой товарного хозяйства является общественное разделение труда» [2]). Развитие товарного хозяйства ведет к отделению промышленности от сельского хозяйства, к выделению отдельных самостоятельных отраслей промышленности, производящих только часть продукта, специализирующихся на отдельных операциях по приготовлению продукта к потреблению [3]). Аналогичный процесс происходит и в сельском хозяйстве, сельское хозяйство само превращается «в промышленность, т. е. в отрасль хозяйства, производящую товары» [4]). Этот процесс в сельском хозяйстве проявляется в создании специализирующихся районов сельского хозяйства. Если процесс этот начинается с развитием товарного хозяйства, то в период капитализма он еще более усиливается.

Развитие крупной промышленности и усовершенствованного транспорта привело к тому, что общественный процесс производства стал распадаться на отдельные, друг от друга независимые производства [5]), отдельные производства ста-

---

[1]) К. Маркс, „Капитал", т. III, ч. 2, стр. 263.

[2]) Ленин—т. III, стр. 13,—„Итак, общественное разделение труда есть основа всего процеса развития товарного хозяйства и капитализма". Ленин, там-же стр. 15.

[3]) Ленин, т. III, стр. 13.

[4]) Ленин, т. III, стр. 14.

[5]) „ . . машина столь сильно влияет на разделение труда, что всякий раз, как при фабрикации какого-нибудь предмета окажется возможным создавать отдельные части его механическим путем, выделка предмета этого также распадается на несколько, друг от друга независимых производств". Маркс „Нищета философии", СПБ, 1905 г., стр. 229.

ли работать на сырье, привозимом из разных, иногда отдаленных районов и имели в виду удовлетворение не местного рынка, а народно-хозяйственного и мирового рынка. Общественное разделение труда приняло грандиозные размеры. Установилось разделение труда между отдельными хозяйствами, расположенными в различнейших местах земного шара [1]).

Таким образом в систему общественного разделения труда включаются хозяйства, находящиеся в различных частях земного шара, отдельные отрасли хозяйства, как бы прикрепляются к определенным областям страны, общественное разделение труда получает территориальное проявление. Территориальное проявление общественного разделения труда, когда отдельные стадии производства «прикрепляются», локализируются в определенных областях, мы называем географическим или территориальным разделением труда [2]).

Географическое разделение труда указывает на существование производственной связи между отдельными хозяйствами, между отдельными отраслями хозяйства, находящимися в разных местах.

В связи с территориальным отделением производственных этапов и отдельных отраслей друг от друга усложняется процесс воспроизводства: необходимо воспроизвести известное соотношение, «известную пропорциональность» [3]) между отдельными отраслями хозяйства ,между производством и потреблением и воспроизвести производственные отношения не только во времени, но и в пространстве (по территории).

---

[1]) «Благодаря машине прядильщик может теперь проживать в Англии, в то время, как ткач проживает в Ост-Индии. До изобретения машин индустрия страны распространялась главным образом на те сырые продукты, которые производила собственная земля; например, в Англии—на шерсть, в Германии—на лен, во Франции—на лен и шелк, в Ост-индии и на Востоке—на хлопок и т. д. Но, благодаря применению машин и пара разделение труда стало так сильно возрастать, что крупная индустрия, оторвавшись от национальной почвы, начала теперь зависеть исключительно от мировой торговли, от международного разделения труда" Маркс, там же, стр. 128—129.

[2]) „Территориальное разделение труда, прикрепляющее определенные отрасли производства к определенным областям страны, получает новый толчок благодаря мануфактурному производству, эксплоатирующему всякого рода особенности". К. Маркс. „Капитал", т. I. Гиз, 1920 год. стр. 344.

„В непосредственной связи с разделением труда вообще стоит, как было уже замечено, территориальное разделение труда, специализации отдельных районов на производстве одного продукта, иногда одного сорта продукта и даже известной части продукта". Ленин. „Развитие капитализма в России". Собр. соч. т. III стр. 321.

[3]) Ленин. Ленинский сборник. XI. стр. 384.

Эта пропорциональность не постоянная. Если в докапиталистические этапы развития общества, в особенности в период родового строя, эта пропорциональность подвергалась изменению медленно, если само производство совершалось в неизменных условиях, повторяя одни и те же процессы производства в прежних размерах, то в дальнейшем, в капиталистическом обществе эта пропорциональность все время подвергается изменению и нарушению и воспроизводство идет неравномерно, путем кризисов, неравномерного развития отдельных отраслей и отдельных стран.

Таким образом, если так можно выразиться, необходимо воспроизвести пространственные (территориальные) соотношения между экономическими явлениями.

Это не значит, что мы противопоставляем воспроизводство в пространстве воспроизводству во времени. Пространство и время образуют основную форму всякого бытия [1]), следовательно, и воспроизводства экономических явлений. «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе как в пространстве и во времени» [2]). «В движении пространство и время непрерывно переходят одно в другое» (Гегель).

Таким образом, экономические явления должны быть рассматриваемы в движении во времени и в пространстве, производственные отношения данного способа производства, например, капиталистического, должны быть рассматриваемы в их возникновении, развитии и упадке и в их пространственном распространении в период всего своего развития.

Но вместе с тем отдельные части (разделы) экономических наук уделяют главное внимание движению или во времени (история хозяйства) или в пространстве (экономическая география), касаясь в то же время и других сторон в той мере, в какой это необходимо для их цели. История хозяйства и экономическая география основывают свои работы на законах, устанавливаемых теоретической экономией. Политическая экономия, в более узком смысле слова, как теория капиталистического хозяйства, изучающая законы капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена [3]), изучает возникновение и упадок этого способа производства, и также не абстрагируется и от пространственных отличий, и там, где это необходимо, Маркс уделяет им должное внимание (см. о развитии мирового рын-

---

[1]) „Основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства.“ Энгельс. Анти-Дюринг, Гиз, 1928 г. стр. 46.

[2]) Ленин. Собрание сочинений, Гиз, 1924 г. т. X, стр. 143.

[3]) К. Маркс. Капитал. т. I, стр. XXXII.

ка, развитии международного разделения труда, о ренте, о транспортных издержках, о рабочем периоде и о времени производства и т. д. и т. д. [1]). Но все же вопросы пространственного развития у Маркса занимают незначительное место, он касается этих вопросов лишь в той мере, в какой это необходимо для всестороннего выяснения устанавливаемых им законов развития и упадка капиталистического общества. Характерно, что в работе Тюнена Маркса интересует не закономерность размещения сельского хозяйства, а поставленный Тюненом вопрос—как рабочий мог сделаться из творца капитала рабом капитала [2]). Да это и понятно. Перед революционным пролетариатом стояла задача выяснить условия и возможности быстрейшего захвата власти в свои руки и окончательного уничтожения классов .Отличия в развитии хозяйства в отдельных странах интересовали Маркса и его последователей в этой плоскости. Характерны в этом отношении работы Маркса и Энгельса о России, о Франции, Англии, Индии, Китае и др., а также работы Ленина о развитии капитализма в САСШ, в России, в Германии и других странах. Для марксистов теория не самоцель, а обоснование революционной практики.

Только с установлением диктатуры пролетариата в СССР, с практическим проведением социалистического строительства встал перед революционным пролетариатом во весь рост вопрос о закономерностях территориального размещения экономических явлений. Здесь и вопросы районирования, совхозного и колхозного строительства, вопросы капитальных вложений в промышленность, в сельское хозяйство, постройка новых железных дорог и т. д., и т. д. Все они должны быть рассматриваемы, как мероприятия для территориального расширения и углубления социалистического сектора хозяйства [3]).

---

[1]) См. „Капитал", в особенности т. I гл. 5, 12, 13, 14, 20; т. II гл. 1, 6, 7, 12, 13, 14, 15, 20, 21; т. III ч. 1-я гл. 4, 5, 6, 10, 13, 14, 15, 19, 27; т. III, ч. 2-я гл. 37, 38, 39, 40, 44, 45, 46, 47, 48, 50.

[2]) „Капитал" том I, стр. 493, примечание.

[3]) Характерно, что Ленин считал основным в работе комиссии ВСНХ по составлению плана реорганизации промышленности и экономического под'ема России „рациональное размещение (подчеркуто Лениным, И. А.) промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта". (Ленин, т. XXII, изд. 2-е, 1929 г., стр. 434). См. также постановление Совнаркома от 12 апреля 1918 г. по вопросу о работе Академии Наук по систематическому изучению и обследованию естественных производительных сил (там-же, стр. 621). В плане электрификации РСФСР (1920 г.) вопросы размещения хозяйства являются одним из основных вопросов. Затем нужно указать на работы по районированию в Госплане. XVI-й с'езд ВКП(б) выдвинул целый ряд проблем, стоящих

Только теперь начинает создаваться марксистская экономическая география. До сего времени вопросами экономической географии занимались буржуазные ученые (географы, экономисты, социологи) и в своих работах они подходили к этим вопросам вне тех социально-экономических отношений, внутри и посредством которых только и происходит размещение хозяйственных явлений по территории.

Изучением территориального проявления воспроизводства экономических явлений занимается наука—экономическая география.

Предметом изучения экономической географии являются экономические явления, а не что либо другое, и при этом не вообще экономические явления, а экономические явления в их территориальном размещении. Поэтому можно сказать, что экономическая география есть наука о закономерностях территориального размещения экономических явлений.

Какие же законы управляют воспроизводством экономических явлений по территории? Как и под влиянием каких причин размещаются и сочетаются экономические явления по территории? Каков темп развития хозяйства по отдельным районам? Каковы причины неравномерного развития хозяйства отдельных районов? На эти вопросы и должна дать ответ экономическая география.

Экономическая география, как наука экономическая, не может ограничиться изучением географического размещения материальной стороны производства и производства вообще, она должна изучать классовое содержание этого производства, должна изучать производственные отношения. Географическое размещение производства в зависимости от различных способов производства (античный, феодальный, современный буржуазный способы производства и социалистический способ производства), будет подчиняться различным законам.

Мы можем сказать, что экономическая география изу-

перед теоретическою мыслью экономистов. „Центральное значение имеет здесь вопросы генерального плана, в частности выдвинутая в докладе т. Сталина проблема географического размещения промышленности и сельского хозяйства, от правильного разрешения которой зависит выбор наиболее целесообраного направления всей суммы капитальных затрат в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте, наилучшее использование природных богатств и географических особенностей различных районов, создание необходимых для промышленности сырьевых баз в кратчайший срок и с наименьшей затратой средств, наиболее рациональное экономическое взаимодействие различных районов между собой. По существу говоря, то или иное решение этой проблемы должно определить собой все направление развития производительных сил и технической реконструкции хозяйства нашего Союза". Из статьи редакции—„XVI партс'езд и задачи теоретического фронта"—в журнале „Проблемы экономики" № 6, за 1930 г., стр. 4—5.

чает территориальное размещение хозяйства, как определенную систему производственных отношений, связанную с определенным уровнем и характером развития производительных сил.

С изменением способов производства, как уже указывалось выше, изменяются экономические законы, изменяются законы воспроизводства и географического размещения хозяйственных явлений.

В период родового строя размещение и воспроизводство хозяйства основаны на кровной связи. Территориальные рамки данного рода и взаимоотношения его с другими родами определяется размерами этой связи. Самое территориальное воспроизводство родовых отношений определяется существованием рода, как формы кооперации труда при низком уровне производительных сил, когда нет прибавочного продукта, нет классов.

В дальнейшем рост производительных сил, рост производительности труда делает возможным образование прибавочного продукта и его присвоение, ведет к разложению рода на отдельные семьи и возникновению организации труда не на кровных узах, а на основах личной зависимости и присвоения прибавочного продукта (рабство и феодализм). При феодальном способе производства эта зависимость получает свое экономическое выражение в земельной ренте, «как нормальной формы прибавочной стоимости и не оплаченного прибавочного труда, который приходится доставлять собственнику условий производства»[1]). Дело не меняется «если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им (непосредственным производителям, И. А.), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем, суверена», в этом случае «рента и налог совпадают или точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»[2]). В самой простой и древней форме земельная рента выступает в форме отработочной ренты[3]). При более высоком развитии труда непосредственного производителя и всего общества отработочная форма ренты превращается в ренту продуктами. С экономической стороны это превращение

---

[1]) К. Маркс—„Капитал", т. III, ч. 2-я, стр. 272.

[2]) „Для этого необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, принадлежность в настоящем смысле этого слова". К. Маркс—„Капитал", т. III, ч. 2-я стр. 266—267.

[3]) К. Маркс—„Капитал", т. III, ч. 2-я, стр. 267.

ничего не изменяет[1]). Дальнейшее же превращение ренты в денежную, когда часть продукта непосредственно производителя должна быть превращена в товар, произведена как товар, изменяет в той или иной степени характер всего способа производства[2]). Происходит переход к товарному хозяйству, когда непосредственные производители выступают как свободные товаропроизводители.

При феодальном способе производства хозяйства крестьян размещены вокруг замка феодала, при этом самое размещение хозяйства определяется личной зависимостью крестьян от феодала. Территория, находящаяся во владении феодала, отделена от территории других феодалов таможенными перегородками. Существует разделение труда, с одной стороны, внутри этой территории между хозяйствами крестьян и городским ремеслом, между хозяйствами крестьян и хозяйством феодала и, с другой стороны, между хозяйствами на территории различных феодальных поместий. Переход к денежной ренте изменяет взаимоотношения между феодалами и крестьянами. Барщина заменяется оброком. Крестьяне имеют возможность работать вне пределов поместья феодала, оставаясь в то же время в личной от него зависимости. Территориальные рамки разделения труда расширяются. Хотя уже раньше с превращением отработочной формы ренты в ренту продуктами становится возможным и действительно происходит расширение территориальных рамок географического разделения труда. Но это расширение имеет тогда только количественное различие, лишь с превращением ренты в денежную создаются качественные отличия—новые экономические отношения. Подготовляются условия для уничтожения личной зависимости непосредственных производителей от собственника земли, подготовляются условия для превращения рабочей силы в товар. Денежная рента есть последняя форма разложения этого рода земельной ренты[3]).

---

[1]) Рента продуктами отличается от ренты отработанной тем. „что прибавочный труд приходится совершать уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя; напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под своей собственной ответственностью, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети". К. Маркс „Капитал", т. III, ч. 2-я, стр. 270,

[2]) „Вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать собственнику земли (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта". Маркс. „Капитал", т. III, ч. 2-я, стр. 271. См. дальше стр. 272

[3]) К. Маркс—„Капитал", т. III, ч. 2-я, стр. 272.

В товарном хозяйстве отношения между непосредственными производителями регулируются законами рынка, стоимость выступает как регулятор производства и воспроизводства хозяйства. Таким образом и территориальное воспроизводство хозяйства основывается теперь на законе стоимости.

В дальнейшем, с превращением рабочей силы в тозар, возникает капиталистический способ производства. Территориальное воспроизводство хозяйства определяется теперь основным законом развития капитализма—законом неравномерности его развития, наиболее общей предпосылкой которого является анархическая структура капиталистического общества, основанного на погоне капиталистов за высокой прибылью. «Капитализм не в состоянии повторять одни и те же процессы производства в прежних размерах, неизменных условиях (как это было при докапиталистических хозяйственных режимах),... он неизбежно ведет к безграничному росту производства перерастающему старые, узкие границы прежних хозяйственных единиц. При свойственной капитализму неравномерности развития, одна отрасль производства перегоняет другие и стремится выйти за пределы старого района хозяйственных отношений»[1]). Капитализм захватывает в сферы своего влияния новые районы. Обе стороны развития капитализма—развитие вширь и развитие вглубь—идут вместе. Возникают новые центры производства, расширяются размеры производства старых районов, одни отрасли обгоняют другие, одни страны обгоняют и вытесняют другие, растет расхождение в темпе роста отдельных стран, учащаются и обостряются конфликты, ведущие к войнам.

В период империализма неравномерность развития капитализма усиливается несмотря на уменьшение разницы в уровне развития отдельных империалистических стран, несмотря на рост нивелировки, так как это является лишь наиболее мощным выражением неравномерности развития[2]).

---

[1]) Ленин, т. III, стр. 482.

[2]) „Увеличивается или уменьшается эта разница в уровне развития? Несомненно, уменьшается. Растет или падает нивелировка? Безусловно, растет. Не противоречит ли рост нивелировки усилению неравномерности развития при империализме? Нет, не противоречит. Наоборот, нивелировка есть тот фон и та база, на основе которой и возможно усиление действия неравномерности развития при империализме... Именно потому, что отставшие страны ускоряют свое развитие и нивелируются с передовыми странами,—именно поэтому обостряется борьба. Нивелировка является одним из условий для усиления неравномерности развития в период империализма... Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других...“ И. В. Сталин. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии, 1927 г. стр. 120—128.

В современном мировом хозяйстве существуют две системы хозяйства—система капиталистическая и советская система хозяйства (СССР). Первая система является стихийной, где пропорциональность между отдельными отраслями хозяйства и их территориальное размещение создается стихийно путем борьбы частно-хозяйственных интересов, в погоне за высокой прибылью. В этой борьбе каждый капиталист встречает конкуренцию других. Его товар находит сбыт только в том случае, если он удовлетворяет общественную потребность, имеет потребительную стоимость для других, и может быть продан с прибылью, иными словами, только в том случае, если на него затрачено общественно необходимое рабочее время, т. е. он может быть продан не ниже цены производства, т. е. не ниже издержек производства и средней прибыли. Эта же цена производства создается за спиной отдельного производителя и действует как стихийный закон. Этот закон действует на отдельные хозяйства через прибыль, вот поэтому высота прибыли в отдельных странах и в отдельных районах перераспределяет капитал из одной страны в другую и из одного района в другой. Действие прибыли происходит через основной закон капиталистического производства и воспроизводства, через закон неравномерности развития капитализма.

Другую систему мы имеем в СССР. Здесь хозяйство плановое и регулятором перераспределения производства является план, который проводится для расширения и углубления социалистического сектора хозяйства, т. е. чтобы получить наибольшую эффективность социалистического воспроизводственного процесса. Отсюда следует, что применять одни и те же методы для изучения этих двух систем хозяйства и ставить одни и те же задачи нельзя. Задачи и методы изучения в том и другом случае различны. В первом случае нашей задачей является познание географического разнообразия в размещении хозяйства, познание различия темпов развития хозяйства и различных типов производственных отношений в различных районах, чтобы тем дать в руки пролетариата орудие для выяснения условий и возможностей быстрейшего захвата власти в свои руки в отдельных странах. Во втором же случае экономическая география должна быть орудием в деле социалистического переустройства хозяйства СССР, а именно, орудием для рациональной территориальной организации народного хозяйства нашей страны и окончательного уничтожения классов [1]).

[1]) Подробнее об отличительных особенностях этих двух систем (капиталистическая и советская системы) см. доклад т. Сталина на XVI с'езде ВКП(б).

После установления этих общих положений территориального воспроизводства экономических явлений, перейдем к рассмотрению основных экономико-географических закономерностей в период капитализма и в период социализма.

Рассмотрим сначала экономико-географические закономерности при капиталистическом способе производства.

2. Географическое или территориальное разделение труда при капиталистическом способе производства.

Изучение основных закономерностей экономико-географического порядка мы должны начать с изучения географического разделения труда.

Географическое разделение труда лежит в основе образования экономических районов. Экономический район есть результат географического разделения труда и есть наиболее сложное явление, изучаемое в экономической географии.

Все многообразие изучаемого конкретного целого, сложного явления, может быть понятно только путем сведения его к наиболее простому элементу, изучаемому данной наукой, которому соответствует простейшая категория этой науки. Но этот наиболее простой элемент должен заключать в себе основные свойства конкретного целого, в нем должны быть заложены те противоречия, которые разворачиваются в сложном и они должны быть явлениями одного порядка, только тогда простейшая категория будет лежать в основе об'яснения сложного целого. В политической экономии основными простейшими категориями будут товар и стоимость, которые заключают в себе основные элементы изучаемых политической экономией явлений: все более сложные категории политической экономии являются дальнейшим развитием и усложнением этих простейших категорий [1]).

---

[1]) „Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, а это и есть „товар" К. Маркс.—О книге Адольфа Вагнера. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Книга 5-я стр. 393. „У Маркса в „Капитале" сначала анализируется самое простое, самое массовидное, основное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношения буржуазного товарного общества. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке" буржуазного общества) все противоречия (resp. зародышей всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ (сумме, И. А.) его основных частей, от его начала до его конца". Ленин „К вопросу о диалектике". „Понятие стоимости является наиболее всеобщим и потому наиболее полным выражением экономических условий товарного производства. В понятии стоимости по этому заключаются в зародыше не только деньги, но

Экономическая география также должна установить простейшую экономгеографическую категорию, которая должна соответствовать наиболее простому элементу, изучаемому этой наукой, и которая должна лежать в основе наиболее сложного явления—экономического района. Такой простейшей категорией в экономической географии является понятие географического разделения труда.

Как выше отмечалось, экономическая география изучает явления экономические, следовательно ее простейшая категория должна быть категорией экономического порядка. Разделение труда есть один из видов отношения людей в процессе производства, т. е. один из видов производственных отношений, и при этом одно из простейших производственных отношений [1]). Понятие разделения труда является, таким образом, одной из простейших экономических категорий. Общее же понятие разделения труда еще не предполагает пространственного, точнее, территориального момента и поэтому не может быть основной категорией экономической географии. Только после усложнения этого понятия введением географического момента, мы получим основную категорию экономической географии — географическое или территориальное разделение труда.

Географическое разделение труда находится в непосредственной связи с общественным разделением труда. Но разделение труда само по себе не означает непременно территориального размещения производственных стадий. «Можно вполне представить себе переход к большему разложению процесса труда без того, чтобы при этом добыча сырья, изготовление полуфабрикатов и производство окончательных продуктов потребления происходили в удаленных друг от друга местах» [2]). При каких же размерах этого удаления возникает географическое разделение труда? Этот вопрос не ставится, когда речь идет о международном разделении труда и о межрайонном разделении труда внутри народного хозяй-

---

и все более развитые формы товарного производства и товарного обмена... В форме стоимости продуктов поэтому уже находится в зародыше вся форма капиталистического производства, противоречие между капиталистами и наемными рабочими, промышленная резервная армия и кризисы". Энгельс.—Анти-Дюринг стр. 296.

[1]) „. . . экономические системы начали восходить от простейшего, как труд, разделение труда (курсив мой, И. А.), потребность, меновая стоимость к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным в научном отношении" Маркс. „Введение к критике политической экономии". Цитирую по сборнику статей „Основные проблемы политической экономии" изд. 1922 г. стр. 24—25.

[2]) Леви „Основы мирового х-ва". М. 1924 г. стр. 53.

ства и даже, когда речь идет о разделении труда между городом и деревней, поскольку они друг от друга территориально отделены. Этот вопрос возникает, когда мы говорим о разделении труда между двумя селениями, находящимися друг возле друга, или о разделении труда между предприятиями, находящимися в разных частях одного города. Иными словами встает вопрос о том, когда различие в расстоянии создает своеобразное проявление общественного разделения труда—географическое разделение труда?

Всякое явление происходит во времени и пространстве. Также и отдельные стадии производственного процесса разделяются и во времени и в пространстве. Поэтому, может быть, надо считать, что всякое общественное разделение труда вместе с тем является и географическим разделением труда? Такой вывод был бы неверным, так как географическое разделение труда есть более сложное явление, чем общественное разделение труда. Последнее усложняется тем, что отдельные хозяйства должны быть территориально отделены друг от друга настолько, чтобы в анализ явления обязательно включить момент транспортирования. Вопрос о том, насколько километров или частей километра должны быть при этом отдалены друг от друга отдельные хозяйства, может показаться на первый взгляд таким же схоластическим вопросом, как—какое количество выпавших волос на голове образует лысину. Но здесь мы в сущности имеем переход количества в качество: изменение растояния между двумя хозяйствами и переход за известные границы превращает общественное разделение труда между ними в географическое разделение труда [1]). Размер количественных изменений необходимый для этого («узел», «пункт») будет меняться в зависимости от развития производительных сил общества, главным образом, техники транспорта. Ограничение понятия географического разделения труда, только разделением труда между микрорайонами суживает это понятие настолько, что

---

[1]) Маркс в Капитале приводит «множество случаев, в которых количественное изменение преобразует качество вещей и точно также качественное преобразование изменяет количество их, так что . . .—«количество переходит в качество и наоборот» (Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1928 г. стр. 115). Особенно в этом отношении характерен пример с превращением суммы стоимости в капитал. По этому поводу Энгельс пишет так: « . . не каждая любая незначительная сумма стоимости достаточна... для превращения ее в капитал и в этом отношении каждый период развития и каждая отрасль промышленности имеет свою минимальную границу,—только после всего этого Маркс замечает: «здесь, как и в естествознании, подтверждается верность открытого Гегелем в его «Логике» закона, что чисто количественные изменения в известном пункте переходят в качественные различия» (там же стр. 114).

из круга анализа выпадает значительное число явлений, имеющих географическое разделение труда внутри микрорайона, (например, разделение труда между городом и деревней внутри микрорайона).

Таким образом, мы можем говорить о географическом разделении труда между отдельными странами (международное разделение труда[1]), о географическом разделении труда между отдельными районами внутри одной страны (межрайонное разделение труда) и о географическом разделении труда между отдельными отраслями хозяйства внутри района (внутрирайонное разделение труда).

Эти виды географического разделения труда отличаются не столько размерами, сколько внутренним своеобразием, что и делает необхтодимым выделение этих трех видов географического разделения труда.

В межрайонном разделении труда различия в индивидуальных (для каждого района) стоимостях сводятся к общественно-необходимому труду в народно-хозяйственном объеме и к установлению внутренних товарных цен, нормы прибыли внутри страны, уровня заработной платы и т. д. В международном разделении труда различия в индивидуальных (для каждой страны) стоимостях сводятся к общественно-необходимому труду в его мировом объеме установлению мировых цен на товары, идет процесс выравнивания норм прибыли и уровня заработной платы между отдельными странами. Следовательно, отличие между этими двумя видами географического разделения труда заключается в образовании цен, в выравнивании норм прибыли и уровня зарплаты в народном и мировом хозяйствах[2]).

Отличие между внутрирайонным и межрайонным разделением труда надо искать в другом, а именно в том, что разделение труда между районами, кроме разделения между отдельными отраслями хозяйства в районах, включает также разделение труда между всем комплексом хозяйственных явлений, сочетающихся внутри отдельных территорий (экономических районов[3]).

---

[1]) Сюда же входит и разделение труда между отдельными районами различных стран.

[2]) См. Маркс, Капитал. т. I, стр. 437—438.

[3]) Проф. А. А. Рыбников не оттеняет экономические отличия между отдельными видами географического разделения труда. Переход от внутрирайонного разделения труда к народнохозяйственному и мировому он рассматривает только как переход к общественному разделению труда высшего порядка, не выясняя внутренних экономических отличий этих порядков, а имея ввиду только территориальные отличия. „Как система экономических районов является объединенной в общественное разделение

Географическое разделение труда показывает, что труд общества состоит из совокупности многообразных видов, подвидов и разновидностей полезных работ, размещенных по территории земли. «В обществе, продукты которого принимают, как общее правило, форму товаров, т.-е. в обществе товаропроизводителей, это качественное различие между отдельными полезными работами, которые здесь становятся независимыми друг от друга операциями самостоятельных производителей, развивается в сложную многочленную систему — в систему общественного разделения труда»[1]). При чем эти операции отделяются друг от друга и территориально локализируются в определенных областях.

Хозяйства, занятые в данной местности производством того или другого продукта, хозяйства, выполняющие тот или другой вид полезной работы, нуждаются для удовлетворения своих потребностей в продуктах других хозяйств, часто расположенных на значительном расстоянии от данной местности. Следовательно, продукт полезной работы одного хозяйства обменивается на иной продукт иной полезной работы другого хозяйства, находящегося в другой местности. Иными словами, хозяйства, которым благодаря географическому разделению труда приходится употреблять свой труд на производство данного определенного товара в данной местности, должны получить эквивалент в общественном труде, воплощенном в товарах, удовлетворяющих их потребности и произведенных другими хозяйствами, размещенными в других местах.

Обмен продуктов одной полезной работы на иные продукты другой полезной работы происходит благодаря двоякому характеру заключающегося в товарах труда. В конкретном полезном труде, производящем потребительные стоимости, проявляется индивидуальный, частный труд, общественный характер труда проявляется в абстрактном труде, в затрате человеческого труда вообще, в стоимости товара[2]); обмен же показывает общественную полезность конкретного труда хозяйства, находящегося в данной местности, поскольку он является полезным для других хозяйств других местностей, поскольку его продукты удовлетворяют какую-либо

труда высшего порядка—в народное хозяйство, так и существующее взаимодействие между странами в международной торговле создает основания для мирового общественного разделения труда". А. А. Рыбников, «Основные вопросы экономической географии» М. 1930 г. Изд. Свердловского У-та, стр. 8. Как увидим ниже, такой подход вытекает из общих методологических предпосылок проф. Рыбникова.

[1]) К. Маркс. Капитал. т. I, стр. 7.

[2]) Капитал, т. I, стр. 33.

чужую потребность—он тем самым создает систему географического разделения труда [1]).

Следовательно, географическое разделение труда основано на двояком характере заключающегося в товарах труда и при анализе географического разделения труда надо исходить из этого положения. И тот и другой характер труда подлежит рассмотрению при данном анализе.

Полезный труд и результат полезного труда—потребительная стоимость со стороны их естественной обусловленности изучаются технологией и товароведением [2]). Общественная потребительная стоимость и абстрактный труд и его результат—стоимость, изучаются политической экономией. Экономическая география должна использовать данные этой науки, но в своем анализе она должна их рассматривать с хорологической стороны, со стороны территориального их размещения.

Политическая экономия и экономическая география при анализе труда отличаются только указанным различием в подходе, который ограничивает и вместе с тем расширяет круг анализа экономической географии в сравнении с политической экономией (ограничение в анализе общих теоретических проблем и расширение в анализе территориального проявления экономических явлений).

Совершенно иное положение мы имеем во взаимоотношении экономической географии, с одной стороны, и технологии и товароведения с другой. Анализ их идет в совершенно различных плоскостях. Технология и товароведение изучают полезный труд и его продукты сами по себе, вне общественной системы, и их интересует природная, естественная сторона труда и потребительной стоимости, тогда как экономическую географию они интересуют, как часть совокупного общественного труда, т. е. отправной пункт экономич. географии тот же, что и в политич. экономии,—«общественно-обусловленное производство индивидов», отправной пункт технологии — естественно-обусловленное производство. Или это положение можно выразить иначе: материальная сторона производства, конкретный труд и его результаты экономической географией изучаются как производительные силы общества (совокупность средств производства и рабочей силы), как общественная потребительская стоимость [3]). К изу-

---

[1]) Там же, стр. 22—23, 32.

[2]) „Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой самостоятельной дисциплины,—товароведения" К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 2.

[3]) „Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, обще-

чению производительных сил, в отличие от других общественных наук, экономическая география опять же подходит с хорологической стороны—изучает разнообразие в географическом размещении производительных сил и факторы такого размещения. Размещение производительных сил и его факторы нельзя рассматривать вне и изолированно от социально-экономических условий. Данные производственные отношения общества соответствуют определенной ступени развития его производительных сил, но развитие материальных производительных сил во времени и пространстве происходит внутри этих производственных отношений, и поэтому это развитие определяется законами того способа производства, внутри которого оно происходит.

Развитие производительных сил общества и соответствующее ему развитие производственных отношений происходит путем противоречий. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из формы развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции»[1]).

Тогда меняются производственные отношения, внутри новых отношений в дальнейшем развиваются производительные силы, и с изменением способа производства меняются и законы развития и территориального размещения последних[2]).

ственную потребительную стоимость" (стр. 15) (цитата из „Капитала", И. А.). Благодаря этому потребительная стоимость—как потребительная стоимость „товара" — сама обладает исторически — специфическим характером". К. Маркс.—О книге Адольфа Вагнера, „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса", книга 5-я, стр. 394—395.

[1]) К. Маркс, „К критике политической экономии". ПТГ 1922 год. стр. 32.

[2]) Некоторые эконом. географы, напр. Р. М. Кабо (см. его выступление по докладу Н. Н. Баранского о географическом разделении труда на Всероссийском совещании географов в Москве весной 1929 г.), считают, что предметом изучения экономической географии являются производительные силы, а предметом изучения политической экономии-производственные отношения. Такое противопоставление экономической географии политической экономии, отрыв производственных отношений от производительных сил ведут к механистическому построению экономической географии и к идеализму в политической экономии. Этот подход является не марксистским, он коренным образом противоречит марксистскому построению экономических наук. Все это с полной очевидностью было выяснено в связи с последней дискуссией в политической экономии.

Перейдем к более подробному экономико-географическому анализу двоякого характера, заключающегося в товарах, труда (конкретного, полезного труда и абстрактного труда).

Конкретный, полезный труд присущ всем формам общественной жизни, без него не могла бы существовать сама человеческая жизнь, т. к. благодаря полезному труду совершается обмен веществ между человеком и природой [1]). Продукт, результат полезного труда, потребительная стоимость представляет соединение природного материала и конкретного труда [2]). Отсюда тесная связь между природными условиями и полезным трудом: географическое разнообразие природных условий ведет к географическому размещению полезного труда, разнообразие природных условий составляет естественную основу географического разделения труда [3]).

Изменения в производительной силе полезного труда прямо отражаются на количестве производимого им продукта, иными словами, количество произведенных продуктов изменяется прямо пропорционально изменению производительной силы полезного труда [4]). Изменение производительной силы труда зависит от изменения ряда обстоятельств, сочетанием которых эта производительность определяется. Главнейшие из них следующие: 1) средняя степень искусства рабочего (уровень развития трудовых навыков, интенсивность труда), 2) уровень развития науки и ее технических применений (применение технических усовершенствований в производственном процессе), 3) размер и дееспособность средств производства (уровень развития материальных производительных сил,— орудий труда и предмета труда), 4) общественная организация производственного процесса (развитие разделения труда, транспорта, рынка, денежной системы, кредита и т. д.) и 5) природные условия (разнообразие природных условий, оказывающее влияние на разнообразие материальных производительных сил и трудовых навыков) [5]).

Выгодное сочетание природных условий в данной местности для выполнения определенного вида полезной работы способствует увеличению производительной силы этого вида труда, способствует большему сосредоточению, локализации последнего в данной местности, если только абстрагироваться от других условий, в том числе и от общественно-исторических. Например, большие запасы хорошего каче-

---

[1]) Капитал, т. I стр. 7.
[2]) Там же.
[3]) Там же стр. 399.
[4]) Там же, стр. 10.
[5]) См. Капитал, т. I. стр. 5.

ства и удобно расположенного каменного угля будут больше способствовать развитию угольной промышленности, чем бедные запасы, плохого по качеству и не удобно расположенного угля, если предположить, что другие условия производственной деятельности в этих районах одинаковы.

Влияние природных условий на полезный труд и действие последнего на естественную среду осуществляется через материальные производительные силы. Кроме того, влияние природных условий сказывается также на производительной силе труда через природу самого человека [1]). Одинаковые природные условия в двух местах оказывают различные влияния на хозяйственную деятельность человека, если уровень развития материальных производительных сил и трудовых навыков там различны. Точно также, при различном уровне производительных сил в разных районах общество использовывает различные природные условия и в различном направлении [2]).

Влияние природных условий на хозяйственную деятельность должно быть рассмотрено в экономической географии в связи с анализом географического разделения труда, и в первую очередь, в связи с рассмотрением производительных сил.

При рассмотрении полезного труда мы абстрагировались от той общественной формы, внутри которой и посредством которой происходит присвоение природных благ человеком, происходит обмен веществ между ним и природой, производится полезная работа [3]). Такой метод был приемлем в начале анализа, т. к. полезный труд «является независимым от всяких общественных форм условием существования

---

[1]) „Сам человек рассматриваемый просто, как бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть вещественное проявление этой силы". (Маркс).

„Если мы отвлечемся то большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п., и к окружающей человека природе". Капитал. I, 398.

[2]) „Внешние природные условия экономически распадаются на два большие класса: естественное богатство средствами существования, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п. и естественное богатство средствами труда, каковы действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. д. На низших ступенях культуры первый род, на высших второй род естественного богатства имеет решающее значение. Сравните например, Англию с Индией, или в античном мире Афины и Коринф с прибрежными странами Черного моря". Капитал. I, 398.

[3]) „Всякое производство есть присвоение индивидуумом благ природы внутри определенной общественной формы и посредством ее". К. Маркс. „Введение к критике политической экономии", статья в книге „К критике полит. экономии" ПТГ. 1922 г. стр. 11.

людей, вечной естественной необходимостью»[1]). Дальнейший же анализ, анализ конкретной действительности должен вестись в пределах определенных общественных форм, без этого мы не сумеем понять действительной картины географического разделения труда и законов этого разделения на различных этапах развития общества[2]). Достаточно для примера бегло посмотреть на современную картину географического разделения труда. Если мы абстрагируемся от социально-экономических условий, внутри которых и посредством которых происходит это разделение, то перед нами будет только взаимодействие между природной средой и полезным трудом человека и мы не сумеем объяснить то положение, что районы с одинаковыми природными условиями имеют иногда различные производства, районы с природными условиями благоприятствующими для данного производства уступают во многих случаях первенство районам с менее благоприятными условиями и т. д.

Выше при анализе полезного труда мы уже ввели один усложняющий момент, а именно, различие в уровне развития производительных сил[3]). Но одного этого момента недостаточно для отличия отдельных экономических формаций друг от друга; необходимо рассмотреть те производственные отношения, которые возникают на основе развития производительных сил, необходимо рассмотреть особый характер и способ соединения рабочей силы с средствами производства[4]). «Только та форма, в которой... прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например, общество рабства от общества наемного труда»[5]).

Мы начали изучение географического разделения труда в условиях общества товаропроизводителей.

---

[1]) К. Маркс. „Капитал", I, 7.

[2]) „Имеются определения, общие всем ступеням производства, которые, как общие, фиксируются мышлением; но все так называемые общие условия всякого производства есть ни что иное, как абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной, исторической ступени производства". К. Маркс. „Введение к критике политической экономии". Стр. 11.

[3]) „Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем как производится, какими средствами труда".Капитал, 1, 121.

[4]) „Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения один от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот, особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры". Капитал. т. II, стр. 10.

[5]) Капитал, т. I, стр. 151.

Труд данного товаропроизводителя, вовлеченного в систему географического разделения труда, является односторонним, тогда как потребности его разносторонни и могут быть удовлетворены трудом других товаропроизвотелей, находящихся в других местах. Поэтому продукт нашего товаропроизводителя представляет для него лишь меновую стоимость, представляя потребительную стоимость для владельцев денег, что возможно только в том случае, если труд нашего товаропроизводителя затрачен в общественно полезной форме, т. е. является в данном случае действительным звеном в системе географического разделения труда [1]). Но сам по себе тот факт, что труд нашего товаропроизводителя затрачен в общественно полезной форме, не гарантирует, что именно его продукт будет иметь потребительную стоимость, так как общественная потребность может быть удовлетворена его конкурентами, другими товаропроизводителями аналогичного же продукта. Такое явление происходит потому, что в неорганизованном обществе, обществе товаропроизводителей, система географического разделения труда создается за спиной товаропроизводителей, и наш товаропроизводитель узнает свою участь только на рынке, в процессе обмена. Он может завоевать себе место на данном рынке, если он сумеет продать свой товар по более низкой цене, чем его конкуренты. Если рынок сбыта находится на известном расстоянии от места производства данного товара, а при анализе географического разделения труда мы и должны исходить из этого положения, то при простом товарном хозяйстве наш товаропроизводитель может продавать свои товары по более низкой цене, чем его конкуренты, при условии меньшей стоимости его товара, или более дешевого провоза последнего с места производства до места сбыта, или в том случае, если одновременно производство товара и его провоз стоят меньше.

Отсюда и выводится формула закона географического разделения труда в период простого товарного хозяйства, а именно: Ц>И+Ф, где Ц—цена данного товара на месте сбыта, И—стоимость товара на месте производства и Ф—стоимость перевозки с места производства до места сбыта [2]).

Дальнейшее усложнение закона географического разделения труда мы имеем при капиталистическом способе производства. При анализе географического разделения труда при простом товарном хозяйстве мы не могли ограничиться

[1]) Капитал, 1, 59.

[2]) Экономико-географический сборник. Издание Свердловского Университета, 1929 г. Статья Илиаса Алкина „О некоторых методологических проблемах в экономической географии", стр. 55—56.

анализом только конкретного, полезного труда, а должны были рассматривать абстрактный, всеобщий труд, и самое разделение труда объяснять, как результат количественного различия в стоимости однородных товаров в разных местах и на их перевозку. При капиталистическом же способе производства мы должны исходить из того, что стоимость товаров превращается в цену производства и что капиталиста при производстве товаров интересует получение большей прибыли на затраченный капитал. Высота нормы прибыли в разных районах и будет регулировать размещение и перераспределение капитала по территории[1]). Исходя из этого положения, мы и должны вывести закон географического разделения труда при капиталистическом способе производства.

Данный капиталист может завоевать место на данном рынке и тем принять участие в системе географического разделения труда в том случае, если он сумеет продать свои товары по более низкой цене, чем его конкуренты, и при этом получить среднюю или добавочную прибыль[2]). Капиталист будет получать тем большую прибыль, чем меньше издержки производства и транспорта, чем выше норма эксплоатации, чем ниже земельная рента и процент на ссудный капитал, которые капиталисту приходится отдавать землевладельцу и владельцу ссудного капитала.

Пока мы рассматриваем классический капитализм и поэтому абстрагируемся от возможности установления монопольных цен капиталистическими об'единениями.

Отсюда и выводится формула закона географического разделения труда при капиталистическом способе производства: Ц>(И+Кр')+Ф, где Ц—цена на рынке сбыта, И—издержки производства данного товара на месте производства, К—авансированный капитал, р'—средняя норма прибыли, Кр'—средняя прибыль и Ф—фрахт.

К. Маркс в своих критических замечаниях о книге Адольфа Вагнера (см. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» кн. 5-я, 1930 г.) в связи с рассмотрением чистого дохода и оплаты фрахтов иностранному судоходству приводит аналогичную формулу. Так он пишет: «Дело не так просто: Цена производства (внутренняя)+фрахт=продажной цене. Если страна вывозит свои собственные товары на собственных судах, то заграница оплачивает фрахтовые издержки; если существующая здесь рыночная цена и т. д.» (Архив, стр. 408). Знак равенства (=) в формуле К. Маркса и

---

[1]) Капитал, т. III, ч. I, стр. 144.
[2]) Капитал, т. III, ч. 1, стр. 173, 286—287.

знак неравенства (>) в нашей формуле выражают одно и то же явление, а именно: в процессе географического разделения труда продажная цена и сумма цены производства и фрахта данного товара стремится к равенству, но это равенство не носит абсолютного характера, оно все время нарушается, уничтожается, создавая неравенство [Ц>(И+ +Кр[1])+Ф], создавая движение географического разделения труда; знак неравенства (>) также заключает в себе свою противоположность—равенство, т. к. стремится к ней, но движение географического разделения труда в целом все время уничтожает это равенство. Поэтому мы считаем, что в формуле можно поставить или знак равенства, или неравенства, т. к. и в том и в другом случае мы выражаем одну только сторону диалектики движения, движения в его противоположности. «Для диалектической точки зрения эта возможность выразить движение в его противоположности, в покое, не представляет вовсе никаких трудностей. Для нее вся эта противоположность носит, как мы видели, относительный характер; не существует абсолютного покоя, безусловного равновесия. Отдельные движения стремятся к равновесию, но движенийе в целом снова уничтожает это равновесие. Таким образом, покой и равновесие представляют там, где они имеют место, результат ограниченного движения; само собою разумеется, что это движение можно измерить по его результату, выразить через его посредство и снова получить из него в той или иной форме»[1]). «Вообще при капиталистическом производстве всякий общий закон осуществляется лишь как господствующая тенденция, весьма запутанным и приблизительным образом, как некоторая средняя постоянных колебаний, которая никогда не может быть точно установлена»[2]). К. Маркс в своей формуле показывает эту «некоторую среднюю», а мы—направление того «постоянного колебания», когда совершается процесс географического разделения труда.

В этом законе отражается заключающееся в географическом разделении труда противоречие. Развитие географического разделения труда происходит в противоречиях. С одной стороны, мы имеем стремление к рассеиванию производственных процессов с тем, чтобы использовать все наиболее лучшие места для производства с наименьшими издержками производства, и где есть возможность усилить норму эксплоатации и т. д., с другой стороны, стремление к соединению в одном месте всех этапов производства, чтобы

[1]) Энгельс.—Анти-Дюринг, стр. 55—66.
[2]) К. Маркс. — Капитал, т. III. ч. 1, стр. 115.

уменьшить издержки по перевозке. Это противоречие находит свое выражение в капиталистическом обществе в выборе такого места, где получается наибольшая прибыль для капиталиста. Два члена формулы—И и Ф—и выражают это противоречие в законе географического разделения труда.

Противоречие, заключенное в географическом разделении труда, получает свое выражение в экономическом районе. В экономическом районе это противоречие получает и частичное разрешение, частичное потому, что оно воспроизводит противоречие на новой основе (проблема межрайонных связей) и на более высокой ступени.

Произведенный выше анализ географического разделения труда и установленный закон этого разделения должны быть применяемы к перераспределению капитала по территории не только внутри одной отрасли хозяйства. Перераспределение капитала по территории и между различными отраслями хозяйства также подчиняются этому закону, т. к. высота нормы прибыли регулирует распределение капитала между отдельными отраслями хозяйства.

Капиталистическому способу производства присуще своеобразная форма развития и воспроизводства—неравномерность развития отдельных отраслей хозяйства и неравномерность развития отдельных стран и районов. Действие закона географического разделения труда проявляется именно через эту своеобразную форму развития капитализма. Географическое разделение труда, основа территориального воспроизводства экономических явлений, совершается путем борьбы, борьбы за рынки сбыта, за рынки сырья, за рынки рабочей силы, за вложения капитала, путем эксплоатации отсталых, колониальных и полуколониальных стран, путем превращения их в тот или иной придаток к империалистическим странам и т. д. Поэтому совершенно неверно рассматривать географическое разделение труда как гармонический процесс, основанный на эквивалентном обмене, на мирной торговле и противопоставлять географическому разделению труда эксплоатацию и т. д. (См. об этом подробнее ниже, стр. 50—56).

Развитие капитализма происходит в целом ряде противоречий. Основным противоречием этой хозяйственной системы является противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения [1]), которое вызывает кризисы, вызывает «перепроизводство, производство товаров, которые не могут быть реализованы, не могут найти спроса» [2]). Кризисы становятся неизбежными и периодиче-

[1]) В. И. Ленин—Сочинения, т. II, изд. 1930, стр. 37.
[2]) Там-же, стр. 38.

скими пока существует капиталистическое производство. Кризисы нарушают процесс производства и воспроизводства хозяйства. «Торговля останавливается, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит уничтожается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются всяких средств к существованию именно по той причине, что они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротством, аукцион сменяется аукционом. Застой длится целые годы, массы производительных сил и продуктов уничтожаются и расточаются, пока накопившиеся товары не разойдутся, наконец, по более или менее пониженной цене и не возобновится движение производства и обмена»[1]). Все это отражается и на воспроизводстве хозяйства по территории. При этом в связи с неравномерностью развития капитализма втягивание отдельных стран и отдельных отраслей хозяйства и развитие в них кризиса происходит не одновременно и не одинаково (см. например, современный мировой экономический кризис, доклад Мануильского на расширенном Президиуме Исполкома Коминтерна в 1930 г.). Нарушаются хозяйственные связи между отдельными районами и странами, усиливаются противоречия капиталистического развития, меняется географическое разделение труда внутри отдельных стран и во всем мире.

Экономическая же география до сего времени не уделяет должного внимания изучению как географии самих кризисов, так и влияния кризисов на географическое разделение труда и вообще на территориальное воспроизводство экономических явлений. Вместе с тем эта проблема очень важна и анализ ее необходим, чтобы понять динамику географии капиталистического хозяйства»[2]).

---

[1]) Энгельс — „Анти-Дюринг", стр. 260.

[2]) Очень характерным для отношения эконом. географов к анализу влияния кризисов на размещение хозяйственных явлений, в частности на географию промышленности, является работа М. Б. Вольфа — „Географическое размещение русской промышленности", ГИЗ, 1927 г. Он вынужден отметить влияние кризисов на перемещение отдельных отраслей промышленности, но при этом ограничивается только следующими соображениями: „Не считая эвакуации в условиях войны, можно указать на редкие примеры переноса предприятия из одной страны в другую при условии тяжелого экономического кризиса в одной стране, наличии сравнительно благоприятной кон'юнктуры в другой (положение, возможное как временное при ненормальном состоянии денежного обращения и других редких случаях)... Однако, такие переносы вызываются обычно не столько ухудшением условий транспортной ориентации, сколько условиями иного порядка, притом большей частью не очень длительными (кризисы, кон'юнктура рынка и т. п.)" (стр. 12). М. Б. Вольф предпочитает искать более постоянных факторов размещения (транспортная ориентация в духе А. Ве-

Неравномерность развития капитализма еще более усиливается в период империализма, который «возник на основе важнейших законов капитализма», который «вырос из развития промышленного капитализма, как его историческое продолжение», и «обострил проявление всех основных тенденций и законов движения капитализма, всех его основных противоречий и антагонизмов»[1]). Поэтому в географическом разделении труда в этот период еще сильнее проявляются противоречия капиталистического способа производства и эксплоатации одних стран другими.

На известной стадии своего развития капитализм превращается в империализм—в последнюю стадию своего развития. «Империализм вырос, как прямое развитие и продолжение свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции монополиями»[2]).

В связи с такой сменой может возникнуть вопрос: пригоден ли для империализма тот закон географического разделения труда, который был нами установлен для капитализма, основанного на свободной конкуренции? Тогда при анализе мы абстрагировались от установления монопольных цен на товары, а в период монополистического капитализма мы видим, что картели устанавливают высокие монопольные цены, разумеется, до определенных только пределов[3]). Отсюда может возникнуть мысль о непригодности этого закона географического разделения труда для последней стадии капитализма—империализма. Нам кажется, что это не так.

Этот закон указывает, на то, что географическое разделение труда определяется высотой нормы прибыли. Если монополистические объединения могут достигнуть этого положения повышением цены, при неизменных издержках производства, то тем самым остается в силе тот же самый закон географического разделения труда и для империалистической

бера), а кризисы, характернейшие явления капиталистического хозяйства являются для него не длительными, а редкими случаями и поэтому не заслуживающими его внимания.

[1]) Программа Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет VI-го конгресса Коминтерна, выпуск 6-й, Гиз, 1929 г., стр. 11.

[2]) Ленин. Сочинения, т. XIII, стр. 304—305.

[3]) Это повышение ограничивается конкуренцей и оно не должно, сокращая потребление, снижать прибыль монополистических об'единений.

стадии развития капитализма. Тем более, что монополии не уничтожают конкуренции ни внутри страны, ни на мировом рынке[1]), эта конкуренция принимает более грандиозные размеры и идет с одной стороны, между немонополистическими элементами и монополиями и с другой стороны, между монополистическими организациями[2]) и «стихийные условия ценообразования в капиталистических условиях в конечном счете оказываются сильнее воздействия рационального фактора»[3]).

---

[1]) Энгельс еще в своем раннем произведении «Очерки критики политической экономии» дает следующую характеристику диалектической связи и взаимной обусловленности между конкуренцией и монополией: «Всякая небольшая кучка конкурентов должна хотеть монополии для себя против всех других. Конкуренция покоится на интересе, а интерес снова создает монополию; коротко говоря, конкуренция переходит в монополию» Маркс и Энгельс. Сочинения, т. II, Гиз 1923 г. стр. 328. «Монополия порождает свободную конкуренцию, а последняя в свою очередь—монополию; поэтому обе они должны пасть,—с устранением порождающего их принципа будут устранены и сами затруднения». Там же стр. 340.

[2]) „При монополистическом капитализме следует различать два вида конкуренции: конкуренцию между немонополистическими элементами и монополиями и конкуренцию между монополистическими организациями. К первому виду конкуренции относятся конкуренции мелких товаропроизводителей города и деревни и аутсайдеров с монополиями. Конкуренция не устраняется даже в том случае, если мы предположим, что образование монополий в пределах государственных границ завершилось.

„Второй вид конкуренции: внутри монополий и между ними имеются следующие формы конкуренции: А) В тех случаях, когда внутри монополий еще не уничтожена самостоятельность отдельных предприятий в деле распределения прибыли, происходит борьба внутри картеля. Вследствие, противоречивости интересов буржуазии различных стран в международном масштабе почти никогда не достигается полное слияние предприятий, объединяемых международным картелем; поэтому данная форма конкуренции имеет огромное значение. Б) Конкуренция продолжает существовать и в тех случаях, когда образование монополий уже достигло степени полнейшего слияния поглощенных ею предприятий. Возникают новые формы конкуренции: 1) даже при полной монополии в каждой отдельной отрасли продолжает существовать конкуренция между производителями различных товаров, могущих служить одной и той же цели и удовлетворять одну и ту же потребность; 2) продолжает существовать конкуренция имеющая целью завоевание покупателей, ибо производство перегоняет покупательную способность рынка; 3) монополистические организации сами создают конкурирующие предприятия, с целью избавиться от зависимости других монополий . . . 4) даже в том случае, если предположить, что внутри отдельных стран, благодаря образованию монополий, конкуренция приняла вышеуказанные формы, то на мировом рынке она еще продолжает существовать в форме искусственного понижения цен национальными монополиями“. Из доклада Варги в Институте мирового хозяйства и Мировой Политики Коммунистической Академии „Об основных проблемах организованного капитализма“. „Проблемы экономики“, 1929 г. № 9, стр. 108—109.

[3]) «Мировое х-во на рубеже 1929 г.» Под ред. Эвентова, Фельдмана и Мендельсона. Изд. „Плановое х-во“, 1929 г., стр. 9.

Но это не значит, что в период империализма нет своеобразий в проявлении закона географического разделения труда. Эти своеобразия определяются особенностями данной стадии развития капитализма—империализмом, этого последнего этапа капитализма (см. об этом ниже, стр. 37—44 и др.).

Разделение труда предполагает хозяйственные связи. Без таких связей между отдельными хозяйствами, размещенными в разных местах, не может быть географического разделения труда. Каждая стадия географического разделения труда имеет определенные формы хозяйственных связей, начиная с самых примитивных форм обмена до современных сложных форм обмена, до вывоза капитала, миграции рабочей силы и своеобразных колониальных форм связи.

Обмен товарами первоначально возникает между отдельными общинами, в пунктах их соприкосновения друг с другом [1]).

Первоначально обмениваются только излишками, самый обмен и количественные меновые отношения носят совершенно случайный характер [2]). Здесь мы имеем проявление простой (единичной или случайной) формы стоимости [3]). В этот период обмен носит характер местного обмена, сильно ограниченного пространственными и временными рамками, так как натуральный обмен при простой форме стоимости предполагает пространственное и временное единство акта купли и продажи (тождество между отчуждением своего продукта и получением чужого — обмен T_1 на T_2).

С течением времени часть продуктов начинает производиться специально для обмена. Простая случайная форма стоимости заменяется развернутой формой [4]).

Развернутая форма расширяет пространственные границы обмена и дает возможность разъединить отдельные фазы обмена (T_1—T_3 и T_3—T_2) и во времени. Но только дальнейший процесс развития формы обмена, появление денежной формы [5]), выполнение деньгами функции средства обращения окончательно разрывает временные и пространственные границы обмена [6]) и тем способствует большему развитию географического разделения труда, т. к. дает возмож-

---

[1]) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 44.

[2]) Капитал, т. I, стр. 44.

[3]) „На практике эта форма (простая, И. А.) встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь в исключительных случайных актах обмена". Капитал, т. I, стр. 26.

[4]) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 25.

[5]) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 43—44.

[6]) Там же стр. 64.

ность в систему общественного разделения труда включить более отдаленные районы. Но вместе с тем, надо помнить, что именно само развитие географического разделения труда делает необходимым превращение продукта в товар и товара в деньги [1]), а развитие денежной системы обмена в свою очередь открывает дальнейшие возможности развития географического разделения труда.

Превращение денег в платежное средство способствует развитию кредитной торговли, последняя же дает возможность еще более расширить рамки географического разделения труда, так как самые акты купли и продажи превращаются в два совершенно самостоятельные акта во времени и что в свою очередь способствует и пространственному их отделению. Нарушение денежной системы отражается на хозяйственных связях и на географическом разделении труда (например, инфляция).

Простое товарное и денежное обращение является условием существования торгового капитала. Торговый капитал может возникнуть при всяких способах производства [2]).

Торговля и торговый капитал старше капиталистического способа производства и торговый капитал представляет древнейшую свободную форму существования капитала [3]). Торговый капитал сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимости, и в сфере обращения, обслуживающей процесс воспроизводства, в сфере торгового капитала впервые образуется общая норма прибыли [4]).

Развитие торговли и торгового (товарного) капитала ведет к развитию производства товаров, увеличивает размеры такого производства, делает его более разнообразным, создает мировой рынок, превращает деньги в мировые деньги [5]) и таким образом способствует быстрому развитию географического разделения труда.

Товарный капитал превращается в товарно-торговый капитал (в купеческий капитал), т. е. начинает выполнять специальную функцию капитала, находящегося в процессе обращения и вообще обособляется, как особая функция особого капитала, иными словами, товарный капитал становится товарно-торговым или коммерческим капиталом.

Товарно-торговый, купеческий капитал также продолжает оказывать влияние на развитие географического разделения

---

1) Там же стр. 60.
2) К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I, стр. 250.
3) К. Маркс. Капитал. т. III, ч. I, стр. 220.
4) Там же.
5) Капитал, т. III, ч. I, 235—56.

труда, но это влияние теперь сказывается косвенно, через производство, через промышленный капитал.

Система кредита уменьшает денежную часть купеческого капитала по сравнению с размерами сделок, благодаря чему увеличивает скорость обращения всего капитала (круговорот капитала) и способствуют также географическому разделению труда[1]).

Расширение рамок географического разделения труда теперь испытывает на себе влияние купеческого капитала через развитие промышленного капитала, и это расширение принимает грандиозные размеры, охватывает весь мир.

Развитие торговли шло путем борьбы и резкой конкуренции[2]). Достаточно вспомнить период первоначального накопления, когда торговля с восточными странами давала прибыли в 400 и более процентов, а иногда и до 2000%, когда торговля рабами создавала экономическую мощь некоторых капиталистических стран, когда трудно было сказать, где кончается торговля и начинается грабеж. В дальнейшем торговля превращается в законный обмен[3]). Вынужденные торговые договора, коммерческие войны, таможенные преграды были непосредственными спутниками торговли. Если в начале таможенные тарифы имели своею целью защиту местного рынка от конкуренции капиталистов других стран, то теперь в эпоху империализма, таможенный тариф это, главным образом, карательный тариф. «Его цель доставить капиталистам данной экономической области возможность соединиться в картель. Это значит, что задачей его является уже не охрана местной индустрии от иностранной конкуренции, а содействие экспорту, борьба за мировой рынок»[4]). Отсюда развитие бросового экспорта, демпинга. С изменением функций таможенного тарифа меняется и влияние последнего на развитие географического разделения труда. В начале (период охранительных пошлин) эти тарифы тормозят развитие географического разделения труда между странами, усиливая разделение труда внутри страны, в дальнейшем (карательные тарифы) они ведут к усилению международного разделения труда, к обострению борьбы за мировые рынки. Высокие пошлины на товары преодолеваются капиталистами ввозом капитала. В период империализма усиливается также неэкви-

---

[1]) К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I., стр. 212—213.

[2]) „И торговле были знакомы свои крестовые походы и инквизиции". Энгельс — Очерки критики политической экономии. Маркс и Энгельс. Собр. сочин., т. II, Гиз, 1923 г., стр. 312.

[3]) Там-же, стр. 316 и 317.

[4]) Отто Бауэр—Национальный вопрос и социал—демократия. СПВ, 1909 г., стр. 484.

валентный обмен между странами, между империалистическими, колониальными и полуколониальными странами. На этом обмене основана одна из форм эксплоатации метрополиями колониальных стран [1]).

Таким образом, различным стадиям развития географического разделения труда соответствуют различные формы обмена. Формы обмена в свою очередь оказывают влияние на географическое разделение труда, то задерживая его развитие, то ускоряя и расширяя.

В эпоху новейшего и последнего этапа капитализма, с господством монополий, типичным является не вывоз товаров, а вывоз капитала. Таким образом, вместо простейшей формы хозяйственных связей—обмена—преобладающей формой становится вывоз капитала. Это не значит, что сокращается товарообмен. Последний принимает иной облик: теперь вывозят в значительной мере предметы производительного потребления. «Вывоз капиталов за границу становится средством поощрять вывоз товаров заграницу». (Ленин). [1]).

Вывоз товаров подчиняются новой форме хозяйственных связей—вывозу капиталов.

Вывоз капитала существовал и до монополистического капитализма, но он тогда носил иной характер и не являлся основной формой хозяйственных связей. Вывоз капитала в период империализма резко меняет хозяйственные отношения между отдельными странами.

Хозяйственные связи принимают специфические черты—наряду с производственными отношениями на почве обмена между странами, возникают отношения эксплоатации капиталистами вывозящих стран пролетариев стран ввозящих капитал. Капиталистический режим принимает интернациональный характер. Эксплоатации монополистическими организациями метрополий подвергаются в колониях и полуколониях основная масса крестьянства, которые втягиваются этим путем в систему мирового хозяйства.

---

[1]) См. Капитал, т. III, ч. 1, стр. 178—179.

[2]) Так с 1901/2 по 1905/6 г. в Лондоне было выпущено бумаг индейской ж. д. компанией на сумму в 7.986.800 ф. ст., за это время было построено компанией 1.019 миль ж. д. линий и было ввезено в Индию для компании жел.-дор. материалов и подвижного состава на 5.059.027 ф. ст., из них из Соединенного королевства—4.608.845 ф. ст.; или другой пример; лондонские выпуски бумаг Южно-африканских копий с 1906 по 1910 г. равнялась сумме в 9.459.900 ф. ст. и за это время было ввезено горнопромышленного оборудования в Южную Африку на сумму в 4.526.872 ф. ст., из коих на Соединенное королевство приходилось 3.251.706 ф. ст. Из книги Гобсона „Экспорт капитала", М. 1928 г. стр. 49, 52.

Вывоз капитала оказывает сильное влияние на развитие географического разделения труда внутри страны вывозящей и страны ввозящей, а также и на развитие международного разделения труда. В первых странах, в связи с отливом оттуда капитала, происходит временная задержка в развитии производства, прилив же капитала во вторые страны, отсталые, чрезвычайно усиливает там капиталистический способ производства и тем расширяет рамки последнего во всем мире [1]). Возникающие в странах, ввозящих капитал, отрасли хозяйства не развиваются постепенно от первоначальных зачатков к современному способу производства, а происходит быстрый рост нового способа производства. «В настоящее время и капитализм импортируется в новую страну каждый раз на уже достигнутой или совершенной стадии и поэтому развивает свое революционизирующее действие с несравненно большей мощью, в несравненно кратчайшее время, чем потребовалось, например, для капиталистического развития Голландии и Англии» [2]).

Развитие капитализма в молодых странах значительно ускоряется примером и помощью старых стран [3]).

Надо отметить, что значительная часть прибавочной стоимости, которая создается в стране ввозившей капитал, уходит в страну, откуда прибыл капитал. Этот момент имеет некоторую тенденцию задержать проявление тех последствий вывоза капитала, о которых мы уже говорили.

Последствия вывоза капитала для стран ввозящих различны в зависимости от хозяйственной мощи этих стран (напр., последствия ввоза капитала в С. А. С. Штаты и в Россию), в зависимости от роли страны в системе империализма: империалистические державы первого ранга и империалистические державы второго ранга (напр., последствия ввоза капитала в С. А. С. Штаты и в Бельгию), полуколонии и колонии (напр., последствия ввоза капитала в Персию, в Индию, в Китай и т. д.). Особенно надо отметить различия в последствиях от ввоза капитала в колониальные и полуколониальные страны в сравнении с другими странами.

Ввоз капитала оказывает также и локализирующее влияние на некоторые отрасли хозяйства, т. к. этот капитал дает

---

[1]) „Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире". Ленин. т. XIII, стр. 286.

[2]) Гильфердинг. „Финансовый капитал" ПТГ, 1918 г. стр. 474.

[3]) Ленин. т. III. изд. I, стр. 397.

возможность использовать новые районы для развития той или иной отрасли производства (например, возникновение и развитие Южной горной и металлургической промышленности в России), и тем влияет на дальнейшее развитие географического разделения труда.

Империализм, когда еще более усиливается и обостряется неравномерность экономического и политического развития [1]), толкает капиталистические объединения к завоеванию новых рынков сырья, сбыта и вложения капиталов. «Интересы вывоза капитала равным образом толкают к завоеванию колоний, ибо на колониальном рынке легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устранить конкурента, обеспечить себе поставку, закрепить существующие «связи» и пр.» [2]). Колонии существовали и до империализма, но теперь их роль и взаимоотношения с метрополией меняется. Колонии превращаются в сельско-хозяйственный и сырьевой придаток к метрополии [3]). Самый ввоз капитала и другие хозяйственные связи принимают между метрополией и колонией иные отношения, чем между капиталистическими, империалистическими странами. Капитал в колониях вкладывается в транспорт, в горную промышленность, в промышленность по первоначальной переработке сельско-хозяйственного сырья и т. д., т. е. в такие отрасли,

---

[1]) „Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Эта неравномерность еще более усиливается и обостряется в эпоху империализма" (Программа К. И. стр. 45).

„При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени нарушаемого равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике" (Ленин, т. XIII, стр. 132).

„При свойственной капитализму неравномерности развития, одна отрасль производства перегоняет другие и стремится выйти за пределы старого района хозяйственных отношений" (Ленин, т. III, стр. 482). „Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста различных частей всемирного хозяйства" (Ленин, т. XIII, стр. 312).

[2]) Ленин, т. XIII, стр. 302. „Вне-экономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология, усиливают стремление к колониальным завоеваниям" Ленин, т. XIII. стр. 302.

[3]) „Но что такое колония в политико-экономическом смысле? Было уже указано, что по Марксу основные признаки этого понятия следующие: 1) наличность незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам, 2) наличность сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия, которые при других обстоятельствах им пришлось бы изготовлять самим» (Ленин, т. III, стр. 483).

которые способствуют разложению натурального хозяйства в колонии, расширению там рынка для метрополии и приводят продукты в транспортабельное состояние. Развитие этих отраслей хозяйства становится орудием угнетения миллионов, сотен миллионов людей колоний и полуколоний. Развитие колоний принимает одностороннее направление. Развитие производительных сил в колониях задерживается. Неравномерность развития капитализма еще более усиливается и обостряется. Устанавливаются своеобразные производственные отношения между метрополией и колониями. Территориально отделяются районы выколачивания прибавочной стоимости (рабочие колоний) от районов ее присвоения (капиталисты метрополий).

Усилившаяся неравномерность в развитии отдельных отраслей и стран в современной стадии развития капитализма усиливает борьбу между отдельными монополиями и между отдельными странами. Возникают новые отрасли хозяйства, которые борятся за новые рынки сбыта, за рынки рабочей силы, за рынки вложения капитала. Монополитические об'единения в этих новых отраслях вступают в ожесточенную борьбу со старыми монополиями. Каждая из них стремится захватить новые районы для монопольной эксплоатации. И характерно, что «не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр.), если будут произведены большие затраты капитала. То же относятся к разведкам относительно минеральных богатств, и новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и пр., и т. п. Отсюда неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще» [1]). Но мир уже поделен между империалистическими державами. В дальнейшем может быть только передел этого мира. И этот передел становится неизбежным с усилением неравномерности развития капитализма [2]). «В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, ра-

---

[1]) Ленин, т. III, стр. 301—302.

[2]) „. . . . характерной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел мира, окончательный не в том смысле, чтобы невозможен был передел,—напротив, переделы возможны и неизбежны,—а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран закончила захват незанятых земель на нашей планете". Ленин, т. III, стр. 295.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

стет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)»[1]). Эти страны не хотят добровольно уступать своего места в системе империализма, несмотря на изменения соотношения сил. Устранить несоответствие между развитием производительных сил и накоплением капитала, с одной стороны, и разделением колоний и «сфер влияния», с другой, возможно при капитализме только войной[2]). Война выступает как средство распределения и перераспределения производительных сил и нового передела мира. Таким образом, война является на данной стадии развития капитализма необходимым «методом» географического размещения экономических явлений.

«Империализм есть монополитическая стадия капитализма». (Ленин). Как и всякая монополия империализма ведет к застою и загниванию. Является экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс не только в отдельных отраслях производства, но и в отдельных районах и в целых странах. Капиталистические монополии сплошь и рядом захватывают отдельные районы не для эксплоатации их богатств, а для того, чтобы не дать возможности эксплоатировать их другим монополиям. Особенно ярко, этот процесс технического застоя и развития производительных сил вообще появляется в колониях, а в момент кризисов и во всех капиталистических странах. В период империализма мы видим прямое уничтожение товаров, производительных сил и борьбу буржуазии с машинами. Эта тенденция к застою и загниванию действует несмотря на быстрый рост капитализма в некоторых отраслях и районах[3]). Вывоз капитала, которым характеризуется геогра-

---

[1]) Ленин, т. III, стр. 333.

[2]) „Финансовый капитал и тресты не ослабевают, а усиливают различия между быстротой роста различных частей всемирного хозяйства. А раз соотношения сил изменилось, то в чем может заключаться при капитализме разрешение противоречия, кроме как в силе“ (Ленин, т. XIII, стр. 312). „Спрашивается, на почве капитализма какое могло быть иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала с другой“. (Там-же стр. 313).

[3]) „Монополия, олигархия, стремление к господству вместо стремлений к свободе, эксплоатации большего числа маленьких или слабых наций небольшою горсткою богатейших или сильнейших наций,—все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Все более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание „государства рантье“, государства ростовщика, буржуазия которого живет вывозом капитала и „стрижкой купонов“. Было бы ошибкой

фическое разделение труда в эпоху империализма, еще более усиливает «полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплоатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний» [1]).

Огромные прибыли, выжатые из дешевей рабочей силы колоний, в большей своей части переносятся в метрополии, что в огромной степени замедляет развитие производительных сил и под'ем хозяйства колониальных стран. Империализм задерживает развитие промышленности в колониях не только прямыми методами запрещения, но, путем разорения и пауперизации миллионных крестьянских масс, разрушает внутренний рынок, чем подрывается сама возможность индустриализации колоний.

«Благодаря вмешательству империализма (налоговое обложение, ввоз промтоваров из метрополии и т. д.,) вовлечение деревни в область денежного и товарного хозяйства сопровождается здесь процессом пауперизации крестьянского хозяйства, уничтожением деревенской кустарной промышленности и т. д., и проходит гораздо более стремительным темпом, чем это было в свое время в передовых капиталистических странах; наоборот, замедленное промышленное развитие поставило здесь тесные границы процессу пролетаризации. Эта огромная диспропорция между быстрым темпом разрушения старых форм хозяйства и медленным развитием новых породила в Китае, Индии, Индонезии, Египте и т. д. необычайную «земельную тесноту» и аграрное перенаселение, взвинчивание земельной ренты и крайнюю раздробленность обрабатываемой крестьянством земли. Наряду с этим, все бремя прежних феодальных и полуфеодальных условий эксплоатации и кабалы, в несколько «модернизированных», но отнюдь, не в более легких формах, попрежнему ложится на плечи крестьянства. Капитализм, охвативший колониальную деревню своей налоговой системой и своим торговым аппаратом и произведший переворот в докапиталистических отношениях (напр., уничтожение деревенской общины), при этом отнюдь не освободил крестьян от ига докапиталистических форм кабалы и эксплоатации, а лишь придал им денежное выражение (барщина и натуральная сдача отчасти заменены денежной арендой, а натуральный налог—денеж-

---

думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций". Ленин, т. III, стр. 333.

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 314.

ным налогом и т. д.), что еще более усилило нужду крестьянства. «На помощь» крестьянам в их бедственном положении пришел ростовщик, который грабит их и в известных условиях (например, в некоторых местностях Индии и Китая) даже создает наследственное, основанное на задолженности, рабством» [1].

Несмотря на то, что сельское хозяйство колоний в значительной своей части вынуждено [2]) работать для экспорта и тем связаться с мировым рынком, докапиталистические формы производства и эксплоатации не уничтожаются, а подчиняются потребностям финансового капитала. Господствующий империализм об'единяется с феодалами и торгово-ростовщической буржуазией колоний против большинства населения. Господствующие слои прежнего социального строя в колониях становятся в руках финансового капитала орудием эксплоатации основной массы туземного населения.

Благодаря колониальной эксплоатации создаются новые отношения между отдельными странами и географическое разделение труда между странами и внутри колоний принимает своеобразные формы колониального разделения труда.

В период финансового капитала основной формой хозяйственных связей является вывоз капитала. Другие формы хозяйственных связей (вывоз товаров, миграция) зависят и приспособляются к этой основной форме.

Миграция рабочей силы становится одной из форм выражения географического разделения труда. К рассмотренным нами выше формам хозяйственной связи (товарообмен и вывоз капитала) мы должны прибавить новую форму—миграцию рабочей силы.

Нельзя переселение населения в докапиталистические этапы отождествлять с современными передвижениями населения

[1]) Стенографический отчет VI-го конгреса Коминтерна, вып. 6-й, Гиз, 1929 г. стр. 131.

[2]) „Поскольку, однако, колониальная эксплоатация предполагает некоторое поощрение развития производства в колонии, это развитие, благодаря империалистической монополии, направляется по такому руслу и поощряется лишь до такой степени, поскольку это соответствует интересам метрополии, и в частности, интересам сохранения ее колониальной монополии. Она может побуждать часть крестьянства, например, к переходу от хлебных посевов к производству хлопка, сахара, каучука (Судан, Куба, Ява, Египет), но это проводится таким путем и такими способами, что это не только не соответствует интересам самостоятельного экономического развития колониальной страны, но наоборот, еще более усиливает зависимость колоний от империалистических метрополий. В целях расширения сырьевой базы мирового империализма создаются новые с.-х. культуры вместо уничтоженных колониальной политикой". Стенографический отчет VI-го конгресса Коминтерна, стр. 129—130.

и на этом основании говорить, что миграция рабочей силы не создает новой формы хозяйственных связей, свойственных капиталистическому способу производства [1]). При рассматривании движения населения по территории мы должны различать различные этапы и виды этого движения. Достаточно для подтверждения посмотреть на «великое переселение народов», на эмиграционные потоки из Европы в первые столетия после открытия Америки и на современные миграционные потоки.

Движение населения мы имеем и в докапиталистических формациях. Но это движение становится необходимой предпосылкой развития хозяйства только в период промышленного и финансового капитала. Это движение первоначально создавало новые районы для той же отрасли хозяйства, которая была и в районах выхода. Например, переселение дунган в Семиречье создало там рисовое хозяйство, переселенцы русские развивали зерновое хозяйство и т. д. В большинстве случаев переселенцы теряли хозяйственную связь с районами своего выхода, географическое разделение труда между этими районами устанавливалось в самых незначительных размерах. В этот же период происходит также горнозаводская эмиграция, главным образом, в районы залежей золота и серебра. Этот вид колонизации способствует развитию географического разделения труда (например, горнозаводская колонизация в южную Америку). Значительно большие изменения в географическом разделении труда происходят в связи с развитием промышленной колонизации и сельскохозяйственной капиталистической колонизации (образование плантаций в Северной и Южной Америке, развитие отдельных отраслей промышленности, миграция рабочей силы—так напр., в Америке в значительной мере необходимая рабочая сила для промышленности черпалась из эмигрантов и т. д.).

Если вначале переселение рабочей силы сопровождалось перенесением и средств производства или в натуре или деньгами (переселение крестьян, ремесленников, фермеров и т. д.), то теперь средства производства и рабочая сила отделены друг от друга. Движению капитала, как одного полюса капиталистических отношений, соответствует движение рабочей силы, как другого полюса этих отношений и направляемые и двигательные силы их движения различны. Если

---

[1]) „Капитализм создал особый вид переселения народов. Быстро развивающиеся в промышленном отношении страны, вводя больше машин, вытесняя отсталые страны с мирового рынка, поднимают заработную плату выше среднего и привлекают наемных рабочих из отсталых стран". Ленин, сочинения, т. XVII, 2-е изд., стр. 40.

мелкая промышленность и мануфактура характеризовались оседлостью населения, то крупная машинная индустрия создает подвижность населения [1]). Капитализм не уничтожает окончательно докапиталистические способы использования и получения рабочей силы. Империализм в колониях применяет все капиталистические методы вербовки рабочей силы—рабство, принудительный труд и т. д. В общем, можно сказать, что миграция рабочей силы расширяет рамки географического разделения труда вширь (освоение новых территорий) и вглубь (концентрация рабочих). «Сотни тысяч рабочих перебрасываются таким образом за сотни и тысячи верст. Передовой капитализм втягивает их насильно в свой круговорот, вырывает их из захолустья, делает их участниками всемирно-исторического движения, ставит их лицом к лицу с могучим, об'единенным международным классом промышленников.

«Нет сомнения, что только крайняя нищета заставляет людей покидать родину, что капиталисты эксплоатируют самым бессовестным образом рабочих-переселенцев» [2]).

Рост капитализма и развитие гографического разделения труда и форм хозяйственных связей идет одновременно с двух сторон, со стороны углубления капиталистических отношений внутри определенной территории (развитие вглубь) и со стороны захвата новых территорий, включения новых районов в сферу господства капитализма (развитие вширь) [3]). Вновь повторяем, что отдельные формы (типы) хозяйственных связей географического разделения труда находятся не рядышком друг с другом и действуют не изолированно, а во взаимной связи, при чем одна из них является наиболее характерной для данной стадии развития.

Отметим некоторые особенности экономико-географического анализа труда. Экономическая география ведет свой

[1]) „Первые две стадии развития промышленности характеризуются оседлостью населения. Крупная машинная индустрия создает ряд новых индустриальных центров, которые с невиданной раньше быстротой возникают иногда в незаселенных местностях—явление которое было бы невозможно без массовых передвижений рабочих". Ленин, т. III, стр. 406-447.

„Если прежде самые условия производства обусловливали прикрепление массы земледельцев к их месту жительства, то образование различных районов торгового и капиталистического земледелия не могло не создать перекочевания громадных масс населения по всей стране." Ленин. Том III, стр. 252.

[2]) Ленин т. XVII, стр. 40.

[3]) „ . . . . . процесс образования рынка капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории,—и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории". Ленин, т. III, стр. 485.

анализ в плоскости количественных различий в затратах труда в разных местах, локализации отдельных видов труда и причин этого, пользуясь уже готовым анализом двоякого характера труда в политической экономии. Поэтому экономической географии приходится продолжать анализ частного, полезного труда в области конкретизации и учета всех факторов ведущих к локализации отдельных видов полезного труда и повышению или понижению производительной силы труда в разных местах. Анализ же абстрактного труда в экономической географии ограничивается анализом величины стоимости и факторов, ведущих к местным различиям этой величины. Но отсюда нельзя делать вывода, что экономическая география главное или исключительное внимание должна уделять анализу конкретного труда. Экономическая география до сего времени главным образом ограничивалась изучением полезного труда, точнее результатов этого труда, потребительных стоимостей вообще [1]), совершенно не касаясь абстрактного характера труда и общественного, специфически-исторического характера потребительной стоимости. Об'яснить это явление легко, так как только Маркс дал впервые анализ двоякого характера труда, а марксистская экономическая география только начинает выкристаллизовываться.

Если мы рассмотрим три основные направления в современной экономической географии в СССР: отраслевое, географическое и районное [2]), то увидим следующую картину.

Отраслевое направление изучает современное состояние отдельных отраслей хозяйства в их географическом распространении [3]). Это направление в экономической географии, как видно по всем трудам его представителей, имеет дело с продуктами, результатами полезного труда, и совершенно игнорирует общественную форму проявления труда. Поэтому вполне понятно, что представители отраслевого направления заполняют свои работы технологией, агрономией, товароведением. В их работах нет экономики, несмотря на то, что они считают экономическую географию частью экономических наук [4]). Работы представителей отраслевого направления

---

[1]) „Господин Робертус, напротив, превращает общественную потребительную стоимость „товара" в „общественную потребительную стоимость" вообще и потому и несет чепуху „Маркс „Архив" кн. 5-я стр. 395.

[2]) О четвертом направлении, буржуазном экономическом направлении остановимся ниже.

[3]) Проф. Ден. „Очерки по экономической географии" ч. I. СПБ. 1908 г., стр. 3—4.

[4]) Проф. Ден. „Курс экономической географии". Изд. 1925 г. стр. 1, 2—3, 3—4.

представляют собою статистику производства и товарообмена, иными словами—статистическое товароведение [1]). Поэтому мы никак не можем согласиться с мнением О. А. Константинова, что современное отраслевое направление у нас является экономическим направлением в экономической географии [2]).

Мы не можем согласиться потому, что современное отраслевое направление в экономической географии является буржуазным направлением, который отношение между людьми заменяет отношением между вещами. Этим мы не хотим сказать, что не может быть экономико-географического изучения отдельных отраслей хозяйства, но это изучение, чтобы быть экономическим, должно строиться на основе марксистской политической экономии.

Географическое направление считает экономическую географию частью общей географии. «География имеет дело не с распространением отдельных вещей, как таковых; она имеет дело с вещественным наполнением пространства» [3]). «Предметом экономической географии является характер хозяйства стран и местностей и всей земли, и не только продукции, но вся хозяйственная жизнь, как явление природы страны (курсив мой, И. А.). Конечно, она не может и не должна углубляться в подробности хозяйственной организации, которые мало имеют дела с природой страны, это она представляет политической экономии, которой не мешало бы побольше заняться районной стороной этой своей науки» [4]). Такой подход к экономической географии превращает ее в какую угодно науку, но только не в экономическую. Географическое направление также, как и отраслевое, занимается фактически изучением вещей, потребительных стоимостей, изучая не как технологию и статистику продуктов, а как явление природных условий и с точки зрения влияния последних на результаты полезного труда человека. Не приходится говорить, что самый анализ влияния природных условий на хозяйство у сторонников географического направления носит не маркситский характер [5]).

---

[1]) Для подтверждения этого положения достаточно ознакомиться с курсами проф. Дена, проф. Тимофеева, учебниками и работами Борисова, Вольфа, Мебуса и др.

[2]) О. Константинов. „Предмет и метод экономической географии". Гиз, 1926 г.

[3]) Геттнер, статья в сборнике—География—как наука и как учебный предмет, стр. 13.

[4]) Геттнер. Цитирую по работе проф. Рыбникова „Основные вопросы экономической географии", стр. 16.

[5]) Об этом см. ниже.

Сведение хозяйственной жизни к явлениям природы неправильно. Это чисто механистический подход, из которого непосредственно выводятся теория гармонии в экономической географии (немецкие экономисты и представители буржуазного районного направления у нас, напр., проф. Бернштейн-Коган) и механическая теория взаимодействия между природой (средой) и хозяйственной жизнью (системой). Такой подход упускает одно основное положение марксистской науки, что хозяйственная жизнь (система) имеет свои законы развития и что влияние природных явлений (среды) происходит не прямо, а через производительные силы и преломляется через законы развития хозяйственной жизни (системы).

Мы здесь не останавливаемся на понимании экономической географии, как страноведения, так как оно целиком зиждется или на географическом направлении (Геттнер) или на буржуазном районном направлении.

Районное направление в экономической географии имеет своим истоком географическое направление (от Геттнера) и считает, что «экономическая география есть наука об экономических районах и их взаимодействии»[1]). В понимание экономического района представители этого направления стараются вложить экономическую сущность, а именно, они рассматривают «экономический район, как реальную совокупность экономических явлений, прикрепленных к той или иной территории» [2]). Но при анализе экономико-географических явлений и здесь у не-марксистов дело сводится главным образом к изучению влияния природных условий на хозяйственную деятельность. Например, проф. Бернштейн-Коган в своих «Очерках» при анализе типов районов факторы образования различных типов стран сводит почти исключительно к физико-географическим явлениям (зональные и азональные факторы) [3]). При изучении в эконом. географии отдельных отраслей хозяйства он же требует «изучения географической обусловленности данных хозяйственных явлений» и само изучение по его мнению должно сводиться к тому, чтобы выяснить «как и от каких элементов географической среды зависят современная промышленность и транспорт» [4]). Все это—влияние методологических положений Геттнера.

[1]) Проф. С. В. Бернштейн-Коган. „Очерки экономической географии". В. I. М. 1922 г. стр. 14.

[2]) Там же, стр. 18. Что они понимают под реальными совокупностями увидим ниже.

[3]) Там же, таблица на стр. 80—81.

[4]) Бернштейн-Коган. К вопросу о методе специальных частей эконом. географии. „Соц. х-во" 1927 г. кн. 4-я. стр. 211. Или в „Эконом. геогр. сборнике" 1929 г. стр. 67.

Таким образом, мы видим, что все три направления в экономической географии оторваны от экономики и это об'ясняется тем, что они при построении системы экономико-географической науки не исходят из анализа двоякого характера заключающегося в товаре труда [1]), т. е. не исходят из марксистской политической экономии.

Взгляд на экономическую географию, как на науку, изучающую проявление полезного труда вне социально-экономических отношений, имеется и в трудах некоторых марксистов. Например, у Спектатора мы имеем следующее сравнение между политической экономией и экономической географией: «Недостаточно характеризовать вещь только со стороны ее потребительной стоимости, ее социальная сущность (меновая стоимость) определяет теперь ее место в хозяйстве, и с этой стороны она изучается политической экономией. Точно также чисто географические или рыночные (?) моменты являются предметом изучения экономической географии, но не политической экономии. Экономическая география может ограничиваться определением мирового хозяйства, как «единого хозяйственного организма», отдельные части которого она изучает; политическая экономия вскрывает производственные взаимоотношения, которые создаются на почве эксплоатации одних «организмов» другими. Поэтому для политической экономии суть дела не в «единстве организма», а в развитии противоречий между отдельными странами, в развертывающейся перед нами борьбе внутри этого «единого» организма, словом в монополистическом характере современного капитализма и в вытекающих отсюда взаимоотношениях между странами. Всякое другое определение этого понятия есть по существу фетишизация географических или чисто меновых (?) отношений, без учета капиталистических отношений, теория гармонии («единый организм») вместо теории борьбы» [2]). Такое

[1]) Буржуазная экономическая география этого и не будет делать, так как в ее интересах рассматривать хозяйственную деятельность человека вне общественных форм, свести ее к вечным законам природы, к взаимодействию между природой и полезным трудом.

[2]) Спектатор. „Понятие мирового хозяйства". „Мировое хозяйство и мировая политика" 1927 г. стр. 43. Спектатор работы районного направления в Германии принял за истинную сущность экономической географии. Представители этого направления действительно пишут о гармониях (напр. Erw. Scheu „Deutschlands wirtcshaftsgeographische Harmonie", Breslau, 1924 г.) что вполне понятно, т. к. они являются представителями буржуазной науки и исходят из положений Геттнера, ничего общего с марксистской экономикой неимеющего. Представители буржуазной экон. географии у нас также скатываются в область гармоний и не замечают существующих противоречий в экономико-географических явлениях (напр. реальные совокупности в работах проф. проф. Бернштейн-Когана, Рыбникова и др.), об этом подробнее см. ниже.

противопоставление экономической географии политической экономии, какое дает Спектатор, не говоря уже о противопоставлении меновых отношений меновой стоимости, является совершенно неправильным. Выше мы уже показали, что географическое разделение труда происходит внутри определенных социальных отношений и что в период капиталистического хозяйства развитие этого разделения труда идет путем классовых противоречий и борьбы и поэтому в пределах экономической географии также нет места «теории гармонии» и «единого организма» [1]).

В основе экономико-географических построений должны лежать законы политической экономии. Закономерности, устанавливаемые экономической географией, являются экономическими закономерностями, а не закономерностями физико-географическими, антропогеографическими и других тому подобных наук. Поэтому в географическом разделении труда должно быть ясно выражено классовое содержание этого явления. Не может быть единого вечного закона географического разделения труда для всех этапов развития общества, для различных общественных формаций, для различных способов производства.

Как естественная реакция против рассмотрения географического разделения труда, как гармонического явления и вообще против теории гармонии в экономической географии, в марксистской экономической литературе появилась точка зрения, которая рассматривает географическое разделение

[1]) В этом отношении дает правильную установку С. Бессонов в своей статье „Понятие мирового хозяйства в концепции тов. Бухарина". Так он пишет: „Но что такое пространство? Пространство есть абстракция, если мы отвлечемся от системы производительных сил, с помощью и посредством которых мы в нашей трудовой деятельности к этому пространству относимся. Пространство Средневековья и пространство наших дней это два различных пространства, потому что мы располагаем совершенно различными средствами его преодоления. Географическая среда, как правильно заметил еще Мечников, „эволюционирует во времени". Таким образом, нельзя рассматривать пространство независимо от производительных сил. А производительные силы, в свою очередь, нельзя рассматривать вне системы производственных отношений, внутри которых они развиваются. Стоит только на минуту отвлечься от производственных отношений как производительные силы выступят перед нами в своих наиболее общих абстрактных моментах (рабочая сила, предмет труда и орудие труда) с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства.

„Сказанное о пространстве целиком относится и ко времени . . .

„Итак, время и пространство есть чистые абстракции, если брать их вне системы производственных отношений, т. е. вне определенной формы существования и развития производительных сил". „Проблемы Экономики", Орган Экономической Секции Коммунистической Академии, за 1929 г. № 9, стр. 43—44.

труда только как явление, связанное с обменом и присущее первоначальным этапам развития капитализма. (См. статью Л. Зимана «О типах хозяйственных связей в современном капиталистическом хозяйстве» [1]). Так Л. Зиман пишет: «Если исходить не из поверхностно рыночных категорий, а из существа производственных отношений, то все многообразие экономических связей между отдельными странами и районами можно свести к следующим трем основным типам: 1) географическое разделение труда (и вытекающая на основе его борьбы за рынки сырья). 2) Отношения эксплоатации. 3) Перенесение элементов производства из одной страны (или района) в другую (и как одна из форм его—экспорт капитала, перерастающий в борьбу за сферу влияния)» [2]). Деление же хозяйственных связей в современном капитализме на товарообмен, вывоз капитала и миграцию рабочей силы он считает неверным, немарксистским, совершенно обходящим «существеннейшую форму международных (и междурайонных) хозяйственных связей в современном капиталистическом хозяйстве—эксплоатацию трудящихся классов одной страны господствующими классами другой» [3]).

В своей критике и в своем построении Л. Зиман совершает в основном следующие три ошибки: 1) вместо марксистского понимания сущности товарообмена, вывоза капитала и миграции рабочей силы, он берет буржуазное их толкование, 2) путает сущность закона с конкретным проявлением его и 3) развитие географического разделения труда рассматривает только как изменение форм и его значения, вне изменения и содержания этого явления.

Начнем с первого. В традиционной схеме Зиман не видит выражения основных моментов связи в капиталистическом обществе—эксплоатацию трудящихся классов одной страны господствующими классами другой,—и поэтому в своей схеме специально выделяет особый тип связи—отношение эксплоатации. Когда это марксисты считали, что экспорт капитала не является эксплоатацией трудящихся классов одной страны господствующими классами другой? Достаточно прочесть Ленина «Империализм как новейший этап капитализма», чтобы видеть всю несостоятельность выделения особых типов экономической связи—отношения эксплоатации (2-й тип по Зиману) и экспорт капиталов (о на из форм т етьего типа по Зиману—перенесение элементов производства из одной страны в другую). А разве миграция рабочей силы не устанавливает производственные отношения, отношения на основе

[1]) „Проблемы экономики" за 1930 г., № 6.
[2]) Там же, стр. 74.
[3]) Там же.

эксплоатации, каковыми только и могут быть производственные отношения при капиталистическом способе производства? Достаточно прочесть Ленина «Развитие капитализма в России», чтобы видеть опять всю необоснованность схемы Зимана.

Рассматривая географическое разделение труда, Зиман берет только встречные товаро-потоки, основанные на эквивалентном обмене[1]). Односторонние потоки и неэквивалентный обмен он считает нужным отнести в область эксплоатации, а не географического разделения труда. Если встать на эту точку зрения, мы географического разделения труда почти никогда и нигде не будем иметь, т. к. торговля с самого своего начала носила характер грабежа (см. об этом Энгельс—«Очерки критики политической экономии») и в период промышленного капитализма мы имеем также неэквивалентный обмен между отдельными странами. Вот то об'яснение которое дает этому Маркс: «Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь идет конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что более передовая страна продает свои товары выше их стоимости, хотя дешевле конкурирующих стран. Поскольку труд более передовой страны оценивается при этом как труд более высокого удельного веса, норма прибыли повышается, потому что труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продается как таковой. То же самое может иметь место по отношению к той стране, в которую отправляются товары и из которой получаются товары; именно такая страна отдает овеществленного труда in natura более, чем получает, и все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить»[2]). Кроме того, по Зиману выходит, что географическое разделение труда не создает капиталистических производственных отношений, т. е. отношений эксплоатации капиталом труда.

При таком понимании Зиман солидаризируется с теми экономгеографами, которые по его мнению, основное внимание направляют «не на существо производственных отноше-

---

[1]) Там-же, стр. 80.

[2]) К. Маркс.—Капитал, т. III, ч. 1-я, стр. 178. Далее Маркс указывает на получение более высокой нормы прибыли капиталами, вложенными в колонии. В понимании неэквивалентного обмена Зиман совершает ту же ошибку, что и Спектатор в своих работах по мировому хозяйству (см. Спектатор—„Основные проблемы мирового хозяйства. 1930 г. стр. 49—50, где он отрицает неэквивалентный обмен, как явление обычное для эпохи промышленного капитализма).

ний, а на их внешнее, рыночное отражение» (Зиман). Последние, говоря об экономической выгоде от географического разделения труда, забывают о частном характере присвоения, благодаря которому выгоду получают известные только классы [1]). Ту же ошибку делает и Зиман, когда за географическим разделением труда не видит отношений эксплоатации капиталом труда. Он забывает, что «страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает более труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот излишек, как вообще при обмене между трудом и капиталом, присваивается известным классом» [2]).

Здесь обнаруживаются с полной ясностью две другие ошибки Зимана. Он не отличает закона от его конкретного проявления. Так он пишет: «неправильно связывать экспорт капитала исключительно с разницей в норме прибыли, как это делают многие экономисты. В условиях монополистического капитализма мощные капиталистические группировки часто вкладывают капитал в предприятия и районы, не обеспечивающие повышенной и также обычной прибыли, подобно тому, как они продают товары по пониженным, а иногда даже убыточным ценам» [3]). Чем же тогда по мнению Зимана об'ясняется экспорт капитала? Он этого не об'ясняет и не может об'яснить, т. к. тут же сам вынужден признать, что вложение капитала регулируется погоней за прибылью [4]). Что же, уничтожают ли те явления, о которых говорит Зиман (демпинг, вывоз капитала и т. д.), основной закон капиталистического производства и воспроизводства—погоню за высокой прибылью, установленной Марксом? Что же, уничтожают ли эти явления положения Ленина, что империализм есть новейший и последний этап капитализма и что здесь основным также является погоня за высокой прибылью? Мы думаем, что нет. Здесь Зиман не понял связи между законом и его конкретным проявлением. Аналогичны отчасти его возражения против влияния издержек производства [5]) и т. д.

---

[1]) См. например, Н. Баранский—Краткий курс экономической географии Вып. 1-й Издание пятое с исправлениями и дополнениями, ГИЗ, 1930 г., стр. 77—79.

[2]) К. Маркс—Капитал, т. III, ч. 1-я, стр. 179.

[3]) „Проблемы экономики" № 6 за 1930 г., статья Зимина, стр. 89.

[4]) „И экспорт капитала, и экспорт товаров могут быть недостаточно прибыльны, или даже убыточны сами по себе, но в то же время повысить прибыль, получаемую экспортирующей организацией в других охваченных ею сферах". Зиман—та же статья, стр. 89.

[5]) Там-же, стр. 77. Здесь Зиману следовало бы отметить, что не издержки производства вообще регулируют размещение производства, а высота прибыли, которая может быть достигнута и снижением издержек производства.

Третья ошибка Зимана об'ясняет нам его рассмотрение географического разделения труда только как двустороннего товаропотока на основе эквивалентного обмена. Он указывает и верно указывает, что типы хозяйственных связей надо рассматривать в их изменении в связи с изменением экономических формаций. И в доказательство своей мысли проводит цитату из письма Маркса к Анненкову о разделении труда. Но Маркс говорит здесь не только об изменении формы и значения разделения труда (как это об'ясняет Зиман), а об изменении и самого содержания этого явления. Маркс считает, что разделение труда родового строя и капиталистического строя отличается не только по форме и значению, он их считает совершенно иными по своей сущности [1]). Благодаря отделению формы явления от сущности Зиман и пришел к такому ограничительному пониманию сущности географического разделения труда.

Нельзя рассматривать географическое разделение труда, который является территориальным проявлением обще-

---

1) Вот что писал Маркс по этому вопросу: „Ряд экономических эволюций вечного разума начинается с разделения труда (подчеркнуто Марксом, И. А.). Для Прудона разделение труда вещь совершенно простая. Но кастовый строй разве не был тоже определенным разделением труда. . . Разве цеховый строй не был другим разделением труда... А разделение труда мануфактурного строя, который начинается в Англии в середине XVII века и заканчивается в конце XVIII в., разве не отличается самым решительным образом от разделения труда в современной крупной промышленности.

„. . . А в XIV и XV вв., когда еще не было колоний, когда Америка для Европы еще не существовала, а Азия существовала лишь через посредство Константинополя разве тогда разделение труда не представлялось совсем иным, разве не имело совсем другого характера, чем в XVII в., когда имелись уже вполне развитые колонии

„Но это не все. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не есть выражение определенного разделения труда. Разве все это не должно измениться вместе с переменной в разделении труда.

„Прудон так мало понял вопрос о разделении труда, что даже не упоминает о разделене между городом и деревней, которое в Германии, например, произошло, начиная с IX по XII столетие. Для Прудона это разделение—есть вечный неизменный закон, потому что он не знает ни его происхождения, ни его развития...

Связь между разделением труда и машинами у Прудона совершенно таинственная. Всякий род разделения труда имеет свои особые орудия производства.

„. . . совершенно нелепо считать машины последствием разделения труда вообще.

„. . . вообще бессмысленно делать из машины экономическую категорию на ряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. д." Маркс и Энгельс—Письма, М. 1923 г., стр. 10—11. Подчеркнуто всюду, за исключением первых слов мною.

ственного разделения труда, как основанное только на природногеографических различиях и различиях в уровне развития производительных сил, абстрагируясь от различия в социально-экономических отношениях [1]). В этом отношении Зиман очень близко подходит к Бухаринскому толкованию географического разделения труда (точнее, международного разделения труда [2]). В определении и анализе географического разделения труда надо исходить из того понимания общественного разделения труда, которое дают К. Маркс, Ф Энгельс и В. Ленин (см. например, Маркс—Капитал, Нищета философии, письмо Анненкову и др., Энгельс—Анти-Дюринг, письмо Кондрату Шмидту и др., Ленин—Развитие капитализма в России и др.). В этом отношении очень характерны следующие слова Маркса в письме к Анненкову: «Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не есть выражение определенного разделения труда. Разве все это не должно измениться вместе с переменой в разделении труда... Всякий род разделения труда имеет свои особые орудия производства». Зиман, почему-то, счел нужным именно эти места выкинуть из письма, хотя они также говорят о динамике разделения труда. Энгельс в своем письме к Конраду Шмидту, написанному через 44 года после указанного письма Маркса, повторяет эти мысли Маркса. Энгельс пишет: «Всю эту вещь (исторический материализм, И. А.) всего легче понять с точки зрения р а з д е л е н и я т р у д а. Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда в н у т р и о б щ е с т в а. Вместе с тем они приобретают о с о б ы е интересы также в противоположность тем, кто их уполномочил, они становятся самостоятельными по отношению к ним, и таким образом является государство» [3]).

---

[1]) Указанная статья Зимана, стр. 75.

[2]) „Международный товарообмен опирается на международное разделение труда. Но не следует думать, что он происходит лишь в тех пределах, которые дает ему это разделение. Страны обмениваются не только разнородными продуктами, но и однородными... она (страна—И. А.) может ввозить свои товары, конкурируя с иностранным производством. В этом случае международный обмен имеет свое основание не в разделение труда, которое предполагает производство разнородных потребительных ценностей, а исключительно лишь в различии издержек производства, в различии индивидуальных (для каждой страны) ценностей, которые в международном обмене сводятся к общественно-необходимому труду в его мировом об'еме". Б у х а р и н.—Мировое хозяйство и империализм. СПБ 1922 г., стр. 10.

[3]) Маркс и Энгельс—Письма, стр. 309.

Именно из такого понимания разделения труда надо выводить сущность и проявление географического разделения труда, а не из одностороннего, а потому неверного, понимания Бухарина и многих эконом-географов, на которых ссылается в своей статье Зиман (Н. Н. Баранский, М. Б. Вольф и Г. А. Мебус). Своеобразия географического разделения труда в период империализма настолько смутили Зимана, что он не понял развития географического разделения труда в отдельные этапы развития капитализма. Отличительной чертой хозяйственных связей и географического разделения труда в эпоху империализма является вывоз капитала, которому подчиняются товарообмен и миграция рабочей силы и поэтому принимают они иные формы, и создается особая форма географического разделения труда между странами—колониальная форма географического разделения труда (см. об этом выше, стр. 38—44.[1]).

Статья Зимана очень интересная отдельными правильными замечаниями и приводимыми фактами в своем методологическом построении является неверной и ревизующей основные положения марксистской политической экономии.

В этом введении мы не можем подробно остановиться на всех вопросах, связанных с учением о географическом разделении труда[2]). Но все же на отдельных сторонах географического разделения труда необходимо остановиться, так как от правильного понимания географического разделе-

[1]) Опять повторяем, что колонии и неэквивалентный обмен существовали и при промышленном капитализме. (См. Маркс. Капитал, т. I, стр. 348 и т. III, ч. I. стр. 178). Они теперь получили своеобразный характер, присущий империализму.

[2]) Мною подготовляется к печати работа „Учение о географическом разделении труда", которая состоит из следующих пяти глав: 1. „Сущность географического разделения труда" (понятие, виды, содержание и закон географического разделения труда, анализ закона географического разделения труда, предпосылки и факторы географического разделения труда и диалектика их влияния на последнее). 2. „Особенности географического разделения труда в различные этапы развития общества" (этапы развития общества с экономико-географической точки зрения, возникновение географического разделения труда, географическое разделение труда в докапиталистический период, географическое разделение труда в период промышленного капитализма, в период монопостического). 3. „Экономическая выгода от географического разделения труда". (Критика теории гармонии, теории равновесия и организован. капитализма). 4. Географическое разделение труда в период диктатуры пролетариата и в коммунистическом обществе, и 5. „Место учения о географическом разделении труда в системе экономико-географической науки" (различное понимание географического разделения труда, географическое разделение труда и размещение отдельных отраслей хозяйства, географическое разделение труда и экономические районы, географическое разделение труда основная категория экономической географии").

ния труда зависит в экономической географии построение остальных разделов науки.

Мы здесь остановимся только на двух вопросах, в которых мы обосновываем свой подход в экономико-географическом очерке по Ср. Азии:

1) Изучение природных условий в экономической географии, что как мы видели, связано с учением о географическом разделении труда, и

2) Вопрос о периодизации истории развития хозяйства в экономической географии.

3. Изучение природных условий (географической среды) в экономической географии.

Начинаем с первого. Прежде всего выясним место природных условий как предпосылок географического разделения труда. Предпосылки и факторы географического разделения труда мы можем разделить на две основные группы:

1) Природные условия и 2) социально-экономические факторы.

Но это не значит, что они отделены друг от друга китайской стеной. Природные условия и социально-экономические факторы действуют не врозь, а совместно, взаимно обусловливая друг друга, при чем действие природных явлений происходит через производительные силы и в определенных социально-экономических условиях и их влияние меняется в связи с изменением последних.

К природным условиям, имеющим влияние на географическое разделение труда, относятся следующие явления: 1. Климат, 2. Рельеф, 3.Отношение к морю, 4. Внутренние воды, 5. Почва, 6. Растительный мир, 7. Животный мир, 8. Ископаемые богатства и 9. Протяженность территории.

Географическое разделение труда принадлежит к явлениям экономического порядка, а природные условия—к явлениям физико-географического порядка. Поэтому, прежде чем приступить к разрешению поставленной задачи, необходимо предварительно остановиться на вопросе о том, как происходит влияние природных условий на географическом разделение труда[1]).

---

[1]) Мы считаем методологически неверным и вредным относить этот вопрос на конец, а в начале рассматривать влияние отдельных физико-географических элементов на хозяйство (напр., влиание зональных и азональных явлений). Такой подход ведет к отрыву от социально-экономических факторов и тем открывает путь к географическому материализму. См., напр., статью Н. С. Кузнецова в книге Руднева „Начальные сведения по географии“, Изд. 2-е Свердловского У-та 1930 год.

Здесь необходимо осветить механизм влияния природных условий на географическое разделение труда и рассмотреть, как экономическая география подходит к изучению природных условий.

Влияние природных условий на географическое разделение труда, как указывалось выше, надо учитывать через полезный, конкретный труд.

Процесс труда (если абстрагироваться от общественных форм) есть общее условие обмена веществ между человеком и природой [1].. Процесс труда содержит следующие простые моменты: 1) целесообразную деятельность, или самый труд, 2) предмет, на который действует труд, и 3) орудия, которыми он действует. [2]).

Рабочая сила является носителем труда, предмет труда и орудия труда образуют средства производства, совокупность средств производства и рабочей силы образует производительные силы общества [3]).

Через все эти три момента и оказывают влияние природные условия на производительную силу труда в различных местах, а тем на географическое разделение труда. Причем это влияние различно в условиях различных производственных отношений. Иными словами, природные условия оказывают влияние на географическое разделение труда через производительные силы, которые в свою очередь развиваются внутри определенных производственных отношений.

Рассмотрим подробнее механизм этого влияния.

В процессе труда человек противостоит веществу природы сам, как сила природы [4]). При этом отношения человека в природе с самого начала выступают как практические отношения, т. е. основанные на действии. (Маркс Архив, кн. V, стр. 387). Вещество природы выступает, как предмет труда и орудие труда.

В предмет труда входит вещество природы, как непосредственно данное природой и как подвергнутое уже обработке вещество. В первом случае мы имеем данный природой предмет труда [5]), а во втором—сырье [6]). В орудия труда вещество природы также входит или в неподвергнутые обработке средства труда или в уже подвергнутые обработке (инструменты, машины и т. д.) [7]). Человек является элементом природы и выступает в процессе труда, как сила

1) „Капитал", т. I. стр. 125.
2) Там же, стр. 120.
3) Там же, стр. 122.
4) Там же стр. 119.
5) Там же, стр. 120.
6) Там же.
7) Там же стр. 121.

природы [1]). Отсюда мы видим что процесс труда в его общем проявлении непосредственно связан с географической средой, во-первых, через данный природой предмет труда, во-вторых, через вещество сырья, в-третьих, через вещество подвергнутых обработке средств труда, и в-пятых, через природу самого человека.

Кроме того, ряд природных условий, непосредственно не являясь ни предметом труда, ни орудием труда, ни природой самого человека, служит общим материальным условием для того, чтобы процесс труда вообще мог совершиться [2]). Примером могут служить: климатические условия, а также рельеф и внутренние воды, как пути сообщения, и т. д.

Таким образом, влияние природных условий должно быть учитываемо по следующим четырем линиям: 1) общие материальные (природные) условия, чтобы процесс труда мог совершаться или, говоря короче, общие природные условия труда, 2) данный природой предмет труда, 3) неподвергнутые обработке средства (орудия) труда и 4) природа самого человека.

Влияние же природных условий на сырье и подвергнутые обработке средства труда происходит через общие материальные условия и через данный природой предмет труда.

Мы поэтому разобьем физико-географические условия на следующие четыре группы:

1. Общие материальные (природные) условия труда:

1. Всеобщие средство труда (земля): а) климат (температура, осадки, ветры, благоприятствуют они или не благоприятствуют развитию данного производства), б) почва (точнее, плодородие почвы), в) рельеф (точнее, характер залегания ископаемых), г) распределение суши и моря (география воды и суши, удобство их для соответствующего вида производства), д) внутренние воды (характер течения и т. д., удобство для рыболовства, для орошения, для энергетического использования и др.).

2. Другие материальные условия: а) внутренние воды, как пути сообщения (глубина, фарватер, замерзаемость и т. д.) б) моря, как пути сообщения (замерзаемость, бури, глубина, естественные бухты и т. д.), в) рельеф, с точки зрения влияния на пути сообщения (препятствует или благоприятствует развитию путей сообщения), г) протяженность территории (значение для транспорта).

---

[1]) См. примечание на стр. 26.

[2]) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 122.

II. Данный природой предмет труда:

а) растительный мир (богатство растительного мира), б) животный мир (богатство животного мира), в) ископаемое богатство (богатство ископаемых, количество и качество).

III Неподвергнуные обработке средства труда—земля, как первоначальный арсенал орудий труда, ископаемые (камни и др.), растения, почва (средство труда в земледелии).

IV. Природа самого человека (физиология человека, природная сила и т. п.).

На природу человека оказывает влияние географическая среда, например, климат, заболоченность местности и т. д. Происходят различные заболевания (малярия, зоб, рицита и др.), но эти заболевания нельзя рассматривать как продукт одной природной среды. В человеческом обществе, особенно на данной стадии его развития, болезни—продукт социальной среды и влияние природных условий на заболеваемость меняется в зависимости от изменения этой среды.

Природу человека нельзя рассматривать как постоянное, неизменное явление. Человек, воздействуя на природу изменяет свою собственную природу. Поэтому природные свойства человека беспрерывно меняются [1]). Следовательно природа человека есть не только и не столько продукт природы, сколько продукт социальной среды. Естественный прирост населения в человеческом обществе резко отличается от естественного прироста в мире животных. Здесь мы подошли к вопросу о проблеме народонаселения. Проблема народонаселения есть социальная проблема и нет никакого «естественного закона населения», т. к. «всякому особенному историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения» (Маркс).

В буржуазной экономической географии проблему народонаселения рассматривают как естественную проблему, почему и считают основой развития хозяйства рост плотности населения и защищают расовую теорию. Очень характерен в этом отношении глава буржуазного районного направления у нас проф. Бернштейн-Коган. Проблемы народонаселения, как проблемы социально-экономической, для него не существует. Здесь он видит «природную обусловленность», «биологию, расы и гармонию интересов». Вот примеры: «Суровая в общем природа страны воспитала население в сторону вы-

---

[1]) „История есть ни что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы". Маркс—Нищета философии.

сокой трудоспособности и дисциплины труда [1])». «Сильно развитое сознание долга, которое Ферреро об'ясняет тем, что германцы менее эротичны, чем южно-европейские расы и не так легко поддаются внешним чувственным раздражениям» и далее продолжает «г) с этим связана большая дисциплинированность, проникающая все слои населения и характеризующая и рабочего, и фабриканта, и армию, и чиновничество; и, наконец, д) большая склонность к специализации, к сосредоточению на какой-нибудь отдельной области как в умственном, так и в физическом труде, и систематичность в выполнении своей задачи; умение сотрудничать с другими, необходимое при такой специализации [2])». По Бернштейн-Когану в Германии нет классовой борьбы. а полная гармония классовых интересов.

Влияние природных условий на хозяйственную деятельность не односторонне. Общество само влияет на природу, видоизменяет природные условия, пользуясь законами природы, приспосабливает их в своих интересах. И это обратное влияние происходит через производительные силы и в системе определенных производственных отношений.

После выяснения вопроса о механизме влияний природных условий на процесс труда, необходимо перейти к рассмотрению значения отдельных сторон географической среды на развитие отдельных видов труда.

Наиболее общим разделением общественного производства, если брать лишь самый труд, будет деление на основные отрасли хозяйства: сельское хозяйство, промышленность добывающая, промышленность обрабатывающая и транспорт [3]).

Сельское хозяйство, как предмет труда, использует растительный и животный мир, а как средство труда, кроме орудий и машин, доставляемых промышленностью [4]), еще и землю, а также домашних животных (рабочий скот). Продуктами производства сельского хозяйства являются вещества растительного и животного мира, часть этих продуктов служит сырьем для промышленности; иными словами, сельское

---

1) „Всемирная экономическая география" под ред. проф. С. В. Бернштейн-Когана и Н. Н. Баранского, т. I, Германия и Польша. Гиз, 1929 г. стр. 29.

2) Там же стр. 30.

3) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 264.

„Если не существует производства вообще, то не существует также общего производства. Производство всегда представляет собою особую отрасль производства или некоторую совокупность их; например, земледелие, скотоводство, мануфактура и т. д. К. Маркс. „Введение к критике политической экономии". стр 8.

4) Мы здесь оставляем в стороне те орудия, которые производятся в хозяйстве самого же крестьянина.

хозяйство доставляет животное и растительное сырье. Добывающая промышленность, как предмет труда, использует ископаемые богатства и доставляет минеральное сырье [1]). Обрабатывающая промышленность перерабатывает животное, растительное и минеральное сырье. Следовательно, предметом труда является не данный природой предмет труда, а сырье. Транспортная промышленность материалом для средств перевозки использует или животных (в некоторых случаях и самого человека, например, в Центральной Африке, в Горном Таджикистане), или продукты растительного и животного мира) речные и морские суда из дерева, лодки из шкур животных или минеральное сырье (железо и другие металлы для современных видов транспорта). Путями сообщения служат или суша или вода в их естественном состоянии или сооружаются искуственные пути (каналы, рельсы, мосты и т. д.), для которых, как материал, используются главным образом растения (напр. дерево) и металлы.

Отсюда нетрудно уже сделать вывод о том, какие элементы географической среды являются общими материальными, природными условиями для того, чтобы процесс труда мог совершаться в той или иной отрасли производства (в сельском хозяйстве, добывающей, обрабатывающей, и транспортной промышленности). Также не трудно выделить для каждой отрасли производства предметы труда и средства труда [2]).

От географического размещения отдельных видов предмета труда и от географического размещения общих материальных условий процесса труда будет зависеть косвенно размещение отдельных отраслей производства (прямой зависимости нет, эта зависимость осуществляется через производительные силы и происходит внутри определенных социальных отношений).

Природные условия являются предпосылкой развития хозяйственной деятельности общества. Выгодное сочетание природных условий в определенной местности (напр., высокое качество, поверхностное залегание ископаемых, плодородие почвы, благоприятный климат и т. д.) отражается на издержках производства, уменьшает их и тем способствует локализации в данной местности соответствующего производства. Неблагоприятное сочетание природных условий, напротив, препят-

---

[1]) Охоту, рыболовство и лесное хозяйство можно рассматривать в сельском хозяйстве.

[2]) Развитие техники производства, новые открытия и изобретения и пр. будут вводить в использование новые элементы природы, будут исключать некоторые старые и т. д., но это не изменяет тех положений, которые мы тут установили.

ствует этой локализации. Но это не значит, что социально-экономические моменты не внесут соответствующие изменения.

Таким образом, природные условия, географическая среда, в экономической географии должны рассматриваться, во-первых, как общие условия для развития того или иного вида производства и во-вторых, как условия своим разнообразным сочетанием по территории влияющие на географическое разнообразие производительной силы труда, на географическое разнообразие в издержках производства, и тем оказывающие влияние на прибыль хозяйства и ведущие к локализации отдельных производств в определенных местах, ведущие к географическому разделению труда.

В экономической географии принято делить природные условия на две группы: на зональные (поясные) и азональные (не поясные) [1].

При делении на зональные и азональные факторы мы получаем следующую группировку: зональные: 1) широта, 2) климат, 3) почвы, 4) растительный мир, и 5) животный мир; азональные: 1) рельеф, 2) отношение к морю, 3) внутренние воды и 4) ископаемые богатства.

Группировка природных условий по признакам зональности и азональности взята из общей географии. В таком позаимствовании не было бы ничего плохого, если бы эти науки имели один и тот же подход к физико-географическим явлениям. В том то и дело, что подход их различен. «От физической географии экономическая география отличается тем, что физическая география изучает самую «землю» (хотя бы в отношении к человеку—«земля, как жилище человека»), а человек для нее является лишь одной из географических особенностей, изменяющей самым фактом присутствия или отсутствия и тем более своей деятельности, подлежащий изучению «ландшафт»; экономическая же география изучает самое хозяйство человека в его пространственном размещении по земной поверхности, и «земля» (точнее, различия физико-географических условий по поверхности земли) интересует

[1]) Проф. Бернштейн-Коган в своей работе: „Очерки экономической географии" дает такое деление физико-географических условий (см. очерк 2-й. Физико-географический закон зональности и его значение для экономической географии, и очерк 3-й: Природные факторы, не подчиненные закону зональности, и их значение для экономической географии). Как понимает проф. Бернштейн—Коган значение природных условий для экономической географии мы уже видели, см. также дальше.

ее, лишь как основной фактор производственного размещения человеческого хозяйства»[1]).

Этот «основной фактор» действует на хозяйство через производительные силы и общество видоизменяет природные условия опять же через производительные силы. Поэтому экономическую географию физико-географические условия должны интересовать в такой мере, в какой они оказывают влияние на географическое разнообразие в развитии производительных сил общества, а отсюда и на географическое разделение труда. Соответственно этому основная группировка природных условий в экономической географии должна быть иной, чем в общей географии.

Но это не значит, что деление природных условий на зональные и азональные не должно быть использовано экономической географией. В таком делении есть одно преимущество, оно указывает на характер географического размещения самих природных условий. Экономическая география должна учесть этот момент. Поэтому при рассмотрении влияния того или иного природного явления на соответствующую отрасль производства необходимо отмечать и характер размещения самого природного явления. Например, при рассмотрении влияния природных условий на сельское хозяйство особое внимание приходится уделять зональности этих условий.

Влияние природных условий на географическое разделение труда меняется с развитием производительных сил, а также принимает различное проявление в различные социально-экономические формации. В первобытный период своего развития общество приспосабливается к географической среде более пассивно, чем в современный период, когда активный момент приспособления является доминирующим. К этому надо прибавить, что самое воздействие природных условий на общество, становится более сложным и менее посредственным, так как многие природные явления испытали то или иное воздействие человека и тем из природных факторов превратились в исторические [2]). Следователь-

---

[1]) Баранский. Тезисы в хрестоматии Морозова и Юньева т. I. стр. 391. Мы бы сказали не основной фактор, а основное условие.

[2])„. . . производство на самом деле имеет свои предпосылки и условия, которые образуют собою его моменты. Последние могут рассматриваться как природные, т. е. возникающие в самом начале на лоне природы. Благодаря процессу производства они обращаются из природных в исторические, и если для одного периода они являются природными предпосылками производства, то для другого они представляли исторический результат. Внутри самого производства они постоянно меняются". Маркс. „Введение к критике." стр. 18.

но, если природные условия оказывают влияние на общество, то, обратно, общество в свою очередь влияет через производительные же силы на природные условия, видоизменяя их в своих целях. Поэтому необходимо выяснить те условия, при которых возможные природные предпосылки географического разделения труда превращаются в необходимые, выяснить диалектику влияния природных условий на географическое разделение труда.

Когда речь идет о природных предпосылках географического разделения труда, можно указать на разнообразие природных условий в данной местности и в окружающих районах [1]), на сравнительное плодородие почвы и богатство ископаемыми, на близость моря и т. д. Эти условия являются благоприятными для развития географического разделения труда, но они сами по себе только возможные условия развития производительных сил; чтобы они превратились в необходимые условия, нужны еще некоторые положения. Нужно, чтобы человек господствовал над природой, чтобы развитие производственных сил достигло известного уровня [2]), нужно, чтобы природные условия приходилось человеку приспосабливать путем борьбы, изменяя в процессе этой борьбы самого себя, свои трудовые навыки, способности [3]), нужно, чтобы эта борьба приводила к необходимости общественного регулирования сил природы [4]). Отсюда ясно, что

---

[1]) См. Капитал, т. I., стр. 399.

[2]) „Раз дано капиталистическое производство, то, при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня, величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда, между прочим, и от плодородия почвы. Однако, отсюда отнюдь не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства. Последний предполагает господство человека над природой". К. Маркс. Капитал, т. I., стр 399.

[3]) „Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти". Там же стр. 119.

[4]) „Слишком расточительная природа „ведет человека как ребенка на помочах". Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость в крупном масштабе использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности. Примером может служить регулирование воды в Египте, Ломбардии, Голландии и т. д., или в Индии, Персии и т. д., где орошение искусственными каналами не только доставляет почве необходимую для растений воду, но в то же

природные условия из возможных предпосылок географического разделения труда превращаются в необходимые, благодаря развитию производительных сил и благодаря этому же и самое содержание возможных природных предпосылок меняется.

Здесь мы подходим к вопросу о диалектике влияния природных условий на географическое разделение труда.

«Географические условия при всей своей об'ективной «незыблемости» далеко не равны себе на всем протяжении исторического процесса. «Географическая среда» меняется, хотя климат, почва и устройство поверхности остаются прежними» [1]). Это происходит потому, что меняются производительные силы общества, меняется способность последнего воздействовать на окружающую географическую среду, меняется и социальная среда, внутри и посредством которой и совершается труд человека. Социальные отношения, возникшие на основе определенных производительных сил, в свою очередь влияют на последние и тем влияют на взаимодействие между природными условиями и трудом общества, влияют на превращение возможных предпосылок географического разделения труда в необходимые, способствуют или задерживают этот процесс (примером, подтверждающим последнее, могут служить взаимоотношения между колониями и метрополией).

Можно привести ряд примеров, показывающих диалектику влияния природных условий на географическое разделение труда.

1. Задерживающие, вредные природные условия превращаются в способствующие, полезные. Моря, пороги, водопады и т. д. при слабом развитии производительных сил препятствовали сношению между отдельными народами, теперь же морской транспорт является наиболее дешевым, а пороги и водопады используются как двигательная сила (Ниагарский водопад, Днепрострой и т. д.).

2. Безразличные природные условия превращаются в полезные. Характерный пример-использование многих видов ископаемых; это использование теперь сильно сказывается на локализации отдельных отраслей промышленности (каменноугольная, нефтяная и значитель-

---

время приносит вместе с илом минеральное удобрение с гор. Тайна расцвета промышленности в Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в канализации", К. Маркс. „Капитал", т. I, стр. 399.

[1]) М. Н. Покровский. Предисловие к „Русскому историческому атласу" Кудряшева М. Л. 1928 г. стр. 4.

ное число других отраслей горной промышленности, металлургия и др.).

3. Вредность влияния некоторых природных условий в значительной мере преодолевается. Горы и пустыни перерезываются железными дорогами, пустыни орошаются и т. д. Это дает возможность возникнуть в разных местах новым отраслям производства, устанавливает связь между различными районами и тем способствует развитию географического разделения труда.

4. Способствующие, полезные природные условия превращаются в задерживающие, вредные. Пустыни и горы, предохраняя первоначальные очаги земледельческой культуры от нашествия соседей кочевников, способствовали развитию в некоторых районах земледельческой культуры, а в дальнейшем препятствовали развитию межрайонного географического разделения труда. Случаи превращения способствующих природных условий в задерживающие имеют временный характер и об'ясняются еще слабым развитием производительных сил общества.

Изменение влияния отдельных сторон природы на географическое разделение труда изменяет и всю совокупность их влияния в отдельных районах, изменяет окружающую географическую среду для локализации отдельных видов труда и для развития географического разделения труда.

Мы можем теперь сделать вывод о том, как должна изучать природные условия экономическая география.

В этом отношении руководящими моментами должны служить следующие слова Маркса, где он ясно указывает на диалектику влияния природных условий и на значение природных условий в хозяйственной жизни человека, а именно:

«Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественнах формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек ассоциированные производители рационально (курсив мой, И. А.) регулирует этот свой обмен веществ природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он как слепая сила господствовал над ними; в том, что они совершают его с

наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адэкватных их человеческой природе. Но, тем не менее, это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвесть лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня—основное условие»[1]).

Таким образом, природные условия каждой местности должны быть рассматриваемы обязательно: 1) со стороны влияния природных условий на производительную силу труда; 2) со стороны влияния природных условий в разных местах на издерки производства и на издержки транспортирования; 3) со стороны разнообразия природных условий в данной местности и в окружающих районах; 4) состороны того, какие препятствия «ставила» географическая среда перед населением этой местности в росте производительных сил общества, а следовательно, в развитии географического разделения труда (неблагоприятные природные условия в историческом разрезе), и какие там имелись природные условия для преодоления этих препятствий (благоприятные природные условия в историческом разрезе); 5) в связи с уровнем развития производительных сил изучаемого общества, так как в различные периоды различные виды природных условий в зависимости от уровня производительных сил общества имеют значение в развитии хозяйства, и 6) вместе с тем, природные условия со всех этих сторон должны быть рассматриваемы в том социально-экономическом окружении, в котором только и происходит развитие производительных сил общества и следовательно, должна быть учитываема диалектика влияния географической среды на общество.

Иными словами, природные условия должны быть рассматриваемые в экономической географии в историческом и географическом разрезе и не изолированно, а в связи с развитием производительных сил и внутри определенных социально-экономических отношений.

Отсюда мы можем сделать вывод, что экономическая география не должна выделять в самостоятельный раздел изучение природных условий. Они должны быть учитыва-

---

[1]) Маркс. „Капитал", т. III, ч. 2, стр. 291.

емы в процессе всей работы в той мере, в какой они оказывают влияние на географию хозяйственных явлений. Природные же условия сами по себе должны быть изучаемы физической географией. Традиционная предпосылка в экономико-географической работе специального очерка о природных условиях является методологически неверной и вредной.

Взамен вышеуказанного правильного и единственно-научного подхода к вопросу о влиянии природных условий на хозяйство, мы видим в не-марксистской экономической географии такие перлы, что поневоле вспоминаешь ученых XVI и более древних веков. Особенно грешат в этом представители географического направления (Геттнеровская школа, антропогеографы и геттнерианцы - районники). Вот несколько примеров.

Профессор Геттнер в своей работе «Страноведение Европы» пишет: «Культура классической древности, таким образом, является дочерью восточной культуры; но в другой среде она сильно изменилась и развилась. При этом сыграли роль, главным образом, три условия. Прежде всего, другой климат, который, благодаря своей большей влажности, дал возможность более широкого расселения и вдали от источников и рек, благодаря своей зиме, принуждал к работе и приучал к заботам о будущем, но, благодаря сравнительной мягкости зимы, все таки делал возможной общественную жизнь на открытом воздухе и не действовал настолько угнетающим образом, как на настоящем севере. Во-вторых, сильное горизонтальное и вертикальное расчленение Европы, которое особенно выступает в стране старейшей европейской культуры, в Греции, приводило к образованию небольших национальных единств и к развитию гражданских свобод. В-третьих, близкое соседство с морем вызвало судоходство, торговлю и развитие путей сообщения и таким образом, также содействовало развитию свобод и давало основу для развития наук и искусств» [1].)

Это Геттнер, а вот профессор Синицкий, представитель антропогеографического направления, иными словами, стоящий на общих позициях с Геттнером, пишет:

«Указывают и не без основания, что на развитие общественных свойств английского характера—выдержки, самообладания, инициативы, стойкого упорства в преследовании цели—оказала влияние природа острова..... Но еще больше выработке свойств английского народа, свойств свободного человека содействовало многовековое пользование своими

---

1) Геттнер. „Страноведение Европы" М. Л. 1925 г., стр. 47—48.

гражданскими правами, участие в руководстве судьбами своей родины» [1]).

Не далеко ушел от своего учителя, Геттнера, и геттнерианцев наиболее крупный представитель у нас буржуазного районного направления в экономической географии профессор Бернштейн-Коган. Вот что пишет он в своем главном труде:

«Элементы зональности безусловно наблюдаются до известной степени и в распространении тех или иных форм хозяйственной жизни и в зависимости от зональности факторов: зависимости непосредственной, выражающейся в влиянии природной обстановки на тело и психику человека, и зависимости косвенной, выражающейся в влиянии на хозяйственную жизнь имеющихся в данной зоне почв, растений и животных.

«...и в психике сказывается вполне определенно влияние физико-географических поясов, в частности, и в хозяйственной психике» [2]).

Дальнейшие его рассуждения о выработке «настоящей» или «истинно-хозяйственной психики» в разных широтах в более «научной форме» повторяют мысли Жан Бодена (1530—1597). «По Бодену народы юга призваны для познания глубочайшей мудрости и для передачи ее другим; северные народы приспособлены для труда и техники; народы центральных стран, наоборот—для торговли и торговых сношений,

---

[1]) Синицкий. „Западная Европа", учебник экономической географии. Гиз, 1925 г., стр. 87—88. Последняя фраза у проф. Синицкого является чисто кадетской точкой зрения. Вообще надо самым решительным образом возражать против стремления рассматривать природные условия в экономической географии „лишь в антропогеографическом освещении". („Все факты физической географии могут войти в экономическую географию лишь в антропо-географическом освещении". 3-й тезис общего положения доклада проф. Л. Д. Синицкого „Методика использования физико-географических элементов в экономической географии" на Всероссийском Совещании преподавателей географии с 6 по 10 мая 1929 г.). „Антропогеография отдел географии, рассматривающий землю, как место обитания человека. Антропогеогеография в широком смысле изучает человечество и факты и явления из жизни людей в их пространственном распространении и в их взаимодействии с географическими фактами и явлениями". (Большая Советская Энциклопедия, т. III, стр. 108.). Антропогеографический подход в экономической географии к природным условиям уничтожает специфический подход этой науки—рассмотрение природных условий с точки зрения их различной экономической значимости в разных местах и приводит к таким выводам, к каким пришел проф. Синицкий. Кроме того, в марксисткой классификации наук антропогеографии вообще нет места. Она должна быть выкинута. Часть вопросов отойдет в физическую географию, а часть—в экономическую гесграфию.

[2]) Бернштейн-Коган. Очерки экономической географии М. 1922 г. стр. 33—34.

для выработки законов и установлений порядка в других странах» [1]).

Я не привожу примеров из работ эконом. географов отраслевого и др. тому подобных направлений (проф. Тимофеев, Огановский и другие). В них мы можем найти такие открытия, что Октябрьская революция у нас объясняется физико-географическими условиями [2]), а «господство одних народов над другими» объясняется питанием мясом [3]) и т. д.

Я думаю, что этих примеров достаточно. Не Геттнер и его последователи дадут нам правильный подход к изучению природных условий в экономической географии, а только Маркс и его ученики.

4. Периодизация истории развития хозяйства в экономической географии.

Перейдем ко второму вопросу—периодизация в экономической географии.

Процесс развития географического разделения труда связан с процессом разложения натурального хозяйства, развитием товарно-денежных отношений, ростом капиталистического производства, и заменой последнего социалистическим.

Большая и трудная задача дать подробное описание истории географического разделения труда. Отсутствие до-

---

[1]) Schmidt, Peter Heinrich. Wirtschaftsforschung und Geographie, 1925 г. стр., 14.

[2]) Огановский.

[3]) „Лучшим питательным продуктом признается мясо домашнего скота, в особенности бычье. Люди, питающиеся мясом, отличаются большею силою и выносливостью, чем люди, питающиеся растительною пищею. Народы, питающиеся обильно мясною пищей, всегда будут выше тех, которые не употребляют мяса (курсив мой, И. А.). Многие политико-экономисты указывают на это обстоятельство, как на одно из важных факторов господства одних народов над другими. Так проф. И. М. Кулишер („Основные начала политической экономии", 1918 г.) подчеркивает важное значение употребления мяса, ссылаясь на тот факт, что небольшая горсточка англичан, питающихся мясом, сумела завоевать многомиллионную массу индусов, питающихся в силу религиозных мотивов (переселение душ в животных) одною растительною пищей. Мы не будем входить в оценку правильности этого тезиса, защищаемого некоторыми политико-экономистами, но во всяком случае должны признать мясо крупного рогатого скота самой питательной и даже удобоваримой пищей". Проф. П. Г. Тимофеев. „Экономическая география России." Гиз, 1923 г.

У профессора Тимофеева телячья психология и бычачий империализм. Вот эту ерунду Тимофеев перепечатывал в ряде изданий своего „труда", только в пятом издании он эту глупость выкинул.

статочных материалов по некоторым периодам развития общества (особенно древним), заставляет иногда делать те или иные предположения, выставлять только гипотезы. Работа эта еще затрудняется тем, что исторический материал в значительной своей части не подвергнут обработке с экономико-географической точки зрения, что сказывается и на периодизации развития общества в экономической географии. Наибольшее распространение в экономгеографии имеет деление всемирной истории на следующие периоды:

1) Древние века, речной период, который делится на две эпохи;

а) Эпоха изолированных народов (завершается к XVIII веку до начала нашей эры).

б) Эпоха первоначальных международных сношений и сближений народов (заканчивается приблизительно около 300 года до начала нашей эры).

II. Средние века. Средиземноморский период:

а) Эпоха Средиземного моря (вплоть до Константина Великого).

б) Эпоха морская (эта эпоха охватывает собою весь период Средних веков).

III. Новое время или период океанический:

а) Атлантическая эпоха.

б) Всемирная эпоха.

Это деление предложено Л. И. Мечниковым в его классической работе—«Цивилизация и великие исторические реки». Хоррабин в своем историко-экономическом очерке географии мира в целом придерживается деления Мечникова и дает следующую схему:

I. Период речных долин.

II. Период внутренних морей.

III. Период океанический.

IV. Период сухопутного транспорта (с развитием железных дорог).

Внимательное рассмотрение этих двух схем показывает, что здесь выявлен географический момент, а именно прикрепленность отдельных периодов к определенным территориям и расширение территориальных размеров мировой истории. Но нет в этих схемах экономического момента, поэтому мы не имеем по существу экономико-географической периодизации мировой истории.

Но есть и другие деления в экономической географии, кладущие в основу деления, принятые в буржуазных экономических науках. Так Ритчель дает следующую динамику штандорта:

1) Dorfwirtschaft, деревенское хозяйство, 2) городское хозяйство, 3) территориальное, областное хозяйство (Territorialwirtschaft) и 4) Народное хозяйство и мировое хозяйство [1]).

Или профессор А. А. Рыбников при рассмотрении генезиса общественного географического разделения труда выделяет следующие этапы:

1) первоначальный фазис географического разделения труда, 2) районное, городское общественное разделение труда, 3) стадия народно-хозяйственной системы, 4) система мирового хозяйства (национальное народное хозяйство стоит на пути к реконструкции в систему мирового хозяйства [2]).

В основе этих делений лежит учение К. Бюхера, изложенное в его работе «Возникновение народного хозяйства».

В таком подходе мы видим опять же чистый географизм, пространственность, не выясняющую социальных особенностей каждого этапа. Подход чисто механистический. С этим вполне согласуется заключительное слово профессора Рыбникова о географическом разделении труда, где им не замечаются особенности периода империализма и выдвигаются моменты рациональности и тем открывается путь к теории организованного капитализма [3]). Это опять вполне согласуется с его исходным положением—от Бюхера.

Здесь же надо отметить, что профессор А. А. Рыбников для географического разделения труда в капиталистическом обществе не вводит прибыль, как регулирующий момент, а ограничивается формулой Ц < И + Ф, основанной к тому же на количественной теории стоимости вульгарной полит. экономии (см. «Введение в эконом. географию» литогр. издан. М. 1929 г. стр. 28, см. также «Влияние улучшенного транспорта. Саратов, 1929 г., стр. 3). Поэтому Рыбников не может выделить специфические особенности капиталистического способа производства, беря только особенности товарного хозяйства. Он не принял во внимание, что «две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства: во-первых, оно производит свои продукты в виде товаров... Вторая особенность специально характеризующая капиталистический способ производства, это—производство прибавочной стоимости, как прямая цель и определяющий мотив производства» [4]).

---

[1]) По статье Е. Л. Гурари в „Соц. хозяйстве“ № 5 за 1929 г. стр. 208—212.

[2]) Проф. Рыбников. „Основы“ стр. 186, 187, 192.

[3]) Проф. Рыбников. Основные вопросы экономической географии, стр. 200.

[4]) Маркс. „Капитал“, т. III, ч. 2-я, стр. 340—341.

В основу экономико-географического деления развития общества на этапы необходимо положить марксистское учение об экономических формациях, способах производства [1]). Экономическая география и здесь должна выделить то своеобразное, что отличает ее от других экономических наук, а именно территориальное распространение данной формации. Таким образом, экономико-географическое деление развития общества на этапы должно быть произведено по двум признакам: во-первых, основной признак, способ производства (в понимании Маркса) и во-вторых, территориальное распространение этого способа производства. При этом мы имеем основных три этапа в развитии общества: 1) докапиталистический, 2) капиталистический и 3) коммунистический. Тогда мы получим следующую схему:

I. Натурально-патриархальный способ производства, (родовой строй), разложение натурально-патриархального способа производства и возникновение первоначальных очагов общественного разделения труда.

II. Феодальный способ производства и разложение феодального способа производства, в районах великих рек. Период древних речных культур.

III. Античный способ производства (рабство древнего мира) (период средиземноморский).

IV. Феодальный способ производства в Европе в средние века—европейский период средних веков [2]).

V. Разложение феодального производства в Европе и период первоначального накопления (возникновение современного мирового хозяйства [3]).

VI. Современный капиталистический способ производства, океанический период, с подразделением на этапы промышленного капитализма и империализма .

VII. Коммунистический способ производства, с подразделением на периоды диктатуры пролетариата и социализма и мирового коммунизма.

---

[1]) «В общих чертах можно наметить как прогрессивные эпохи экономического формирования общества: азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства». К. Маркс. «К критике политической экономии», предисловие.

[2]) Мы понимаем всю условность понятия средние века, но вынуждены употребить это выражение для краткости.

[3]) Этот период не характеризуется особым способом производства, но мы его все же выделили от предыдущего этапа, т. к. он характеризуется значительным расширением территориальных рамок хозяйственной деятельности (развитие вширь) и имеет огромные последствия в дальнейшем—возникновение капиталистического мирового хозяйства и международного разделения труда.

Эта периодизация является условной и схематичной, но такая схема необходима для выявления отличительных особенностей географического разделения труда в каждом из основных этапов развития общества. В отдельных районах мы будем иметь ряд отличительных особенностей в развитии географического разделения труда. Напр., периодизацию по Средней Азии мы даем несколько иную, но она построена на тех же исходных положениях (см. стр. 151—153).

На этом закончим рассмотрение географического разделения труда.

5. Проблема размещения отдельных отраслей хозяйства при капиталистическом способе производства.

После того, как наука установит простейшее понятие следует вторая стадия научной работы: процесс восхождения от простейшего к сложному, к «данному конкретному целому». В каждой науке процесс этот имеет свои отличия, в котором, как и в процессе сведения сложного к простому, выявляются методологические особенности данной науки и который должен соответствовать действительному движению вещей, отображать действительность. Экономическая география из понятия географического разделения труда должна вывести понятие территориально-хозяйственной совокупности, понятие экономического района. Самый процесс выведения в экономической географии должен итти через отрасли хозяйства, так как: 1) производственная связь при географическом разделении труда в хозяйствах района устанавливается через отрасли хозяйства; 2) историческое развитие идет путем разложения производственных процессов на отдельные отрасли хозяйства и путем неравномерности их развития в период капиталистического хозяйства, когда одна отрасль производства перегоняет другие и стремится выйти за пределы старого района хозяйственных отношений; и 3) отдельные отрасли хозяйства в своем сочетании и соотношении дают экономические районы.

Поэтому к изучению экономических районов необходимо перейти после изучения законов географического размещения отдельных отраслей хозяйства.

Буржуазная научная мысль в экономической географии идет в данное время от изучения закономерности размещения отдельных отраслей (штандорт сельского хозяйства и штандорт промышленности) к общей закономерности размещения хозяйства (общая теория штандорта).

Некоторые эконом.-географы (например Рыбников) считают необходимым начинать анализ не с географического

разделения труда, а с размещения отдельных отраслей хозяйства. Нам кажется, что такой подход методологически неверен, т. к. он целиком основан на частнохозяйственном и механическом подходе, когда общие законы выводятся как сумма отдельных явлений, когда все сводится к «теории факторов». Сперва надо установить основные закономерности географического разделения труда, а затем уже перейти к размещению отдельных отраслей хозяйства. При чем закономерности размещения отдельных отраслей хозяйства должны быть выведены из закона географического разделения труда.

Но отсюда нельзя делать того вывода, что закономерности размещения отдельных отраслей хозяйства целиком могут быть сведены к закону географического разделения труда. Размещение отдельных отраслей хозяйства более сложное явление, чем географическое разделение труда. Это усложнение идет и со стороны материальной структуры и со стороны социально-экономических форм. В связи с выделением отдельных отраслей хозяйства изменяется и техника их производства, изменяются орудия, средства производства, предмет труда, материальные производительные силы и производительность рабочей силы. Каждая отрасль в промышленности в этом отношении начинает выделяться своими специфическими отличиями, которые безусловно необходимо учесть при изучении географического размещения отраслей промышленности. В сельском хозяйстве мы не имеем такой дифференциации, здесь продолжает существовать сочетание отдельных отраслей внутри одного хозяйства, но и там, это сочетание происходит все больше вокруг одной отрасли хозяйства, вокруг той, на которой данное хозяйство специализируется в системе географического разделения труда (ведущая отрасль) [1]).

Изменения в социально-экономических отношениях происходят в переходе и в замене одних форм хозяйства другими. Происходит замена докапиталистических форм капи-

[1]) „По самой природе земледелия, превращение его в товарное производство происходит особым путем, непохожим на соответствующий процесс в индустрии. Промышленность обрабатывающая раскалывается на отдельные, совершенно самостоятельные отрасли, посвященные исключительно производству одного продукта или одной части продукта. Земледельческая же промышленность не раскалывается на совершенно отдельные отрасли, а только специализируется на производство в одном случае—одного, в другом случае—другого рыночного продукта, при чем остальные стороны сельского хозяйства приспособляются к этому главному (т. е. рыночному) продукту. Поэтому формы торгового земледелия отличаются гигантским разнообразием, водоизменяясь не только в различных районах, но и в различных хозяйствах. Поэтому при рассмотрении вопроса о росте торгового земледелия никак нельзя ограничиваться огульными данными о всем земледельческом производстве". Ленин, т. III, стр. 247—248.

талистическими и одних типов капиталистических отношений другими, и получаются различнейшие сочетания, отличающиеся по типам производственных отношений. Этот момент должен быть не только учитываем, но положен во главу угла при изучении размещения отдельных отраслей хозяйства. Изучение размещения отдельных отраслей хозяйства нельзя ограничивать рассмотрением только отдельных элементов материального их выражения (орудия труда, предмет труда, продукция и т. д.), или рассмотрением структуры данной отрасли (соотношение составляющих элементов этой отрасли), но необходимо изучать географическое размещение форм отдельных отраслей хозяйства, типов производственных отношений в этих отраслях хозяйства.

Именно последняя задача должна быть основной в экономической географии. Так, если мы имеем какое-либо сельско-хозяйственное или промышленное предприятие, мы должны рассмотреть сочетание не только отдельных элементов этого предприятия (соотношение между полеводством и животноводством, соотношение между отдельными культурами полеводства и т. д.), но также и в особенности производственный тип этого предприятия (патриархальное, натуральное земледелие, товарное земледелие, капиталистическое земледелие; форма промышленности—ремесло, кустарничество, мануфактура, фабрика; крупное и мелкое производства и т. д.). Руководящими указаниями в таком подходе должны явиться работы Ленина, в особенности—«Развитие капитализма в России», «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», «О продовольственном налоге», «Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы» и др.

В изучении отдельных отраслей хозяйства экономическая география должна оставаться наукой экономической и изучать географическое размещение производственных форм отдельных отраслей хозяйства. Это не значит, что экономическая география не изучает географического размещения материальной стороны отраслей хозяйства, но это рассмотрение подчиняется первому, т. е. подход и здесь тот же, что и при изучении географического разделения труда.

Изучение отдельных отраслей хозяйства должно заканчиваться изучением типов районов отдельных отраслей хозяйства и тем подводить к изучению интегральных районов в экономической географии[1]).

[1]) Когда мы говорим об интегральных районах, это не значит, что мы их мыслим как сумму или наложение районов отдельных отраслей. Нет, экономический интегральный район является по существу более слож-

В сельском хозяйстве принято изучать большею частью или размещение отдельных культур или систем хозяйства и полеводства. При чем сельско-хозяйственная экономия под системами хозяйства и полеводства опять же понимает то или иное сочетание культур. Основной вопрос, чем должны заниматься экономические науки,—типы производственных отношений в процессе производства тех или иных культур,— упускается из виду. Это не значит, что при характеристике типов не должны быть учитываемы производимые культуры и их сочетание (системы полеводства), они должны войти в характеристику типов, но должны играть подчиненную роль в характеристике производственных отношений и типов хозяйственного развития в отдельных районах[1]). В основном в современном капиталистическом мировом хозяйстве мы можем выделить два главных типа сельскохозяйственного развития: 1) американский, наиболее капиталистический, где феодальные пережитки играют незначительную роль, и 2) прусский, с сильным развитием крупного помещичьего землевладения и сохранением в значительной степени феодальных пережитков. Это наиболее типичные, основные формы развития. Между ними есть переходные формы. Из этих переходных форм в особенности надо отметить: а) французский подтип, с развитием мелкокрестьянского землевладения, и б) колониальный, с приспособлением докапиталистических аграрных отношений к империалистической эксплоатации метрополии. Внутри одной страны отдельные районы могут иметь различные направления в развитии сельского

ным явлением известного производственного сочетания отдельных отраслей хозяйства на определенной территории, а не простой суммой их (см. подробнее ниже об эконом. районах). Это положение необходимо особенно подчеркнуть, так как среди эконом. географов существует механистический подход в данном вопросе.

[1]) Вот как характеризует Ленин основные типы сельского хозяйства в С. А. Штатах: „ . . . первые две категории (сено и хлеба, смешанные) могут быть названы средними и по степени развития капиталистического характера хозяйства (расход на наемный труд ближе всего к среднему: 0,35—0,47 при средней для всех Сев. Штатов 0,43) и по интенсивности земледелия". „Две следующие категории, скотоводство и хлопок, показывают нам образец форм наименее капиталистических (расход на наемный труд 0,29—0,30 при среднем 0,43) и с наименее интенсивным земледелием. Величина стоимости орудий и машин здесь наименьшая и значительно ниже среднего (0,66 и 0,53 против 0,90)". „ . . . последние три разряда— овощи, фрукты, молочные продукты—суть формы, во-первых наиболее мелкие (33—63 акра обработанной земли против 42—86, 46—111 в других категориях); во-вторых, наиболее капиталистические: расход на наемный труд наивысший, в 2—6 раз выше среднего; в-третьих, самые интенсивные. Почти все признаки интенсивности земледелия стоят здесь выше среднего, и расход на удобрение, и стоимость машин, и стоимость скота." Ленин, т. IX, стр. 235—236.

хозяйства (например, Запад и Юг С. А. Штатов, Восток и Запад Германии, Центральные губернии и Северный Кавказ России, Фергана и Голодная степь Средней Азии и т. д.).

У нас сейчас господствует в экономико-географической литературе и в преподавании в ВУЗах и КОМВУЗах теория размещения сельского хозяйства Тюнена и теория размещения промышленности Вебера.

До сих пор мы не имеем марксистской теории размещения отдельных отраслей хозяйства [1]), не имеем также всестороннюю критику этих буржуазных теорий.

Тюнен в своих построениях исходит из положений классической политической экономии в понимании цены (по Адаму Смиту) [2]) и ренты (по Рикардо) [3]) и стоит на положении закона падающей производительности последующих затрат (закон убывающего плодородия) [4]). Уже эти моменты, не говоря о других неправильно допущенных им положениях (например, об издержках на рабочую силу), не дают возможности принятия теории Тюнена за основу закономерности размещения сельскохозяйственного производства. У последователей Тюнена мы видим еще большую подчеркнутость некоторых неправильных его положений. Так «в учениях Эребо-Бринкмана, наиболее авторитетных современных германских экономистов—сельскохозяйственников, дающих нам штандорт сельского хозяйства, мы находим значительно более ярко, чем у Тюнена, подчеркнутую индивидуалистическую, частнохозяйственную точку зрения, во-первых, а во-вторых, все их построения систематически и последовательно развертываются на принципах падающей производительности». (Рыбников, Основы, стр. 89). В работах Тюнена и его учеников нет динамического подхода и потому нет

---

[1]) Первую, хотя и не совсем удачную попытку по отношению к сельскому хозяйству делает Лященко в своей статье о теории штандорта сельского хозяйства. См. „На аграрном фронте“ за 1929 г. № 4 стр. 43—65. См. также 2-й том его Социальной экономии сельского хозяйства. Но эта работа не разрешает всех проблем и некоторые положения автора неверны (отнесение ренты к издержкам производства, к интенцифирующему фактору и т. д.). По промышленности более подробную критику Вебера дает Пробст в статье «К теории промышленного штандорта» в 7-м номере «Господарство Украины» за 1930 год, но также недостаточно и местами неверно.

[2]) Тюнен. Стр. 29—30.

[3]) Тюнен, стр. 32—33.

[4]) Тюнен, например стр. 67. Нельзя, как это делает профессор Рыбников, абстрагировать построения Тюнена от закона падения производительности. Это закрывает глаза на всю систему Тюнена. См. Рыбников Основы, стр. 43.

представления о развитии сел.-хоз. техники, о соответствующих изменениях в системах с.-х. и в их размещении.

Но все же Тюнен и его ученики строят теорию штандорта, исходя из основных положений теоретической экономии, пускай неправильной, а А. Вебер в своей теории размещения промышленности во главу угла кладет моменты технические. У него почти совершенно отсутствует экономический анализ. Последний подменен им техническим (например, виды сырья и др.) или математическим анализом (штандортные фигуры, веса и т. д.). Да и техника взята в статике. Динамика у Вебера, как и у многих буржуазных ученых (напр., Бернштейн-Коган, Геттнер, Рыбников и др.) подменена генезисом. Теория размещения промышленности Вебера тесно увязана с теорией организованного капитализма.

Такой подход об'ясняется стремлением рассматривать размещение промышленности вне социально-экономических форм (вне капиталистического хозяйства), представлять размещение в капиталистических условиях, как размещение в едином частнохозяйственном тресте (организованный капитализм).

Что это так, подтверждают рассуждения Вебера о штандорте «чистого» хозяйства, который получается, если отбросить специфические формы его проявления в капиталистических условиях. Так он и поступает, чтобы получить «чистую» теорию штандорта [1]).

Кроме того, Вебер занимается проблемой выбора наивыгоднейшего места нахождения для единичного предприятия. Здесь у него типичный подход буржуазных экономистов, частнохозяйственный подход, который рассматривает народное хозяйство как сумму индивидуальных хозяйств.

Поэтому вполне понятны попытки экономизировать положения Вебера и внести необходимые изменения в его теорию.

Так Энглендер в своей работе Theorie des Gûterverkehrs und der Frachtsâtze выдвигает свою теорию штандорта, основанную на теории предельной полезности, что безусловно не приемлемо для марксистской экономич. географии. Марксисты еще не прокритиковали соответствующим образом Вебера, а некоторые из них предпочитают брать его без критики [2]) и вводить, как обязательную часть программы для вузов.

Штандорт отдельных отраслей хозяйства необходимо выводить из закона географического разделения труда, а по-

---

[1]) A. Weber. Ueber den Standort der Industrien. Tübingen, 1922, S. 25.

[2]) Например Морозов (см. его статьи в „Социалистическом хозяй-

скольку пока идет речь о штандорте в капиталистическом хозяйстве, необходимо положить в основу отличительные особенностси именно этого способа производства и двигательную пружину последнего—товарное хозяйство и производство прибавочной стоимости, как прямую цель и определяющий мотив производства [1]). При этом должны быть учтены отличительные особенности отдельных отраслей хозяйства: отличия в сельском хозяйстве и промышленности и в отдельных отраслях промышленности, в строении капитала, времени обращения, различие между временем производства и рабочим периодом, большое значение в сельском хозяйстве ренты, как штандортообразующего фактора в промышленности—процента на капитал и т. д. Кроме того должны быть, как уже отмечалось выше, обязательно и в первую очередь изучаемы производственные отношения, типы производственных отношений в с. х. и в промышленности в их географическом размещении.

Работа эта серьезная и большая, требует самостоятельного рассмотрения. Здесь же мы только наметим те главнейшие моменты, которые положены в основу нашей работы по Средней Азии.

Штандортообразующие факторы в основном можно разделить на три группы: 1) локализирующие, 2) рассеивающие и 3) динамические (усиливающие или задерживающие развитие хозяйства в данной местности).

Сперва в общих чертах рассмотрим штандортообразующие факторы в капиталистическом сельском хозяйстве.

Земельная рента является штандартообразующим фактором, отталкивающим, рассеивающим и задерживающим развитие сельского хозяйства. Стремление достичь относительно минимальной доли ренты на единицу продукта, точнее, в его стоимости ,действует рассеивающе на размещение отраслей сельского хозяйства. Действие этого фактора задерживается транспортным фактором, который действует локализирующим образом. Действие последнего сказывается в том, что отрасли, производящие об'емистые и дешевые продукты, на единицу которых значительно падают транспортные издержки, и отрасли, производящие скоропортящиеся продукты, размещаются ближе к рынку сбыта [2]).

стве") Баранский (см. его предисловие к переводу Вебера).

[1]) Маркс, т. III, ч. 2-я стр. 340 и 341.

[2]) „Чем неустойчивее товар, чем скорее должен он быть потреблен, а следовательно, и продан после его производства, тем на меньшее расстояние от места своего производства может он быть удален, тем, следовательно, пространственно уже сфера его обращения, тем более местный характер носит рынок сбыта. Поэтому, чем быстрее портится товар, чем

Заработная плата (издержки на рабочую силу) действует с одной стороны отталкивающим образом и с другой стороны способствует развитию механизации сельского хозяйства. При некоторых исторических условиях (прусский тип развития сельского хозяйства) и в областях, близких к индустриальным центрам (напр. б. ЦЧО) может образоваться аграрное перенаселение, что задерживает развитие техники сельского хозяйства и перехода к более совершенным формам хозяйства, в значительной степени сохраняя докапиталистические формы эксплоатации. В некоторых отдаленных районах, в связи с недостатком рабочей силы, высокой зарплатой, низкой земельной рентой развивается механизация сельского хозяйства и в более чистом виде развиваются капиталистические отношения.

Издержки на постоянный капитал, получаемый из промышленности действуют обычно «притягивающим» образом, получаемый же в самом сельском хозяйстве будет действовать рассеивающим образом. Особенно сильно влияет на географию сельского хозяйства размещение промышленности, производящей некоторые виды средств производства, например, минеральные удобрения, некоторые строительные материалы, горючие материалы и т. д., т. е. малотранспортабельные продукты. Значительно меньшую роль в этом отношении играет география сельскохозяйственной машиностроительной промышленности.

ограниченнее абсолютный предел его обращения как товара, обуславливаемый его физическими свойствами, тем менее пригоден он служить предметом капиталистического производства. Такой товар может быть захвачен капиталистическим производством только в плотно населенных местностях или в той мере, как с развитием средств транспорта уничтожаются расстояния. Концентрация же производства какого-нибудь товара в немногих руках в местностях с густым населением может создать относительно большой рынок и для таких товаров, каковы например, крупные пивоваренные заводы, молочные фермы и т. д." К. Маркс—„Капитал" т. II, стр. 78. В этих словах Маркса мы имеем об'яснение географического размещения некоторых отраслей сельского х-ва и влияния на них возникновения индустриальных центров. Именно влиянием времени обращения и транспортными издержками надо об'яснить размещения вблизи рынка этих интенсивных отраслей сельского хоз-ва, а не влиянием ренты. Действия этих факторов преодолевают рассеивающее влияние земельной ренты. Прав Г. Гордеев в своей рецензии на работу проф. П. И. Лященко „Социальная экономия сельского хозяйства", когда указывает, что ренту нельзя считать издержками производства и им об'яснять интенсификацию сельского х-ва („План. Хозяйство", № 4 за 1930 г., стр. 288). Но нельзя согласиться с Гордеевым, что земельная рента не является штандортообразующим фактором. Влияние ренты сказывается не в составе издержек производства, а как часть прибавочной стоимости, отнимаемой землевладельцами у капиталистических предпринимателей в сельском хозяйстве.

Благодаря существующей связи между сельским хозяйством и промышленностью размещение промышленности оказывает влияние и в других отношениях на размещение сельского хозяйства. Некоторые отрасли промышленности и промышленные центры выступают как рынки сбыта сельскохозяйственных продуктов (сырья для переработки на фабриках и заводах и продуктов питания) и их размещение через транспортный фактор влияет на размещение сельского хозяйства. Нужно отметить, что некоторые отрасли сельского хозяйства, районы распространения которых ограничиваются природными условиями и продукты которых являются малотранспортабельными, сами притягивают к себе промышленность, перерабатывающую эти виды сельскохозяйственного сырья.

Низкий органический состав капитала в сельском хозяйстве усиливает действие фактора зарплаты и действие второго случая издержек на постоянный капитал.

Значительное различие между временем производства и рабочим периодом в сельском хозяйстве задерживает процесс дифференциации сельского х-ва, отделения от него промышленности и тем затрудняет локализацию отдельных отраслей сельского хозяйства в различных районах. Действие этого фактора в связи с развитием сельскохозяйственной техники и индустриализацией сельского хозяйства ослабляется.

Покровительственная и таможенная политика государства оказывает влияние на развитие в отдельных странах и районах некоторых отраслей сельского хозяйства и промышленности, которые работают там с большими издержками, чем конкурирующие с ними отрасли в других странах и районах.

Влияние колониальной политики империалистических стран сказывается локализирующим образом на некоторые отрасли сельского хозяйства в колониях: колония развивает те отрасли сельского хозяйства, которые являются сырьевой и продовольственной базой метрополии, при этом сохраняются докапиталистические формы эксплоатации и капитализм развивается, подчиняя и приспосабливая их себе.

Существование мелкого крестьянского хозяйства оказывает на размещение сельского хозяйства влияние аналогичное с влиянием аграрного перенесения, т. е. как еще остаток докапиталистических условий. При этом надо помнить, что «мелкий земледелец при капитализме становится — хочет он этого или нет, замечает ли он это или нет — товаропроизводителем». (Ленин, т. IX, стр. 254) и подвергается эксплоатации со стороны капитала, благодаря чему

он бывает вынужден отдавать часто не только прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта. Кроме того, надо учитывать дифференциацию крестьянского хозяйства.

Основные ошибки в теориях сельскохозяйственного штандорта следующие: 1) частно-хозяйственный подход (свойствен всем буржуазным теориям), 2) признание закона падающей производительности последующих затрат, (закон убывающего плодородия и предельности затрат—Тюнен, Эребо, Бринкман, Рыбников, Маслов и др.) 3) признание «природного фактора» определяющим в размещении сельского хозяйства (напр., Скворцов), тогда как задача не в том, как природа, в частности климат, определяет границы той или иной культуры, а в том, как в границах, определяемых природой, климатом, складываются хозяйственные системы по производству той или иной культуры; 4) выставление фактора населения и его плотности, в их абсолютном и внеисторическом понимании, как штандортообразующий фактор (например, Челинцев, Кажанов и др.).

Остановимся в нескольких словах на штандорте промышленности. Значительная диференцированность промышленного производства, различие в органическом составе отдельных отраслей, неравномерность развития отраслей промышленности и т. д., создают большую динамичность в размещении отдельных отраслей промышленности и требуют учета своеобразия каждого из них. При анализе штандортообразующих факторов в капиталистическом хозяйстве мы должны исходить из положения, что промышленникам из присваемой ими прибавочной стоимости часть приходится отдавать землевладельцам—земельную ренту.

Норма прибыли (p^1) капиталиста будет тем больше, чем выше норма эксплоатации (m^1), чем меньше затраты на постоянный капитал (c) и переменный (v) в расчете на единицу продукции $\left(p' = m' \frac{v}{c + v} \right)$

Влияние основных штандортообразующих факторов в промышленности следующее.

Затраты на постоянный капитал должны быть разбиты на две части—на основной капитал и оборотную часть постоянного капитала.

Рост основного капитала в промышленности ведет к закреплению промышленности на том месте, где она возникла в прошлом и где в данное время могут отпасть некоторые преимущества этого местонахождения (преимущества в области сырья, сбыта и т. д.). Быстрое же материальное и моральное снашивание основ-

ного капитала в связи с действием транспортных расходов, расходов на рабочую силу, земельной ренты и т. д. делает возможным перемещение промышленности в районы, с более благоприятными условиями, т. е. в значительной степени уничтожает «прикрепляющее» действие роста основного капитала. Развитие техники производства, применение силы животных, воды и ветра, замена их паром и электричеством меняют условия размещения промышленности.

Величина затрат основного капитала на единицу продукции является отталкивающим в размещении промышленности и поэтому промышленность ориентируется туда, где эти затраты ниже.

Затраты на оборотную часть постоянного капитала надо рассматривать в связи с транспортными издержками. Чем выше издержки на оборотную часть и чем ниже доля транспортных издержек в затрате на оборотную часть на единицу продукции, тем больше возможно рассеивание, тем больший может быть отрыв от сырьевой базы. При обратном сочетании производство будет более локализировано. Действие весотеряющего и чистого сырья сказывается через затрату на единицу продукции как на сырье, так и на его перевозку и перевозку готового изделия. Поэтому география отдельных видов сырья, в особенности весотеряющих, промоздких и малоценных, перевозка которых обходится очень дорого на единицу продукции, в сильной степени оказывает влияние на размещение промышленности, притягивает ее к себе (например, география сахарной свеклы для сахарной промышленности, география хлопка для хлопкоочистительной промышленности и т. д.).

Издержки транспорта действуют локализирующим образом (см. «Капитал», т. II, стр. 78, 94—96).

Затраты на рабочую силу действуют в двух направлениях: локализирующим и концентрирующим образом в крупных центрах, в связи с потребностью в высококвалифицированной рабочей силе, и рассеивающим в связи с погоней за дешевой рабочей силой.

В действии влияния процента на заемный капитал мы видим борьбу двух тенденций: предприниматель стремиться получить заем там, где низкий процент на капитал, а заемодавец стремится вложить свой капитал туда, где % на него выше. Реальное осуществление действий этих двух тенденций получается в вывозе капитала.

Земельная рента и в размещении промышленности действует как отталкивающий и задерживающий развитие промышленности фактор и препятствует процессу территориальной концентрации промышленности.

Скорость оборота и издержки обращения действуют локализирующим образом в районах сбыта. Особенно сильно этот фактор влияет на те отрасли, которые работают непосредственно на потребителя и производят разнообразные ассортименты.

Агломерация основана на уменьшении издержек производства и обращения при совместном существовании нескольких отраслей промышленности и содействует территориальной концентрации промышленности.

Действие покровительственной и таможенной политики сказывается также, как и в сельском хозяйстве (см. стр. 84).

Колониальная политика империалистических стран задерживает процесс индустриализации колоний, развивает в них специальные отрасли промышленности (добыча сырья и придача им транспортабельности), и путем эксплоатации колоний империалистические державы имеют возможность развивать у себя такие отрасли промышленности, которые при свободной конкуренции находились бы в экономическом отношении в более худших условиях, чем в колониях.

Ремесло и кустарничество, как мелкое производство с низким органическим составом капитала, ориентируется на рынки сбыта; только скупщик дает возможность некоторой территориальной концентрации мелкого производства вдали от рынка сбыта. Ремесло должно быть учитываемо, как еще остаток докапиталистических условий в промышленности и уже подвергающееся эксплоатации со стороны капитала.

Основные ошибки буржуазных теорий штандорта промышленности следующие: 1) Частно-хозяйственный подход, рассмотрение размещения отдельных предприятий, а не отдельных отраслей промышленности. 2) Натуралистический подход (материально-технический аспекту Вебера, благодаря которому Вебер размещение добывающей промышленности определяет только природными условиями. Тогда как природа сама по себе непосредственно не определяет еще размещения добывающей промышленности, она лишь создает известные предпосылки для него, лишь ограничивает те пункты, в которых вообще возможно нахождение соответствующей отрасли добывающей промышленности. И лишь экономические условия определяют, в каких из числа данных природой месторождениях должна быть развита добыча). 3) Основание своих положений на теории предельной полезности (Энглендер).

Для выяснения штандорта отдельных отраслей хозяйства необходимо показать действие штадортообразующих

факторов в их взаимной связи, в совокупности, только тогда мы получим правильное представление о размещении отдельных отраслей хозяйства. Но эта работа требует самостоятельного исследования. Мы же ограничились только первоначальными замечаниями по этому важному и мало еще разработанному марксистами вопросу.

Мы здесь также не имеем возможности специально коснуться вопроса о географии транспорта. А на данном вопросе надо было бы остановиться, т. к. марксистская экономика почти не занималась им и эта область до последнего времени являлась исключительной монополией буржуазных эконом-географов (проф. Дове, Бернштейн-Коган и др.).

Профессор Бернштейн-Коган высказывается против включения в объект изучения эконом. географии закономерностей общего порядка как теории Тюнена и Вебера [1]). Мотивирует это он тем, что экономическая география является наукой идиографической. Бернштейн-Коган в своих построениях вполне последователен. Деление им наук на идиографические и номографические, целиком взяты из Риккерта и Чупрова, отсюда и следует его подход к изучению отдельных отраслей хозяйства. Такое деление ничего общего не имеет с марксистской классификацией наук. На критике этой точки зрения я остановлюсь ниже. Выше мы уже видели как требует изучать отдельные отрасли хозяйства проф. Бернштейн-Коган, глава буржуазного районного направления у нас. (см. стр. 49).

Таким образом, вопрос о месте отраслей хозяйства в экономической географии состоит вовсе не в том, надо изучать отрасли хозяйства или нет, а в том, как изучать эти отрасли. В эту же плоскость должен быть перенесен спор между отраслевым и районным направлением в экономической географии. Да и вообще, теперь стоит вопрос не о споре между отраслевым и районным направлениями в эконом. географии, а идет борьба между буржуазной эконом. географией и марксистской. Последняя может выковаться в стройную систему только в процессе непримиримой борьбы со всякими буржуазными течениями в эконом. географии. Кто этого не понимает или кто этой борьбе препятствует, тот препятствует быстрейшему созданию марксистской эконом. географии.

6. Экономические районы в капиталистическом обществе.

Перейдем к рассмотрению экономического района.

В результате географического разделения труда и производственной связи между отдельными отраслями хозяй-

[1]) Бернштейн-Коган,—«Очерки», стр. 14—15.

ства образуются экономические районы, отличные друг от друга по своей хозяйственной структуре, по своеобразному сочетанию и соотношению отраслей хозяйства и по типу производственных отношений.

Экономический район—явление экономического порядка, оно указывает на сочетание и соотношение экономических явлений—хозяйственных структур и типов производственных отношений—на определенной территории, отличное от сочетания и соотношения в других местах.

Сущность экономического района лучше всего выяснить при рассмотрении своеобразного сочетания и соотношения отраслей хозяйства и своеобразных производственных отношений внутри района.

Основные отрасли хозяйства—промышленность и сельское хозяйство,—находящиеся в одном районе уже фактом своего совместного нахождения оказывают друг на друга влияние, не говоря о тех отраслях промышленности, которые работают на местном сел. хоз. сырье. Связь ясна и в том случае, когда сельское хозяйство района служит рынком для промышленности района. Наряду с этими, как бы видимыми связями устанавливаются и другие.

Избыточное сельское население находит приложение своей рабочей силы в промышленности района. Это не значит, что население промышленных районов не идет на заработки в другие районы, но вся картина отхода в районах промышленных и сельскохозяйственных резко отличается. Возьмем для примера два промышленных района (б. Центрально-промышленная область и Ленинградская область) и два сельскохозяйственных (быв. Средне-Волжская область и Центрально-черноземная область) и посмотрим, какой процент крестьянского отхожего населения уходит на заработки за пределы своего района[1]). Оказывается в ЦПО 69,1% отходников находят заработок в пределах своей же области и только 30,9%—уходят за пределы области, в Л. О. процент остающихся в области достигает даже 83,4%, тогда как в Ср. В. О. и в Ц. Ч. О. видим обратную картину: в Ср. В. О. внутри области находят заработок 28,3% отходников, а вне—71,7%, в Ц. Ч. О.—внутри только 17%, вне же—83%. Говоря о районных особенностей сельскохозяйственного отхода надо учитывать современное существование крепостнических пережитков или господство крепостнических отношений в прошлом.

[1]) Данные 1924 г. (по Минцу) за неимением довоенных данных.

Сельское хозяйство в районе влияния промышленных центров, которые являются крупными потребительскими центрам (рынками), подвергается усиленной интенсификации. Достаточно указать на такие промышленные центры как Ленинград, Москва и др. Вообще промышленность оказывает на сельское хозяйство своего рода революционизирующее влияние—увеличивает товарность хозяйства, интенсивность, машинизацию, ускоряет переход к более совершенным системам ведения хозяйства и т. д. Наоборот, слабое развитие промышленности в районе служит тормозом в развитии сельского хозяйства: с ростом распашек земли, увеличением плотности населения при отсталой технике и существовании крепостнических пережитков сельское хозяйство района испытывает кризис, как например, в Центрально-черноземной области быв. России.

Но и внутри сельского хозяйства и промышленности, в свою очередь, устанавливается в пределах района своеобразное сочетание отдельных отраслей. Не будем повторять здесь известных фактов, рисующих, как устанавливается известное соотношение между земледелием и скотоводством внутри известных систем хозяйства и полеводства. Остановимся кратко на промышленности. Развитие кустарной промышленности принимает совершенно различное направление в районах с высоко развитой крупной индустрией и в районах со слабым развитием, в районах с крепостническими пережитками. Достаточно указать в подтверждение этого на промышленность в Ц. Ч. О. и быв. Вятско-Ветлужской области. Да и между отраслями крупной промышленности также создается взаимодействие, основанное на известной выгоде нахождения в одном месте. Последнее создает им ряд преимуществ. Не останавливаясь подробно на этом, можно указать на совместное использование энергетических рессурсов, транспортной сети, отходов других предприятий, и уменьшения издержек обращения и т. д.; кроме того, некоторые отрасли даже возникают как дополнительные к уже существующим (напр., производство красок в быв. ЦПО для текстильной промышленности и т. д.).

Устанавливается соотношение внутри района и между отдельными видами транспорта. Хотя более совершенный транспорт вытесняет отсталые виды, как крупная промышленность вытесняет мелкую, но в определенное время в каждом районе между ними устанавливается разделение труда, они взаимно друг друга дополняют. Отдельные виды транспорта специализируются на перевозке некоторых грузов; напр., водный, речной транспорт перевозит, главным образом, лес, нефть и др., а такие виды транспорта как гужевой, главным

образом, играют роль под'ездных путей. Кроме того, хозяйство района оказывает влияние на работу транспорта в районе. Устанавливается взаимозависимость и связь между промышленностью и сельским хозяйством, с одной стороны, и транспортом, с другой.

Рассматривая сочетания отдельных отраслей хозяйства, мы не должны забывать социальную структуру отраслей и создающиеся типы производственных отношений внутри района. Экономический район является наиболее сложным явлением изучаемым экономической географией. В экономическом районе мы должны выяснить всю сложность производственных отношений, существующих в пределах этого района, должны выяснить имеющиеся там общественно-экономические уклады и их территориальное распространение. Иными словами, необходимо изучить территориальное размещение и сочетание в районе общественно-экономических укладов и взаимодействие между ними и процесс воспроизводства района со всеми присущими капиталистическим районам противоречиями.

Если в каком-либо районе возникает новый способ производства, если в какой-либо отрасли хозяйства района устанавливаются иные производственные отношения, то это отражается на всем хозяйственном укладе района, видоизменяются, разлагаются, уничтожаются старые производственные отношения, создается другой тип производственных отношений. Иногда в этом районе не меняются состав и соотношение отраслей хозяйства, но зато изменяется социальная сущность их. Эти изменения должны быть исследуемы экономической географией и они должны войти в характеристику района. Ярким примером в этом отношении может служить превращение уже существующей отрасли хозяйства в районе в отрасль капиталистического типа. Например, образование в Средней Азии промышленного садоводства. Сказав, что здесь мы имеем сады и что там производятся груши или яблоки или другие фрукты, мы еще ничего не сказали, мы не дали экономическую характеристику этого садоводства, классовую его сущность.

Возникновение в районе, например, капиталистических форм хозяйства создает иные, чем были раньше, связи между отдельными отраслями хозяйства. Происходит классовое расслоение, происходит перераспределение средств производства, создается класс рабочих и капиталистов, создаются более сложные связи между сельским хозяйством и промышленностью, между отдельными отраслями сельского хозяйства и т. д. и т. п. Мимо этих вопросов эконом-географ не может и не должен проходить.

Надо самым категорическим образом отвергнуть теорию механистического сочетания укладов, типов производственных отношений в районе, их спокойное совместное существование. Между ними идет борьба, новые формы вытесняют старые, старые борются за свое прежнее место и т. д. Именно это, выявление своеобразий сочетания типов производственных отношений внутри отдельных районов, и является основным в экономической географии.

Экономические районы не являются реальными совокупностями в понимании Чупрова, а с ним вместе Бернштейн-Когана, Рыбникова и др. Проф. Чупров пишет: «... искусственным совокупностям могут быть противопоставлены совокупности реальные, созидаемые самою жизнью» [1]. «Отбрасывая.... как лишенное почвы и в то же время слишком расплывчатое, требование односторонности единиц, входящих в совокупность, я за основу определения понятия реальной совокупности принимаю наличность между отдельными единицами, в нее входящими, такого рода взаимодействие, которое способно обеспечить длительное существование совокупностей» [2]. Требование такого взаимодействия, которое создает длительное существование совокупностей, ведет к гармонии внутри районов, не выявляет противоположности экономических явлений, образующих экономический район. В столкновении этих противоположностей, в борьбе их и лежит начало развития района. В экономическом районе мы обнаруживаем соотносительность экономических явлений, их взаимную связь, в которой одно необходимо дополняет с в о е «другое», его «о п о с р е д с т в у е т», т. е. служит средством развития и проявления этого другого.

Здесь, как и всюду, мы видим проявление закона единства и взаимопроникновения противоположностей.

Рассмотрение экономических районов как реальных совокупностей в понимании Чупрова, а с ним вместе и профессоров Бернштейна-Когана и Рыбникова, является также подменой теории воспроизводства в экономической географии теорией равновесия.

Таким образом, внутри экономического района устанавливается многообразная, сложная и противоречивая форма связей между отдельными отраслями хозяйства, своеобразное сочетание и соотношение последних в каждом от-

---

[1]) Ч у п р о в „Очерки теории статистики", стр. III.

[2]) Там же, стр. 114. В примечании А. Чупров продолжает: „Ср. Sigwart, Logik, Bd. II, s. 256 ff. Не лишено интереса отметить, что длительность составляет не только логическую, но и психологическую основу понятия „вещи", и при том не только „коллективной вещи" но и вещи вообще". (Там же).

дельном районе и возникает особый тип производственных отношений. В процессе воспроизводства должно быть воспроизводимо не только географическое размещение отдельных экономических явлений, но и сочетание и соотношение этих явлений в каждой данной местности, т. е. экономические районы со всеми их противоречиями.

Каковы же факторы районообразования?

Экономические районы являются результатом происходящего в течение многих лет географического разделения труда. Факторы образования экономических районов в основном те же, которые определяют географическое разделение труда и размещения отдельных отраслей х-ва, но они усложняются действием специальных факторов, ведущих к установлению производственной связи между отраслями хозяйства внутри района и к образованию их сочетания и соотношения.

Не будем повторять факторы развития географического разделения труда. В деле же образования экономических районов является новый усложняющий момент, который можно назвать соединением (агломерацией) в широком смысле этого слова. В нескольких словах остановимся на причинах этого явления. Они следующие: во-первых, выгодность совместного использования энергетических и сырьевых ресурсов и транспорта одной местности несколькими отраслями хозяйства, во-вторых, выгодность взаимного обслуживания друг друга хозяйствами одной местности, в третьих, образование рыночных отношений между отраслями хозяйства, находящимися в данной местности (рынок сырья, рынок рабочей силы и рынок капитала), в четвертых, выгодность территориальной концентрации и централизации капитала и, в пятых, влияние изменений технических и социальных отношений в одной отрасли на другие. Все эти факторы действуют как в совокупности между собою, так и с другими вышеуказанными факторами районнообразования.

Отдельные районы существуют не изолированно друг от друга: они находятся во взаимной связи и во взаимодействии. Это взаимодействие устанавливается в двух направлениях: во-первых, между отраслями хозяйства, относящимися к различным стадиям производственного процесса и находящимися в различных районах (напр., хлопчатобумажная промышленность в быв. Центрально-промышленной области и хлопководство и хлопковая промышленность в Средней Азии), и во-вторых, между целыми территориально-хозяйственными комплексами, экономическими районами (напр., влияния промышленных областей быв. России—ЦПО и Сев. Зап. О. и Западной Европы на специализацию Запад-

ной Области). В последнем случае взаимодействие между районами сказывается через экономико-географическое их положение, различную ступень хозяйственного развития, но в конечном счете это взаимодействие опять же устанавливается через отрасли хозяйства.

Процес воспроизводства и обращения всего общественного капитала происходит путем обмена между двумя подразделениями: I (v+m)—стоимости, которые в руках производителей их существуют в натуральной форме средств производства, на II c—на стоимоети, существующие в натуральной форме средств потребления, и путем обмена в пределах подразделения II (см. «Капитал», т. II, гл. 12 м 13). Географическое разделение труда приводит к тому, что районы производства средств производства и районы производства средств потребления большею частью отделяются друг от друга; происходит также территориальное отделение районов производства, и районов выколачивания прибавочной стоимости от районов присвоения этой стоимости. Одни районы выступают как районы производства средств производства, другие—как районы производства средств потребления, третьи—как районы, с значительным процентом рабочего населения, или с значительным процентом эксплоататорских слоев населения и т. д. В зависимости от этого, связи между отдельными районами принимают различные формы. Если «сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д. различны в зависимости от климатических и других особенностей природы той или другой страны», то «с другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют продукт истории и зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим и от того, при каких условиях, а, следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих»[1]). Потребности рабочих различных стран и районов различны и зависят не столько от природных особенностей каждого района, сколько от исторических особенностей. Еще большее различие мы видим в потреблении капиталистов и рабочих. Поэтому при изучении отдельных районов и стран, при изучении районов потребления и производства тех или иных товаров необходимо изучить классовую структуру населения в этих районах, только тогда мы поймем различия в связях между отдельными районами.

---

[1]) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 113.

До последнего времени экономгеография, изучая районы потребления и их своеобразия, ограничивалась только различиями в природных условиях отдельных районов.

Существующие взаимодействия между районами показывают, с одной стороны, на установившуюся в данный момент специализацию этих районов и, с другой стороны, взаимодействие районов является фактором или задерживающим или способствующим развитию основной специализации района, а иногда и устанавливающим новое направление в развитии района. Так, с проведением железных дорог в Средней Азии, с установлением связи между промышленностью ЦПО и сельским хозяйством Средней Азии, развитие хозяйства последней приняло иное направление и иной темп: в Средней Азии произошло разложение натурального х-ва, возникновение товарно-денежных отношений, установление новых форм хозяйства — капиталистических, и Средняя Азия быстро превратилась в сырьевую базу для текстильной промышленности центральных губерний России и в колонию Российской империи. Следовательно, к установленным выше факторам районообразования необходимо прибавить еще фактор—взаимодействие районов.

Факторы районообразования и взаимодействия между районами в современном капиталистическом мировом хозяйстве можно правильно понять, только исходя из закона неравномерности развития капитализма. Такой подход дает нам ключ к пониманию возникновения новых центров производства, новых районов и перемещения центров мирового хозяйства, к пониманию колониального типа развития отдельных стран, к пониманию места данной страны в системе империализма, к пониманию взаимоотношения между империалистическими и колониальными и полуколониальными странами, к пониманию неравномерности развития отдельных стран [1]). Империалистическая политика в капиталистических странах вытупает как один из важнейших факторов районообразования в современном мировом хозяйстве. Здесь методы внеэкономического принуждения, колониальной эксплоатации, насильственной специализации на отдельных только отраслях хозяйства, служащие дополнением к хозяйству метрополии, и т. д. играют огромную роль.

---

[1]) Всякие „теории комплементарных районов“ (проф. Бернштейн-Коган), об'ясняющие взаимоотношения между районами только различием в природных условиях и оправдывающих империалистическую политику „великих держав“, должны быть решительно отвергнуты. См. более подробную критику этой теории в моей статье „Учение Геттнера и марксистская экономическая география“ в 3-м номере „Социалистич. хозяйства“ за 1930 год.

В современном мировом хозяйстве, в связи с выпадением СССР из системы мирового капиталистического хозяйства и некапиталистическим путем развития Монголии и Тувы, мы имеем новые формы связи в мировом хозяйстве и борьбу двух систем—капиталистической и советской.

Перейдем к следующим проблемам, связанным с учением об экономических районах.

Все сказанное выше приводит к выводу, что выделение экономических районов по одним только природным признакам совершенно невозможно. Для того, чтобы выделение было возможно более правильным, необходимо принять во внимание всю совокупность факторов, ведущих к образованию экономического района, причем природным условиям, как основной предпосылке в развитии хозяйства, должно быть уделено достаточное внимание. Но при характеристике экономического района по совокупности признаков для каждого района придется избрать, как основную, одну какую-либо группу признаков, являющихся наиболее характерной и существенной, остальные группы—брать как подчиненные и второстепенные. Выбор этой основной группы признаков зависит от специализации данного экономического района: в зависимости от того, к какому типу будет относиться тот или иной район, будет меняться основная группа признаков характеризующих район. В районах промышленного типа следует характеризовать район по промышленным признакам, а сельско-хозяйственные признаки поставить на второе место. Обратное должно иметь место по отношению к сельско-хозяйственным районам. Опять повторяем, эта характеристика не должна ограничиваться одним статистическим описанием отраслей и их соотношения, а должна дать описание типов производственных отношений.

Здесь мы подходим вплотную к проблеме типологии в экономической географии. Особенно большое значение имеет эта проблема в учении об экономических районах. Типы районов должны характеризовать экономическую сторону района, а именно основную его специализацию по отраслям хозяйства и по производственной функции и своеобразие сочетания и соотношения хозяйственных явлений внутри района, Эти моменты оттеняют, во-первых, хозяйственное отличие одного района от другого, во-вторых, положение данного района в системе других районов в современном мировом хозяйстве и системе империализма. Исходя из этих положений должны быть намечены типы конкретных экономических районов.

Из сказанного об экономических районах следует, что типы экономических районов должны быть выделены по трем основным признакам и их сочетание должно дать характеристику типа района. Эти признаки следующие: во-первых, характеристика производственных отношений, во-вторых, характеристика основной специализации района и сочетания отраслей в районе вокруг этой специализации и, в третьих, место данного района в системе других районов (напр., в нар. х-ве, мировом х-ве, системе империализма), эти характеристики должны выявить тип района в динамике, т. е. в самой характеристике типа должны быть отмечены моменты движения, динамики, стадии капиталистического развития.

Классификация типов экономических районов является в экономической географии одним из наименее разработанных разделов науки. Методологические указания в выделении типов экономических районов, как интегральных, так, в особенности, сельско-хозяйственных, дают работы Ленина.

В своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин выделяет в европейской части России следующие основные сельско-хозяйственные районы: 1) район торгового зернового хозяйства, 2) район торгового скотоводства, 3) район льноводства, 4) районы с развитием технической обработки сельско-хозяйственных продуктов (винокурение, свекло. сахарное производство, картофельно-крахмальное производство, маслобойное производство), 5) районы табаководства, 6) районы промышленного огородничества и садоводства, районы подгородного хозяйства [1]).

Как видим, наименование районов заключает в себе указание на основную специализацию района, но тут же дается по некоторым районам и производственное направление этой специализации. При характеристике же отдельных районов Ленин наряду с основной специализацией дает яркую характеристику типов производственных отношений внутри каждого района и взаимоотношения с другими районами. Приведем несколько примеров. 1. Район торгового зернового хозяйства. «Этот район обнимает южную и восточную окраину Европейской России, степные губернии Новороссии и Заволжья. Земледелие отличается здесь экстенсивным характером и громадным производством зерна на продажу» [2]). «Всего более сеется здесь пшеницы—главного экспортного

---

[1]) Ленин. т. III, стр. 199—246.
[2]) Там же стр. 199.

хлеба. Земледелие здесь развивается всего быстрее(сравнительно с другими районами России), и эти губернии отгесняют на второй план средне-черноземные губернии, первенствовавшие раньше»[1]). «Этот интересный факт громадного роста земледельческого производства в описываемом районе объясняется тем, что степные окраины были в пореформенную эпоху колонией центральной, давно заселенной Европейской России. Обилие свободных земель привлекало сюда громадный приток переселенцев, которые быстро расширяли посевы. Широкое развитие торговых посевов было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний, с одной стороны, с центральной Россией, с другой стороны — с европейскими странами, ввозящими зерно. Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого»[2]). «Во второй главе мы видели, какие крупные посевы имеют в этих местностях крестьяне, как резко проявляются здесь капиталистические отношения даже внутри общины. В предыдущей главе мы видели, что в этом районе особенно быстро развилось употребление машин, что капиталистические фермы окраин привлекают сотни тысяч и миллионы наемных рабочих, развивая невиданные раньше в земледелии крупные хозяйства с широкой кооперацией наемных рабочих и т. д.»[3]) «...описываемый район является наиболее типичным районом земледельческого капитализма в России,—типичным не в сельско-хозяйственном, конечно, а в общественно-экономическом смысле. Эти наиболее свободно развившиеся колонии показывают, нам, какие отношения могли бы и должны бы были развиться и в остальной России, если бы многочисленные остатки дореформенного быта не сдерживали капитализма. Формы же земледельческого капитализма, как видно будет из дальнейшего, чрезвычайно разнообразны»[4]). Вот пример характеристики другого района.

«...Мы переходим к другому важнейшему району земледельческого капитализма в России, именно, к области, в которой преобладающее значение имеют не зерновые продукты, а продукты скотоводства. Эта область охватывает, кроме прибалтийских и западных губерний, губернии северные, промышленные и части некоторых центральных губерний (Рязанской, Орловской, Тульской, Нижегородской).

---

[1]) Ленин, т. III стр. 200.
[2]) Там же, стр. 200—201.
[3]) Там же, стр. 201.
[4]) Там же

Продуктивность скота получает здесь молочно-хозяйственное направление, и весь характер земледелия приспособляется к тому, чтобы получать возможно большее количество возможно более ценных рыночных продуктов этого рода» [1]). «О промышленных губерниях вообще мы читаем: «Целый переворот сделало в положении хозяйств этого района развитие молочного хозяйства», оно «косвенно повлияло также и на улучшение земледелия», «молочное дело в районе с каждым годом развивается» [1]). «В Ярославской губернии молочное хозяйство с каждым годом развивается... Сыроварни и маслодельни начали даже приобретать некоторый промышленный характер... молоко скупается у соседей и даже у крестьян. Встречаются сыроварни, содержимые целой кампанией владельцев». «Общее направление здешнего земледельческого хозяйства,—пишет один корреспондент из Даниловского уезда Ярославской губернии,—характеризуется в настоящее время следующими признаками: 1) переходом от трехпольного севооборота к 5—7 польному с посевом трав на полях; 2) распашкой залежей; 3) введением молочного хозяйства, а как следствие его—более строгий подбор скота и улучшение содержания его» [2]). «Капитализм подчиняет себе один из продуктов сельского хозяйства, и к этому главному продукту приноравливаются все остальные стороны хозяйства. Содержание молочного скота вызывает посев трав, переход от трехполья к многопольным системам и т. д. Остатки, получающиеся при производстве сыра, идут на откармливание скота, поступающего в продажу. Предприятием становится не одна переработка молока, а все сельское хозяйство. Влияние сыроварен и маслоделен не ограничивается теми хозяйствами, в которых они заведены, так как молоко нередко скупается у окрестных крестьян и помещиков. Посредством, скупки молока капитал подчиняет себе и мелких земледельцев, особенно при устройстве так называемых «сборочных молочных», распространение которых было уже констатировано в 70-х годах» [4]).

«...данные о заработной плате свидетельствуют, что землевладельческий капитализм в описываемом районе не только создает спрос на наемный труд, но и распределяет этот спрос равномернее по всему году.

«Наконец, необходимо указать еще на один вид зависимости мелкого земледельца в описываемом районе от

---

[1]) Ленин, т. III, стр. 204.
[2]) Там же, стр. 207.
[3]) Там же, стр. 207.
[4]) Там же, стр. 210.

крупного хозяина. Это—ремонт помещичьих стад покупкой скота у крестьян. Помещики находят более выгодным покупать скот у крестьян, которые по нужде продают его «себе в убыток», чем выращивать скот самим,—точно также, как наши скупщики в так называемой кустарной промышленности предпочитают нередко покупать у кустарей готовый продукт по разорительно-дешевой цене, чем производить этот продукт в своих мастерских»[1]).

В этой же работе Ленин дает типы промышленных районов. Например, характеристика двух горно-промышленных районов России—Урала и Юга. Вот как характеризует Ленин эти два района (приведем только некоторые выдержки):

«В исходный период пореформенного развития России главным центром горной промышленности был Урал. Образуя район,—до самого последнего времени резко отделенный от центральной России,—Урал представляет из себя в то же время оригинальный строй промышленности. В основе «организации труда» на Урале издавна лежало крепостное право, которое и до сих пор, до самого конца XIX века, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта. Во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»[2]).

«Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и технически-первобытная эксплоатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени—такова общая картина Урала. Южный район горнопромышленности представляет из себя во многих отношениях диаметральную противоположность Урала. Насколько Урал стар и господствующие на Урале порядки «освящены веками», настолько Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения. В Южную Россию целыми массами переселились и переселяются иностранные капиталы, инженеры, и рабочие, а в современную эпоху горячки (1898) туда перевозятся из Америки целые заводы. Международный капитал не затруднился пересе-

[1]) Ленин, т. III, стр. 214.
[2]) Там же, стр. 392–393.

литься внутрь таможенной стены и устроиться на «чужой» почве: ubi bene, ubi patria»...[1]).

В параграфе 8-м седьмой главы, посвященной размещению крупной промышленности, Ленин также касается типов размещения крупной промышленности.

В своей работе о развитии капитализма в земледелии САСШ Ленин делит Соединенные Штаты на три сельскохозяйственные района: 1) Колонизуемый запад и гомстэды, 2) промышленный север и 3) бывший рабовладельческий юг. В самых названиях этой классификации ясно видна социальная сущность каждого района.

При характеристике Ленин в каждом районе выделяет основные отрасли, их структуру, развитие, темп, социальные отношения, классовую структуру отраслей и т. д. Получается действительно экономическая характеристика района.

В своей работе по Средней Азии мы постарались использовать методологию экономического районирования, которую дает Ленин в этих своих работах. Перед эконом-географами марксистами еще стоит большая задача дать свою классификацию типов экономических районов в противовес классификации буржуазных ученых экономистов-географов.

Выделение одного района от другого требует не только характеристики его по определенным признакам, не только отнесения к известному типу, но также установления границ этого района. Некоторые эконом-географы считают невозможным ввиду быстрой изменчивости экономических явлений проводить границы районов, другие считают, что основные характерные черты района находятся только в центре, а на перифирии они выражены слабо и незаметно переходят в другие черты. Провести границы района на вечные времена действительно невозможно, да и нет нужды, но для каждого данного момента и на определенный отрезок времени можно и необходимо провести эти границы. Границы района должны проходить там, где один тип производственных отношений и внутрихозяйственных связей данной местности переходит в другой и где совершается также переход от влияния одной основной отрасли специализации к влиянию другой. Работа эта технически трудная,—т. к. экономической географией еще слабо разработаны методы выделения района,—но теоретически вполне мыслимая и практически осуществимая.

Перейдем к последнему вопросу: как изучать экономические районы?

---

[1]) Ленин, т. III, стр. 395—396.

Из всего же сказанного можно составить следующую схему изучения экономических районов:

1. Процесс хозяйственной специализации района на основе развития географического разделения труда (история формирования района). Природа и история должны быть рассматриваемы не сами по себе и не изолировано, а как факторы районообразования и в их совокупности.

2. Характеристика современного положения района:

1) Уровень развития производительных сил района и структура хозяйства (типы производственных отношений, общественно-экономические уклады, борьба между ними);

2) основные отрасли хозяйства и их географическое размещение, противоречия в развитии отдельных отраслей х-ва;

3) внутриобластные хозяйственные комплексы (типы внутренних эконом. районов), внутренняя связь и противоречия;

4) взаимодействие с другими областями (баланс области: транспортный, расчетный, рабочей силы и т. д.).

3. Перспективы развития района. Необходимо выяснить намечающейся изменения в типе производственных отношений, в специализации района, в границах и т. д. Особо нужно остановиться на тех физико-географических и социально-экономических предпосылках, которые имеются для осуществления намечающихся изменений в развитии района, и на возникающих в связи с этим противоречиях.

В учении об экономических районах преобладающим направлением в современной экономической географии является идеалистическое направление, в первую очередь направление, базирующееся на философии кантианцев-Геттнера и неокантианцев-Риккерта—Чупрова. Наиболее ярким представителем этого направления у нас является профессор Бернштейн-Коган. Исходные положения известной буржуазной философии истории Риккерта,—против которой в свое время решительно боролись историки-марксисты [1]),—и Гетра проникли в географию. Основные положения Риккерта

[1]) „Перед мною стояла задача просто разбить то, что развивал Риккерт и его ученики, в частности в России Чупров, что никаких исторических закономерностей нет, что история не может быть наукой. Это имело в себе совершенно определенный социальный привкус, вскрытый мною еще в моей статье о Риккерте в свое время. Это была четкая буржуазная философия истории, если можно так выразиться, и с ней нужно было бороться, нужно было показать, что закономерность есть". Покровский, в прениях по докладу Невского „История партии, как наука". В „Трудах первой всесоюзной конференции историков-марксистов", т. I Издательство Комм. Акад. М. 1930 г. (стр. 104).

с несущественными изменениями развивал в русской литературе проф. А. А. Чупров[1]).

Большинство эконом-географов понятие экономического района основывает на учении о реальных совокупностях (см. Чупров). Это понятие переносит в экономическую географию проф. Бернштейн-Коган, который, вполне последовательно придерживаясь философии Риккера—Чупрова, отрицает номографичность экономической географии, отрицает необходимость изучения закономерностей размещения отраслей хозяйства и законов географического разделения труда (см. его Очерки). Эклектическое положение занимает профессор Рыбников. Он также при конструировании понятия экономического района кладет в основу учение о реальных совокупностях Чупрова[2]). Но в дальнейших своих построениях он непоследователен, так как считает закономерным включение в объект изучения экономической географии теорий Тюнена и Вебера.

В учении об экономических районах у проф. Рыбникова нет ясности и правильности в понимании закономерностей капиталистического хозяйства. Он в данном случае, как и в учении о географическом разделении труда проводит мысль об организованном капитализме. Для него закономерности, действующие на организационно-производственную связь как внутри хозяйства, так и внутри района (т. е. между хозяйствами) одни и те же[3]).

Остается еще сказать несколько слов о существующих классификациях типов экономических районов. Классификация профессора Бернштейн-Когана является у нас первой значительной попыткой в этой области в экономической географии. Он в своих «Очерках» дает как бы две классификации, одна из них схема (см. таблицы типов), а другая—типы

---

[1]) См. Чупров. Очерки статистики. 1910 г.

[2]) Рыбников, „Систематика основных типов экономических районов". „Экон.-географический сборник" под ред. Баранского, Бернштейн-Когана, Рыбникова и Синицкого, 1929 г. стр. 6. «Экономическими районами мы называем пространства, в которых, вследствие внешних факторов и организационно-производственных связей, сочетание отраслей наблюдается в определенных устойчивых комбинациях. В литературе такие сочетания получили название реальных совокупностей, т. е. таких сочетаний, в которых «между отдельными единицами имеется такого рода взаимодействие которое способно обеспечить длительное существование совокупностей». А. Чупров. Очерки статистики. 1910, стр. 14.

[3]) Рыбников. „Основные вопросы", стр. 222. „После рассмотрения организационно-производственных связей по использованию сырья, труда и капитала внутри хозяйства или района (курсив мой, И. А.), нам становится совершенно ясным, что такие связи имеют существенное значение в формировании сочитания отраслей в пределах какой-либо территории".

стран. Между этими двумя классификациями нет у проф. Бернштейн-Когана достаточной увязки, за исключением районов тропических зон. По первой классификации он выделяет следующие районы: 1) районы умеренной зоны: а) лесной подтип, б) степной и лесной подтип; 2) районы переходной зоны: а) средиземноморский подтип, б) субтропический пустынный подтип и 3) район тропической зоны: а) внешний тропический подтип и б) собственно тропики.

Как уже отмечалось выше, это выделение районов у проф. Бернштейн-Когана почти целиком основано на природных факторах, да и самая характеристика в значительной степени ограничивается природными явлениями. Эта классификация является только некоторым дополнением к физико-географическим ландшафтам. Во второй своей классификации (в тех же очерках) проф. Бернштейн-Коган дает следующие типы: 1) Англия, как ярко выраженный тип промышленной страны, 2) Соединенные Штаты, как страна с гармоничным (!) развитием индустриальных и аграрных элементов, 3) Аргентина, как чисто аграрная страна, 4) Германия, как промышленная страна с блестящим развитием сельского хозяйства, 5) Франция, как аграрно-индустриальная страна с медленным темпом развития экономической жизни, 6) Италия, как страна переходная от умеренного к подтропическому типу и находящаяся в состоянии длительного аграрного кризиса и 7) субтропические и тропические районы.

Эта классификация является значительным шагом вперед по сравнению с первой. Здесь даже учтены некоторые моменты экономической динамики (см. напр., Франция, Италия). Но в своих очерках при характеристике отдельных стран проф. Бернштейн-Коган не изменяет себе. Он не дает полной экономической характеристики района, а все факторы почти исключительно сводит к природе и к географии (в плохом ее понимании). Достаточно привести два примера. Вот что он пишет о специализации тропических стран: «Вообще же говоря, тропики—место мало благоприятное для развития обрабатывающей промышленности. Их «призвание», если можно так выразиться в данном случае, те «специальные культуры», примеры которых я вам только что приводил» [1]).

Вот как объясняет проф. Бренштейн-Коган империализм Германии: «Вот эта экономико-географическая дисгармония, неизбежное стремление к получению «комплементарных» районов, была одной из главных причин вступле-

---

[1]) Проф. Бернштейн-Коган. Очерки, стр. 191.

ния Германии на тот путь, который привел ее к военной катастрофе»[1]).

Да, абсолютно не везет экономической географии с объяснением империализма. У одних империализм объясняется бычьим мясом, у других неизбежным стремлением к экономико-географической гармонии!

За последнее время в СССР наибольшей распространенностью пользуется среди экономистов географоз систематика (классификация) основных типов районов проф. Рыбникова. Его систематика во многих отношениях стоит выше систематики проф. Бернштейн-Когана. Проф. Рыбников выделяет следующие основные зоны: 1) Промышленные с подразделением на: а) старые промышленные зоны, б) портовые зоны, лежащие на основных импортно-экспортных путях, в) горнопромышленные зоны; 2) Промышленные, сельскохозяйственные и лесные зоны—зоны технической переработки весотеряющего сельско-хозяйственного сырья; 3) сельскохозяйственные и лесные зоны с подразделением на: а) зерново-скотоводческие зоны и б) скотоводческие зоны[2]).

В составе факторов, обусловливающих возникновение того или иного типа района, он приводит, в противовес проф. Бренштейн-Когану, ряд экономических факторов (квалифицированный труд, вложение капитала, дешевый труд, высокая заработная плата и т. д.) Но в характеристике отдельных типов он ограничивается почти только спецификацией и сочетанием отраслей. Нет никакой характеристики типов производственных отношений. Интересно в этом отношении сравнить характеристику горнопромышленных районов, которую дает проф. Рыбников, с вышеприведенной характеристикой промышленных районов России у Ленина (см. Рыбников, Основы, стр. 240—241 и Ленин, т. III, стр. 392—402). Если работы проф. Рыбникова являются шагом вперед в сравнении с работами проф. Бренштейн-Когана, Григорьева и др., то эти же работы являются значительным и определенным шагом назад от тех попутных только замечаний о районах, которые сделаны Лениным в его работах по развитию капи-

[1]) Там же, стр. 157.

[2]) Проф. Рыбников. „Основы", стр. 236—237. Характерно, что Н. Н Баранский в своих работах. (Предисловие к атласу проф. Силищенского и Краткий курс эконом. географии) берет без всякой критики классификацию типов районов проф. Рыбникова и тем показывает «путь» преодоления буржуазных учений. Вопросу преодоления буржуазных учений Н. Н. Баранский придает большое значение (напр., он пишет в предисловиях к Геттнеру: «В выработке правильной методологии экономической географии пройти мимо Геттнера едва ли удастся. Задача здесь не в том, чтобы пройти мимо, а в том чтобы «преодолеть» (стр. 5), но нигде не показывает в своих работах,как это делать, а берет Геттнера без критики.

тализма в России и в Соединенных Штатах. Мы должны использовать некоторые места в работе проф. Рыбникова, но не его систематику мы должны положить в основу классификации экономических районов, а основные положения и указания Ленина, о которых мы уже говорили выше.

В учениях об экономических районах имеет также большое распространение учение, которое в основу районов кладет географические ландшафты [1]). Это от Геттнера. Так он считает, «что деление земной поверхности по прежним или по современным государственным или национальным областям искусственно. То же суждение действительно и для делений по хозяйственным и культурным формам, а также и по хозяйственным и транспортным областям. Они важны для данного ряда явлений и их последствий, но действие их слишком мало распространяется на другие царства природы и даже на прочие географические явления человека, чтобы иметь значение для общегеографического деления» [2]). Далее он продолжает: «... явления из области географии человека будут охвачены гораздо яснее в их природной обусловленности, если они будут рассматриваться беспристрастно в рамках естественного деления, чем если бы они сами были положены с самого начала в основу деления [3]). Эти утверждения Геттнера являются логическим выводом из его основного положения—экономическая география есть часть общей географии. «Страноведческая или хорологическая концепция как природы, так и человека, как мы увидим ниже, пишет Геттнер,—во всех существенных пунктах идентичны и никоим образом не ведут к распадению географии на две различные науки» [4]). Как мы уже видели выше (см. стр. 48) Геттнер к экономической географии относит только те явления, которые непосредственно обусловлены природой страны. «География ограничивается теми фактами, которые стоят в непосредственной связи с природой страны, что, впрочем, относится и к плотности населения и к движению населения [4]). Эти положения ничего общего с марксизмом не имеют. Концепция Гетнера у нас господствует в страноведческой литературе и нашла даже отражение в Большой Советской Энциклопедии. Возьмем для примера статьи—Велико-

---

[1]) Напр., проф. Л. С. Берг. См. его „Ландшафтно-географические зоны СССР", М. Л. 1931 г. и др. работы.

[2]) А. Геттнер. „География, ее история, сущность и методы". Перев. с немецкого под ред. Баранского, Гиз, 1930 г., стр. 283—284.

[3]) Там же, стр. 284.

[4]) Геттнер. Указ. соч., стр. 117. „. . . география должна применять к человеку ту же самую хорологическую точку зрения, как и к природе". Там же, стр. 132.

[5]) Гетнер. Указ. соч. стр. 135.

британия и Германия. В статьях по этим странам очерк об экономико-географических районах дается перед экономическим очерком в непосредственной связи с физической географией, и не учитываются в должной мере экономические и социальные факторы районообразования и центр тяжести переносится на факторы природные, физико-географические (см. Б. С. Э. т. т. 9 и 15)[1]):

Философии Геттнера—Риккерта—Чупрова и в экономической географии должен быть противопоставлен диалектический материализм—учение Маркса—Энгельса—Ленина. Марксизм не отрицает своеобразия хозяйства отдельных территорий, не отрицает важности и необходимости изучения эмпирического материала для понимания этого своеобразия, но считает, что своеобразие отдельных районов имеют один и тот же экономический базис, характерный для данного способа производства. Маркс это положение четко выразил в следующих словах: «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем, его специфическая экономическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям,—отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, и потому и общественной производительной силе последнего,—вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис—один и тот же со стороны главных условий—благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношени-

---

[1]) Статьи эти написаны проф. Синицким и Бернштейн-Коганом. Они остались вполне верными себе, что и надо было ожидать. Очень характерным также показателем теоретических концепций, господствующих в географическом отделении Б. С. Э, служат статьи проф. Григорьева (о Геттнере в XVI томе), Каменецкого и Берга (о географии в XV томе), Крубера и Баранского (об антропогеографии в III-м томе) и т. д. См. об этом подробнее мою статью в 3-м номере «Соц. Х-во» за 1930.

ям, действующим извне историческим влияниям и т. д. может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа эмпирически данных обстоятельств»[1]).

Вот эти слова Маркса и должны быть исходными в построении экономической географии, а «философия» Геттнера и ему подобных должна быть сдана в архив. Это не значит, что мы не должны использовать положительные стороны в работах буржуазных ученых, это значит, что мы не должны методологию, философию диалектического материализма заменять методологией, философией Канта и неокантианцев и проч.

Нам необходимо было бы остановиться на разборе методологии районирования некоторых буржуазных экономистов, но так как наше методологическое введение сильно разрослось, мы отметим только самые основные моменты и главным образом в работах тех, методами которых пользуются и по сей день при районировании у нас (проф. проф. Челинцев, Котов, Кажанов).

У всех у них, будь то представитель натуралистического метода районирования (напр., проф. Челинцев), или ценностного (напр., проф. А. А. Котов), или телеологического (напр., проф. Кажанов), исходные методологические положения одни и те же—неонародничество. Этому не противоречит то, что А. А. Котов открещивается от трудопотребительской теории Челинцева и др.[2]). А. А. Котов сам же считает, что разница между его методом и методом проф. Челинцева сводится к тому, что он, Котов, «ведет основной анализ по счетным территориям ценностным путем и позволяет себе, делая доработку и иллюстрацию выделенных районов, пользоваться для некоторых из них натуралистическими показателями. А. Н. Челинцев, наоборот, до сих пор вел первичный анализ по натуралистическим признакам и заключенное по этим признакам районирование позволял себе иллюстрировать ценностными показателями». Дальше А. Котов указывает, что «по существу районирование у него (А. А. Котова, И. А.) основывается на законах изменения доходности и ренты в пространстве»[3]). И вот этот свой метод А. А. Котов считает приемлемым во все время и при всех условиях, т. е. и в

---

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 267. Курсив мой.

[2]) А. Котов—К вопросу о методологии и технике сельхоз. районирования. „Пути сельского хозяйства“ 1929 г., № 5 (47), стр. 35.

[3]) Там же.

условиях советского, планового хозяйства [1]). При этом А. А. Котов показывает полное непонимание отличия между советским хозяйством и капиталистическим, между советским хозяйством и хозяйством семьи, между народным хозяйством и частным индивидуальным хозяйством. Вот его рассуждения на этот счет: «Итак, народное хозяйство с экономической точки зрения в целом так же должно строиться по закону оптимума, как и любой технический процесс или частное индивидуальное хозяйство. Но как мы видели, оптимум частного хозяйства часто противоречит оптимуму народного хозяйства. Для народного хозяйства отдельные частные хозяйства, включая сюда и государственные и кооперативные, такие же слагающие элементы, как для частного наличия труда, капитала и земли. И на известной стадии развития производительных сил в народном хозяйстве так же нецелесообразно было бы переоценивать значение капиталовложения в государственные предприятия, как неправильно, когда семья, владеющая 5-ю десятинами земли, завела бы сеялку и жатву. В обоих случаях выбор был бы ошибочен, хозяйство несло бы убыток, ибо в обоих случаях никакого оптимума не существует» [2]). Отсюда логически следует его понимание планирования, которое сводится к Кондратьевско-Громанскому предвидению и ничего общего не имеет с планированием в советском хозяйстве. А. А. Котов заканчивает свою работу о размещении сельского хоз-ва и промышленности следующими соображениями о построении народно-хозяйственного баланса: «...для правильного построения народно-хозяйственного баланса, как явственно следует из нашей работы, необходим целый ряд предпосылок:

«...3) Суммирование результатов форм хозяйства в пределах района, а потом и суммирование самих районов в их конкретности только и способно дать настоящие величины для построения контрольных цифр.

«4) В какой мере все эти условия не выполнены, значение контрольных цифр становится проблематичным с точки зрения их полезной ориентировки для строителя политики. Более того, близкая придержка к ним может повести к крупным народно-хозяйственным ошибкам» [3]).

Проф. Челинцев и Кажанов очень много говорят об эволюции сельского хозяйства, о типах и системах сельского

---

[1]) А. Котов—Проблемы расмещения сельского хоз-ва и промышленности. М. 1927 г., стр. 7—8 и заключение.

[2]) Котов. Проблемы размещения . . , стр. 161—162.

[3]) Котов.—Проблемы размещения . . стр. 163.

хозяйства, но подход их остается не историческим. В основу развития сельского хозяйства и тот и другой кладут плотность населения[1]). Неправильность такого подхода мы уже выяснили выше. Здесь мы не будем останавливаться на критике работ проф. Челинцева, т. к. трудо-потребительская теория подверглась за последнее время серьезной марксисткой критике. Остановимся несколько подробнее на работах по районированию проф. Кажанова. Это тем более необходимо, что методология проф. Кажанова до последнего времени пронизывает значительное число работ по Средней Азии[2]). Не будем повторять критику основных экономических положений проф. Кажанова,[2]), а остановимся на его понимании района и методологии районирования.

Проф. Кажанов выступает как представитель телеологического направления в экономическом районировании. Все свое построение о сущности экономического района и методологии районирования он строит на идеалистической философии Риккерта—Виндельбанда[4]).

Вот его определения экономического района:

«В результате нашего исследования, мы должны придти к заключению, что координация интересов разрозненных хозяйственных предприятий определенного района, формирозание того или иного общего для них хозяйственного единства, общего направления развития, может до известной степени осуществляться и при отсутствии строго законченно выраженных физических центров такового единства, без специального сговора хозяйствующих субъектов,—в порядке субъективного приспособления отдельных предприятий к общим условиям культурно-хозяйственной среды, к об-

---

[1]) См. работы Челинцева по сел. хоз. районированию и статью пр ф. Кажанова—Сельское хоз-во Туркестана в Трудах семинария экономики и организации сел. хоз-ва, вып. 1-й. „Типы хозяйства Туркестана", Ташкент, 1924 г.

[2]) См. напр. Материалы по районированию Туркестана, вып. 1-й Ташкент, 1922 г. „Типы хоз-ва Туркестана", Ташкент 1924 г., Материалы по районированию Ср. Азии, кн. 2-я, ч. 2-я—Хоразм (статья Шестал, Сел. хоз. районирование Хорезма), Ташкент 1928 г., Современный аул и кишлак Ср. Азии, Ташкент 1926, 1927 г., (несколько выпусков) и т. д. За последнее время некоторые ср. азиатские работники выступили с резкой критикой работ Кажанова (см, напр., Анишев „Пути социалистического переустройства хлопководческого хоз-ва" 1930 г., Погорельский и Батраков „Экономика кочевого аула Киргизстана", М. 1930 г., И. Фотеев „О теории" проф. Кажанова» в журнале «На аграрном фронте» за 1930 г. № 7—8 и др.

[3]) См. Анишев.—Пути социалистического переустройства хлопководческого хозяйства, стр. 34—45, Пути сельского хоз ва, № 5 (47) за 1929 г. стр. 152—156, „На аграрном фронте" № 7—8 за 1930 г. стр. 71—84 и др.

[4]) См. Материалы по районированию Туркестана, вып. 1-й, Ташкент 1922 г. (статья Кажанова „Экономическое районирование, как познание географически-индивидуального" К вопросу о методике районирования)стр. 1-7.

ще-обязательным для них явлениям культурной действительности. В меру такого приспособления, оформленности под таким углом зрения хозяйственных процессов, получает для себя физическое выражение общая культурно-хозяйственная идея района, внутреннее экономическое его единство, индивидуальность.

«Задача экономического районирования, таким образом, сводится к отысканию этого единства, и выявлению невысказанной даже до того общей хозяйственной идеи той или другой части страны и определению ее в конкретных рамках географического пространства. Эту задачу оно разрешает путем творческого научного синтеза обнаруженных отдельных, частных хозяйственных целесообразностей района.

«Но степень приспособленности отдельных предприятий, оформленности в них общих тенденций района, мера и форма причастности их к общекультурному формированию района, осуществляющаяся на основе борьбы за индивидуальное существование предприятий, находится в зависимости от характера отдельных предприятий... Поэтому установление экономического района в точных географических рамках может быть проведено только в отношении некоторых основных моментов хозяйственной деятельности, и более общие районы могут распадаться на ряд подрайонов» [1]).

Комментарии излишни.

Самое телеологическое построение своих районов проф. Кажанов основывает не на случайной «личной фантазии», а на «общеобязательных культурных целей, общеобязательных культурных ценностей» [2]). Эти общеобязательные культурные ценности проф. Кажанова являются классово-обусловленными, защищающими интересы кулачества, т. к. основаны на его понимании эволюции хозяйства (антагонизм культур, вытеснение одних культур другими на основе закона природы—потребление солнечной энергии,—рост плотности населения и переход к наивысшему типу сельского хозяйства—к китайской системе земледелия и т. д.) [3]).

В таком состоянии находится у нас в СССР экономическая география капиталистического общества [4]).

---

[1]) Статья профессора Кажанова „Экономическое районирование как познание географически индивидуального“ стр. 16)

[2]) Там же, стр. 7—8 и др.

[3]) См. Кажанов—Сельскохозяйственная экономика, М. 1929 г. Типы хоз-ва Туркестана и др. работы проф. Кажанова.

Мы еще вернемся к проф. Кажанову, когда будем говорить о районировании в СССР и в частности в Средней Азии, т. к. проф. Кожанов свою методологию районирования предлагает СССР.

[4]) Необходимо решительно бороться с засилием буржуазной экономической географии, основанной на буржуазных философских положениях,

7. Экономическая география советского хозяйства.

Не лучше обстоит дело с экономической географией в условиях советского хозяйства. Здесь мы имеем отдельные замечания и положения в работах Госплана (работы по районированию, 3-й том Пятилетки и др.), в отдельных журнальных статьях и докладах, (напр., статьи Пробста, Бессонова и др., доклады Галицкого, Морозова и др.).

Большею же частью мы имеем простое перенесение буржуазных учений в экономической географии в советские условия. Так профессор Бернштейн-Коган считает необходимым теорию Вебера взять для размещения промышленности в Советском Союзе (см. Бернштейн.Коган—К вопросу о постановке работ по районированию и рационализации географического размещения промышленности, М. 1925 г.). Профессор Рыбников рекомендует Тюнена для нашего сельского хозяйства (см. его предисловие к Тюнену, стр. IX—X). А. А. Котов считает свою методологию районирования, построенную «на законах изменения доходности и ренты в пространства», приемлемой для капиталистического х-ва и для советского (см. выше, стр. 109). Проф. Кажанов и его ученики применяют кажановский метод районирования в Средней Азии, в Ленинградской области и др.

Кроме того, проф. Рыбников и др. механически соединяют две системы капиталистическую, и советскую при изучении экономических районов, когда считают, что «дальнейшее углубление вопроса о формировании областей и районов и их взаимодействии выдвигает на очередь еще одну задачу—проблему регулирования описанных районообразовательных стихийных процессов современной государственной властью». (Рыбников. Основные вопросы экономической географии. стр. 248). Проф. Рыбников считает, что законы рынка останутся и при плановом хозяйстве (Основы, стр. 104).

Принципиально иную постановку мы имеем в работах Госплана и в статьях Пробста, Бессонова и др. Хотя и здесь некоторые категории капиталистического хозяйства переносят в советские условия, или же берут категорию трудовых затрат Н. Бухарина.

в наших школах, против засилия Деновоской школы, против засилия геттнеровской школы. Надо им противопоставить марксисткую экономическую географию. Для совпартшкол и второй ступени первый шаг уже сделан это учебники Баранского. Но это только робкие шаги, т. к. в ряде вопросов Баранский капитализирует перед Рыбниковым, Геттнером, Беренштейн-Конном и др. (см. его типы эконом. районов—целиком списаны у проф. Рыбникова). Здесь не должно быть колебаний и неясностей у марксистов на этом фронте борьбы.

Работа в этой области затрудняется тем, что нет еще разработаанной теории советского хозяйства (см. речь И. В. Сталина на конференции аграрников-марксистов).

Но без намечения хотя-бы исходных положений для экономической географии в советских условиях нет возможности дать экономико-географический очерк какого-либо района СССР.

Если законы географического разделения труда в простом товарном хозяйстве и в капиталстиическом хозяйстве должны быть выведены из анализа двоякого характера труда и анализа абстрактного труда, создающего стоимость, то такой анализ неприменим в условиях планового хозяйства, в условиях строительства социализма, так как нет абстрактного труда, создающего стоимость. Так же и при размещении отдельных видов труда регулятором этого размещения не будет погоня за капиталистической прибылью. То же и при образовании экономических районов—законы капиталистического хозяйства неприменимы.

Процесс воспроизводства хозяйства у нас, в стране, строющегося социализма, идет по линии увеличения социалистического сектора за счет капиталистических и докапиталистических отношений. Этот процесс проявляется и в территориальном расширении и углублении социалистического сектора. И самый процесс этот идет не стихийным путем, а путем плановым, который находит свое выражение в генеральной линии, в пятилетке и в контрольных цифрах. Этот процесс идет, несмотря на ожесточенное сопротивление капиталистических элементов города и деревни. Регулятором советского хозяйства является план пролетарской диктатуры.

Плановое хозяйство, уничтожая общественное разделение труда, основанное на обмене, на стихийных законах рынка, на вывозе капитала и т. д. не уничтожает географического разделения труда, которое получает невиданное и рациональное развитие в социалистическом обществе через плановое распределение производства и потребления.

И Маркс, и Энгельс, и Ленин считают, что разделение труда, созданное капиталистическим способом производства с переходом к социалистическому способу производства должно исчезнуть. В первую очередь должны быть уничтожены противоречия, которые создает разделение труда между городом и деревней. По этому вопросу у Маркса мы находим следующие соображения: «Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она есть грубейшее выражение факта подчинения индивида разделению труда и определенной, принудительно навязываемой ему деятельности, под-

чинения, превращающего одного человека в ограниченное городское животное, другого—в ограниченное деревенское животное и ежедневно наново порождающего противоречие интересов обоих. Труд здесь является снова главным делом, является силой над индивидами, и пока существует эта последняя, должна существовать и частная собственность. Уничтожение противоречия между городом и деревней являются одним из первых условий коллективности (Gemeinschaft), условием, которое в свою очередь зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит сразу же, не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны еще быть развиты)» [1]).

Таким образом, без уничтожения противоречия между городом и деревней, без уничтожения разделения труда между «ограниченным городским животным» и «ограниченным деревенским животным» нет коммунизма. Энгельс в принципах коммунизма» конкретизирует эти положения Маркса. Он пишет: «Отсюда вытекает, что противоречие между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься промышленностью и сельским хозяйством вместо того, чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу материальных причин. Дробление земледельческого населения в деревнях и скопление промышленного в больших городах является состоянием, которое соответствует только недостаточно высокому уровню сельского хозяйства и промышленности и которое препятствует дальнейшему развитию, что уже весьма дает себя чувствовать в настоящее время» [2]). Для этого, по Энгельсу, необходимо более равномерно распределить промышленность по всей стране и современные большие города должны исчезнуть [3]). В этих указаниях Маркса и Энгельса мы видим основные положения размещения хозяйства по территории в период социализма. Создание индустриально-аграрных и агро-индустриальных комбинатов, строительство социалистических городов должны развить те материальные условия, которые приведут к уничтожению разделения труда между городом и деревней и к уничтожению противоположности между ними.

Уничтожение этого вида разделения труда не означает уничтожение географического разделения труда, разделения труда между отдельными агро-индустриальными и индустриально-аграрными комбинатами, между отдельными рай-

---

[1]) „Архив Маркса и Энгельса", т. I, М. 1924 г.
[2]) Энгельс—„Принципы коммунизма".
[3]) Энгельс—„Анти-Дюринг".

онами. Географическое разделение труда будет и при социалистическом способе производства, но оно будет основано на взаимном сотрудничестве и гармонии интересов между отдельными комбинатами и районами.

С уничтожением капиталистического разделения труда, с уничтожением прикрепленности человека на всю жизнь к одной какой-либо специализации, к одному только процессу труда [1]), исчезнет локализирующее значение рабочей силы и значительная еще прикрепленность рабочих к определенным районам. Будет полная возможность перехода из одной отрасли промышленности в другую и из одного района в другой [2]).

Новые, социалистические производственные отношения создают новый тип затраты рабочей силы и новый тип территориального распределения труда. Эта затрата и распределение труда совершаются теперь не на основе закона стоимости или его синонима—закона трудовых затрат, а на основе социалистического плана, воспроизводящего, расширяющего и углубляющего социалистические отношения. Задачу «кто кого» в области промышленности Советская власть уже разрешила, в сельском хозяйстве близка к разрешению и в третьем году пятилетки будет в основном завершено восполнение поставленной Лениным, задачи—построение фундамента социалистической экономики (Ленин, т. XXVII, стр. 214). Создаются совершенно новые условия для развития производительных сил, рост которых получает невиданные до того размеры. Совершенно по новому ставится задача использования природных ресурсов страны, только при Советском строе стано-

---

[1] „Разделение труда, расшатанное уже в настоящее время машиной и превращающее одного в крестьянина, другого—в сапожника, третьего—в фабричного рабочего, четвертого—в биржевого спекулянта, исчезнут совершенно". Энгельс". Принципы комунизма".

[2]) „Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в прежнем его виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное земледельческое производство на указанную прежде высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также в соответственной мере развить способности людей, применяющих эти средства. Подобно тому, как в прошлом столетии крестьяне и рабочие в мануфактурах изменили весь свой образ жизни и стали совершенно другими людьми, когда оказались вовлеченными в крупную промышленность, точно также общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их" „. . воспитание позволит молодым людям быстро знакомиться со всей системой производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или их собственных склонностей. Таким образом, воспитание освободит их от той односторонности, к которой вынуждает в настоящее время каждого современное разделение труда". Энгельс—Принципы коммунизма.

вится возможным действительно научное изучение и всестороннее использование природных богатств.

В советском хозяйстве основным принципом, регулирующим географическое разделение труда, является территориальное расширение и углубление социалистического сектора хозяйства и при капиталистическом окружении—усиление обороноспособности СССР. При этом географическое разделение труда должно быть одним из рычагов социалистической реконструкции хозяйства страны. Географическое разделение труда должно наряду с другими рычагами дать возможность постоянного расширения процесса воспроизводства материальных благ общества, строющего социализм—это воспроизводство должно зависеть «не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большего или меньшего изобилия тех условий производства, при которых оно совершается» (Маркс, Капитал т.III, ч. 2, стр. 291). Должны быть подготовлены условия для прыжка из царства необходимости в царство свободы. В этом отношении уже сделан огромный шаг вперед Советской властью—это переход на семичасовой рабочий день и поднятие производительности труда (методы поднятия производительности труда, отличные от методов капиталистической рационализации—соцсоревнование, ударничество, общественный буксир, встречный промфинплан и др.).

Основным принципом географического разделения труда в советском хозяйстве является принцип эффективности социалистического воспроизводственного процесса. Конкретными методами его осуществления и вместе с тем его осуществлением являются: а) индустриализация страны и задача технически обогнать передовые капиталистические страны, б) социалистическое переустройство сельского хозяйства, в) уничтожение противоречия между городом и деревней, г) ликвидация аграрного перенаселения на основе индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, д) развитие отсталых районов, в частности восточных национальных областей и республик, е) максимальное использование природных ресурсов, в частности энергетических ресурсов, и ж) усиление обороноспособности страны. Задачей экономической географии является выяснение того, в каких районах, в каких частях СССР какие из этих методов дают наибольшую эффективность социалистического вопроизводственного процесса, является тем звеном, за которое необходимо ухватиться в данном районе, и экономическая география на ряду с другими науками должна участвовать в указании практических путей проведения этих методов.

Принцип размещения отдельных отраслей хозяйства в СССР в период диктатуры пролетариата тот же, что при географическом разделении труда. Во главу угла должен быть, положен принцип эффективности социалистического воспроизводственного процесса, принцип максимального расширения и углубления социалистического сектора хозяйства и усиления обороноспособности СССР. Один из способов достижения эффективности воспроизводственного процесса— поднятия производительности общественного труда, снижения себестоимости, улучшения качества,— это правильное географическое размещение производства. В условиях советского хозяйства, в условиях национализации земли и обобществления средств производства, в условиях монополии внешней торговли и освобождения от эксплоатации иностранного капитала и т. д. уничтожаются преграды для наиболее рационального размещения отдельных отраслей хозяйства, чтобы достигнуть от этого размещения максимально возможной эффективности в интересах социалистической реконструкции хозяйства страны [1]).

Должно быть обращено сугубое внимание на лучшее использование и эффективность вложения средств в отдельных районах, на то, чтобы с минимумом расходования материальных средств и рабочей силы достигнуть максимума производительности. Для отдельных отраслей хозяйства это сочетание, это получение максимума эффективности вложения «капитала» будет различным, будет зависеть от природных условий отдельных районов, от дальнейшего развития техники и трудовых навыков и подчинено основному принципу.

В условиях советского хозяйства необходимо изучать и планировать размещение отраслей хозяйства не только в индивидуальных, но в особенности в хозяйствах коллективных, совхозах и в районах сплошной коллективизации [2]). Особое внимание необходимо обратить на географическое размещение индустриально-аграрных и агро-индустриальных комбинатов и на географию хозяйства в них.

В переходный период, в социалистическом и коммунистическом обществе мы будем иметь территориальное соче-

---

[1]) Здесь мы не можем остановиться подробно на применении этих принципов к размещению отдельных отраслей хозяйства, на этом вопросе нам придется остановиться на конкретных условиях Средней Азии во втором выпуске нашей работы. Самое размещение будет происходить по линии создания агроиндустриальных — индустриально-аграрных комбинатов.

[2]) Это тем более необходимо, что к концу 5-летки будет закончена в основном коллективизация сельского хозяйства.

тание отдельных отраслей хозяйства, экономические районы на основе планового географического разделения труда.

В этой области в данное время большая задача организационного оформления района «как экономического комплекса, ведущего расположенную на его территории часть народного хозяйства и входящего в систему социалистической экономии и организации Союза как законченное и производственно-обоснованное целое» («Пятилетний план», III том стр. 11).

Порайонная организация хозяйства в наших условиях играет важную роль в строительстве социализма [1]). Метод районирования у нас должен выступать как географический метод социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. Методология госпланновского районирования является значительным достижением в этом отношении. Необходимо в дальнейшем вести работу по микрорайонированию, по районированию колхозов, совхозов, индустриально-аграрных, агро-индустриальных комбинатов.

Здесь мы должны со всей резкостью подчеркнуть принципиальное отличие госпланновского районирования от районирования в капиталистических странах. Госпланновское районирование—это плановое районирование, это метод районной территориальной организации хозяйства СССР. Задачи госпланновского районирования — задачи социалистического преобразования, задачи же районирования в капиталистических условиях—задачи познания, задачи выделения сложившихся экономических районов и выявление тенденций их развития. Поэтому надо решительно отвергнуть районирование советского хозяйства методами профессоров Кажанова, Котова, Челинцева и др.

Районирование в наших условиях должно заложить твердые основания для уничтожения противоречия между городом и деревней. Поэтому самое районирование, в частности, микрорайонирование, должно начаться с районирования индустриально-аграрных и агро-индустриальных комбинатов.

---

[1]) „Если идея электрификации представляет только наиболее выпуклую сторону общей проблемы рационализации энергетики в ее целом, вместе с тем, перекрывая и в значительной степени предрешая такое построение промышленных агрегатов, в котором надлежащим образом учитываются все сильные стороны вертикального и горизонтального комбинирования отдельных предприятий и целых областей технологического разделения труда, то по своей значительности, с этой идеей может конкурировать лишь вторая выдвигаемая и защищаемая нами основная идея экономического строительства—это идея так называемого экономического районировании" Г. М. Кржижановский. К идеологии социалистического строительства. «Плановое х-во» 1926 г. № 2, стр. 17.

В экономическом районе, в территориальном сечетании отдельных отраслей хозяйства, во взаимодействии отдельных районов мы видим все то отличие, которое имеется между стихийным и антагонистическим капиталистическим хозяйством и организованным, плановым и гармоническим социалистическим хозяйствам. Достаточно для этого посмотреть на процесс специализации отдельных районов и стран в современном капиталистическом мировом хозяйстве и процесс специализации отдельных районов в нашем Союзе или процесс специализации одних и тех же территорий в царской России и в Советском Союзе. Этот процесс можно проследить вполне отчетливо и на примере Средней Азии.

Районообразующие факторы в нашем хозяйстве также основаны на законе географического разделения труда[1]) и территориального сочетания отраслей хозяйства, но только не в капиталистических условиях, а в условиях планового хозяйства, в условиях активной роли социалистических форм в деле реконструкции всего хозяйства СССР. Все факторы районообразования у нас должны быть рассматриваемы в той мере, в какой они оказывают влияние на основной регулятор хозяйства СССР, на закон движения к социализму.

«При этом географическое разделение труда, протекающее в рамках капитализма, как стихийно совершающийся процесс, превращается в планомерно осуществляемый метод территориальной организации труда на основе порайонной его специализации в целях достижения максимально возможной его эффективности» (Пятилетний план, т. III, 2-е издание, стр. 10.).

Теперь ясно, что для изучения экономических районов СССР нельзя оставить ту схему, которую мы приводили выше для районов капиталистического хозяйства. Вся схема должна быть пронизана сверху донизу принципом социалистической реконструкции хозяйства. Нам кажется, что схема эта должна быть следующей:

1. Задачи области в перспективном плане социалистической реконструкции народного хозяйства СССР.

II. Экономико-географические предпосылки социалистической реконструкции хозяйства области:

---

[1]) „В пределе результаты этой работы (составление контрольных цифр в районном разрезе, И. А.) мыслятся нами, как контрольные цифры Союза, разверстанные по экономическим районам с учетом своеобразных особенностей последних, их специфической роли в общесоюзной экономике и их специальных задач на основе общественного разделения труда". (Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—28 г., стр. 410). Ясно, что общественное разделение труда в наших условиях по существу отличается от общественного разделения труда в капиталистических условиях.

1) Полученное наследие от прошлого (процесс хозяйственной специализации области на основе развития географического разделения труда[1]).

2) Современные сдвиги в экономике области в целом и по отдельным ее районам.

III) География перспективного плана области (география пятилетки) и результаты практического его выполнения.

Задачи экономической географии в условиях советского хозяйства резко отличаются от задач экономической географии в условиях капиталистического хозяйства. Если в последних условиях экономическая география является познавательной наукой и в руках пролетариата служит для выяснения условий и возможности быстрейшего захвата власти в свои руки, то в наших условиях экономическая география является наукой о рациональной организации географического разделения труда, является одним из рычагов социалистической реконструкции хозяйства СССР.

8. Метод экономической географии.

В общем методологическом введении нам остается еще рассмотреть методы экономической географии.

Сперва необходимо остановиться на исходных методологических положениях этой науки, а затем уже перейти к рассмотрению специальных методов ее.

Исходные положения методологии современной экономической географии, которая является в основном все еще буржуазной наукой, можно сказать, почти целиком основаны на буржуазных философиях и на буржуазной логике. Господствует философия Канта и неокантианцев, Геттнера, Риккерта, Чупрова.

Метод Маркса имеет потому познавательную ценность, что отражает об'ективный мир[2]). По мнению же Риккерта надо дать категорически отрицательный ответ на вопрос: может ли научное познавание быть приравниваемо к отобра-

---

[1]) „Люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые являются основой их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы—это результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей раньше, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений". (Маркс, „Письмо к Анненкову").

[2]) Ленинский сборник, том XI, стр. 348.

жению?[1]). Так он считает, что «естественно-научные понятия истины не вследствие того, что они отображают действительность, но вследствие того, что они имеют силу по отношению к действительности. Коль скоро они удовлетворяют этому условию, нет более надобности в том, чтобы они сами содержали в себе действительность»[2]). Таким образом Риккерт утверждает, что не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие. Но могут возразить, что все это он говорит о естественных науках, а вот об исторической науке он совершенно противоположного мнения, он считает, что «история никогда не может пытаться приводить свой материал в систему общих понятий, которая тем более совершенна, чем менее в ней содержится эмпирической действительности, но она старается, по крайней мере, приблизиться к изображению самой действительности. Поэтому ее, по сравнению с естествознанием, восходящим от частного к общему, от действительного к обязательному, можно охарактеризовать и как подлинную науку о действительности (eigentliche Wirklichkeitswissenschaft)»[3]). В действительности же Риккерт последователен до конца, по его мнению и историческое, частное, индивидуальное познается как подлинный предмет, «вследствие особого характера нашей речи и нашего мышления»[3]). Таким образом, и в данном случае сознание определяет бытие.

---

[1]) Риккерт, — Границы естественно-научного образования понятий, СПБ, 1904 г., стр. 215. Вот его мотивировка: „Мнение, согласно которому естественно-научная теория не достигает своей цели, коль скоро ей не удается изображение самой действительности, может возникать лишь при предположении одного совершенно определенного понятия о познании, а именно, при предположении, что задача познавания состоит в том, что бы отображать (abzubilden) действительность. Само собою разумеется, что копия тем более совершенна, чем более она воспроизводит оригинал, как он есть. Но может ли научное познавание быть приравниваемо к отображению? На этот вопрос приходится дать категорически отрицательный ответ. Наши предшествующие соображения направлялись настолько же против этого понимания познавания, как и против мнения, согласно которому естествознание может вводить в свои теории воззрительное и индивидуальное". Стр. 215.

[2]) Риккерт, стр. 217.

[3]) „Всякая эмпирическая наука берет за исходный пункт непосредственно данную в опыте действительность; наиболее общего различия методов следует искать лишь в том, что производят с этой действительностью различные науки, т. е. дело идет лишь о том, ищут ли они общего и недействительного в понятии или действительного в частном и единичном. Одна задача выпадает на долю естествознания, другая—на долю исторической науки". Риккерт, стр. 223.

[4]) Риккерт, стр. 293. Или еще: „Сама действительность, как воззрительная и индивидуальная, не входит ни в какую науку" Там же стр. 292.

И вот основные положения Риккерта (точнее Виндельбанда и Риккерта) кладет в основу методологии экономической географии Бериштейн-Коган, Берг, Кажанов, а за ними и некоторые другие.

Если Риккерт, Виндельбанд, Чупров являются неокантианцами то Геттнер является типичным кантианцем. Он электичен от начала до конца, как сам Кант, и как у Канта основным является у него идеализм. Геттнер является типичным выразителем практических, классовых потребностей и интересов молодого, боевого германского империализма.

Геттнер, приводя известные мысли Канта о делении наук и о месте географии в системе наук [1]), пишет: «Это утверждение долго ускользало от меня; тем более я был обрадован совпадением моего самостоятельно выработанного воззрения с воззрениями великого философа» [2]). Исходя из положений Канта, дает свою классификацию наук Геттнер (Он также использовывает и учение Огюста Конта). Он делит все науки на абстрактные и конкретные (номотетические и идиографические). Конкретные науки он делит на три группы: 1) науки систематические (точка зрения отношения родства), 2) науки исторические (точка зрения развития во времени) и 3) наука географические (точка зрения расположения и распределения в пространстве [3]). «Географическое исследование не может быть иным, как хорологическим так же, как историческое исследование не может быть не историческим, а систематическое не может быть не предметным. рассмотрение действительности под своим определенным углом зрения не

---

[1]) „Уже Кант прекрасно выразил эту мисль в своих лекциях по физической географии (соч. Канта, изд. Schubert u. Rosenkrantz, Bd. II, стр. 425 и след.): „Мы можем отвести место нашим опытным знаниям либо под соответствующим им общими понятиями (unter der Begriffen), либо по тому времени и месту, где они в действительности встречаются. Разделение знаний по понятиям будет логическим (и это разделение является по нашему современному пониманию, основанному на теории происхождения видов, физическим, А. Геттнер), а разделение по времени и месту физическим. При помощи первого мы получаем систему природы, как, например, система Линнея, при помощи второго, напротив, географическое описание". Эта мысль далее разрабатывается подробно: „Но мы можем то и другое, историю и географию, одинаково назвать описанием, с тем, однако, различием, что первая будет описанием во времени, а вторая описанием в пространстве. История касается событий, которые в отношении времени произошли последовательно одно за другим. География относится к явлениям, которые в пространстве происходят одновременно". „История есть изложение событий, которые следуют одно за другим и имеют отношение ко времени. География есть рассказ о событиях, которые происходят в пространстве одно рядом с другим. История есть повествование, география—описание". Геттнер. Указ. соч. стр. 107.

[2]) Геттнер. Указание соч. примечание 1-е на стр. 107.

[3]) Геттнер. Указ. соч. стр. 107.

является особенностью географии, и свойственно каждой науке»[1]). «Поскольку наше внимание направлено на явления, как таковые, мы остаемся в пределах систематических наук. Только в том случае, если мы рассматриваем их как свойства земных пространств, мы занимаемся географией»[2]). «Но география не должна быть наукой о распределении по местностям различных объектов, а наукой о заполнении пространства. Это—пространственная наука в том смысле, в каком история есть временная наука»[3]). По Геттнеру география это наука о ландшафтах, ландшафтоведение или страноведение. Такое понимание географии целиком вытекает из его основных философских положений.

В понимании пространства он также целиком исходит из философии Канта. Геттнер считает, что «пространство, как таковое, есть форма восприятия; реальное значение оно получает только через свое содержание»[4]). Как все это далеко от марксистского понимания пространства, достаточно сравнить учение о пространстве Маркса—Энгельса—Ленина (см. выше, стр. 11).

В вопросе о восприятии действительности, о познании Геттнер стоит на точке зрения Вундта, а, следовательно, Канта, т. к. «в гносеологии и в логике Вундт примыкает к кантовскому идеализму. Феноменологической триаде кантовских познавательных способностей (чувственность, рассудок, разум) соответствует в теории Вундта генетическая триада ступеней познания»[5]). Геттнер выделяет два способа восприятия действительности: восприятие, покоящееся непосредственно на чувствах, и восприятие, покоящееся на

---

[1]) Там же, стр. 114.

[2]) Там же, стр. 115.

[3]) Там же, стр. 115.

[4]) Там же, стр. 118. Вот основные положения Канта в его учении о пространстве: „Но каким образом может быть в душе внешнее созерцание, которое предшествует объектам в котором понятия объекта может быть определено a priori? Очевидно, не иначе, как только постольку, поскольку оно имеет место в субъекте, как его формальное свойство испытывать воздействия со стороны объектов и через это получить непосредственое представление о них, т. е созерцание, следовательно, только как форма внешних чувств, вообще“ (Кант „Крктика чистого разума“ СПБ. 1902 г. стр. 54). „Пространство не что иное, как форма всех явлений внешних чувств, т. е. субъективное условие чувственности, под которым только для нас и возможно внешнее созерцание „(Там же стр. 55)“. Итак мы утверждаем эмпирическую реальность пространства (относительно всякого возможного внешнего опыта), хотя вместе с тем признаем трансцендентальную идеальность его, т. е., что оно—ничто, как только мы выбросим условия возможности всякого опыта и признаем его, как нечто такое, что лежит в основании вещей в себе“. (Там же, стр. 56).

[5]) Большая Советская Энциклопедия, т. XIII, стр. 633.

разуме, что он связывает с различием в способе познания у различных людей[1]). Отсюда вундтовское понимание у Геттнера закона причинности, взаимодействия между природой и обществом.

Достаточно, сравнивать волевые поступки, физико-химическую причинность, гетерогонию целей, апперцепции, психологическую границу восприятия, изучение человека в природе, а не человеческого общества в его взаимодействии с природой и т. д. с соответствующими учениями Вундта, чтобы видеть их полное единство[2]). Мы не будем на этом останавливаться подробно, но только отметим, что именно здесь лежит корень того, что он неправильно учитывает влияние природы на культуру, что он не понимает своеобразия законов развития общества.

Нужно отметить также неправильное понимание Геттнером закона и его реальности и относительности и абсолютности истины. Здесь Геттнер ясно показывает идеалистическую сущность своей философии. Так по последнему вопросу он пишет: «с прогрессом познания целые ряды географических явлений могут быть и завоеваны и потеряны, и в зависимости от субъективно различной оценки причинных связей объем географического исследования может быть понят различно»[3]). В данном вопросе он скатывается к релятивистам—Маху, Авенариусу и Петцольдту, против которых в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» решительно выступал Ленин. Он писал: «Вы скажете: это различие относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта. Тут есть грань, которой вы не заметили, и, не заметив ее, скатились в болото реакционной философии. Это—грань между диалектическим материализмом и релятивизмом»»[4]). Вот эту-то грань и не провел в своем предисловии к работе Геттнера Н. Н. Баранский, а в своем докладе о Геттнере в Р. А. Н. И. О.Н'е, он эту грань вообще не заметил[5]).

---

[1]) Геттнер. Указ. соч., стр. 197.

[2]) Сравнить Геттнер, указ. соч. кн. 3, гл. 5, кн. 4, гл. 2 и 4 и Вундт. хотя бы его „Очерки психологии", М. 1912.

[3]) Геттнер. Указ. соч, стр. 120. См. также стр. 207 и др.

[4]) Ленин, т. X, 1-е изд., стр. 109.

[5]) См. мою статью в 3-м номере «Соц. Х-ва» за 1930 год.

Да, в работе Геттнера есть отдельные положительные моменты, иногда и правильные подходы (генезис, динамика, а иногда и диалектика взаимодействий, взаимосвязанность явлений и т. д.), но все это исходит от того самого лукавого, от которого Геттнер открещивается. А именно, от материализма. Геттнер, видите ли, против однобокости материалистической концепции истории [1]). Нужно со всей решительностью бороться против втискования марксизма в рамки Геттнеровского построения (см. Баранский, его предисловие к работе Геттнера: «в рамках Геттнеровского построения свободно могут уживаться все философские направления», стр. 4). Марксизм и Геттнернанство не могут быть включены в одно построение и тем более свободно уживаться там.

Через Геттнера и Чупрова вся эта реакционная философия укрепилась у нас в буржуазных работах районного направления (Бернштейн-Коган) и в работах географистов (Синицкий, Берг, Борзов, Григорьев и др.)

Теперь для нас ясен метод проф. Бернштейн-Когана, его отношение к закономерностям в экономической географии [2]), его понимание экономических районов [3]), его метод изучения экономических районов в связи и в генезисе [4]). Здесь на них не будем останавливаться, так как выше мы уже выяснили их неправильность, а здесь наша задача заключается в том, чтобы показать связь между методологией и методами Бернштейн-Когана и методологией и методами Геттнера и Риккерта—Чупрова.

Нам необходимо еще остановиться на работах профессора Рыбникова и представителей отраслевого направления.

---

[1]) „География человека здесь несомненно много получила от экономической или так называемой материалистической концепции истории. Не нужно, конечно, разделять с ней ее однобокости, от чего, впрочем, все почти отказались, но нельзя восставать против того, что является в ней неопровержимой истиной; ибо зависимость государственной и духовной жизни от способа расселения и хозяйственной жизни несомненна. Связь явлений может быть и обратной. Природа может сначала оказать влияние на государственные условия или на духовную жизнь, а потом они, в свою очередь будут влиять на хозяйственную жизнь. Общее требование методологии заключается в том, чтобы не изолировать явлений человеческой жизни, а рассматривать культуру (в самом широком смысле этого слова) всегда в совокупности, как целое, приводить ее в соотношение с природой и только затем переходить к отдельным явлениям". Геттнер. Указ. соч. стр. 242. Из этой длинной цитаты видно, что А. Геттнер ничего не понял в материалистической концепции истории.

[2]) Ср. Бернштейн-Коган—его понятие о закономерностях и Риккерта.

[3]) Ср. Экономический район у Бернштейна-Когана и у Чупрова и Риккерта.

[4]) Ср. Связь и генезис у Бернштейна-Когана и у Риккерта и Геттнера.

Если проф. Бернштейн-Коган является представителем интересов империалистических кругов и идеологом крупной буржуазии, то проф. Рыбников является идеологом кулачества[1]).

Классовая сущность работ проф. А. А. Рыбникова ясна из следующих выдвигаемых им, положений: 1) прогрессивность мелкого земледелия, при чем под мелким земледелием проф. Рыбников понимает кулацкое хозяйство[2]), 2) мальтузианско-струвианское понимание аграрного перенаселения[3]), 3) понимание кооперации в духе Чаянова, Кондратьева и Ко[4]) и 4) вечность капиталистического способа производства[5]). Отсюда ясно, что проф. А. А. Рыбников является идеологом буржуазии, защитником интересов кулака, т. е. стоит на одних позициях с проф. Кондратьевым, Чаяновым, Челинцевым, Макаровым и др.

Классовая сущность учения проф. А. А. Рыбникова целиком определяет и применяемый им метод в его экономико-географических работах. Метод проф. Рыбникова—это отрыв от социально-экономических условий, выхолащивание классовой сущности капиталистического хозяйства, подход частно-хозяйственный, натуралистический, механистический. Во всей красе этот метод применен им в его «Основных вопросах экономической географии» (1930 г.), в литографированном издании «Основ» (М. 1929 г.), в работе «Влияние улучшенного транспорта на организацию и доходность сельского хозяйства Юго-востока «(Саратов, 1929 г.) (например, при анализе понятия и законов географического разделения труда, при анализе генезиса общественного географического разделения труда, при анализе процесса производственной дифференциации, при анализе форм и видов производства, при анализе штандорта отдельных отраслей хозяйства, при анализе понятия экономического района и классификации экономических районов в понимании хозяйства и т. д. и т. д.[6]).

---

[1]) В своей статье в „Соц. хоз-ве“ № 3, за 1930 г. я отметил, что проф. Бернштейн—Коган в условиях СССР не может открыто встать на защиту их интересов, и действительно он стал на защиту интересов их в контрреволюционной и вредительской организации—„Промпартия“. Проф. же Рыбников стал активным членом другой контрреволюционной организации—„Трудовой крестьянской партии“.

[2]) А. А. Рыбников. Промышленное льноводство, М. 1915 г., стр. 1—3, 59—60 и др.

[3]) „Труды Земплана Наркомзема РСФСР“, вып. XII, стр. 70, 73 и др.

[4]) А. А. Рыбников. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства, М. 1922, стр. 49—50.

[5]) А. А. Рыбников. Эволюция сельского хозяйства Юго-востока, М. 1921 г. стр. 28—29.

[6]) Я здесь не могу развернуть подробную критику экономгеографических работ проф. Рыбникова. Мною подготовляется к печати специальная

Профессор Рыбников, как идеолог мелкой буржуазии, эклектичен от начала до конца. Он принимает и положения Чупрова, а следовательно, и Риккерта, и Геттнера, и в то же время борется против геттнерианства в экономической географии. Отсюда и тот эклектизм в рассмотрении отдельных вопросов, о котором мы говорили выше, и в рассмотрении специальных методов экономической географии, о чем речь будет ниже.

Остановимся еще на отраслевом направлении в экономической географии. По своей классовой сущности это направление очень близко к буржуазному экономическому направлению (проф. Рыбников). Так проф. В. Э. Ден также выступает сторонником мелкого и среднего размера земледелия, сторонником хуторского расселения ферм[1]). И по многим другим вопросам мы видим одинаковый подход у проф. Дена и проф. Рыбникова (напр., о роли отраслевого и районно-

---

статья — о кондратьевщине в экономической географии (экономико-географические работы проф. А. А. Рыбникова).

[1]) Вот как проф. В. Э. Ден об'ясняет особенности земледелия Соед. Штатов: „Прежде всего следует указать на высокий личный состав сев.-американских фермеров, являющихся в значительной своей части выходцами из наиболее культурных стран Зап. Европы — Соед. Королевства, Германии, Франции и т. д.—или их потомками. В противоположность европейскому крестьянину, сев.-американский фермер отличается подвижностью и предприимчивостью (а чем вызвана эта противоположность, профессор нам не об'ясняет, И. А.); хорошо знакомый со своим делом, он, в то же время, обнаруживает большую гибкость, охотно воспринимает все нововведения в области сельско-хозяйственных машин, искусственных удобрений, семян и т. д. (ниже он приводит другое об'яснение для этого, а именно значительную высоту заработной платы, И. А.). Он внимательно следит за состоянием рынка и легко приспособляет свое хозяйство к требованиям последнего при всем том он отличается своим трудолюбием и в большинстве случаев, даже при высоком уровне благосостояния, сам вместе со своей семьей обрабатывает свой участок.

„Другой важной особенностью земледелия Соед. Штатов является господствующая в стране весьма своеобразная система расселения. По мере постепенного привлечения к заселению, отдельные части страны размежевывались обыкновенно на правильные квадраты площадью в 36 англ. кв. миль (93,2 кв. км), стороны которых совпадали с меридианами и параллельными кругами. Каждый такой квадрат делился на 144 фермерских участка, также имеющих форму правильных квадратов, площадью каждый в 160 метров (65 гектаров): эти участки отводились новым засельщикам. Описанная система размещения ферм в виде одиночных дворов или хуторов вела к полной хйзяйственной самостоятельности отдельных хозяйств, и, поэтому, оказала весьма благотворное влияние на сев.-американское земледелие (эту систему применял у нас Столыпин, отличие только в том, что участки у нас не делились на точные квадраты; мы думаем не в этих же квадратах видеть „благотворное" влияние этой системы проф. Ден, а именно в хуторской системе расселения, И. А.). Благодаря ей, преобладающим типом ферм в Соед. штатах являются фермы средних и мелких размеров, которые по большей части обрабатываются самими владельцами. Следует, впрочем, оговориться, что на ряду с опи-

то метода, о стадиях хозяйственного развития, о формах хозяйства и т. д. [1]).

Представители отраслевого направления мало задумываются над методологическими вопросами. Они считают вполне достаточным ограничиться указанием на применение индукции или дедукции. Но этого недостаточно. Применение этих методов определяется исходными методологическими положениями [2]). Идеалист, метаафизик и механист их применяют по одному, а материалист-диалектик по иному.

Выше мы уже дали оценку отраслевому направлению и считаем возможным этим ограничиться.

Всем этим буржуазным направлениям в экономической географии должна быть противопоставлена марксистская методология—материалистическая диалектика.

Выше мы постарались дать, исходя из этой методологии, систему экономико-географической науки.

санной системой, в Соед. штатах встречаются и крупные фермы, примером, которых могут служить знаменитые пшеничные фабрики (bonanza farms) в некоторых хлебородных западных штатах. Однако, по мере интенсификации земледелия эти крупные предприятия, в которых земля из года в год хищнически засевалась зерновыми хлебами, постепенно теряли свое значение (здесь проф. Ден показывает свое полное не понимание процесса концентрации, укрупнения в сельском хозяйстве, И. А.)" (Проф. Ден. В. Э.—Курс экономической географии, 2-е изд., ГИЗ. 1925 г. стр. 158—159).

[1]) См. проф. В. Э. Ден—Очерки по экономической географии. Часть первая. Сельское хоз-во, СПБ, 1908 г. и он же—Курс экономической географии, 1925 г.

[2]) Это положение понимают даже некоторые буржуазные профессора логики. Так проф. Лосский в своей книге „Логика" (ч. 1, Птг. 1922 г.) пишет: „Кант говорит, что" логика, исследующая лишь формальные правила всякого мышления", есть наука, повидимому вполне замкнутая и законченная: „со времени Аристотеля она не принуждена была сделать ни одного шага назад", но „также до сих пор она не могла сделать и ни одного шага вперед"... „Если заглянуть в элементарный учебник, то можно вообразить, что замечание Канта сохранило силу и до нашего времени. В самом деле, в элементарных курсах логики на первом плане стоят учения, которым насчитывается более двух тысяч лет, например, учение о строении силлогизма. Но если бы Кант воскрес и взял в руки современные философские курсы логики, он отказался бы от своего мнения. Влияние гносеологии, распространившееся также и на формальную логику, углубило эту науку, а вместе с тем внесло в нее и раздоры, создало в ней борьбу множества разнородных теорий", (стр. 3). Даже этого не понимают такие „экономисты географы," как проф. Каменецкий, когда кричат об обязательности для всех логики Канта (его выступление на докладе Н. Н. Баранского о Геттнере в РАНИОН-е зимой 1929/30 года.). „Теория законов мышления не есть вовсе какая то раз навсегда установленная „вечная истина", как это связывают со словом «логика». „Филистерская мысль, самая формальная логика являлась, начиная с Аристотеля и до наших дней, ареной ожесточенных споров". Энгельс. Анти-Дюринг.

Отличительной особенностью применения материалистической диалектики в экономической географии, что отличает ее от применения диалектики в политической экономии и истории хозяйства, является то, что экономические явления рассматриваются ею в их пространственном, территориальном проявлении. Это не значит, что история, исторический подход отсутствуют в экономической географии. Нет, это значит, что экономические явления в истории рассматриваются экономической географией в их территориальном распространении. Нельзя противопоставлять в экономической географии исторический и пространственный подход. И тот и другой должны быть объединены в едином методе материалистической диалектики—история в пространстве и пространство в истории (во времени). Нельзя считать, что история—это событие во времени, а география—событие в пространстве в данный момент. «Перед тем, кто хочет изложить какое либо явление в его развитии, неизбежно и необходимо становится дилема: либо забежать вперед, либо отстать, середины тут нет» (Ленин).

Кроме того экономическая география не только изучает то, что было и есть, но и устанавливает перспективу развития экономических явлений в пространстве и, благодаря этому, является необходимым орудием в руках революционного пролетариата в период капиталистического хозяйства для борьбы за социалистическую революцию, в период диктатуры пролетариата—для территориального расширения и углубления социалистического сектора хозяйства.

В экономической географии, как и в других науках, необходимо отличать метод исследования от метода изложения. Метод исследования в зависимости от того, в какой стадии находится научная работа, в стадии ли собирания материала и его описания, или же анализа описываемых явлений, распадается на ряд специальных методов исследования данной науки.

Методом собирания материалов в экономической географии является: во-первых, метод статистический, в особенности же разновидность этого метода—метод профилей, во-вторых, метод исторический, и в-третьих, метод географический. Объединение этих методов и приспособление их для экономической географии и создаст особый экономико-географический метод собирания материала. Как на один из технических способов собирания материалов в экономической географии можно указать на экспедиционный способ обследования.

В основу метода анализа в экономической географии предлагают или отраслевый метод или районный или их сочетание. Это вопрос давний. Еще в 1916 году Г. Г. Швиттау считал необходимым пользоваться в экономической географии двумя методами: 1) аналистическим — соответствующим отраслевому методу и 2) синтетическим—соответствующим районному методу [1]). Эти же мысли подробно развил проф. А. А. Рыбников в своей работе «Основные вопросы экономической географии». Выводы его следующие: «районный метод..... связывает общественное разделение труда в границы территории с единообразной природой, исторической и экономической средой. При изучении по отраслям работа облегчается только тем, что мы имеем в центре внимания всюду и везде одну отрасль хозяйства. Но мы не поглощаем при этом бесконечного многообразия среды. Мы обязаны в каждом отдельном случае, в каждой части страны повторять изучение местного влияния среды на интересующую нас отрасль.

«Районный метод упрощает изучение среды... В границах такой, более или менее однообразной среды, мы обязаны изучать совокупность находящихся в ее пределах отраслей хозяйства. Такая совокупность не должна нас пугать бесконечным многообразием хозяйственной жизни. Эта пестро-

---

[1]) Швиттау. „Социально-экономические очерки": „В целях научного анализа всякое научное понятие мы можем расчленить на ряд простейших элементов, из которых данное понятие образуется" (58).

„. . . . при группировке соответствующего материала в экономической географии можно пользоваться двумя способами или методами: аналитическим и синтетическим. Аналитическим методом мы называем такое распределение относящихся к нашему изучению данных, при котором исходным началом является род хозяйственной деятельности, например, производство какого либо продукта, добыча сырья, торговая операция, или вообще тот или иной вид хозяйственного общения—и этот род хозяйственной деятельности расчленяется в связи с распределением его на отдельные пункты или районы . . именно этим путем идут почти все современные экономисты географы." (стр. 59).

„И для целей преподавания этот аналитический метод может иметь значение . . . ., если только не ограничиваться им одним, а пользоваться им наряду с тем методом, который я назвал синтетическим.

„Под синтетическим методом, я разумею такой способ исследования мирового хозяйства, когда это последнее представляется в ряде картин, характеризующия всю сложную хозяйственную жизнь мира или хотя бы отдельных хозяйственно-территориальных его частей, или районов.... Блестящие примеры применения этого синтетического метода мы имеем в исследованиях проф. А. Филиппсона, Средиземноморье (область Средиземного моря) и нашего знаменитого ученого А. И. Войейкова.... тот же талантливый ученый показал действительно ценное приложение также аналитического метода в экономической географии. Удачное сочетание указанных двух методов мы находим и в обширном, столь известном издании В. П. Семенова—Тян-Шанского" (стр. 60).

та в границах каждого района всегда оказывается сильно суженной, имеющаяся в его пределах совокупность всегда окрашена специализацией. Процессы специализации района на отдельных отраслях и сочетание этих отраслей с вспомогательными и добавочными хозяйственными задачами, находящимися... в различных организационно-хозяйственных между собой связях, являются одной из интереснейших задач районного метода» [1]). «Таким образом, необходимо признать, что и отраслевое и районное изучение не только теоретически должны быть оправданы, но они являются взаимно друг друга дополняющими и оплодотворяются ими. Как мы видим, они допускают методологические упрощения в определенных задачах своей работы и вместе с тем преодолевают свои особенные трудности. Все это ясно убеждает нас в том, что научная работа должна, приспособляясь к тем или другим конкретным заданиям, идти обеими дорогами. Несомненно, оба указанных пути чрезвычайно плодотворным и в приложении их к заданиям хозяйственной практики». (Там же, стр. 228—229).

Геттнер противопоставляет индукцию дедукции, каждой из них отводит особое место в географическом исследовании. Он их считает различными путями к одной и той же цели. «Один из путей есть путь индукции, другой — путь дедукции; одним идет отдельное исследование, другим — систематическое изложение» [1]). Таким образом индукция и дедукция Геттнера это то же, что анализ и синтез Швитау или отраслевой и районный метод Рыбникова.

Такое противопоставление анализа синтезу (отраслевого метода районному) вполне соответствует недиалектической логике авторов.

«Далектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого» (Ленин, XVIII, ч. 1, стр. 57).

Метод Маркса не сводится ни к анализу, ни к синтезу, взятым абстрактно и отдельно. Ленин подчеркивает, что анализ в «Капитале», начиная с самого простого, обычного массового, товара, есть анализ его, как явления социального и в то же время есть анализ двоякий: дедуктивный и индуктивный, логический и исторический (XII Ленинский сборник). «Логика формальная берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два

---

[1]) Рыбников, „Основные вопросы экономической географии" стр. 227—228.

[2]) Геттнер, стр. 278.

или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно.... то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета—и только. Логика диалектическая требует, того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это—во-первых. Во-вторых, диалекттическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В третьих, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критика истины, и как практический опрелелитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В четвертых, диалектическая логика учит, что «абсолютной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить всегда за Гегелем покойный Плеханов» (Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т. т. Троцкого и Бухарина. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1 стр. 60).

У Маркса «простое и сложное» сущность и явление, анализ и синтез не стоят спокойно рядышком друг около друга, они находятся в постоянном взаимодействии, дополняют друг друга, «опосредствуют».

Анализ конкретного целого, сложного—экономического района должен идти через анализ основного, простейшего явления—географического разделения труда и через анализ отраслей хозяйства. Никакого противопоставления или параллельного существования анализа и синтеза, отраслевого и районного методов не должно быть в марксистской экономической географии.

В экономической географии карта является необходимым и одним из важнейших орудий анализа [1]). На методологию построения экономических карт должно быть обращено серьезное внимание. Но эта методология не может быть оторвана от общей методологии экономической географии—первая должна целиком исходить из второй [2]).

В виду отсутствия марксистской методологии в экономической географии, мы не имеем и соответствующей ме-

---

[1]) „ . . карта в экономической географии является необходимым орудием познания, и одной из важнейших задач в области построения экономических карт должна быть выработка методологии картографирования экономических районов на основе учения об их типологии и систематике" (Всероссийское совещание преподавателей географии с 6 по 10 мая 1929 г. Резолюции, М. 1929 г. стр. 21—22.)

[2]) „ . . проблема экономической карты в значительной мере является проблемой самой экономической географии." Баранский.

тодологии в построении экономико-географических карт. Большею частью, как и в области методологии, берут без достаточной критики построения карт представителей буржуазной экономической географии. Некоторую оживляющую струю в этом отношении привносит работа Л. Я. Зимана «К вопросу о методах построения экономических карт»[1]). Но он недостаточно увязывает критическую и положительную части своей работы с основами марксистской методологии в экономической географии и не вскрывает методологические основы различных подходов к экономико-географическому картографированию.

Геттнер и геттнерианцы, вполне последовательно проводя свои методологические положения, считают, что «большая часть экономико-географических карт показывает распространение отдельных продуктов и мест их производства,.... они относятся собственно, не столько к географии, сколько к географически изучаемым (geographisch gewandten) частным дисциплинам экономической науки. Собственно, экономико-географические карты имеют своим объктом страны и районы (Oertlichkeiten) и стараются охватить целиком их хозяйственное лицо (характер)»[2]).

Это последнее положение проникло, хотя и не в такой категорической форме, в работы представителей районного направления у нас. Так Н. Н. Баранский пишет «показываемое картограммами пространственное размещение какого либо, в каждом случае о д н о г о статистико-экономичесого показателя не выходит еще за рамки поотраслевой статистики, экономическая же география начинается лишь там,—где дело идет о пространственном с о ч е т а н и и всех важнейших и в совокупности своей достаточных для характеристики признаков»[3]). Это же положение нашло отчасти отражение и в резолюциях Всероссийского совещания преподавателей географии в 1929 году (см. выше, прим. на стр. 132).

Действительно, конечною целью составления экономико-географических карт должно быть составление синтетических карт, карт характеризующих экономические районы. Но эта цель может быть достигнута только через составление отдельных экономических карт отраслей. И здесь мы должны идти от географического разделения труда (исторические карты перемещения центров хозяйства) через отрасли хозяйства (карты размещения отдельных отраслей хозяйства) к

---

[1]) См. „Экономико-географический сборник". М. 1929 г.

[2]) Hettner—Die Geographie, ihre Geschishte, ihr Wesen und ihre Metode. Breslau, 1927. Цитирую по статье Зимана, стр. 112. Эконом. Географич. сборника. 1929 г.

[3]) „Экономико-географический сборник", стр. 290.

экономическим районам (карты, сочетающей все важнейшие и в совокупности своей достаточные для характеристики района признаки).

Поэтому ни в коем случае нельзя согласиться, что карты размещения отдельных отраслей хозяйства не являются экономико-географическими картами.

Очень трудным и далеким еще от разрешения вопросом является вопрос о «фоне» экономико-географических карт. Профессор Силищенский в основу берет плотность населения, считая, известную плотность характерной для соответствующей формы хозяйства. Н. Н. Баранский, хотя и сопровождает это положение рядом существенных оговорок, но все же считает, что косвенный ответ дается плотностью населения. «Заменяя плотность продукции,—пишет он,—плотностью населения, мы сознательно закрываем на это (недостатки, И. А.) глаза и приниимаем, что раз люди живут, то чем то живут, а живут тем, что «нахозяйничают», т. е. значит, чем гуще население, тем гуще и хозяйство» [1]). Здесь есть отголосок влияния проф. Бернштейна-Когана. Последний считает плотность населения «показателем степени благоприятности природных условий для человеческой жизни вообще и в частности для экономической жизни» [2]). «С другой стороны густота населения, независимо от причин ее вызвавших (или ей помешавших), является чрезвычайно серьезным фактором, влияющим на весь уклад экономической жизни района» [3]). «Поэтому плотность населения при установлении типов районов должна быть введена, хотя как и вспомогательный, но как непременный признак» [4]). В работе проф. Бернштейна-Когана наряду с чисто «географическим» подходом имеется также подход à la М. М. Ковалевский — плотность населения, как двигатель хозяйственного развития. Безусловно, все это ничего общего с маркистским подходом не имеет. По Марксу «плотность населения есть нечто относительное. Страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения, обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщения» [5]). Кроме того, экономическая география должна рассматривать население не как сообщество биологических индивидуумов, а как сообщество экономическое, и придерживаться того положения, что «абстрактный закон населения

---

[1]) Географический атлас, 1929 г. стр. X. Тоже самое повторяет Н. Н. Баранский в 5-м издания 1-го выпуска своего краткого курса, стр. 7—8.
[2]) Бернштейн-Коган. Очерки, стр. 70.
[3]) Там же, стр. 79.
[4]) Там же стр. 82.
[5]) „Капитал", т. I, стр. 266.

существует только для растений и животных, пока в эту область истории не вмешивается человек»[1]). Экономическая географии должна рассматривать проблему народонаселения вообще и в частности плотности населения в историческом развитии, памятуя, что «всякому особенному историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения»[2]).

Поэтому брать за общий фон экономических карт плотность населения, так, как это делает профессор Силищенский, мы считаем методологически совершенно неправильным.

Мы полагаем, что вообще не может быть единого фона для всех экономико-географических карт. Так, для сельскохозяйственных карт, как фон, надо брать почвенные, климатические условия в их экономической обусловленности и рыночно-транспортные условия (в некоторых случаях цены на сельско-хозяйственные продукты, в некоторых на сельско-хозяйственные рабочие руки и т. д.) развитие товарности, расслоения и т. д. Для промышленных карт надо брать географию сырья (точнее цен на сырье), рабочей силы (география зарплаты), рынка сбыта и т. д. Для общих экономико-географических карт, нам кажется, необходимо брать за общий фон основную характеристику районов по типам производственных отношений. На этом общем фоне уже показать основную специализацию и сочетание и соотношение других отраслей хозяйства вокруг основной отрасли.

Перейдем к методу изложения.

Изложение должно завершить процесс научной работы и быть увязано с методологическими принципами науки. В экономической географии методом изложения должен служить метод характеристики, дающий логически целое, увязанное внутри построение, а не голое описание «перечень отдельных признаков по всем подряд физико-географическим элементом и по всем подряд. отраслям народного хозяйственного инвентаря»[3]). И это увязывание должно происходить вокруг тех основных положений, которые мы выше установили.

У Баранского нет четкого разграничения между методом исследования и методом изложения. Он метод изложения принимает за метод анализа. Поэтому он считает необходимым рекомендовать книгу Bussell Smith'а, как крупное достижение районной школы, для всех тех, кто приступает

---

[1]) Там же стр. 649.

[2]) Капитал, т. I. стр. 649.

[3]) Баранский. Рецензия на книгу Russell Smith'a-Nord Amerika в Экономико-географическом сборнике, 1929 г. стр. 308.

«к своему делу без всякого представления о методах районной школы»[1]).

На этом мы закончим наше методологическое введение к экономико-географическому очерку Средней Азии. Вывод наш таков:

Мы еще не имеем марксистской экономической географии. Перед экономистами географами марксистами стоит задача создать стройную научную экономико-географическую систему и вырвать ее из недр буржузной философии и из рутины голого описания. Это задача сегодняшнего дня.

Эта задача может быть разрешена только путем борьбы, борьбы решительной и беспощадной с буржуазными течениями в экономической географии и со всяким эклектизмом и примиренчеством на идеологическом фронте. Экономисты географы марксисты должны перейти от обороны к нападению.

Своим очерком по Средней Азии я хочу принести посильную помощь в этой работе.

Очерк этот написан на основании тех методологических положений, которые я защищал во введении.

---

[1]) „И, наконец,—это же верх „безобразия"—по книге никак нельзя рассудить, физическая ли это география или экономическая... (Баранский полагает, что это хорошо для эконом. географической работы! Это тоже самое, что считать хорошей экономической работой такую, где нельзя установить экономическая она или биологическая, товароведческая и т. д. И. А).

„Ученые" люди скажут: „раз это так, значит, это не научная работа, а в лучшем случае художественная популяризация". Мы позволим себе с ними не согласиться, ибо мы не разделяем того мнения, по которому обязательным признаком учености является скука, и думаем, что систематический отбор фактов является необходимым условием всякой научной работы" (стр. 308). Неужели Н. Н. Баранский думает, что действительное эконом. географическое описание обязательно должно быть скучным?

„Дело архитектора показывать свое здание в процессе постройки, покрытое лесами и окруженное кучками мусора, или же показывать его в законченном и завершенном виде, без лесов и без мусора; недопустимо лишь одно: выдавать леса за здание, маскировать лесами пустое место...." Там же.

I-й РАЗДЕЛ

ЗАДАЧИ СРЕДНЕ-АЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК В ПЕРСПЕКТИВНОМ ПЛАНЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Средняя Азия находится на юге СССР между 35° 17′ и 45° сев. широты и 52° 53′ и 80° 20′ восточной долготы (от Гринвича), занимает пространство в 1,138,723 км² и вытянута с запада на восток. Протяжение Ср. Азии с севера на юг достигает свыше 1.000 км, а с запада на восток—около 2,500 км.

В состав Средней Азии входят следующие Республики: Кара-Калпакская А.О. (111.990 км²) и Киргизская АССР (195.177км²), в составе РСФСР, Таджикская ССР (154.095км²). Туркменская (491.216 км²) и Узбекская ССР (186.251 км²). На севере Средняя Азия граничит с Казакской АССР Республикой, а на юге и юго-востоке с Персией, Афганистаном и Китаем (Китайским Туркестаном).

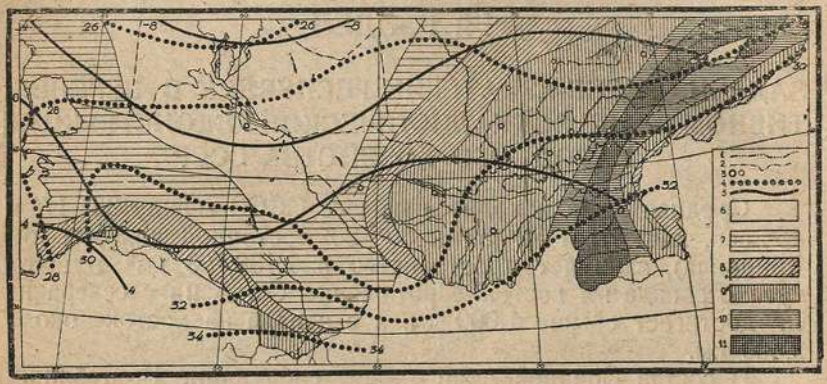
Отличительной особенностью географического положения Ср. Азии является отдаленность от морей и совершенная замкнутость ее бассейнов. Континентальность климата здесь сказывается очень резко. На климат Ср. Азии в сильной степени влияет устройство ее поверхности (рельеф). Несколько более 50% территории занимает равнина, постепенно понижающаяся на северо-запад, к Аральскому и Каспийскому морям (правильнее, озерам), при чем побережье Каспийского моря лежит на 25 метров ниже уровня океана, а Аральского на 50 м. выше. Равнина окаймлена с юга и востока горными цепями систем Тянь-Шаня, Памир-Алая и Гиндукуша, вершины которых местами лежат в полосе вечных снегов и достигают свыше 7.000 метров высоты (Пик Ленина[1] на Заалайском хребте 7137 м. высоты — высочайшая гора всего Союза).

Среднюю Азию грубо можно разделить на два главных района: равнинный и горный. Каждый из этих районов стал-

[1]) Быв. пик Кауфмана.

кивал жителей Ср. Азии с более или менее различными препятствиями, ставил различные хозяйственные проблемы и давал различные средства для разрешения этих проблем, причем с развитием производительных сил и изменением социально-экономических отношений, проблемы ставились в иной плоскости и изменялись возможности их разрешения.

Схематическая карта изотерм и осадков в Ср. Азии.

Условные обозначения: 1 — границы СССР, 2 — границы Ср.-азиатских республик, 3 — города, 4—изотермы июля, 5—изотермы января, 6—11—годовые осадки, при чем, 6—годовые осадки до 10 *см*, 7—от 10 до 20 *см*, 8—от 20 до 30 *см*, 9—от 30 до 40 *см*, 10—от 30 до 50 *см*, 11—от 50 до 60 *см*.

Изотермы летних и зимних месяцев показывают резкое колебание температуры в течение года. Наибольшее количество осадков выпадает в горах и подторьях (гл. образом—в западной части—оз. Иссыккуль и западная часть Памира). Районом с наименьшим количеством осадков является бассейн среднего течения Аму-Дарьи, Кара и Кизыл-Кумы.

Равнинная часть столкнула жителей с отсутствием достаточного количества атмосферных осадков. (См. схематическую карту осадков и изотерм в Ср. Азии). Перед последними встала задача борьбы с надвиганием песков на существующие источники воды, а также задача расширения районов полезного действия воды. Земледелие здесь могло развиться только при устройстве искусственного орошения и населению пришлось разрешить эту проблему [1]). Орошаемые оазисы расположились большею частью в предгорных рай-

[1]) В зависимости от развития производительных сил и от различных социально-экономических условий проблема орошения разрешалась в различных формах и размерах (см. ниже).

онах на высоте 400—700 м. В горной же чатси земледелие могло развиваться и без искусственного орошения, и поэтому мы здесь видим главное сосредоточение богарного [1]) земледелия. Богарные посевы расположились в предгорной и горной полосе на высоте 1.000—3.000 м. [2]).

Почвенная карта Средней Азии.

Усповные обозначения: 1 — горнолуговые почвы и вершины гор под вечным снегом и ледниками, **2** — черноземы, каштановые почвы и аналоги их пояса горных степей, **с точками**—с преобладанием сухих каменистых склонов, **3**—бурые и светлобурые почвы (часто каменистые и перемежающиеся с солончаками — такирами и др.), **4**—сероземы склонов и предгорий (преимущественно на лессах), **5**—сероземы (и белоземы) долины, часто солонцеватые и перемежающиеся с солончаками, **6**—сероземы и солончаки высокогорных пустынь Памира, **7**—новейшие аллювиальные наносы со слабо развитыми почвами (белоземами, солончаками и др.), **8**—преобладание солончаков среди бурых почв и сероземов, **9**—бурые почвы и сероземы, преимущественно каменистые, среди скал и россыпей плотных пород, **10**—песчаные почвы типа бурых и сероземов, **11**—пески бугристые, грядовые и барханные.

Весьма важное значение в земледелии края играет лесс. Лесс представляет одно из наиболее плодородных, поверхностных образований Ср. Азии. Полоса лесса опоясывает северные склоны гор и поднимается иногда на громадную высоту. Мощность его различна. Нередко она выражается десятками метров. По составу лесс представляет пористый и мягкий суглинок палево-желтого цвета; от других пород он откичается однородным механическим составом пористостью, высоким содержанием углекислых солей и способностью давать при обвалах вертикальные стены.

---

[1]) Богара-посевы под дождь.

[2]) В горах на высоте более 3000 м. мы опять имеем полосу орошаемого земледелия, но значение последней в общей системе хозяйства Ср. Азии незначительно.

Схематическая карта растительности Средней Азии.

Условные обозначения: 1—пески, 2—полынно-солянковая пустыня, 3 — ковыльная степь, 4 — полынная степь, 5 — горный ярус, 6—высокогорный ярус, 7—высокогорная пустыня, 8 — широколиственный лес и 9—еловые леса.

Растительность Ср. Азии распадается на две обширные зоны—зону низменности (1—4) и зону гор (5—9). В составе растительности зоны низменности преобладают пустынно-степные формы, здесь много жестких, колючих, сухолюбивых видов; широко-лиственные формы редки, флора споровых растений бедна. В песках растут саксаул (из общей лесной площади в Ср. Азии в 10.107 тыс. га на долю саксаульников приходится до 63,5%), колигонум, песчаная акация, кияк – прекрасный закрепитель песков. Из растений, свойственных равнинной части, некоторые приобрели мировую известность, например, цитварная полынь, дающая сатонин, (центр Чимкентский район). и камфарную полынь, заключающую в стеблях растения довольно редкий продукт—камфару (центр севернее Ташкента). Надо отметить еще—кендырь, дающий прядильное волокно, по р. Аму-Дарье, употребляемое для добывания солодкового корня; из культурно-прядильных растений—хлопок, из хлебных растений—рис, пшеница, джугара и др.

В долинах рек, протекающих среди пустынь, развита, так называемая, тугайная растительность (породы — тополя—туранга, облепихи, джигды, камыша, чия и некоторых других).

В горно-стенной области встречается большое число кустарниковых растений: лилейные растения, зонточные, заросли фруктовых деревьев и леса грецкого ореха, дающие высокоценные наплывы. Ореховыми лесами покрыт западный склон Ферганского хребта (ущелья Кара-алма, Кугарт, Урумбаш и др.). Из растений этой зоны отметим «таран», корни которого представляют дубильное средство (промышленное значение имеет в местном кожевенном производстве Восточной Ферганы).

Выше пояса лиственных пород в горах развиты заросли арчи, напоминающей своим внешним видом туйю. Заросли арчи ширчко распространены по северным склонам гор Алайской системы. В Джетысу встречается тянчшанская ель, образующая настоящие леса на северных склонах Заилийского Ала-тау.

Там же, где нельзя было, или в силу природных условий, или вследствии слабого развития производительных сил (напр., техники ирригации), заниматься земледелием, там человек сумел по-иному использовать природные условия: благодаря овце, были хозяйственно освоены и эти территории, и громадные пространства песчаных пустынь Кызыл-Кумов и Кара-Кумов с весьма слабой растительностью, степь на юге между Зеравшаном и Аму-Дарьей и значительные площади предгорий в горной части края обязаны своей, хотя и очень слабой, обитаемости только возможности содержать там овец (курдючных, а в бассейне Аму-Дарьи также и каракульских). Верблюд — этот корабль пустыни — дал возможность преодолеть громадные пространства безводных пустынь. На горах роль верблюда выполняет як, который является незаменимым животным при переходах через снеговые перевалы.

Резко выраженная континентальность климата сказывается в больших амплитудах температуры (средне-годовые колебания свыше 30° и абсолютные годовые — свыше 70°). Обилие тепла летом (средняя t° в июле 30°) и наличие холодов зимою (в единичных случаях до 25° ниже нуля в долинах и до — 45° в горах) не дают возможности произрастания вечно-зеленых тропических растений, а позволяют произрастать тропическим и субтропическим растениям с относительно коротким вегетационным периодом, как, например, хлопок, кенаф, рис, тутовые деревья и др. (количество безморозных дней в Средней Азии колеблется в пределах от 170 до 270 дней). Разнообразие почвенного покрова, начиная от бесплодных песков пустыни и горных почв и кончая плодородными лессовидными породами, в свою очередь, в связи с другими условиями (температура, осадки, орошение и т. д.) сказались на разнообразии в географическом размещении растительности (см. схематическую почвенную карту Ср. Азии и карту растительности).

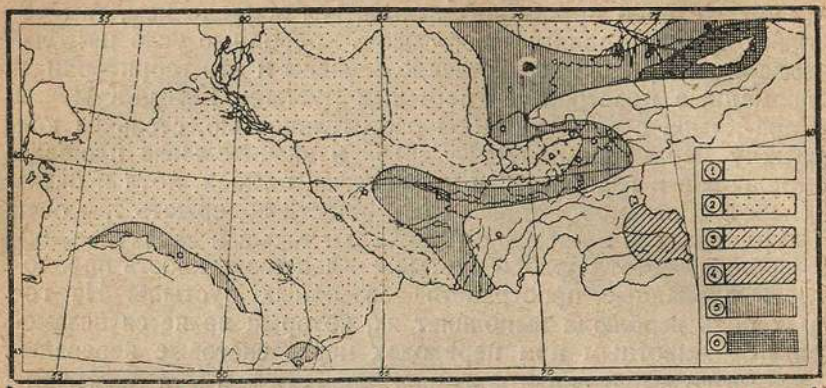
Значительное протяжение с севера на юг и вертикальное членение территории ведут к разнообразию температурных деление территории ведут к разнообразию температурных графическому распространению некоторых культур.

Ко всем этим природным различиям отдельных районов Средней Азии надо еще прибавить наличие ископаемых богатств, разбросанных по различным частям края (каменный уголь, нефть, соль, золото, полиметаллы, сера и др.)[1]), что также отразилось на географическом разнообразии в хозяйственной деятельности населения края.

---

[1]) См. карту ископаемых богатств на стр. 148.

Схематическая карта климатических районов Ср. Азии.

Условные обозначения: 1—районы в климатическом отношении не обследованные за отсутствием станций; **2**—а) **Климат пустынь** (Приведенное количество осадков меньше 250 мм. Летнее полугодие почти без осадков. Средняя температура самого теплого месяца выше 27°, самого холодного ниже 0°); **3**—б) **Климат пустынь** (Приведенное количество осадков меньше 250 мм. но распределение их в течение года более равномерно, чем в типе «а». Средняя температура самого теплого месяца выше 25°, самого холодного ниже 0°), **4—Климат высокогорной пустыни** (Приведенное количество осадков меньше 250 мм. Только 4 месяца имеют среднюю температуру выше 10); **5—Климат степей и предгорий** (Приведенное количество осадков между 250 и 500 мм. Выпадают преимущественно в зимнем полугодии. Срэдняя температура самого теплого месяца выше 25°, самого холодного ниже 0°), и **6—Климат гор** (приведенное количество осадков, равномерно распределенных в течение года, больше 500 мм. Средняя температура самого теплого месяца близка к 22°. По крайней мере 4 месяца имеют температуру выше 10°).

Значительная часть территории Ср. Азии, главным образом—восточные части (юг Семиречья, запад Памира и южная часть Таджикистана), не обследованы в климатическом отношении за отсутствием метеорологических станций. Только за последние годы здесь организованы станции и они начали вести постоянное наблюдение. Большая часть территории Ср. Азии в климатическом отношении должна быть отнесена к климату пустынь: а) равнины (вся Карс-Комская область, почти вся Туркменская р-ка и огромная часть Узбекской р-ки—Хорезм, Бухара, Кашка-Дарья, часть Ферганы и др.- и Ходжентский округ Таджикской р-ки и др.) и б) гор (восточный Памир). Районы климата степей и предгорий в Туркменской ССР занимает узкую полосу по предгорьям Копетдага, в Узбекистане — в Сурхан-Дарье, верховья Кашка-Дарьи, Самаркандская область, часть Ферганы и Ташкентская область, а в Киргизской АССР долину р. Чу, предгорья Александровского хребта. Вокруг озера Иссык-Куль находится район климата гор.

В разнообразии природных условий страны лежит естественная основа географического разделения труда в Сред-

ней Азии. Это разделение труда в отдельных районах края, в отдельные периоды исторической жизни, в связи с ростом производительных сил, изменением экономико-географического положения и социально-экономических условий страны принимало различное содержание, формы и размеры.

Нельзя рассматривать развитие географического разделения труда в Средней Азии изолированно, вне связи с другими районами. Географическое разделение труда в Средней Азии и специализация отдельных ее районов складывались также в процессе воздействия и взаимодействия с другими районами. С изменением экономико-географического положения Средней Азии, с изменением положения по отношению к мировым путям, к рынкам, к хозяйственно-развитым соседям и т. д., изменялись и связи с другими районами (странами), прекращались или принимали незначительные размеры хозяйственные связи с одними, устанавливались новые или усиливались старые связи с другими, что сказывалось на развитии географического разделения труда Средней Азии и на специализации отдельных ее районов.

Взаимодействие с другими районами (странами) принимало различные формы: Средняя Азия выступала то как самостоятельная государственная единица, то как составная часть нескольких государств, то как колония Российской империи, и, наконец, как равноправный член Союза Соц. Сов. Республик, строющая социализм совместно с другими частями Союза. Все эти моменты отражались на развитии Средней Азии в целом и отдельных ее районов.

В результате мы имеем географическую разность хозяйственного и культурного накопления в процессе исторического развития, географическое разнообразие в размещении, сочетании и соотношении экономических явлений и пестроту общественно-экономических укладов в Средней Азии.

Но разнообразное сочетание отраслей хозяйства, разнообразные экономические районы и чрезвычайную пестроту экономических форм мы находим не только на всем протяжении Средней Азии в целом, но даже на территории одного округа. Мы можем найти тут и сохранившиеся еще остатки родового строя кочевников, и патриархальное, в значительной степени, натуральное хозяйство горских жителей, и остатки феодальных отношений, и высоко-товарное хозяйство хлопкоробов, связанных через кооперацию с социалистическим сектором нашего хозяйства, и районы сплошной коллективизации, и социалистические совхозы, и мелко-товарное хозяйство ремесленников и социалистическую фабрику.

К этому надо прибавить пестроту национального состава населения, национальностей с различным историческим прош-

лым, с различными трудовыми навыками с различным уровнем культурного развития и т. д. (таджики, узбеки, туркмены, киргизы, казаки, уйгуры, таранчи, дунгане, китайцы, персы, афганцы, индусы, татары, евреи, немцы, русские и т. д.).

В пределах Средней Азии мы имеем все пять известных нам общественно-экономических укладов (патриархальное крестьянское хозяйство, мелкое товарное производство, частно-хозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм), которые находятся в различном сочетания в отдельных районах Средней Азии. В процессе социалистической реконструкции хозяйства все эти элементы, частички, кусочки докапиталистических и капиталистических отношений ликвидируются и заменяются социалистическими.

Таким образом, основной чертой экономического строя Средней Азии является чрезвычайное разнообразие в сочетании отдельных отраслей хозяйства и чрезвычайная пестрота экономических форм. Это положение ставит ряд специфических задач в процессе социалистической реконструкции хозяйства Средней Азии и в выделении Средне-Азиатского района, как производственного комбината, выполняющего определенное задание в перспективном плане социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. Социалистическое строительство в некоторых районах Ср. Азии служит ярким примером того, как эти районы при помощи пролетариата, захватившего власть в свои руки, могут перейти к социализму, минуя капиталистический этап развития.

СССР строит социализм в капиталистическом окружении. Это требует использования в максимальнейших размерах выгод и эффективности географического разделения труда между отдельными районами внутри Союза и специализации этих районов. «Совмещая на своей поверхности тундру и тайгу, степь и субтропические пустыни, имея на своей территории мировой полюс холода (Верхоянск) и местности, где годовая температура не спускается ниже 0°, обладая такими громадными скоплениями полезных ископаемых, как Урал, с одной стороны, и безжизненными песчаными пустынями Средней Азии[1]), с другой, давая разницу плотности сельско-хозяйственного населения от 130 и выше человек на 1 кв. км. до плотности, измеряемой десятыми и даже сотыми долями человека, имея до сих пор еще на своей территории по меньшей мере пять исторически известных нам хозяйственных укладов,— СССР не может иначе строить и разви-

[1]) Последние геологические исследования показывают, что эти пустыни таят в себе большие запасы природных богатств.

вать свое народное хозяйство, как учитывая в полной мере все природные, экономические и национальные особенности своего обширного объединения и специализируя его отдельные части. Только этим путем может быть достигнут наибольший коэфициент эффективности общественного труда»[1]).

Средняя Азия с ее природными, экономическими и национальными особенностями, с ее накопленным трудовым опытом, являющимися своего рода единственными в нашем Союзе, может строить социалистическое хозяйство, только принимая активнейшее участие во всесоюзном географическом разделении труда, получая как часть Союза помощь от более передовых его частей и планомерно осуществляя «метод территориальной организации труда на основе порайонной его специализации в целях достижения максимально-возможной его эффективности»[2]). Перед средне-азиатскими республиками стоит, таким образом, неотложная и важнейшая задача: «оформление района, как экономического комплекса, ведущего расположенную на его территории часть народного хозяйства и входящего в систему социалистической экономии и организации Союза как законченное и производственно обоснованное целое»[3]).

В связи с принятой установкой — расширение сферы социалистического сектора, ликвидация докапиталистических и капиталистических отношений, преобразование форм ведения хозяйства на новой технической и социальной основе, коллективизация производственных процессов, их механизация, индустриализация всего хозяйства, в частности форсирование индустриализации отсталых национальных республик и областей, усиление пролетарских кадров в сельскохозяйственных областях, особенно, в национальных республиках и областях[4]), освобождение

---

[1]) Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. III, 2-е изд. Издательство „Плановое хозяйство", М. 1929. стр. 9.

[2]) Там же, стр. 10.

[3]) Там же, 11.

[4]) „В силу поздней советизации республик и областей и затяжного характера в них гражданской войны (Ср. Азия и Якутия и др.) восстановительный период в этих районах ими еще незавершен или только завершается. Поэтому переход от востановительного периода к периоду социалистического переустройства экономики нац. республик и областей совершается в несколько иных своеобразных условиях, чем в центре СССР.

„Это своеобразие находит себе возражение в том, что" ряд нацрайонов, не закончив полностью востановительного периода и сохранив до сих пор даже элементы феодально-родового уклада, вместе с тем при-

Союза от импортного хлопка, создание своей сырьевой базы для резиновой промышленности, развитие новых видов сырьевых и ценных субтропических культур (кенаф, кендыр, дубители, каучуконосы и пр.) и всестороннее развитие животноводства ясно вырисовываются задачи Средней Азии в перспективном плане социалистической реконструкции народного хозяйства СССР.

Средняя Азия должна стать производственным комбинатом, районом, производящим для всего Союза субтропические технические культуры, в особенности хлопок, продукты животноводства, в частности каракулеводства и шелководства, и одним из крупнейших районов садоводства и виноградарства, а также районом обрабатывающей промышленности, основанной на местном сырье, и районом, всесторонне использующим разнообразные горные богатства края.

Для осуществления этой основной задачи должны быть использованы также энергетические ресурсы и ископаемое сырье края, иными словами, должна быть интенсивно развернута горнодобывающая и горнообрабатывающая промышленность и создана и укреплена мощная энергетическая база района[1]).

Кроме того, Средне-азиатские республики, граничащие с полуколониальными странами Востока (Персия, Афганистан и Китай), в особенности же Таджикистан, находящийся на стыке трех колониальных и полуколониальных стран (Индия, Афганистан и Китай) должны стать образцом социалистического хозяйства и культуры для народов Востока, которые еще стонут под игом империализма[2]).

ступил уже к созданию элементов крупного социалистического хозяйства" (ноябрьский пленум Ц. К. 1929 г.).

„Такое сочетание задач социалистического переустройства и задач ликвидации остатков феодально-родового уклада (земреформа, конфискация крупного скотовладения) сопровождается, между прочим, громадным обострением борьбы за кадры. По этому вопрос о кадрах в условиях нац. республик и областей является по существу вопросом острой классовой борьбы". М. Аммосов. „Проблема кадров в национальных республиках и областях". Статья в „Правде" от 22 февраля 1930 г.

[1]) См. Пятилетний план т. III. стр. 21, 326, 327, 328 331 и 349.

[2]) „ Тов. Сталин, приветствуя в 1925 году Таджикистан, указал, что эта республика должна стать образцом для народов Востока, которые еще стонут под игом капитализма". Из доклада тов. Енукидзе о преобразовании Таджикистана в Союзную Республику на второй сессии ЦИК СССР в декабре 1929 года (См. „Правда" от 6 декабря 1929 г.).

В связи со всеми этими задачами Средняя Азия должна помочь Союзу догнать и перегнать капиталистические страны по тем производствам, по которым перед Союзом стоит задача быть независимым от капиталистических стран (например, хлопок, шелк, каракуль и др.). Средняя Азия должна перегнать их по технике обработки и переработки, по качеству, по дешевизне и т. д. В этом отношении, как и в отношении общей социалистической реконструкции всего хозяйства, Средняя Азия должна стать одним из первых среди районов СССР.

Вот как формулирует задание Средне-Азиатским республикам Союзный Госплан: «Должны быть созданы предпосылки для превращенияСредней Азии из чисто аграрного района с неразвитой основной специализацией в район аграрно-индустриальный, экономически и культурно влияющий на сопредельные восточные страны и полностью осуществляющий свою роль в деле снабжения Союза хлопковым волокном — на базе реконструированного дехканского хозяйства и общего развития хозяйственных элементов социализма»[1]).

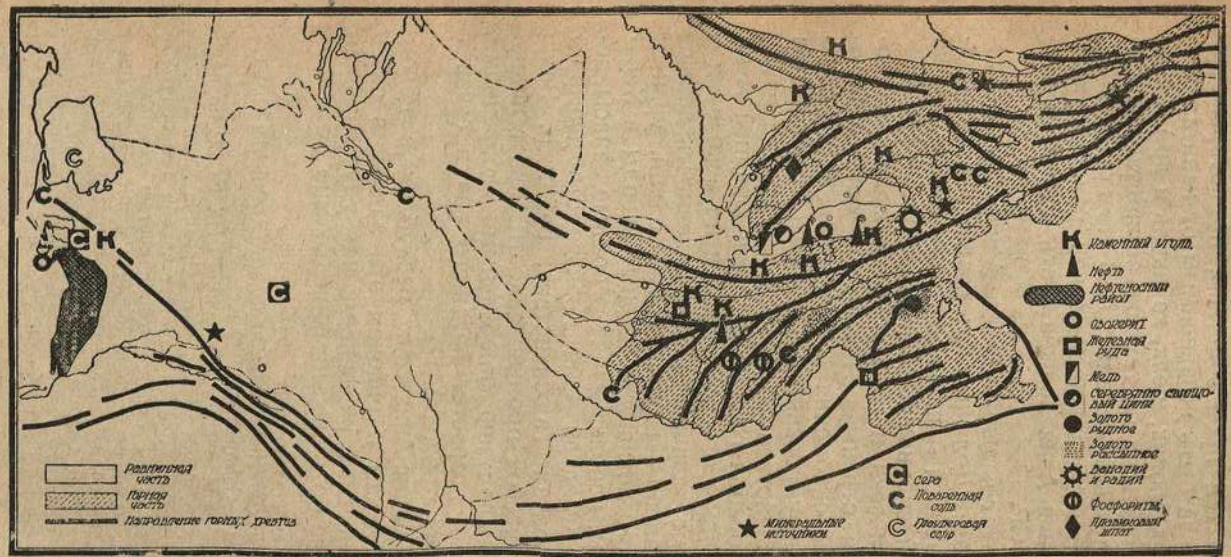
Последние исследования горных богатств Средней Азии ставят практически вопрос о срочном развитии в крае ряда отраслей горной (полиметаллическая промышленность, добыча особых и редких металлов — ртуть, сурьма, радий, уран, и др.) и химической промышленности (серные заводы в Кара-Кумах, азотные заводы, использующие огромные запасы дешевой гидроэнергии в Средней Азии, производство фосфорных туков на фосфоритах Таджикистана, район р. Вахш и др.). Развитие химической промышленности может полностью обеспечить Среднюю Азию минеральными удобрениями, потребность в которых возрастет во много раз в связи с выполнением хлопковой программы[2]).

Таковы задачи Средне-Азиатских республик в целом. По отдельным республикам и районам эти задачи в связи с экономико-географическими различиями их будут варьироваться. В одном районе большее внимание должно быть уде-

---

[1]) „Основные черты пятилетнего плана народного хозяйства Уз. ССР. на годы 1928—29—1932—33". Самарканд, 1929 г.

[2]) Академик Ферсман на заседании комиссии ВСНХ СССР по пересмотру пятилетнего плана Ср. Азии указал, что „Среаняя Азия является геологическим узлом Кавказа и Урала и сочетает в себе геологические особенности обеих областей. Своеобразной особенностью геологии Ср. Азии являются химические процессы, происходящие в пустыне, дающие единственные в СССР запасы соли, гипса и единственные в мире запасы серы и т. д. Сюда жа относятся и озерные процессы с глауберовыми отложениями и др. Следует отметить такие чрезвычайно значительные в Ср. Азии запасы селитры, фосфора и природных газов". Правда от 9 марта 1930 г.

Карта полезных ископаемых Средней Азии
(основные районы главнейших ископаемых).

Действительно научное и систематическое исследование ископаемых богатств Средней Азии началось только при Советской власти. За последние немногие годы были найдены значительные богатства в крае: громадные запасы серы в Туркменистане, полиметаллы, фосфориты, уголь и железо в Таджикистане и т. д., а за последний год – значительные запасы ртути (в Туркменистане на границе с Персией и в Южной Ферганe вдоль северных склонов Алайского хребта; наиболее богаты запасы ртути и количественно и качественно—свыше 10.000 тонн запасов металла при содержании свыше 1% ртути в породе—около киргизского селения Хайдаркан, в 75 км. от г. Ферганы). Некоторые из запасов были известны в древности – разрабатывались тогда (см. ниже, стр. 164). Так Ферганская ртуть добывалась китайцами. Многие еще районы Средней Азии не исследованы. Каждый год приносит открытие новых запасов и тем дополняет и меняет карту ископаемых богатств Средней Азии.

Примечание: Месторождение меди находится в Ферганской долине (Наукатское месторожщение) около Исфаринского района.

лено хлопководству, в другом — садоводству, в третьем — зерновому х-ву, в четвертом — шелководству, в пятом — каракулеводству, в шестом — горной промышленности, в седьмом — химической и т. д. и т. п.

Различны и темпы коллективизации по отдельным республикам и районам Ср. Азии. Если вся Средняя Азия отнесена к третьей группе по темпу коллективизации, то в хлопковых районах уже на третий год пятилетки должно быть коллективизировано не менее 50% общего числа хозяйств [1]).

Все эти районы, несмотря на различную их специализацию внутри Средней Азии, должны образовывать один производственный комбинат, выполняющий определенное задание в системе общесоюзного разделения труда. Самая специализация отдельных районов Средней Азии должна быть целиком подчинена этой последней задаче.

До октябрьской революции Средняя Азия была колонией Российской империи и представляла собою чисто сельскохозяйственную область, поставляющую в центральные районы метрополии по преимуществу текстильное сырье (хлопок, шерсть, шелк-сырец) и продукты садоводства и виноградарства. Взамен она получала продукты питания (хлеб) и предметы широкого потребления (главным образом, мануфактуру), орудия же и вообще средства производства получались в самом незначительном размере. Благодаря этому торговый баланс Средней Азии носил потребительский характер, народный доход снижался, и характерной чертой хозяйства являлось отсутствие обрабатывающей промышленности (за исключением тех отраслей, которые должны были придать сырью транспортабельный вид, напр. хлопкоочистительные заводы): самая ничтожная доля собственного сырья перерабатывалась на месте в готовый фабрикат (мата [2]), халаты и т. д.).

Таким образом, положение Средней Азии как колонии России отрицательным образом сказывалось на темпе и направлении воспроизводства хозяйства [3]).

Теперь же Средняя Азия в составе СССР из района чисто сельско-хозяйственного в ближайшее время должна стать районом сельскохозяйственно-промышленным [4]).

В дальнейшем мы должны выяснить экономико-географические препосылки для осуществления Средне-азиатскими

---

[1]) Постановление об'единенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 19 декабря 1930 г.

[2]) Мата-местная хлопчатобумажная ткань.

[3]) См Пятилетний план, т. III, стр. 20—21.

[4]) См. Пятилетний план, т. III, стр. 340.

республиками поставленных перед ними задач, что не возможно сделать без знания исторического процесса формирования хозяйственного типа района и учета уровня и темпа развития производительных сил, структуры и формы хозяйства, без учета создавшихся внутри района отдельных хозяйственных своеобразий и без учета производственной связи с другими районами СССР. Сперва мы рассмотрим историю специализации Средней Азии, в целом и отдельных ее частей и процесс создания разных типов производственных отношений на территории края. Затем перейдем к подробному изучению географии сложившихся экономических отношений и современных сдвигов в экономике Ср. Азии. Закончим наше изучение выяснением перспектив и конкретных мероприятий по уничтожению капиталистических и докапиталисттических отношений в Средней Азии, при специализации отдельных ее частей, в связи с социалистической реконструкцией народного хозяйства СССР, и выяснением роли Средней Азии в этой реконструкции.

2-й РАЗДЕЛ

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ХОЗЯЙСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПРОЦЕСС СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

В истории развития географического разделения труда в Средней Азии можно наметить три основные эпохи: до-капиталистическую, капиталистическую и социалистическую.

1. Первая эпоха, обнимающая докапиталистические формации, в основном характеризуется феодальным способом производства, со своеобразным его проявлением в условиях Средней Азии.

Эту эпоху в свою очередь можно подразделить на ряд периодов.

Первый период охватывает огромный промежуток с до-исторических времен до начала VIII века нашей эры и характеризуется разложением родового строя, возникновением и первым этапом развития феодального способа производства, возникновением географического разделения труда, отделением города от деревни. Этот период можно назвать периодом возникновения и первоначального развития географического разделения труда.

Второй период обнимает около пяти столетий (с начала VIII до XIII века) и характеризуется расцветом феодального способа производства, развитием торгового капитала, значительным расширением территориальных рамок географического разделения труда. Этот период можно назвать периодом наибольшего развития географического разделения труда в эпоху феодального способа производства в главнейших странах мира и в Средней Азии.

Третий период охватывает более пяти столетий (с начала XIII до середины XVIII века) и характеризуется кризисом старого феодального строя, заменой старых феодалов новыми (начало этого процесса мы имеем еще с XI века), застоем в развитии производительных сил и всего хозяйства

и значительным сужением территориальных рамок географического разделения труда. Этот период можно назвать периодом регресса в развитии географического разделения труда в эпоху феодального способа производства в Средней Азии.

Четвертый период охватывает время около одного столетия (с середины XVIII до середины XIX века) и характеризуется развитием торгового капитала на основе феодального способа производства, началом разложения этого способа производства, расширением рамок географического разделения труда, установлением связи с новыми районами и началом связи с мировым капиталическим рынком. Этот период можно назвать периодом нового расширения территориальных рамок географического раздления труда и периодом начала связи с мировым капиталистическим рынком.

II. Вторая эпоха—эпоха современного буржуазного (капиталистического) способа производства—охватывает время со второй половины XIX века (завоевание края Россией) до октября 1917 г. (Октябрьская Революция) и характеризуется превращением Средней Азии в колонию Российской империи. Эту эпоху можно разделить на два периода: 1) период промышленного капитализма (с 1865 года до 1905—07 г. г.) и 2) период империализма (с 1905—07 гг. до Октября 1917 г.).

В первом периоде надо отметить две стадии в развитии русской колониальной политики: до 1885 года, когда на Среднюю Азию российская буржуазия смотрела, как на источник первоначального колониального накопления, как на рынок сбыта и базу для дальнейшего продвижения на Восток и как на район заселения, и после 1885 года, когда на Среднюю Азию российская буржуазия начинает смотреть, главным образом, как на рынок сырья для промышленности метрополии, рынок сбыта и район заселения.

Во втором периоде надо особо выделить годы мировой империалистической войны (1914—1917).

III. Третья эпоха — социалистическая (с Октября 1917 г.), начинается захватом власти пролетариатом, освобождением Ср. Азии от ига российского империализма, установлением диктатуры пролетариата и переводом хозяйства на социалистический способ производства. Эту эпоху надо разделить на три периода: 1) период военного коммунизма, который в условия Средней Азии характеризуется двумя моментами: а)ликвидацией контр-революционных фронтов (Кокандская автономия, Закаспийский фронт и др) и свержение хана хивинского и эмира бухарского (1920 год), и б) переходом к ликвидации колониального наследия (с конца 1920 года);

2) восстановительный период (с 1921—22 гг.), когда достигаются крупные успехи в ликвидации колониального наследия (национальное размежевание 1924 года) и попутно завершается буржуазно-демократическая революция в Средней Азии (земельно-водная реформа 1925—26 года); 3) период сциалистической реконструкции, который характеризуется переходом к строительству социализма вплотную, социалистическим наступлением по всему фронту, вступлением к третьему году пятилетки (с 1930 года) в период социализма и завершением задачи построения фундамента социалистиеской экономики.

Глава 1-я.

ПЕРВАЯ ЭПОХА.

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА

Первый период. Период возникновения и первоначального этапа развития географического разделения труда в Средней Азии (до начала VIII века).

Возникновение земледельческой культуры в Средней Азии, основанной на исскуственном орошении, относится к глубокой древности (по имеющимся данным нет еще возможности определить время и место первоначального ее возникновения). Академик Бартольд, исходя из предположения о движении земледельческой культуры по Ефрату и Нилу с низовьев в верховья, и приводя соображения в пользу происхождения зороастризма из Хорезма, делает вывод о первоначальном развитии земледельческой культуры в Ср. Азии в низовьях Аму-Дарьи, в Хорезме. [1])

Нам кажется, более достоверным предположение о первоначальном возникновении земледельческой культуры у верховьев Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи по долинам их притоков, Вахш, Сурхан, Зеравшан, Мургаб, притоки Сыр-Дарьи в Ферганской долине). Вначале, при слабом еще развитии производственных сил, возникновение и первоначальное совершенствование ирригационной системы требовало благоприятных условий в режиме реки. Такая же река как Амур-Дарья не представляла этих условий почти на всем своем протяжении. Чтобы вести борьбу с этой рекой, необходимо было населению вооружиться известными, довольно совершенными трудовыми навыками в области ирригации, которые и были получены у верховьев Амур-Дарьи и Сыр-Дарьи, глав-

---

[1]) В. В. Бартольд.—История Туркистана. ТуркГИЗ, Ташкент 1922 г. стр. 4.

ным образом, по долинам их притоков и затем перенесены в район Хорезма.

Быстрое течение реки, частые разрушения берегов, в особенности по среднему течению, необходимость более совершенных способов вывода воды на поля в среднем течении и в низовьях Аму-Дарьи не могли создать необходимые условия для первоначального развития поливного земледелия в этих районах. Только в результате дальнейшего развития производительных сил, укрепления трудовых навыков и общественной организации в более благоприятных условиях, а именно в предгориях, стало возможным завоевание для земледелия и низовий таких рек, как Аму-Дарья, которая в своем нижнем течении затопляла низкие берега. Поэтому нельзя было селиться близко к реке и необходимо было сооружение больших ирригационных каналов. Кроме того, вертикальное распределение климатических, почвенных и растительных зон на небольшом сравнительно пространстве в предгориях создавало разнообразие в природных условиях, и это разнообразие требовало разлиных способов активного приспособления человеческого общества и давало разнообразные средства для такого приспособления.

Академик Вавилов на основе своих экспедиционных исследований в Средней Азии и других районах (по изучению центров происхождения культурных растений) приходит к такому выводу: «Всего вероятнее поэтому, что также, как центром сортового разнообразия, очагами первоначальной земледельческой культуры были горные районы. Овладение водой для полива не требует здесь больших усилий. Горные потоки легко могут быть отведены самотеком на поля. Высокогорные районы нередко доступны неполивной культуре в силу большого количества осадков в высокогорных зонах. В земледельческих районах Горной Бухары, в Бадахшане можно видеть до сих пор разнообразные примитивные этапы земледельческой эволюции, сохранившиеся, вероятно, неизменными целые тысячелетия и иллюстрирующие до сих пор различные фазы земледельческие культуры» [1]).

Действительно, горные районы представляли большие возможности для первоначального развития земледельческой и скотоводческой культур, именно горные районы способствовали, благодаря вертикальной зональности в расположении физико-географических явлений, большему разнообразию хозяйствования [2]). Но это положение еще не говорит о

[1]) Вавилов. „Центры происхождения культурных растений". Л 1926. стр. 104.

[2]) Рыбников. „Основные вопросы экономической географии" М. 1930 т. стр. 180—181.

непременном развитии там географического разделения труда между отдельными родами и племенами. Территориальные размеры хозяйствования рода объясняются главным образом разделением труда внутри рода, определяемых развитием производительных сил рода[1]). Естественным основанием географического разделения труда является разнообразие в природных условиях. Но одного этого разнообразия недостаточно, необходимо, чтобы отдельные хозяйства (племена, роды), живущие в различных природных условиях, пришли друг с другом в соприкосновение. Такое соприкосновение устанавливается не сразу. Очень долгое время могут жить роды почти полным натуральным хозяйством в горных районах, так как именно здесь, на незначительной территории, они имеют наибольшие возможности для ведения натурального хозяйства, удовлетворяя почти все свои потребности продуктами производства своего хозяйства. Исследования А. А. Эмме по Семиречью подтверждают это положение. Так он пишет: «...если зональная специализация является в основном, специализацией в значительной доле натуральной, не рассчитанной целиком на рыночный спрос, то распространенное явление нельзя совершенно отожествлять с понятием «географического разделения труда», так как здесь еще «разделение труда» слабо выражено, хотя и имеются существенные предпосылки для его развития.

«Группы хозяйств с такой производительно-потребительской специализацией, закрепленной национально-бытовыми навыками, могут длительный период существовать бок-о-бок, вступая меж собой лишь в незначительные меновые отношения. При сохранении экономической изолированности района эти меновые связи едва ли могут быть достаточно мощным стимулом для дальнейшей производственной специализации, и ожидать прогрессивных явлений, обычно сопровождающих «географическое разделение труда», в таком «изолированном» целом трудно»[2]).

Возможность развития географического разделения труда в горных районах, А. А. Эмме связывает с действием внешнего фактора, а именно, с действием «внерайонного рынка». «Если говорит более конкретно,—пишет Эмме,—то для Семи-

---

[1]) Мы здесь не говорим о географическом разделении труда внутри рода и племени. См. методологическое введение стр. 8 и 14.

[2]) А. Эмме. „Некоторые чарты экономической географии Семиречья". Статья в „Экономико-географической сборнике". М. 1929 г. стр. 204. Необходимо отметить, что Эмме, как и проф. Рыбников, географическое разделение труда мыслит только на основе меновых отношений, на основе капиталистического рынка. Терминология Эмме соответствует терминологии Чаяновых-Макаровых.

речья усиление влияния внерайонного рынка должно выразиться в форме пересечения края линией Туркестано-Сибирской железной дороги. Реальным последствием этого факта должна стать дальнейшая рыночно-производственная специализация зональных типов хозяйства с их неизбежной интенсификацией»[1]).

Когда мы говорим о развитии географического разделения труда в горных районах, мы должны различать два периода: во-первых, период первоначального разложения родовых отношений, натурального хозяйства до возникновения еще крупных очагов земледельческой культуры, и во-вторых—период разложения натурального хозяйства после возникновения последних. Соображения А. А. Эмме правильны для более позднего периода. История Средней Азии и других районов огромным количеством данных подтверждает тот факт, что прохождение торговых путей через горные районы и установление рыночных отношений с другими районами способствует быстрому развитию географического разделения труда в горных зонах. Влияние этого фактора еще более усиливается в последующие периоды развития общества, особенно с развитием промышленного капитализма.

Иное положение мы имеем в первый период. Крупные очаги земледельческой культуры еще не существуют, и потому через горные районы не могут проходить торговые пути, связывающие эти очаги культур. Все же в процессе развития хозяйства и в этих условиях происходит, хотя и медленно, географическое разделение труда, но это разделение устанавливается не между хозяйствами, живущими в горной полосе, а между ними, с одной стороны, и хозяйствами, возникающими по долинам рек, с другой.

Слабое еще развитие производительных сил вынуждает население горных районов переселяться вниз по долине реки. Таким путем идет освоение долины реки. Но при слабом развитии производительных сил наиболее трудным для освоения оказалось среднее течение реки, низовья же осваивались в первую очередь после горных районов. Такую же картину мы видим и в Средней Азии.

Первоначально оседлое население хозяйственно освоило притоки у верховьев Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. При слабом развитии техники ирригации не было возможности использовать воды самих этих крупнейших рек края. Так, по Аму-Дарье наиболее крупные пункты оседлости были расположены не на берегу реки, а около выхода из гор в долину речек, притоков Аму-Дарьи, большая часть которых не до-

[1]) Там же.

ходила до нее[1]). Воды Аму-Дарьи около дельты стали использоваться для орошения позже, но также с давних времен, чему способствовали более замедленное течение реки и невысокие берега. Воды среднего и верхнего течения реки остаются большею частью и до сего времени без достаточного использования для исскуственного орошения. Почти такую же картину мы видим и в бассейне Сыр-Дарьи. Здесь первоначально и очень долго (до XVIII века) для орошения пользовались исключительно водой притоков Сыр-Дарьи [2]).

Таким образом, первоначальные очаги орошаемого земледелия возникают в верховьях реки, но здесь не могут развиться крупные об'единения, общественные организации, значительные государственные образования, т. к. для последних, как и вообще для развития промышленности, требуется «необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость в крупном масштабе использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукой человека» (Маркс). А это возможно только в борьбе с большими реками, т. е. уже в низовья или по среднему течению. Тот же процесс мы видим и в Средней Азии. Если земледелие и возникло первоначально в верховьях рек, то крупнейшие государственные об'единения возникли уже в низовьях (Хорезм) и по среднему течению (Мавераннагр) реки Аму-Дарьи.

В начале рассматриваемого периода имеет некоторое значение торговля между хозяйствами, расположенными в низовьях, и между хозяйствами, расположенными в верховьях реки. Так существовала торговля между Хорезмом и Бактрией (ныне Афганистан и бывшая Восточная Бухара—Горная Бухара). Но нельзя преувеличивать значение этой торговли в этот период.

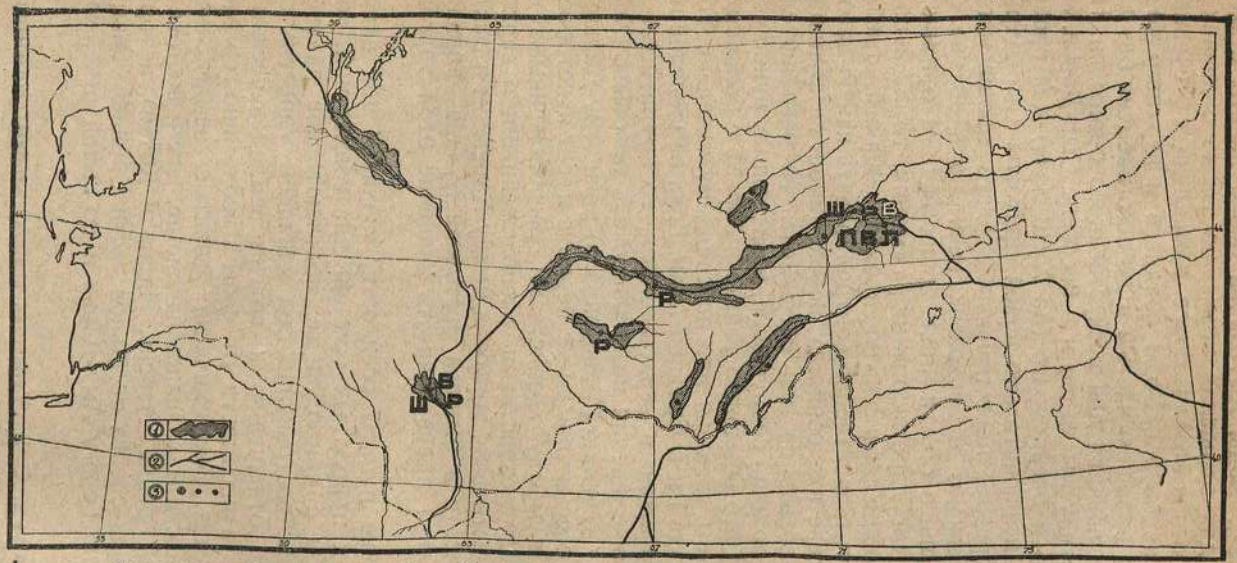
Крупнейшие пункты оседлости, возникая под влиянием благоприятных природных условий для совместной, коллективной борьбы с природой же, получают свое дальнейшее развитие и распространение под влиянием удобства своего положения по отношению к другим земледельческим центрам, т. е. в зависимости от своего экономико-географического положения. Экономически развитые, земледельческие центры древности находились на западе, юге и востоке (Египет, Вавилон, Греция, Персия, Индия и Китай), и торговые пути проходили сперва по южной части Средней Азии; одна дорога шла по берегу Аму-Дарьи и по самой реке, которая

---

[1]) Бартольд, В. В. „Туркестан в эпоху монгольского нашествия" ч. II-я, СПБ, 1900 г., стр. 68.

[2]) Бартольд, В. В. „К истории орошения Туркестана", СПБ., стр. 131.

Схематическая экономическая карта Ср. Азии во II в. до нашей эры.

Условные обозначения. 1—районы земледелия и оседлого хозяйства, 2—главнейшие торговые пути, 3—города; **черные буквы** обозначают соответствующие районы сельского хозяйства, **белые буквы**—районы промышленности, а именно—**П**—пшеница, **Р**—рис, **В**—виноградарство, **Л**—лицерна, **Ш**—шелководство и белое **В**—виноделие.

В дальнейшем, перед началом н. эры возникли в отдельных районах новые отрасли хозяйства; напр., стекольное производство в Самарканде, металлическое в Фергане и т. д. (см. в тексте стр. 163).

уже в те времена была использована для судоходства, к берегам Каспийского моря и Волги и дальше на запад, к черноморским колониям Греции (См. карту схему «Экономическая карта Ср. Азии во II веке до нашей эры» на стр. 158).

По имеющимся историческим данным первоначальными обитателями Средней Азии были иранцы. Большая часть территории страны была занята кочевниками (саки). Оседлое население (парфяне, бактрийцы, хорезмцы и согдийцы) было сконцентрировано по долинам рек. В период завоевания края греками (IV в. до нашей эры) нравы оседлого населения мало чем отличались от кочевников, что указывает на недавний их переход к оседлости и на молодость земледельческой культуры.

Возникновение районов оседлого земледельческого хозяйства является первым важным этапом в развитии географического разделения труда в Средней Азии. Переход к земледелию происходил постепенно. В период греческого завоевания края почти у половины населения оседлых районов скотоводство составляло основную отрасль хозяйства, т. е. ок. 50% населения были еще полукочевниками. Оседлое же население Ферганы еще во II-м веке до нашей эры славилось разведением особой породы лошадей «небесной», как их называли китайцы, которой, видимо, не было и среди кочевников. Если до перехода к оседлости существовал слабый обмен между родами, то с переходом к оседлости он приобретает большее значение, развиваясь внутри земледельческого района между земледельцами и полускотоводами. С дальнейшим развитием земледельческого хозяйства размеры географического разделения труда стали увеличиваться, захватывая в свою сферу и чистых кочевников, живущих в значительном отдалении от земледельческих районов. Это не значит, что и в это время не существовал обмен между ними, обмен этот был, но он не носил еще достаточно регулярного и интенсивного характера. Ко II-му же веку до нашей эры обмен между этими кочевниками и земледельцами принимает уже довольно систематический характер, при чем кочевники сами приезжали к границам культурных районов, где и происходит этот обмен, напр., товарообмен между оседлым населением и кочевниками в районе Шаш (Ташкента) и др.

По имеющимся материалам нет возможности восстановить полную картину хозяйственной жизни того времени в районах оседлого земледельческого хозяйства. Еще хуже обстоит дело с районами,, кочевыми, скотоводческими.

По имеющимся китайским сведениям первого века до нашей эры о жизни кочевников усуни (в Семиречье) можно

составить следующую картину. Производительные силы были развиты очень слабо, скотоводство носило характер экстенсивного пастбищного скотоводства. В условиях этого скотоводства была заложена необходимость борьбы за пастбищную территорию. Более сильные роды вытесняли более слабых. Разделение труда внутри рода наметилось уже тогда и на основе социального неравенства. В то время мы видим выделение родоначальников, которые являются не только организаторами рода, но и его эксплоататорами. Они выделяются своим большим богатством, присваивают себе лучшие пастбища и т. д. Некоторые из этих родоначальников организуют военные дружины и берут на себя охрану земледельческого населения, получая за это с них соответствующую дань или силой подчиняют себе землевладельцев отдельных районов [1]).

Мы здесь имеем начало разложения патриархально-родовой общины. Но эти данные касаются кочевников, живущих на торговых путях и в значительной мере втянутых в товарообмен с земледельческим населением.

Мы не имеем данных о кочевниках, живущих вдали от торговых путей и районов оседлого земледелия. Надо полагать, что в то время там почти в неприкосновенности сохранялась патриархальная организация кочевого рода.

Главными видами скота кочевников того времени были мелкий рогатый скот (овцы), лошади и верблюды. Почти все кочевники вели одинаковый образ жизни. Жили кочевники и тогда в круглых хижинах, обтянутых войлоком, питались мясом и пили молоко. Земледелием, видимо, не занимались, и продукты земледелия не входили в число предметов питания. Но, как уже отмечалось, на этом фоне в некоторых районах выделялись родоначальники, князья, которые накапливали значительные богатства войнами, торговлей и эксплоатацией своих сородичей, т. е. намечался переход к феодализму.

В земледельческих районах, кроме хлебопашества (пшеница и рис), было развито садоводство и виноградарство, а в Фергане засевали люцерну (см. схематическую карту на стр. 158). О культуре хлопчатника в этот период нет никаких сведений. Некоторые исследователи (Бартольд) считает, что культура хлопка была перенесена в Китай из Средней Азии;

---

[1]) „Интересен рассказ об этих переговорах (переговоры о заключении договора в 206 году до нашей эры между Евфидемом и Антиохом III), наглядно свидетельствующий о значении кочевников в истории Средней Азии. Евфидем грозил, что в крайнем случае призовет кочевников, что повлечет за собой разорение всей страны, не только государства Евфидема (Бактрия), но и государства Антиоха". Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Изд. Акад. Наук СССР, Л. 1927 г. стр. 4.

из Средней же Азии в Китай была перенесена культура люцерны и винограда. Другие же исследователи (Черданцев) находят, что культура хлопка в Китае более древняя (за 2500 лет до нашей эры), чем в Средней Азии (560—570 лет до нашей эры) и считают (Понятовский), что культура хлопчатника занесена в Ср. Азию из Китая вместе с рисом и шелководством. Большинство же исследователей полагают, что культура хлопчатника занесена в Ср. Азию из Индии, а из Средней Азии в Китай [1]).

Дальнейшим этапом в развитии географического разделения труда было отделение города от деревни в земледельческих районах. Этот процесс был связан с процессом феодализации Средней Азии и развитием обмена между кочевниками и оседлым земледельческим населением.

Городская жизнь была развита в этот период еще слабо, крупных городов почти не было. Преимущественно это были укрепления, замки местной земледельческой аристократии. Замки эти в дальнейшем, с развитием городской жизни, превращались в цитадель города. Со времени греческого нашествия упоминаются и более крупные города, напр. Мараканды, (современный Самарканд). По некоторым местным преданиям VIII века, город этот существовал уже 2250 лет тому назад. Одна легенда приписывает основание города или по крайней мере части его Александру Македонскому [2]). Быстрому росту этого города и тому, что он занимал как по пространству, так и по количеству населения первое место в

---

[1]) Вот какие данные приводит Г. Сафаров о развитии хлопка в Китае: „Хлопок долго не мог привиться в Китае, так как купцы боялись конкуренции шелку. Еще в „Си-Ю-Цзы" или описании путешествия даоского монаха Чань-Чуня на Запад, к Чингис-Хану, автор его, ученик монаха, передает, что в городе Алима, находившемся недалеко от старой Кульдгии, „есть ткань, называемая ту-лу-ма; в народе говорят, что она соткана из посаженной шерсти овец. Мы получили тогда семь кусков этой ткани для теплого платья. Эта шерсть походит на наш ивовый пух, чиста, тонка и мягка; из нее можно прясть нитки, вить веревки, ткать холст и делать вату" („Труды миссии", т. IV, стр. 145). На север хлопок проник, разумеется, позже чем на юг.

„Из показаний Иби-Батуты видно, что в его время хлопатобумажные ткани в центре Китая еще далеко не были в ходу: „у китайцев,—писал он,—платье из хлопчатобумажной материи стоит в два три раза дороже шелка". (Vull. IV, стр. III).

„Тем не менее в Юаньскую эпоху Юг уже начал производить хлопок на острове Хайнане и в Чжон-Чэне". Сафаров.—„Классы и классовая—борьба в китайской истории". ГИЗ, 1928. стр. 251.

Новейшие исследования в области установления первоначальных родин культурных растений (напр., работы академика Вавилова и др.- внесут большую ясность также и в историю географического распространения отдельных клуьтур.

[1]) Бартольд—„Туркестан в эпоху . . . .", стр. 36.

древности и в Мавераннагре, способствовало экономико-географическое его положение: в месте соединения главных торговых путей из Индии (через Балх), из Персии (через Мерв), из Китая (через Кашгар, Хотан, Лобнор) и из владений тюрков. Кроме того, необыкновенное плодородие окрестностей города, при слабом развитии в то время транспортной техники, также способствовало соединению в одном месте огромного количества людей [1]).

Благодаря развитию товарообмена между оседлым и кочевым населением еще в рассматриваемый нами период стали возникать города не только как крепости, под стенами которых могло бы найти защиту окружающее земледельческое население, но и как торговые фактории, как торговые аванпосты для обмена продуктов земледельческой культуры на скотоводческие. А в следующий период мы видим ряд таких городов по среднему течению Сыр-Дарьи на границах с кочевниками-тюрками (напр., Отрар, Сауран, Сунах, Вкент и др.).

Мирные взаимоотношения между кочевниками и оседлым населением края часто нарушались военными действиями и набегами кочевников. Поэтому население земледельческих районов, не ограничиваясь постройкой стен вокруг города, начало возводить стены вокруг всего земледельческого оазиса. Так в III веке до н. эры весь Мервский оазис был окружен стеной длиной более 235 км. в окружности. Считают, что эта стена является первой постройкой такого типа в Ср. Азии [2]). Потом такие же стены были возведены в Зеравшанском районе и в районе около нынешнего Ташкента. Стены эти ставились там, где кончилась земледельческая полоса, т. е. куда уже не доходила для орошения вода, и не стена ставила преграды для расширения земледелия, а вода, которая могла быть использована при данном уровне развития производительных сил [3]).

В дальнейшем развитии географического разделения труда и возникшей на этой основе специализации отдельных районов Средней Азии большую роль сыграло установление торговых сношений с соседними земледельческими странами (Греция, Египет, Персия, Индия и Китай). Торговые сношения между Ср. Азией и отдельными странами связали страны с различными производствами, и сделали их зависимыми друг от друга отраслями совокупного общественного труда и тем способствовали перераспределению про-

---

[1]) Бартольд—Указанное сочинение, стр. 85.

[2]) Бартольд. „История культурной жизни Туркестана". Издание Акад. наук СССР. Ленинград, 1927 г., стр. 4.

[3]) См. напр., Наршахи. История Бухары, стр. 12.

изводительных сил между Средней Азией и этими странами, что привело к расширению пространственной базы воспроизводства хозяйственной жизни Ср. Азии. Но этот процесс захватил только верхние слои феодального общества. Основная масса сельского населения—крестьяне оставались в стороне от развивающихся торговых связей и продолжали вести почти полное натуральное хозяйство. В то время торговля являлась почти единственной формой хозяйственных связей. Изменение направления торговых путей, проходивших через Среднюю Азию, изменение их значения в мировой (по тому времени) торговле изменяли темп хозяйственной жизни отдельных районов страны и влияли на развитие географического разделения труда.

Во II вее до н. эры был установлен торговый путь из Китая на Запад через юг Средней Азии (см. карту на стр. 158). Постоянные торговые сношения запада с востоком отразились и на хозяйство Средней Азии. Под влиянием Запада (Греции и Рима) возникла в Средней Азии стекольная промышленность в районе Самарканда. Из Китая через Ср. Азию вывозилась на запад главная масса китайского шелка. Под влиянием этой шелковой торговли сперва в Фергане, а затем в Мервском районе возникло шелководство [1]). Наибольшее развитие шелководство получило в Мервском районе и в Персии. В Ферганском районе шелководство к VI веку нашей эры также достигло значительных размеров, но потом не смогло выдержать конкуренции персидского шелка и к моменту завоевания края арабами оно уже не существовало там. Под влиянием Китая возникла также в Фергане металлическая промышленность, которая существовала и в первые годы арабского завоевания. Ферганское оружие славилось своими качествами далеко за пределами Средней Азии и вывозилось в IX веке даже в Багдад. От китайцев же ферганцы научились выделывать сосуды из золота и серебра. От них же позаимствовали народы Ср. Азии некоторые сельскохозяйственные орудия (напр. кетмень) и усвоили китайскую технику обработки земли. Китайцам же приписывают сооружение многих оросительных каналов, существующих и поныне. Наибольшее участие в посреднической торговле между Китаем и Западом приняли парфяне, занимавшие нынешний Туркменистан. Их торговые суда ходили до Аму-Дарье.

Развитию металлопромышленности и производства сосудов из драгоценных металлов в Фергане способствовали за-

---

[1]) Некоторые исследователи время возникновения шелководства в Ср. Азии относят к V веку н. эры. См. Эфрос: „Шелковая промышленность в России и наша таможенная политика" ч. I, М. 1918 г., стр. 1.

пасы железной руды в горах Буттем и запасы золота и серебра. Следовательно, к этому времени на развитии географического разделения труда в Ср. Азии уже стало сказываться влияния разнообразия географического размещения ископаемых богатств. В особенно выгодном положении оказалась Фергана со своими запасами железа каменного угля, серебра, золота, соли и т. д. Уже в то время каменный уголь в горной части Исфаринского округа употреблялся как топливо вместо древесного угля, а зола служила для беления тканей [1]). Была развита также добыча соли и ртути.

До конца VII века местная промышленность была развита еще слабо, и поэтому на внутреннем рынке были в большом ходу китайские товары [2]). Но некоторые отрасли хозяйства и тогда достигали значительного развития; например, виноделие в Фергане.

Были крупные достижения и в области ирригации. В VII веке техника искусственного орошения в районе Мерва достигла такого совершенства, что произвела на арабов большое впечатление, и они по имени Мургаба назвали один из каналов, прорытых в VIII века в Басре [3]). Уже в начале VIII века на Заравшане сложилась та ирригационная система, которая без существенных изменений сохранилась потом до середины XIX столетия [4]). Еще в период греческого владычества в Средней Азии упоминается о применении в Закаспии (Туркестане) «кяризной» системы орошения [5]), представляющей собою значительное достижение туземной техники и в данное время.

Такое относительно быстрое развитие хозяйственной жизни оседлых районов страны вело к росту городов и усилению городской жизни, выделению торговых и промышленных центров, специализации отдельных районов на тех или иных отраслях хозяйства (см. карту на стр. 158). Этот процесс получил свое дальнейшее развитие с VIII века, особенно в IX веке.

Еще в начале VII века китайцы говорили о жителях Самаркандской области, что «жители все (?) искусные торговцы; когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте; когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу; прибыль высоко ценится большинством жителей [6]).

---

[1]) Бартольд. Туркестан в эпоху . . . стр. 161, 246.

[2]) Бортольд—Туркестан в эпоху . . . . стр. 246.

[3]) Он же. История орошения Туркистана. стр. 12—13.

[4]) Там же, стр. 14.

[5]) Кяризы—подземные водопроводы, галлереи, посредством которых выводится вода далеко в степь.

[6]) Бартольд—История культурной жизни Туркистана, стр. 18.

Если строй кочевников можно было характеризовать в целом как патриархально-родовой строй с зачатками развития феодализма в некоторых районах, то строй оседлого земледельческого населения является строем феодальным. Здесь мы уже имеем крупных земледельцев, феодалов—дехкан[1]), «защищающих» крестьян от внешних нападений, ведущих значительные торговые операции с кочевниками и другими народами, с одной стороны и с другой,—крестьян, работающих на них, отдающих им прибавочный продукт.

По существующим источникам нет возможности в полной мере востановить взаимоотношения между крестьянством и феодалами. Но так как процессы, происходившие в этот период в Ср. Азии, были схожи с аналогичными процессами в Персии, то судя по материалам персидской истории можно считать, что в Ср. Азии в этот период происходило усиление крупного землевладения, на которое крестьянство отвечало восстаниями. Так, в Персии в V в. н. эры произошло сильное крестьянское движение окрашенное в религиозный цвет и возглавляемое сектой маздакитов. Лозунгом восставших было равенство прав на землю.

Развитие феодализма в Средней Азии началось в двух районах: на севере—в Хорезме и на юге—в Согдиане (главный город Мараканда) и относится, видимо к периоду феодализации Персии (с половины VI до половины V века до нашей эры). Наиболее усиленный процесс феодализации происходил с II века до нашей эры с установлением торговых путей с Китаем и Западом. К VI веку нашей эры Средняя Азия распалась на мелкие владения, во главе которых стояли князья—феодалы. Борьба феодалов между собою, процесс первоначального феодального накопления болезненно отражались на хозяйстве крестьян и сильно задерживали развитие производительных сил Средней Азии.

Таким образом, мы видим, что в Средней Азии в этот период развитие географического разделения труда шло как бы с двух сторон. С одной стороны, в результате роста производительных сил в сельском хозяйстве происходило отделение земледелия от скотоводства, которое в первую очередь было основано на естественно-исторических особенностях Ср. Азии и сперва имело небольшие территориальные границы, а затем эти границы расширились, выйдя за пределы земле-

---

[6]) Слово „декхан" происходит от пердсидского слова „дех", что значит село. В этот и следующий период под дехканом, понимали владетеля, живущего в укрепленном замке, который являлся неот мной частью каждого поместья. Начиная с XIII века и позднее дехканом стали называть вообще земледельцев. Теперь в Ср. Азии дехканин соответствует понятию крестьянин.

дельческих районов и захватив значительную часть Ср. Азии; внешним выражением такого разделения труда был обмен между оседлым и кочевым населением. С другой стороны, развитие средств транспорта и вышеуказанное развитие производительных сил привели к обмену между оседлыми и кочевыми районами Ср. Азии, с одной стороны, и между древними земледельческими районами Китая, Персии, Греции и др. с другой—и тем способствовали перераспределению производительных сил между ними и возникновению некоторых новых отраслей хозяйства в Ср. Азии.

Но этот процесс, ввиду указанных выше задерживающих социально-экономических факторов, происходил медленно и охватил период почти в 1.200—1.400 лет.

Процесс территориального воспроизводства хозяйства, как мы видели, совершался почти при неизменных условиях повторяя одни и те же процессы производства в прежних, медленно изменяющихся, территориальных размерах. В этот период географическое разделение труда в Средней Азии было развито еще слабо, и поэтому специализация отдельных районов только наметилась. Повторяем, основным моментом в географическом разделении труда оставалось разделение труда между кочевниками и оседлым населением, и это разделение труда, ввиду слабого еще развития производительных сил, было основано в первую очередь на природных особенностях Средней Азии (районы поливного земледелия и районы пастбищного скотоводства).

Второй период. Период наибольшего развития географического разделения труда в эпоху феодального способа производства в главнейших странах мира и в Средней Азии (с VIII в. по XIII в).

В середине VIII века н. эры Ср. Азия подверглась нашествию и завоеванию со стороны арабов. Это завоевание теснее связало страну с Передней Азией, что послужило толчком к дальнейшему развитию географического разделения труда и на основе его специализации отдельных районов Ср. Азии.

Арабы в период завоевания ими Средней Азии уже начали переход к феодальному способу производства. Уже Магомет начал раздачу земли правоверным. Особенно увеличил раздачу земли Осман «а с конца VIII века—со времени халифа Махдия—начинается настоящее расточение государственных имуществ» [1]). При Османе образовались крупные земельные

---

[1]) Рожков, Н.—„Русская история в сравнительно-историческом освещении". т. I. изд. „Книга", 1923 г. стр. 381

владения у новой арабской знати. В этот же период сложились основные формы землевладения и землепользования, освященные исламом—религией восточного, азиатского феодализма. Мусульманское право быстро приспособилось к реальной действительности и практически защищало интересы крупного землевладения. Все эти принципы, что «аллаху принадлежит все, что на небе и на земле» и что «три вещи являются общей собственностью людей: вода, природные пастбища и огонь», имели чисто декларативное значение.

Вместе с исламом в Среднюю Азию проникли и эти формы землевладения и землепользования. Именно в этот период было положено основание тем земельным отношениям, которые затем продолжали постепенно развиваться вплоть до завоевания края Россией, и остатки которых в некоторых районах, существовали даже до земельно-водной реформы в Средней Азии в период диктатуры пролетариата.

Кроме того, надо отметить сильное развитие в Аравии торгового капитала. Завоевания арабов преследовали торговые интересы и вместе с исламом шел и арабский торговый капитал.

Нашествие арабов непосредственно усилило переселение некоторой части жителей из района Зеравшана в Семиречье, в долину реки Чу. Эти переселенцы стали вести выгодную торговлю с кочевниками, сбывая среди них главным образом ткани, являющиеся основным предметом вывоза как из Китая, так и из Передней Азии. Переселенцы основали торговые колонии и стали заниматся также и земледелием. Если во II веке до нашей эры в долине реки Чу жили одни кочевники, то уже в VII веке нашей эры путешественники видели там обработанные поля и торговые города, одна часть населения которых занималась земледелием, а другая—торговлей.

Хозяйственная жизнь этого района особенно усилилась в связи с перемещением торговых путей из Китая в западную Азию на север. Это перемещение было вызвано происходившими в VIII веке в Фергане непрерывными войнами феодалов между собою и грабежами караванов купцов феодалами, что являлось для последних значительным источником накопления [1]). Теперь караваны купцов, минуя Фергану и Кашгар, отправлялись из Самарканда к нынешнему Ташкенту, оттуда через нынешний город Аулиэ-ата к берегам р. Чу, далее по долине этой реки через Буамское ущелье и по южному берегу озера Иссык-куль и через перевал Бедель к

---

[1]) Возможно что в этот период произошло падение шелководства в Фергане.

Аксу (см. карту схему «Экономическая карта Ср. Азии в IX—XI вв.» на стр. 170).

Расширение орошаемой земледельческой территории происходило не только на востоке Ср. Азии, в Семиречьи, но и на западе. Мервский оазис значительно расширился, земледельческое хозяйство распространилась по Мургабу к югу от Мерва и по Тетжену в районе Серахса. Развивалось земледельческое хозяйство по р. Атреку (у юго-восточных берегов Каспийского моря). Земледельческая площадь расширилась и по Аму-Дарье. Развитие ирригационной техники, устройство «нава» и чигирей [1]), дало возможность оросить земли и в некоторых районах среднего течения Аму-Дарьи. Здесь уровень воды в реке значительно ниже полей, и поэтому необходимо поднять воду с реки, что и было достигнуто применением сперва «нава», а затем наряду с ним чигирей [2]). К IX веку по левому берегу Аму-Дарьи сплошная земледельческая полоса тянулась, начиная с города Амуля [3]), до самых низовьев. Земледельческая же полоса правого берега начиналась значительно севернее, с Рабат Маш'а (см. карту схему «Экономичекая карта Ср. Азии в IX—XIII вв.» на стр. 170). Последнее объясняется тем, что этот берег реки чаще подвергается размыву и поэтому представлял значительно большие трудности для использования, чем левый. Начало же сплошной земледельческой полосы левого берега именно с Амуля об'ясняется существованием и развитием торгового пути из Мервского оазиса и Зеравшана в Хорезм, а оттуда в страну Волжских Булгар и на запад. К этому времени особенно усилились торговые сношения с Булгарией. Еще в V веке установился Балтийско-Каспийский торговый путь, который до IX века имел несравненно большое значение, чем Балтийско-Черноморский [4]). Кроме указанного пути, в Хорем был еще другой путь по степи из Бухары к Рабат Маш'у и далее, по правому берегу Аму-Дарьи, и речной путь на каюках [5]) по самой реке. Из столицы Хорезма—города Кят—шла дорога к Сыр-Дарье и дальше

---

[1]) Нава—деревянная черпалка, вроде корыто, для под'ема воды. Чигирь—колесо с кувшинами на ободе для под'ема воды. Нова приводится в движение человеком, а чигирь - лошадью, верблюдом или водой.

[2]) Местные жители некоторых районов, напр. кишлака Биттик (в Чарджуйском округе), считают более древним чигири. (Мои записи летом 1928 года).

[3]) От Амуля (совр. Старый Чарджуи) происходит название реки Аму-Дарья, которая раньше называлась Окс.

[4]) Бартольд—История культурной жизни . . . стр. 17.

[5]) Каюк-большая туземная плоскодонная лодка, вроде баржи.

к берегам Иртыша. Выгода от торговли с кочевниками и от посредничества в торговле с булгарами способствовали быстрому экономическому развитию Хорезма. Таким образом, в этот период территориальные границы географического разделения труда и, следовательно, границы процесса воспроизводства хозяйства Ср. Азии значительно расширились в сравнении с предшествовавшим периодом.

Рост производительных сил в Средней Азии, особенно в земледельческих районах, начавшийся еще до нашей эры, продолжается с большей быстротой в период арабского владычества, хотя частые войны и сильная эксплоатация феодалами крестьян и задерживали этот рост. Расширяется старая сеть оросительных каналов и возводятся новые (напр. в Мервском районе по Тетжену, по Атреку, по Зеравшану, в районе Кашка-Дарьи, в районе Ангрена и Чирчика, по р. Чу и т. д.) возникают новые города (напр. Сауран, Янгикент, Дженд, Сунгнак и др.) расширяются старые (напр., Бухара, Самарканд), строятся мосты через реки (напр., в XII веке из обожженного кирпича был построен мост около Харамкам), в Бухарском районе роются колодцы, создаются новые трудовые навыки населения в области промышленности как добывающей (напр., в Фергане добыча металлов), так и обрабатывающей (напр., производство тканей и т. д.).

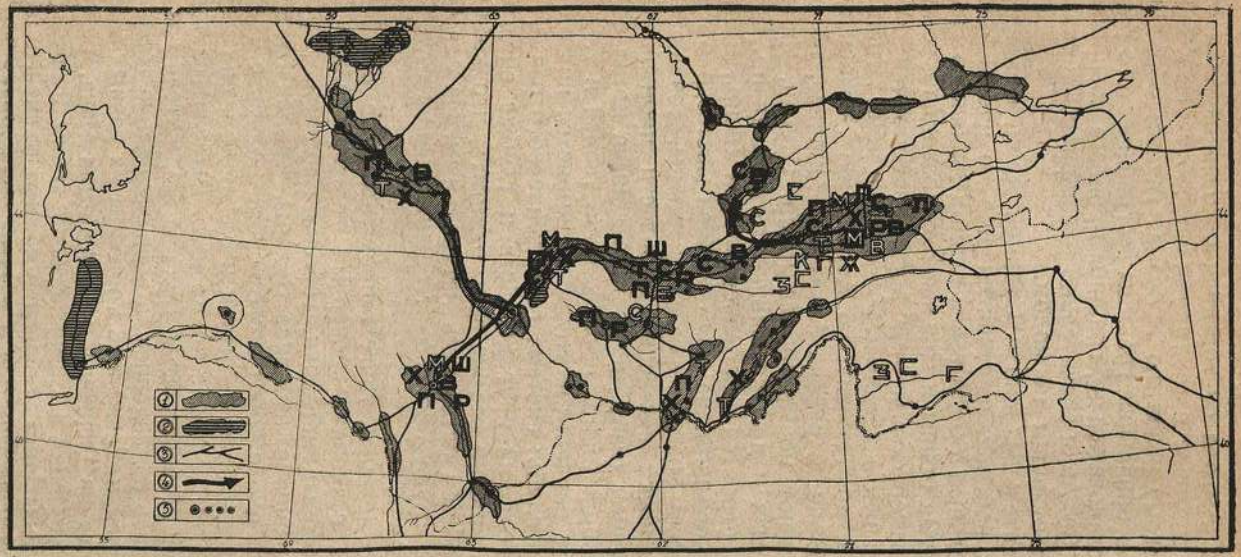
Географическое разделение труда расширяется не только в ширь, но и в глубь: система географического разделения захватывает больший круг хозяйств и глубже внедряется в каждую из них, но все же надо отметить, что хозяйство Ср. Азии в общем оставалось натуральным. На основе такого разделения труда происходит специализация отдельных районов Ср. Азии.

Выделяются отдельные торгово-промышленные районы. Некоторые города становятся центрами торговли или, как их называют некоторые историки, городами купцов, напр., г. Пейкент на Зеравшане, западнее Бухары. Каждая бухарская деревня имела около ворот этого города подворье. Купцы Пейкента вели торговлю с Китаем и с Западом, они участвовали и в морской торговле по Каспию. Выделяется также крупные селение Тававис около Бухары же, жители которого мало занимались земледелием, а вели обширную торговлю: на базар в селении съезжались торговцы из разных мест Мавераннагра, даже из Ферганы и Шаша (или Чача, район Ташкента). [1]) Город Верад в Самаркандской области специализируется на выделывании хлопчатобумажных тканей, пользующихся большой известностью и высоко ценившихся даже

---

[1]) Бартольд, Указаннсе сочинение, стр. 101.

Схематическая экономическая карта Ср. Азии в IX—XI вв.

Условные обозначения: 1—районы земледелия и оседлого хозяйства, 2—районы рыболовства и охоты, 3—главнейшие торговые пути, 4—направление перевозки хлеба, 5—города; **черные буквы**—обозначают соответствующие районы сельского хозяйства, а именно: П—пшеница, Р—рис, В—виноградарство, Х—хлопок, Ш—шелководство, С—садоводство, Л—люцерна; **белые буквы** обозначают соответствующие районы промышленности, а именно: Т—текстильная, В—виноделие, М—мукомольная, Б—бумажная, **М в черном квадрате**—металлообрабатывающая, К—каменноугольная, Ж—добыча железной руды, З—добыча золота, **С в черном квадрате**—добыча серебра, С—добыча соли, Г—другие виды горной промышленности.

Об'яснение см. в тексте, стр. 169—174.

в Ираке [1]). Бухарское селение Зендан производит ткани носившие название от имени этого селения [2]. В долине Сурхан-Дарьи находилось большое, богатое селение Дарзенги, большинство жителей которого занимались ткачеством [3]). В городе Бухаре рядом с мечетью, построенной в 918—919 г. на средства визира Абу-Абдуллаха Джейхани, находилась главная, ткацкая мастерская в городе [4]). Таким образом, как главные районы текстильного производства выделяются долины реки Зеравшана (районы Бухары и Самарканда) и реки Сурхан-Дарьи. Средне-азиатские ткани из хлопка, шерсти и шелка находили теперь значительный сбыт среди кочевников, что опять же способствовало дальнейшему развитию текстильной промышленности. Самарканд начинает славится производством тряпичной бумаги, и к концу X века самаркандская бумага совершенно вытеснила в мусульманских странах папирус и пергамент [5]). Фергана продолжала специализироваться в горной и металлопромышленности, виноградарстве и виноделии. Горная промышленность в то время достигла в Фергане крупных размеров. «Область славилась своими минеральными богатствами; около Ахсикета, в Некаде и в других местах были золотые и серебряные рудники; около Соха добывалась ртуть, в Верхней Нас'е—смола, асбест, золото, серебро, бирюза, железо, медь и свинец; наконец, Фергана была одной из тех немногих областей в мусульманских владениях, где добывался нашатырь (по словам автора Джехан-Намаэ)—около Узгенда» [6]). Вблизи гор. Илака находились большие соляные копи. Соль добытая здесь, сбывалась в Шаше, Ходженте и др. областях [7]). Как уже указывалось выше, в горной части Исфаринского округа находились каменноугольные копи. Как центры горной промышленности выделялись еще два района: верховья Зеравшана выше селения Обурдан, где добывались железо, золото, серебро и купорос, и области Дарваза, Рошана, Шугана и Бадахшана, где находились золотые и серебряные рудники, рубиновые и ляпис-лазуревые копи. Необходимо также отметить и район Кашка-Дарьи, где добывалась соль. В Средней Азии в этот период, возможно добывали и нефть, т. к. в исторических документах упоминается о том, что войска Чингис-Хана употребляли нефть при осаде городов Хорезма.

---

1) Бартольд—Туркестан в эпоху . . ., стр. 97.
2) Там же, стр. 236.
3) Там же, стр. 75.
4) Там же, стр. 112.
5) Там же, стр. 247.
6) Там же, стр. 164—165.
7) И теперь в Фергане в горах близь Самгара добывается соль.

По берегам Аральского моря около Хорезмского оазиса и по берегам Каспийского моря около Дехистана было развито рыболовство. Рыболовством занимались также жители Бухарского района в озерах, у низовьев Зеравшана. Наибольшее значение имело рыболовство на берегу Аральского моря. Здесь около впадения Аму-Дарьи находилось урочище Халиджан где жили только рыбаки. Рыба из Хорезма вывозилась во многие страны, имевшие торговую связь с Ср. Азией.

На ряду с дальнейшим отделением промышленности и торговли от сельского хозяйства и выделением отдельных промыслов (рыболовство и охота[1]), мы видим развитие разделения труда не только внутри промышленности, но и внутри сельского хозяйства.

В районах искусственного орошения большие пространства земли были заняты садами и виноградниками. Особенно выделялись своими виноградниками Мервский оазис, окрестности г. Дарган в Хорезме, район Самарканда и Ферганы. Из Даргана вывозили изюм. Хорезм славился также своими арбузами, которые находили сбыт и за пределами Средней Азии[2]). Богарные земли (напр., волости Абгарская[3]), Яркендская и Бурнемедская[4]) в Самаркандской области и некоторые в Кашка-Дарьинской области: напр., района Нефеса)[5]) засевались главным образом хлебными злаками (в частности пшеницей и просом). Абгарская волость славилась плодородием своей почвы, урожаи были большие—сам-сто и больше, размеры и количество селений были больше, чем в других волостях Самарканда. Районы богарного земледелия отличались также богатыми пастбищами, которые использовывались населением для скотоводства.

Уже в те времена некоторые земледельческие районы Ср. Азии нуждались отчасти в привозном хлебе. Мерв получал продукты питания из Зеравшанской долины, Ходжет получал хлеб из Ферганы. Ферганский и Самаркандский районы выступали в то время как районы с избытком хлеба. Из Ферганы хлеб, кроме Ходжента, по Сыр-Дарье направлялся на север к кочевникам.

---

[1]) Охотой занимались большею частью в Бухарском районе, где были развито и рыболовство, по Аму-Дарье, и в горной части Ср. Азии.

[2]) Са'алиби указывает на хоремзские арбузы, привозившиеся ко двору халифов Мамуна 813—833) и Васика (842—847) в свинцовых формах, обложенных снегом. Цена арбуза, благополучно дошедшего до места назначения, достигала 700 диргемов, т. е. ок. 175 р. (!) Бартальд. Туркестан в эпоху . . . стр. 247.

[3]) Ныне Чашмаобская волость.

[4]) Северные волости.

[5]) Поля Нефеса орошались отчасти колодцами.

Кочевники сбывали купцам в большом количестве скот убойный и вьючный, кожи, меха, и рабов. Торговля рабами получила в это время большое развитие и продолжалась до второй половины XIX века [1]). Кочевники сами, как уже указывалось выше, главным образом, нуждались в одежде и хлебе.

Мы видим, что процесс географического разделения труда в Средней Азии в период с VII по XII век достиг больших размеров, в связи с чем отдельные районы стали специализироваться на производстве определенных товаров.

Яркую картину специализации отдельных районов Ср. Азии рисует арабский историк Макдиси (X век), давая перечень предметов, вывозившихся из различных городов и местностей. Вот это описание:

«Что касается товаров, то вывозятся следующие: из Тармиза мыло и asa foetida [2]); из Бухары — мягкие ткани, молитвенные коврики, ковры, ткани для настилки полов в гостиницах, медные фонари, табаристанские материи, лошадиные подпруги, выделываемые в местах заключения, ушмунские [3]) ткани, жир, овечья шерсть, масло, которым мажут голову; из Керминии—салфетки; из Дебусии и Ведара— ведарийские ткани, сделанные как бы из одного куска; я слышал, как один из султанов в Багдаде называл их хорасанской парчей; из Ребинджана—зимние плащи из красной шерсти, молитвенные коврики, оловянные сосуды, кожи, крепкая конопля и сера; из Хорезма—меха соболей, горностаев, хорьков, ласк, куниц, лисиц, бобров, зайцев и коз, также свечи, стрелы, кора белого тополя, высокие шапки, рыбий клей, рыбьи зубы [4]), касторовое масло, амбры [5]), выделанные лошадиные кожи, мед, лещиные орехи [6]), соколы, мечи, панцыри, березовая кора, славянские рабы, бараны и ковры—все это (получалось от

---

[1]) В XVIII века и начале XIX в. в торговле рабами особенно специализировались туркмены. Надо отметить, что рабство, видимо, ни в один период истории Ср. Азии не играло большой роли в хозяйственной жизни края и не накладывало отпечаток на способ ведения хозяйства. Рабы большою частью брались в армию, в слуги и в гаремы.

[2]) Asa foetida—затвердевающий млечной сок корня растений Ferula Scorodasma и Ferula Narthex из семейства зонточных дико растущих в степях между Персидском заливом и Аральским морем. В арабской медицине применялась при истерии и судорожных нервных заболеваниях. В Персии и Индии употребляется как пряность в кушаниях и напитках.

[3]) От египетского города Ушмунейна.

[4]) Может быть моржовые клыки.

[5]) Амбра приятно пахучее воскообразное вещество, высоко ценится на Востоке, где употребляется для курения; ранее употреблялось в медицине, как вещество, укрепляющее нервы и желудок.

[6]) Лещина—обыкновенный лесной орех, доходящий на севере до 66°, а на юг—Алжира, Малой Азии, Армении.

болгар, кроме того, виноград, много изюма, миндальное пирожное, сезам, ткани из полосатого сукна, ковры, большие куски сукна, парча для подношений, покрывала из ткани мульхам, замки, ткань арандж [1]) луки, натянуть которые могут только самые сильные люди, рахбин (род сыра),, сыворотка, рыба, лодки (последние вывозятся также из Тармаза). Из Самарканда (вывозятся) ткани серебристые (симчун) и самаркандские большие медные котлы, изящные кубки, палатки, стремена, удила, ремни; из Дизака—хорошие сорта шерсти и одежда из нее; из Бенакета—туркестанские ткани: из Шаша—высокие седла из лошадиной кожи, колчаны, палатки, кожи (привозимые от тюрков и подвергаемые дублению), плащи, молитвенные коврики, наплечники, хлебное зерно, прекрасные луки, иголки нисшего качества, клетчатая бумага, идущая к тюркам, ножницы. Из Самарканда еще (идут) парча, вывозимая к тюркам, и красные ткани, известные под названием мамарджиль, ткань синизи (полотняная), много шелку и шелковых тканей, лещинные и простые орехи; из Ферганы и Исфиджаба—тюркские рабы, белые ткани, предметы вооружения, мечи, медь, железо;, из Тараза (Таласа)—козья шерсть, из Шельфик—серебро; из Туркестана в эти места пригоняют лошадей и мулов и таким же образом из Хутталя. Не имеют себе равных бухарское мясо и род бухарских дынь, известных под названием ашшах (или аш-шаф), хорезмийские луки, шашская посуда и самаркандская бумага» [2]).

Из этого перечня Макдиси мы видим, во-первых, что отдельные города и селения, отдельные районы Ср. Азии специализировались на производстве тех или иных товаров, которые вывозились за пределы страны, и во-вторых, что некоторые районы играли значительную роль в посреднической торговле с другими странами; особенно в этом отношении выделялся Хорезм.

Но все же в данное время производительные силы страны росли медленно, благодаря чему процесс географического разделения труда получал, главным образом, толчек от внешнего товарообмена. Но и этот фактор сказывался больше на развитии некоторых только отраслей, именно тех из них, которые благодаря высокой себестоимости могли выдерживать перевозки при тогдашних транспортных условиях и служили, главным образом, для удовлетворения потребностей земельной аристократии.

Трнспортная техника была развита слабо. Последняя находится в прямой зависимости от развития техники в обла-

---

[1]) По Lataifo F-m'orif одна из хлопчатобумажных тканей.
[2]) Бартольд—Туркестан в эпоху . . . . ,стр. 245—246.

сти производства [1]). Промышленность Средней Азии того времени была мелкой промышленностью, в большей своей части сохранившей домашнюю форму, но в некоторых пунктах перешедшей в ремесленную форму; в некоторых районх (напр. Бухара) возникли крупные мастерские типа египетских мануфактур. Орудия производства были самые примитивные и очень медленно подвергались техническому прогрессу. Например, по рассказам даже современных бухарских ткачей, ткацкие станки остались такими же, какими они их позаимствовали тысячи лет тому назад из Персии [2]). Омач [3]) и кетмень [4]), применяемые в сельском хозяйстве и теперь, также имеют тысячелетнюю давность. Поэтому и транспортная техника и транспортные средства почти не подвергались изменению: средствами сухопутного транспорта являлись верблюды, в некоторых горных районах—люди (носильщики), что имеет место и до сих пор в Средней Азии (напр., в Таджикстане), средствами водного транспорта—каюки и гупсары [5]). Дороги были плохие, мостов во многих местах, даже перед городами, не было [6]), приходилось переправляться или вброд или вплавь на гупсарах. Колодцев в пустынях было мало, поэтому последние были трудно проходимыми, и караваны предпочитали идти по окружным путям через горы, где они были обеспечены водой. Караваны двигались медленно. Так, то расстояние, которое покрывалось торкской почтой того времени в 3 дня, караваны проходили в 15 дней [7]).

---

[1]) „ Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обуславливает такой же переворот в других сферах. Это относится прежде всего к таким отраслям промышленности, которые переплетаются между собою, как фазы одного общего процесса, хотя общественное разделение труда до такой степени изолировало их, что каждая из них производит самостоятельный товар.

А революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. в средствах сношений и транспорта". К. Маркс. Капитал, т. I ГИЗ 1920 г. стр. 375.

[2]) Из личных обследований в 1923—24 г. шелковой промышленности в г. Старая Бухара. Как центр распространения шелковой промышленности в Ср. Азии, здесь указывается Персия а не Китай, что вполне об'ясняется тем, что с XII века первенство в шелководстве получила Персия и Мервский округ, откуда уже вторично стали распространяться по Ср. Азии шелководство и шелковая промышленность.

[3]) Омач—местная соха.

[4]) Кетмень—местная лопата, мотыга.

[5]) Гупсары (или турсук, саночь)—цельная шкура козла, надуваемая воздухом через одну из задних ног.

[6]) Так, напр., в Фергане через реку около города Узгенда не было моста и приходилось перепровлятся вброд. Бартольд. Туркестан в эпоху . . . . , стр. 157.

[7]) Бартольд—Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского статистического комитета, II, 1898 г. стр. 91—92.

Не усовершенствование транспортной техники, а установление новых торговых путей оказывало влияние на географическое разделение труда в Ср. Азии и образование новых районов.

Причины слабого развития производительных сил в Ср. Азии надо искать в тех социальных отношениях, которые там сложились. Здесь нельзя ограничиться одним указанием на набеги кочевников, борьбу феодалов и междуусобные войны из-за престолонаследия. Конечно, они также задерживали развитие производительных сил. В основном же задерживающими факторами были классовые отношения и экономическая политика господствующего класса того времени.

Господствующим классом в Мавераннагре перед арабским завоеванием были крупные землевладельцы, земельная аристократия—дехкане. Уже в этот период начинает формироваться класс торговцев, разбогатевших благодаря караванной торговле с Китаем, Индией, Персией и др. странами. Вначале это были те же землевладельцы-феодалы, которые, выжимая прибавочный продукт у подчиненных им крестьян, имели возможность вести крупные торговые операции с другими странами. В то время интересы этих двух классов еще не пришли в столкновение; нет никаких известий об антагонизме между дехканами и купцами[1]). С дальнейшим развитием внешней торговли и развитием географического разделения труда в Ср. Азии создавались благоприятные условия для роста торгового класса и его значения в жизни страны. В период арабов мы уже видим существование влиятельного самостоятельного торгового класса, представители которого выкупают земли своих селений у земельных собственников-дехкан. Наряду с этим земельная собственность стала переходить в руки военного и служилого сословия и духовенства. Так военный начальник Али-тегин владел 500 деревень в Хорасане и Мавераннагре; в каждом городе у него были дворец, сад, караван-сарай и баня[2]). Громадные земельные площади сосредотачивались и в руках духовенства (вакуфы[3]) и пр.). Всеми ими в больших размерах применялся метод насильственного присваивания земель, принадлежащих крестьянам. В первую очередь подверглись этому земли родовые и нахо-

---

[1]) Баратольд—Туркестан в эпоху . . . . стр. 183—184.

[2]) Там же, стр. 249.

[3]) Вакуф (или вакф) „посвящение какого-либо предмета(имущества) какой-либо цели" с запрещением дальнейшего отчуждения или перехода из одних рук в другие. Большою частью предметом вакуфа были земли, затем караван-сараи, лавки, мельницы и т. д.

дящиеся в общественном пользовании селений [1]). Развитие военных ленов, когда вместо жалованья или части его раздавались военноначальникам земельные наделы, наряду с другими выше указанными явлениями накопления земельной собственности в рукх неземельной аристократии, привело в конце концов к падению значения феодалов-дехкан. Если еще в рассказе о походе 1007—8 гг. отдельно упоминаются «дехкане Мавераннагра», то уже в период монгольского завоевания нет никаких известий о значении их в Мавераннагре [2]). Таким образом, на место земельной аристократии—князей-дехкан—нарождаются классы торговцев и новых помещиков. Этот процесс особенно усилился с XI века, с покорением Ср. Азии турками, и выражался в падении прежнего иранского, дехканского крупного землевладения и образовании нового турецкого ленного землевлдения.

Часть землевладельцев-помещиков, не довольствуясь получением прибавочного продукта от крестьян, стремилась превратить их и членов их семейства в свою полную собственность. На этой почве происходит столкновение интересов между центральной властью и помещиками. Центральня власть, защищая интересы торгового класса, препятствовала этому. Так, «Назим-ал-мульк напоминает владельцам наделов, что им только разрешается взимать с жителей определенную сумму и что кроме этого они не имеют никаких прав на личность, имущество, жен и детей населения» [3]). Эти данные определенно указывают на существование сильной зависимости крестьян от помещиков и что эта зависимость становилась все более и более тяжелым [4]). В Средне-азиатских условиях эта зависимость приобрела только материальный, а не личный характер. Прикреплять крестьян неприходилось, так как в значительной степени они были прикреплены к определенным районам оазисным характером земледелия и необходимостью коллективной борьбы. за воду. Но это положение нисколько не уменьшало именно материальной зависимости крестьян от земельной аристократии и помещиков. Кроме того, слабое развитие сельскохозяйственной техники, слабое развитие вообще производительных сил в Ср. Азии, отсутствие значительного рынка для сельскохозяйственных продуктов не способствовли об-

[1]) Бартольд—Указанное сочинение, стр. 220.

[2]) В Хорасане же по прежнему упоминаются еще землевладельцы, живущие в родовых замках.

[3]) Бартольд—Указанное сочинение, стр. 327.

[4]) Историк Бухары Мухаммад Наршахи указывает, что дехкану Бухары принадлежала большая часть земельных участков и „большенство остальных людей были или крепостные или слуги его". История Бухары, стр. 13.

разованию крупных хозяйств. Земледелие велось крестьянами на мелких участках, или на арендованных у помещиках землях, или на государственных землях, или на землях родовых. Аренда была главным образом натуральная и носила храктер издольщины.

Крестьянам приходилось платить огромные налоги, тяжесть которых все время возрстала. В конце концов налоги стали разорительными для крестьян. В 1010—1011 году наступил сильный голод[1]). Переводчик Наршахи пишет, что в его время (XI в.) землю, которая при Саманидах (819—999) продавали по 4 000 диргемов за джуфт[2]) (т. е. около 1 000 руб. за $^2/_3$ га), никто не брал даром; если находился покупатель, то земля все-таки оставалась необработанной «вследствие жестокости (правителей) и немилосердного отношения к поданным»[3]). В царствование Махмуда (1-я половина XII в.) всевозможные поборы привели к тому, что «земельные участки большею часть были запущены, искусственное орошение в некоторых местах пришло в упадок, в других—прекратилось совсем». Если ко всему этому прибавить непрерывные войны, ведение которых требовало взимания новых дополнительных поборов с крестьян, и споры из-за водопользования[4]), которое в ср. азиатских условиях являлось одним из важнейших орудий для эксплоатации бедняцких масс крестьянства, то можно представить себе в каких условиях приходилось жить тогда крестьянам Средней Азии.

Все эти поборы, насильственное отбирание земли, несправедливости при водопользовании и т. д. вызывали частые восстания крестьян. История того времени заполнена этими восстаниями. Иногда крестьяне образовывали особые отряды (напр., между Баркадом и Рамитаном отряд в 4.000 человек)[5]) для борьбы с притеснителями. Правители, при содействии землевлдельцев, жестоко расправлялись с крестьянами.

Не лучше было положение и ремесленников. Как те, так и другие являлись в глазах власть имущих только об'ектом поборов и эксплоатации. Вот характерный отзыв о ремесленниках и крестьянах в одном из официальных документов времен Синджара (XII век): «Они не знают языка

---

[1]) Там же, стр. 303.

[2]) Диргем равняется приблизительно 25 коп. Джуфт—площадь земли, которую можно вспахать на двух волах—кош—в течении дня, равняется около $^2/_3$ га.

[3]) Там же, стр. 303.

[4]) Там же, стр. 328.

[5]) Бартольд—Указанное сочинение, стр. 231.

царей, и для них недостаточно понятие о согласии с правителями или о возмущении против них; все их дела имеют только одну цель—добыть средства к жизни и прокормить жен и детей»[1]). Но эти ремесленники и крестьяне имели понятие о возмущении против правителей. Достаточно указать на восстания в Бухаре, Самарканде и др. городах, во главе которых стояли иногда ремесленники (напр., восстание в Бухаре в начале XIII века).

Надо отметить, что, наряду с вышеуказанными задерживающими факторами существование как-бы единой таможенной политики внутри Мавераннагра было благоприятным фактором для развития в тот период внешней торговли Ср. Азии. Пошлины «взимались преимущественно в местах переправы через Аму-Дарью; взимали по 2 диргема (т. е. около 50 коп.) с верблюда и по диргему за материи, провозимые всадником (вероятно на лошади или осле); слитки серебра должны были свозиться исключительно в Бухару, и ради этого был устроен таможенный досмотр; в местах остановки (вероятно в местах окончательного назначения товара); взимали от ½ диргема до диргема. Тюркских рабов можно было перевозить только с особого каждый раз разрешения правительства, причем за выдачу такого свидетельства брали от 70 до 100 диргемов; столько же брали за провоз тюркских левиц—невольниц, но особого разрешения не требовалось; за провоз женщин брали только от 20 до 30 диргемов» [2]).

При довольно значительном развитии внешнего товарооборота денежная система в этот период играет большую роль в хозяйственной жизни Ср. Азии, поэтому расстройство денежной системы, вызванное серебряным кризисом, который начался в XI веке, оказал значительное влияние на течение хозяйственной жизни края. Стали чеканить неполноценные монеты. Население вначале отказывалось принимать их. Падение курса этих денег, а затем дальнейшее их повышение привело к повышению налогов чуть ли не в 6 раз (в Бухаре и ее окрестностях с 200.000 диргемов до 1 168 567 диргемов) [3]). Некоторые историки находят, что расстройство денежной системы не отразилось на размерах внешней торговли [4]). Надо все же полагать, что с изменением характера торговли, которая все больше превращалась в денежную, с усилением товарности отдельных хозяйств, это явление не могло пройти безболезненно. Налоги и пошлины

---

[3]) Там же, стр. 405. Ремеслинниками большою частью были иранцы, и правителями турки, поэтому они и не понимали языка последних.

[1]) Бартольд—Указанное сочинение, стр. 250.

[2]) Там же, стр. 209.

[3]) Бартольд—История культурной жизни, стр. 83.

все в большем и большем размере взимались деньгами. Так, по Ибн-Хордад-беху в 326—327 г. г. Абдуллах уплачивал халифу следующую дань, собранную им с жителей: 44,846,000 диргемов, 13 породистых коней, 2,000 баранов, 2,000 рабов из гузов, ценностью в 600,000 диргемов, 1,187 кусков ткани и 1 300 кусков железа[1]).

Опять же надо вновь подчеркнуть, что и в этот период натуральная форма хозяйства оставалась преобладающей формой. Крестьянство вело натуральное хозяйство, налоги и подати выплачивало большей частью натурой, да и развитие товарно-денежных отношений, которое захватывало главным образом феодалов и часть городского населения, было сновано на получении ренты продуктами, ввиде хлеба, риса, шелка, шерсти, хлопка и т. д.

В отличие от рассмотренного нами первого периода, этот период выделяется значительным развитием географического разделения труда и установлением специализации районов как внутри оседлых, так и скотоводческих хозяйств.

В этот период для развития географического разделения труда в Ср. Азии большое значение приобретает установление торговых связей сперва со странами, находящимися в одинаковых приблизительно природных условиях, точнее в одних и тех же тепловых поясах (субтропиках— Персия, Египет, Китай, Индия, Греция), а затем с находящимися в других температурных поясах, лежащими к северу (Булгария, Варяги, Тюрки). Связь первого порядка установилась еще в первый период и сыграла огромную роль в возникновении новых отраслей хозяйства (напр., шелководство, стекольное производство и др.), в рассматриваемый период к этому виду связи присоединился второй вид, который еще более расширил территорию географического разделения труда, куда была вовлечена Средняя Азия, и в значительной степени способствовал благодаря этому специализации как всего хозяйства Средней Азии, так и отдельных его районов. Внутри Средней Азии особенно усилился процесс отделения города от деревни и развития противоречия между ними.

Третий период. Период регресса в развитии географического разделения труда в эпоху феодальн го способа производства в Средней Азии (с XIII века до XVIII века).

В начале XIII века Средняя Азия была завоевана кочевниками монголами. Это событие сыграло большую роль в дальнейшем хозяйственном развитии края.

---

[4]) Бартольд—Туркестан в эпоху . . . . стр. 227. Эти данные собственно относятся к Персии, но они характерны также и для Ср. Азии.

Еще в предыдущие периоды Средняя Азия испытывала продвижение с Северо-Востока кочевников, все новые и новые орды которых вытесняли старые. Кочевников привлекали сюда богатые пастбища Семиречья [1]) и земледельческие оазисы края, где они не только могли поживиться грабежом, но и извлечь пользу из товарообмена с оседлым населением и найти места для зимовок. Соседство кочевников с оседлым населением сказывалось на хозяйственной жизни тех и других. Происходил, хотя и медленный, переход к оседлости кочевников, и развитие у них земледелия [2]). Оседлое население извлекло все выгоды географического разделения труда между ними и кочевниками. Трудно сказать, для кого из них были более необходимы торговые сношения. Кочевники, нуждаясь в промышленных изделиях оседлого населения, сами пригоняли для сбыта свои стада к границам земледельческих областей, не дожидаясь приезда купцов из этих областей в степь для закупки скота, мяса, шерсти и других продуктов скотоводства. Большие выгоды извлекало и оседлое население земледельческих областей из торговли с кочевниками. «Уже в X веке, как теперь, мусульманский Туркестан, благодаря своим кочевым соседям, получал лошадей и мясо в большом количестве и по более дешевым ценам, чем это было бы возможно при иных условиях. Пограничные посты были обеспечены конским составом в изобилии; в местности около Ташкента и в Фергане приходилось от 100 до 500 лошадей, на каждого мужчину. О цене мяса говорится, что по соседству со степью, на Сыр-Дарье, за дирхем (около 25 коп.) можно было купить 4 мины чистого мяса, освобожденного от костей (более 6 фунтов). Впоследствии цены на мясо бывали иногда еще дешевле, но тогда уровень благосостояния населения стоял ниже и соответственно понизились цены на все предметы. Из продуктов ското-

---

[1]) „Однажды они (кара-китаи) остановили богатый караван и потребовали от купцов, чтобы они указали им хорошие пастбища; купцы направили их в сторону Баласагуна, т. е. в Семиречье". Бартольд — Очерк истории Семиречья . . . . , стр. 103.

[2]) „Сношения с мусульманами и китайцами не могли не отразиться на образе жизни турок, хотя в X веке, повидимому, еще ни один из турецких народов не отказался совершенно от кочевой жизни. Сравнительно наибольшей высоты культуры достигли те турецкие народности, которые жили вдоль караванного пути из мусульманского мира в Китай, именно карлуки . . . и токуз-огузы.

Карлуки были соседями мусульман в Сыр-Дарьинской области; кроме Мерке им также принадлежало находившееся еще западнее селение Кулан, ныне Тарты. Область карлуков считалась самой населенной и богатой из турецких областей; среди карлуков, кроме звероловов и кочевников, были также земледельцы, были деревни и города". Бартольд — История культурной жизни . . . . стр. 60.

водства турками, кроме того, доставлялись кожи, преимущественно в Чач (область Ташкента); более северный пограничный город Исфиджаб (Сайрам, к востоку от Чимкента) был главным невольничьим рынком. Ввоз турецких рабов был связан с происходившими в степи войнами между отдельными турецкими народностями; кроме того, привозились славянские рабы, главным образом, в Хорезм, где вообще сосредотачивалась торговля мусульманского мира с областями нынешней европейской России; сюда же доставлялись меха пушных зверей. В обмен за свои товары турки получали ткани: хлопчатобумажные из Чача, хлопчатобумажные и шерстяные из Хорезма, шелковые из Самарканда; кроме того был базар хлопчатобумажных тканей и Исфиджабе. Сбыт, обеспеченный в степи для произведений местной промышленности, содействовал развитию благосостояния; о жителях Хорезма говорится, что всем своим благосостоянием они были обязаны торговле с турками»[1]).

Но частая смена одних кочевников другими, частые войны с ними задерживали развитие указанных выше процессов, а иногда основательно разрушали на более или менее долгий срок установившиеся хозяйственные связи на основе уже создавшегося географического разделения труда. Разрушение хозяйственных связей в свою очередь влияло на географическое разделение труда и на специализацию отдельных районов Средней Азии. Если уже движения в Ср. Азию турок (в X—XI вв.), кара-китаев (в XII в.) и других вызывали изменения в хозяйственной жизни края, особенно в земельных отношениях (новые феодалы, ленная система и др. см. выше стр. 176—177), то нашествие монголов сказалось еще сильнее.

Монголы в период Чингиз-Хана переживали разложение родового строя и переход к феодальному. Борьба между Джамухой и Чингиз-Ханом есть борьба между представителями старого родового строя и представителями нового нарождающегося феодального строя. Хотя Чингиз-Хан, когда шел завоевывать Китай, и противопоставлял «стихийный демократизм кочевых порядков китайской феодально-бюрократической цивилизации»[2]), но все же из этого не следует делать вывод об отсутствии среди монголов этого периода процесса феодализации. Это только указывает на недавнее начало этого процесса. В дальнейшем, с оседанием монголов, процесс феодализации среди них пошел очень быстрым темпом.

---

[1]) Бартольд—История культурной жизни . . . . стр. 67—68.

[2]) См. Сафаров. „Классы и классовая борьба в китайской истории". стр. 264—265.

Монголы во время нашествия производили страшные опустошения: целые города стирались с лица земли. Но хозяйственная жизнь в старых культурных областях после таких опустошений большею частью скоро восстанавливалась, города вновь обстраивались [1]), только темп этой жизни был уже более замедленным. Сильно отразился на промышленной жизни некоторых районов увод монголами ремесленников. Так, жители города Гургандж (в Хорезме) «были выведены в поле; было об'явлено, чтобы ремесленники встали отдельно; некоторые исполнили это, другие скрыли свое звание, полагая, что монголы, как в других городах уведут ремеслинников с собой, а другим позволят остаться на родине. По Джувейни ремесленников было более 100 000 [2]); их увели в «восточные страны», где они образовали большое число поселений. Малолетних детей и молодых женщин увели в плен; остальные жители были перебиты» [3]).

Значительно большие изменения произошли в восточных районах Средней Азии, меньше пострадавших от непосредственного опустошения. Здесь мы видим процесс обратного превращения земледельческих районов с пашнями и городами в пастбища для кочевников. Процесс этот шел довольно быстро и главным образом, в Семиречьи, а также и в восточной части бывшей Сыр-Дарьинской области. Уже в 50 годах XIII века, т. е. через 30 лет после нашествия монголов, исчезли некоторые города и селения в Семиречьи, и за счет их увеличились пастбища [4]). В XVI веке пришли в полный упадок города в Чуйской долине, между Чу и Таласом и на Таласе. Той же участи подверглись и города восточной части Сыр-Дарьинской области [5]). Земли этих районов были превращены в пастбища, оседлая жизнь сменилась кочевой. Только в XIX веке вновь стала там возникать оседлая культура.

Аналогичный процесс мы видим в этот период и в пределах современной Туркмении. Но этот процесс здесь про-

---

[1]) Например в городе Сегнак, особенно пострадавшем за убийство монгольского посла, уже в первой половине XIV века вновь чеканились моменты и город существовал еще в XVII веке.

[2]) В это число видимо входят и ремесленники окрестных селений, но все же надо признать число это преувеличенным.

[3]) Бартольд—Туркестан в эпоху . . . . стр. 470.

[4]) Рассказы путешественников: Рубрука (в 1253 г.) и Чан-дэ (в 1259 г.)

[5]) Еще в XIV веке очевидцы писали: „издали видим хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаемся в надежде встретить жителей, но находим дома совершенно пустыми. Все жители страны—кочевники и нисколько не занимаются земледелием". Бартольд История культурной жизни . . . . стр. 92.

исходил медленнее и закончился только в XVIII веке. Исчезла городская жизнь по Атреку, Ахалу и Атеку, превратились в пустыню культурные полосы по левому и правому берегам Аму-Дарьи, начиная от г. Амуля и кончая г. Кятом (быв. столица Хорезма).

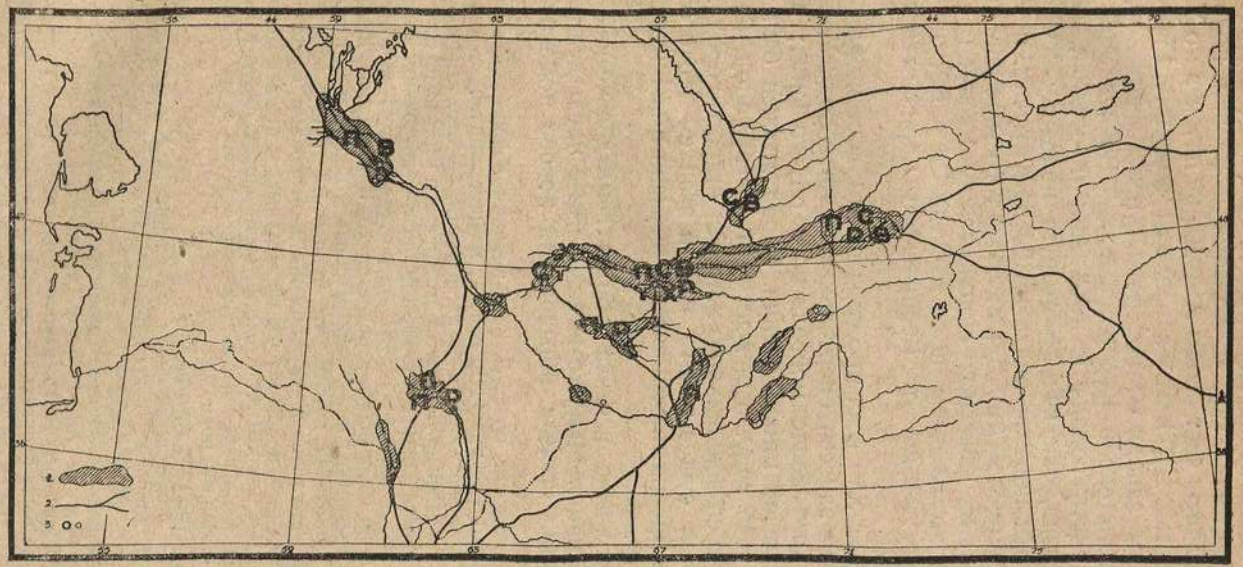
Таким образом, мы видим, что с XIII века до середины XVIII века земледельческие области Средней Азии на западе и северо-востоке (в Туркмении, Семиречьи и Сыр-Дарьинской области) превращаются в пастбища и пустыни, территория земледельческих областей значительно уменьшается (см. схематическую карту «Экономическая карта Ср. Азии в монгольский период»). Темп их хозяйственной жизни замедлился. Местами были разрушены ирригационные сооружения, пески стали наступать на культурные земли, размеры торговли и промышленности сократились. В Фергане добыча каменного угля в крупных размерах прекратилась, перестала существовать и прежняя металлопромышленность. Хозяйство стало более натуральным, чем это было до нашествия монгол. Размеры и глубина географического разделения труда уменьшились, установившаяся специализация отдельных районов Ср. Азии стала стушевываться. Постройка некоторых новых городов и проведение оросительных работ, особенно при Тимуре (1370—1405 г.), не могли изменить этот процесс хозяйственной деградации.

Тимур, защищая интересы торгового капитала, предпринял огромные завоевания, чтобы разбить конкурентов и превратить Самарканд в главный торговый центр Востока. Эти войны произвели сильные опустошения в Багдаде, Ширазе, Золотой Орде и других районах и тем еще более изолировали хозяйственное развитие Средней Азии.

Одно только нашествие монголов не могло бы задержать так надолго хозяйственное развитие Средней Азии, ему сопутствовали и другие факторы. Особенно надо отметить изменение в экономико-географическом положении Ср. Азии: Средняя Азия утратила свое центральное положение на торговых путях из Китая и Индии в Европу. Еще в период арабов существовал на ряду с сухопутным и морской торговый путь в Индию (Камбайа, Беру и Каликут) и в Китай (Кафу). Но только установление морского торгового пути из Европы вокруг Африки в Индию (Васко-де-Гама, в 1498 году), открытие Америки (Колумб, в 1492 году) и дальнейшее развитие морских торговых путей, перешедших в руки европейцев, привели к упадку караванной торговли в Средней Азии. Часть торговых дорог стала трудно проходимой, а часть была совершенно заброшена [1]).

[1]) Напр., дорога между Нур-Ата и устьем реки Арысь.

Схематическая экономическая карта Ср. Азии в XIV—XVII в в.

Условные обозначения: 1—районы земледелия и оседлого хозяйства, 2—главнейшие торговые пути, 3—города; **черные буквы** обозначают соответствующие районы сельского хозяйства, а именно: **П**—пшеница, **Р**—рис, **С**—садоводство, **В**—виноградство, **Х**—хлопок; **Т белая** обозначает районы текстильной промышленности.

Об'яснение см. в тексте, стр. 183—184.

В ряде районов неблагоприятно сказались некоторые специфические факторы. Так, в Хорезме с первой половины XIII века по 1573 год часть воды Аму Дарьи потекла по Узбою в Каспийское море[1]). Были затоплены водой г. Гергандж и другие места западного побережья реки, например, Хазарат, местность около Кунграда и др. Вокруг Узбоя не успели возникнуть города и поселения и оседлая земледельческая жизнь, так как во вторую половину XVI века воды Аму-Дарьи потекли опять по старому руслу, и Узбой высох. Новое русло Аму-Дарьи до этого времени было использовано для движения судов между Каспием и Хорезмом и то не на всем пространстве, так как на расстоянии около 200 км. от Каспийского моря имелся водопад.

В 70-х годах XVI века продвижением к востоку вод реки Аму-Дарьи был нанесен смертельный удар городу Ургенчу, воссстановленного после монгольского опустошения; высох рукав, протекавший мимо Ургенча. Город должен был быть заброшен. В 1645 году. был выстроен новый город, южнее, куда переселилось большинство жителей старого города. Новый город стал существовать под названием Нового Ургенча и также превратился в скором времени в значительный торговый центр.

К XIII столетию исчезла старая земледельческая аристократия (дехкане). Мы уже видели, как в предыдущий период происходил процесс образования нового помещичьего

---

[1]) Вот как об'ясняет проф. Л. Берг причину поворота части воды Аму-Дарьи в Каспийское море. „По нашему мнению, причина лежит главным образом в явлениях климатических; в эпохи, богатые атмосферными осадками, воды Аму-Дарьи не умещаются в ее русле, и часть их по естественному уклону местности стекает в Сары-Камышскую котловину. Так бывает и с Сыр-Дарьей: в 90-х годах XIX ст., отличавшихся многоводием, часть вод Сыр-Дарьи направилась в сухое русло Куван-Дарью, наполнила его и дошла до Аральского моря; равным образом пошла вода и по Джаны-Дарье и есть основания думать, что и по этому руслу вода начнет проходить в море. Так точно и Аму-Дарья в многоводные эпохи отдает часть вод в Куня-Дарью, наполняет оз. Сары-Камыш и стекает отсюда по Узбою в Каспий. Как раз XIII-XV столетия были эпохой, когда в Восточной Европе и Зап. Азии наблюдалось изобилие осадков, о чем можно судить по весьма сильному поднятию вод Каспийского моря" Л. Берг. Аральское море, СПБ, 1908 г., стр. 527.

Нам кажется более правильным об'яснение И. Ходорова, который в своей работе „К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане" пишет: „В Хорезме ирригационная система превратилась в орудие военной борьбы, если можно сомневаться в том, что монголы умышленно разрушили плотину Аму-Дарьи у Герганджа, то во всяком случае, несомненно, что после массового избиения жителей этого города Аму-Дарья сама должна была прорвать плотину, которая требовала ежегодного ремонта: именно в это время река и проложила себе новое русло к западу от прежнего". Историк-марксист. Т. 10, 1928 г. стр. 132.

класса из служилых и духовенства. В период монголов происходит новая смена феодалов. Наиболее богатые участки земли захватывают монгольские и турецкие князья. Коренные жители Средней Азии—таджики (и другие народы иранского происхождения) оттесняются в горы. Турки начали селиться в Средней Азии большими массами, чем раньше, и Средняя Азия, постепенно сделалась «Туркестаном». Турецкий язык стал вытеснять иранский. Земледелием занимались главным образом таджики и отчасти узбеки. Торговлей и ремеслом занимались главным образом таджики. Узбеки во многих районах продолжали вести или кочевой или полукочевой образ жизни. Процесс феодализации захватил главным образом те роды, которые поселились вблизи торговых путей и городов и захватили орашаемые земли коренного населения.

Уже к середине XIII века империя монголов стала дробиться на отдельные уделы. Владетели этих уделов вели непрерывную борьбу за лучшие районы для эксплоатации, за захват лучших торговых путей. Шел усиленный процесс первоначального феодального накопления в руках новой феодальной аристократии. Вся тяжесть этого процесса падала на плечи крестьян и ремесленников. Хозяйственная жизнь пришла в упадок. Территориальные размеры процесса воспроизводства хозяйственной жизни Средней Азии сильно сузились и ограничивались большею частью территорией края; хотя в этот период установилась более тесная связь через монголов с Восточной Европой (Россией), но это не изменило общей картины хозяйственной жизни Средней Азии. Таким образом, в рассматриваемый нами период мы имеем регресс в развитии географического разделения труда в Средней Азии. Земледельческие и скотоводческие районы, получившие специализацию в прошлый период, стали терять ее. Районы кочевого скотоводства расширились за счет земледельческих. Если и раньше натуральная форма хозяйств являлась абсолютно доминирующей, то теперь это преобладание становится еще большим—идет значительный процесс натурализации хозяйства.

Четвертый период. Период нового расширения территориальных рамок географического разделения труда и начала связи с мировым капиталистическим рынком в эпоху феодального способа производства в Средней Азии (с середины XVIII до середины XIX века).

С XVIII века (точнее со второй половины XVIII века) усилился процесс восстановления хозяйства Ср. Азии и дальнейшего развития географического разделения труда.

Постепенно среди некоторой части кочевников, под влиянием соседства с земледельческими областями и внутреннего процесса разложившегося скотоводства, возникло земледелие и совершился переход к оседлости. Установились более регулярные хозяйственные связи между кочевниками и оседлым населением. В Фергане, Каршах и некоторых других районах зимовки кочевников устараивались среди оседлого населения. Вместе с тем в связи с ростом торгового капитала шло восстановление торговых путей в Китай, Персию, Индию и в Европу. Но значение и направление отдельных путей изменились. Получили большее значение торговые пути на северо-запад в Россию; значение южных караванных путей через Среднюю Азию уменьшилось в виду конкуренции морских путей.

Мы уже отмечали о постоянных торговых связях Хорезма (Хивы) с волжскими Булгарами. Торговые сношения не прекращались и в период Золотой Орды (XIV и первая половина XV вв.), Казанского ханства (с 1437 г. по 1552 г.), они не прекратились и после завоевания Казани и Астрахани Москвой (1552 и 1555 гг.). В этой торговле принимают участие уже не одни хивинцы. Бухарцы также ищут возможности торговли с Москвой, и в 1557 году приезжают в Москву посольства из Хивы и Бухары с просбой разрешить свободно торговать в России. После этого следует ряд посольств как со стороны Средней Азии, так и со стороны России. Вначале активную роль в этих сношениях играла Средняя Азия. Целью, например, бухарских посольств была просьба о разрешении бухарским купцам свободной торговли в пределах России. Посольства же России носили ответный характер. Но в дальнейшем, особенно ко второй половине XVII века, роли меняются. Торговый капитал в России крепнет и устремляется на восточные рынки, а Средняя Азия продолжает еще переживать тот хозяйвтенный кризисс, который был описан выше (см. стр. 180—187). Посольство Даудова и Касимова в Бухару в 1675 году имело одной из главных задач: «доведаться Бухаре сколько водится шелку и что какому шелку цена», и собрать сведения, имеются ли «иные какие товары, которые были бы годны на Московскую руку». Вместе, с тем, послам было поручено узнать об отношениях Бухары и Хивы, с другими государствами и собрать географические сведения: о дорогах в Индию, о товарах, идущих из Индии, о путях, по которым они следуют «Из Бухары и Юргенча, на которые города и места. И с сухим-ли путем или водным, или горами в Индию путь». и т. д. «Им же проведать о реке Дарье, откуль та река Дарья вышла и в которых пределах путь свой имеет, и какие по той реке поселены народы, и какие промыслы и

ходы, и которых государств люди по той реке имеются»[1]). Петр I посольству Флорио Беневени в 1718 году поручает разведать «какие товары имеют у себя бухаряне, откуда ими торгуют, можно ли расширить там русскую торговлю, каким образом и куда из Бухары может простираться далее торговля»[2]). С этого периода Россия старается занять монопольное положение в торговле в Средней Азией. Значение торгового пути идущего из Бухары в Хорезм, а оттуда к берегам Волги, усиливается. Движение караванов принимает довольно регульрный характер.

Российский торговый капитал в своем продвижении в Среднюю Азию встречает сопротивление не только местного торгового капитала, но также конкуренцию английского капитала. Средняя Азия для российского капитала представляет, с одной стороны, об'ект для торговой эксплоатации и, с другой стороны, базу для борьбы с английским капиталом.

Вначале торговые сношения с Россией только усиливают и расширяют те отрасли хозяйства, которые уже существовали в то время в Средней Азии и поставляли товары для России. Новые же отрасли хозяйства возникают значительно позже, в XIX веке, особенно после завоевания края Россией. Восстановление же торговых путей с Китаем и Персией оказало влияние в самом начале на возникновение или возрождение некоторых отралей хозяйства. Вновь возникло в Фергане шелководство под влиянием Китая. Под влиянием Персии возникло каракулеводство в Бухарском и Хорезмском районах[3]). Возможно, что с каракулеводством произошла та же история, что и с шелководством в Фергане. Есть некоторые основания предполагать, что каракулеводство было занесено в Среднюю Азию арабами, а, может быть, даже существовало до арабов, как длиннохвостая овца под названием «данодар»[4]), но затем, видимо пришло в упадок и вновь возродилось в XVIII веке под влиянием торговых сношений с Персией.

Начавшийся в Средней Азии процесс хозяйственного возрождения тормозился непомерными налогами, взимаемыми с населения, стремлением каждого удельного князя обло-

---

[1]) Жуковский. „Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехстолетие". ПТГ, 1915 г., стр. 35—36.

[2]) Там же, стр. 68.

[3]) Собщение Сулейманова (караульщика в Бухаре) записанное мною зимой 1923—24 г. в Старой Бухаре.

[4]) С. В. Понятовский—Каракулеводство. Ташкент, 1923 г. стр. 10—12. Таким образом и в вопросе о происхождении каракульской овцы, как и в вопросе о хлопке, большую пользу принесут начавшиеся недавно исследования в этой области.

жить пошлиной товары, провозившиеся через его область, и войнами феодалов между собой.

Еще в XII веке кара-китаи ввели новую податную систему подворного обложения, усвоенную ими от китайцев: с каждого дома взимали по динару, т. е. по одной золотой монете ценностью в 5 рублей [1]). Таким образом, к существовавшим видам обложения прибавился еще один новый.

С развитием торгового капитала феодалы-помещики, стремясь использовать свое положение, превращали прибавочный продукт крестьян в товары, что вело к еще большей эксплоатации крестьян.

Восстания среди крестьян и ремесленников непрекращались и в этот период. Водно-земельный вопрос продолжал стоять также остро, как и прежде.

К середине XVIII века на территории Средней Азии образовались три узбекских ханства: Бухарское, Хивинское и Кокандское.

Образование этих ханств является результатом усиления роли торгового капитала, носителями которого являлись в первую очередь крупные феодалы. Торговый капитал стремился уничтожить изолированность отдельных местных рынков, ликвидировать поборы отдельных удельных князей, создать централизованную власть. Эта борьба была длительной, продолжалась свыше 200 лет (до 1756 года) и закончилась победой крупных феодалов и созданием трех ханств. Окончательный же процесс «собирания земли» и политической консолидации Средней Азии не был закончен до завоевания края Российскою Империей [2]).

Узбеки утвердили окончательно свою власть в Ср Азии в XVI веке. Нашествие их особенно сильно сказалось на хозяйстве Хорезма. В XVI веке после опустошения узбеков хивинский оазис оправлялся медленнее, чем после монгольского в XIII веке. Узбеки постепенно стали переходить к оседлой жизни. При этом они селились целыми родами. Родовые отношения сильнее сказались в Хиве. Если в Бухаре названия родов получили отдельные маленькие селения, то в Хорезме—значительные города (Кунград, Мантыг, Кыпчак, Нуказ, и другие). Каждый род сознавал себя единым целым и имел обыкновенно своего хана, который был иногда независим от Хивы, напр., кунгратцы в дельте Аму-Дарьи с главным городом Кунгратом. Это показывает, что родовой строй узбеков уже разлагался в то время и происходил про-

---

[1]) Бартольд—История культурной жизни . . . . стр. 81.

[2]) И. Ходоров. К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане. Журнал „Историк марксист", Т. 10, 1928 г., стр. 137.

цесс феодализации. Помимо борьбы между отдельными родами узбеков и народившихся удельных князей между собой хивинский оазис разорялся набегами туркменских родов, особенно иомудов.

Процесс оседания узбекских родов и разложения среди них родовых отношений шел не одинаковым темпом в различных районах. Наиболее быстрый темп мы имеем в Фергане и Центральной Бухаре и наиболее медленный в Восточной Бухаре, где узбеки сохранили полукочевой образ жизни и значительные пережитки родовых отношений вплоть до наших дней [1]).

В районах искусственного орошения сложились те своеобразные земельные отношения, которые сохранились до завоевания края Россией.

Проведение ирригационных работ на водных системах больших рек и крупных их притоков требовало затраты огромного количества труда, требовало затраты коллективного труда громадных человеческих масс организованного из одного центра. Такая работа была не под силу отдельным родам. Поэтому эта работа находилась в руках центральной власти, что очень усиливало мощь этой центральной власти. Часто ирригационные работы производились вопреки воле населения. Центральная власть прибегала к этим работам, чтобы усилить свое значение. В этом отношении характерны ирригационные сооружения Тимура, кокандских и других ханов Средней Азии. В результате этих крупных оросительных работ чрезвычайно усиливалась власть ханов и эмиров. Хан или эмир становился номинально верховным собственником всей орошенной территории. Мусульманское право «мават» (земля принадлежит тому, кто ее оросил) фактически потеряло практическое значение, так как вся вновь орошенная земля объявлялась государственной собственностью. Таким образом, государственная собственность на землю вытесняла родовую собственность. Родовой строй сменялся своеобразной в условиях Средней Азии формой феодального способа производства, основной базой которого является государственная собственность на землю.

---

[1]) Интеересные данные приводит о родовых отношениях в Восточной Бухаре (ныне Таджикистане) среди узбеков Ф. Ильютко в своей работе „Басмачество в Локае" (ГИЗ, 1929 г.). Он пишет: „Если таджики внутри себя не имеют племенных и родовых делений, то узбеки Локая как раз представляют собой племенную родовую пестроту со всеми вытекающими отсюда проявлениями племенной и родовой вражды. Локайские узбеки признают и называют себя узбеками только по языку, по происхождению же они считают и называют себя Локай, т. е. локайцами. Также называют их и таджики" (стр. 28), см. также стр. 28—31.

В дальнейшей истории Средней Азии мы видим процесс разложения государственной собственности на землю, в результате чего появлялась, с одной стороны, крестьянская собственность на государственных землях, как результат распадения общины, и с другой—феодальная собственность. Процесс этот шел путем упорной борьбы, то усиливаясь (в период монгольского владычества до Тимура, после Тимура перед завоеванием края Россией), то задерживаясь и даже обнаруживая обратную тенденцию (например, в период Тимура и в конце XVIII века в Средне-азиатских ханствах).

Первая половина XVIII века была тяжелым периодом для хозяйства всей Средней Азии. Гражданские войны превратились как бы в постоянное явление. Городская жизнь во многих районов пришла в упадок. Самарканд совершенно опустел. «В 1740 г. во время похода Надир-хана, в Самарканде совершенно не было жителей, кроме цитадели, где поселилось около 1 000 семейств. В 1752 г., когда аталык (в 1756 г., принявший ханский титул) Мухамед-Рахим принял меры для восстановления города, присланные мешки с провиантом были сложены в медресе, где тогда совершенно не было студентов»[1]). Еще в худшем положении была городская жизнь в Хорезме: в городе Хиве все постройки пришли в упадок, число жителей уменьшилось до 15-40 семейств[2]). В лучшем состоянии оказалась городская жизнь в Бухарском районе, где даже принимались меры к поддержанию благоустройства главного города.

Пришло в упадок и сельское хозяйство, в особенности в Хорезме. Хивинский историк так описывает состояние страны в начале второй половины XVIII века: «деревни и пашни обратились в леса и заросли, озера в тростниковые болота»[3]).

Особенно сильно пострадала торговля в связи с установлением удельной системы и падением производительных сил во многих районах Средней Азии.

Европа в XVIII веке переживала процесс быстрого хозяйственного развития. Торговые связи Средней Азии с Европой, несмотря на все вышеизложенные неблагоприятные условия, все же происходили, и поэтому перемены в хозяйственной жизни Европы имели то или иное влияние на хозяйство Средней Азии. Увеличение количества золота в Европе послужило толчком к чеканке в XVIII веке, впервые после монголов, золотых монет в Средней Азии. «В XVIII веке

---

[1]) Бартольд—История культурной жизни . . ., стр. 99.
[2]) Там же, стр. 102.
[3]) Там же.

золотая монета, тилля[1]), получила такое распространение, что в литературе встречается много примеров счета на тилли при определении цен товаров, особенно в оптовой торговле, величины податей, доходов от вакуфов и т. п.»[2]).

Продвижение русских к востоку, захват Оренбургского края, основание там городов (Орска в 1735 г., Оренбурга в 1742 г.). и хозяйственный кризис в Хорезме способствовали установлению новых торговых путей из Бухары и из Ташкента к Орску и Оренбургу.

Еще в 1734 году ташкентские купцы, узнав о предполагавшейся постройке русскими города на устье реки Ори, решили снарядить караван в Оренбургский край. В начале 1735 г. они прибыли в Уфу и «заявили Кириллову (первый губернатор Оренбургского края) о своем желании, чтобы на новом городе была учреждена ярмарка, обещаясь ежегодно приезжать с торговыми караванами и приглашая к себе русских купцов для меновой торговли. Кириллов принял купцов ласково и вполне сочувственно отнесся к их предложению; но за неимением капиталистов в Уфе посоветовал им отправиться с товарами в Казань, вручив рекомендательное письмо, в котором просил оказать им «всякое приласкания» и «уволить от пошлины». Распродав свои товары в Казани, ташкентцы в том же году отправились в свое отечество через новый город, который был застроен на устье Ори» [3]). С основанием Оренбурга направление этого нового торгового пути переместилось к Оренбургу, но часть караванов продолжала идти на Орск, а оттуда в Троицк.

В виду слабого еще развития торгового капитала в Оренбургском крае русским правительством в лице Неплюева принимались меры к насаждению в крае торгового капитала. Неплюев старался привлекать и русских и азиатских купцов: «о первых (говорит он в своих «записках») послал я во все магистраты, уверяя, что польза собственная их из слов моих будет свидетелем, а для вторых писал я за границу грамоты, приглашая как кашгарцев, так хивинцев, и бухарцев в торговле, обнадеживая и сил их пользою. В сию посылку употреблял я магометан-татар слободы Сеитовой (около Оренбурга, И. А.), и как сей народ легко может быть ослеплен корыстью, то я сих татар и наградил изобильно и обнадежил, по исполнении их комиссии, наградить еще

---

[1]) Тилля — 4 руб.

[2]) Бартольд,—История культурной жизни . . ., стр. 103.

[3]) Витевский—Неплюев, верный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края, Казань, 1891 г, стр. 149—150.

более, кои, получа первое и льстясь последним, столь усердно по всем тем областям старались, что с 1745 г. знатный торг в Оренбурге возымел начало, так что я уже в состоянии был, вместо получаемых от начала той экспедиции ежегодно 30,000 рублей из казны, содержать оную от доходов пошлины, а сверх того ввезено торгов в Россию, в об'явлении слишком 5,000 руб. сер., а более того число вошло, какое не было в об'явке, и не мало золота, а пошлинный сбор доходил до 50,000 руб. в год»[1]).

Татары играли роль проводников российского капитала в Ср. Азию. Они вели в Средней Азии торговлю и самостоятельно (напр. караваны Абдулы Хаялина в 1750 г. и др.) и в роли приказчиков русских купцов. Кроме того, они являются первыми переселенцами российских граждан в Ср. Азию. К югу от Ташкента татарами было основано селение Ногай-Курган. «По словам П. И. Пашино, проехавшего мимо Ногай-Кургана в 1866 г., эта деревня была замечательна, как «единственное место во всем здешнем крае, где разводят картофель»[2]). Таким образом, татары еще до завоевания края русскими, начали насаждение в Средней Азии некоторых отраслей сельского хоз-ва, как то разведение картофеля. Но все же в этом отношении влияние татар было слишком незначительно, они играли больше роль в области торговли [3]).

Русские вначале стремились поддерживать по старой традиции торговые связи главным образом с Хивой. Но затем эти торговые сношения распространились и на Бухару и Ташкент. Ташкент извлекал большие выгоды из этой торговли. Немотря на внутренние войны и набеги казаков (киргиз-казаков) на караваны, Ташкент быстро рос и становился одним из крупнейших торговых городов Средней Азии. Уже к началу XIX века в Ташкенте считалось до 10 000 домов и до 40 000 населения мужского пола[4]). К началу же второй половины XIX века домов было до 20 000, а жителей до 150 000 человек (об. пола) увеличение почти вдвое за 50 лет [5]).

---

[1]) Там же, стр. 164.

[2]) Бартольд—История культурной жизни . . ., стр. 105—106.

[3]) Татарский торговый капитал извлекал громадные выгоды от посреднической торговли России со степным краем и Средней Азией. См. напр., [1]) Ибрагимов.—Татары в революцию 1905 г. Казань 1925 г., стр. 13—14, [2]) Gani bay tərcməixale, məktubləre və anən xagnda xatəjralar. Orinburg, 1913 j, [3]) G. Geziz (Gibajdullin). Tatarlarda, sinflar tarixe. Qazan, 1925 j. 5-25 bit.

[4]) По расказам Бурнашева и Потелова, бывших в Ташкенте в 1800 г.

[5]) По подсчету А. К. Гейне. См. Бартольд, Указанное сочинение. стр. 105. Цифры эти безусловно приблизительные, но они рисуют темп роста населения г. Ташкента

Ферганa в XVII веке вновь восстановила торговые связи с Китаем. Результаты торговли с Китаем скоро сказались на хозяйстве Ферганы. Как уже отмечалось выше, после долгого перерыва, под китайским влиянием, восстановилось шелководство. Сельско-хозяйственная площадь стала расширяться, были проведены новые арыки. В области ирригации были достигнуты большие успехи: «впервые в истории были проведены каналы из Кара-Дарьи и Нарына тогда как прежде, в эпоху Саманидов, те же местности орошались только каналами, проведенными из северных и южных притоков Сыр-Дарьи; по размерам орошенной площади, каналы, проведенные при кокандских ханах, занимают исключительное место в истории Туркестана, и даже при русском владычестве не было произведено никаких работ, которые могли бы быть приравнены к ним»[1]). Городская жизнь быстро развивалась. Возникали новые города, напр., Наманган в северной части области (еще в XVII веке бывший только селением в окрестностях Акси).

Кокандцы стремились распространить свою власть и влияние ниже по течению Сыр-Дарьи. В 1810 г. они завладели Ташкентом. Они проникали и севернее г. Туркестана. Кокандские купцы появились и в Семиречьи. По Сыр-Дарье и вдоль северного склона Александровского хребта (в Чуйской долине) кокандцы строили укрепления. Вокруг этих укреплений селились кокандские переселенцы—земледельцы и торговцы. Так, впервые после XIV века в Семиречьи вновь восстановились земледелие и городская жизнь.

Иную картину мы видим на западе Средней Азии—в Туркмении и на севере—в Хорезме. Как уже говорилось выше, только в XVIII веке прекратился в Туркмении процесс перехода от оседлого, земледельческого хозяйства к кочевому, скотоводческому. Мервская оросительная система была запущена. Туркмены занимались скотоводством и набегами на земледельческие оазисы по Аду-Дарье, в особенности на Хиву, так как при том экстенсивном кочевом скотоводстве, которое вели туркмены, эти набеги являлись необходимым экономическим звеном в системе воспроизводства хозяйства Туркмении. Только к середине XVIII века намечается перелом в хозяйственной жизни и Туркмении и Хивы. Восстанавливаются старые оросительные системы (в Мерве и Хорезме), воздвигаются в городах новые постройки[2]). Все же еще в конце XVIII в. в Мерве было, повидимому, только

---

[1]) Бартольд—История культурной жизни . . . , стр. 104.

[2]) Напр., дворец инока Рахман-Кула в Хазарате и минарет Мухамед-Эмина (1846—1855) в Хиве.

500 жителей, в г. Хиве—75—200 человек, а Ургенч совершенно обезлюдел.

Средний темп в хозяйственном развитии Средней Азии занимало Бухарское ханство. Наиболее крупным экономическими центрами ханства были Бухара, Самарканд и Карши. Во второй половине XVIII века проводятся новые оросительные каналы около Самарканда.

В XVIII веке узбеки большею частью переходят к оседлости и вытесняют таджиков в горы, занимая наилучшие культурные районы. Как уже отмечалось, процесс оседания узбеков шел различным темпом в отдаленных районах.

С образованием трех ханств наступает относительное спокойствие в Средней Азии. Устанавливаются торговые связи внутри Средней Азии между этими ханствами и усиливаются внешние торговые связи с Россией, Китаем, Персией, Индией и Афганистаном. Торговля была караванная, на верблюдах. В этот период перевозка на верблюдах была самой дешевой из сухопутных сообщений [1]). Караваны двигались медленно (напр. от Бухары до Оренбурга свыше 2,5 месяцев), провоз товаров обходился дорого, поэтому громоздкие и малоценные товары не могли быть перевозимы в большом количестве и на большие расстояния.

Между отдельными ханствами не было значительных различий в хозяйственной структуре. Географическое разделение труда между ними было слабое, и поэтому также слабо была развита торговля между ними.

Из Хивы привозили в Бухару, главным образом, яблоки и не выделанные бычачьи шкуры [2]), и из Ферганы—ферганские шелка [3]), Бухара же вывозила главным образом красильные растения (марену) и хлопчатую бумагу [4]).

Фергана к середине XIX века опять стала главной производительницей шелка и шелковых изделий, Бухара же занимала в то время первое место по производству хлоп-

---

[1]) Как пример различия в стоимости перевозки на лошади и верблюде можно привести следующее место из работы Ханыкова: „Замечательно, что на верблюдах стали вьючить товары из Кабула не более 15 или 20 лет, прежде же считали дорогу эту непроходимой для них, и перевозка товаров производилась вьючными лошадьми, на коих вьючили по 8 пуд. и платили по 6 тилл, от Бухары до Кабула и по 10 и 12 от Кабула до Бухары. В начале этого столетия господствовавшая в Европе мода на шали выкупала эту торговлю; но при теперешнем упадке в цене этих произведений, торговля эта должна была бы непременно уничтожиться, если бы верблюды не заменили лошадей". Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПБ, 1843 год.

[2]) Ханыков, указанное сочинение, стр. 172.

[3]) Там же, стр. 176.

[4]) Там же, стр. 176.

ка и хлопковых изделий. Хива специализировалась в садоводстве и бахчеводстве.

Географическое разделение труда было главным образом, как и прежде, между кочевыми, скотоводческими и оседлыми, земледельческими районами внутри Средней Азии и между Средней Азией и соседними странами.

Из Китая привозились чай, фарфоровые чашки, шелковые материи[1]); из Персии—бумажные и шелковые изделия, ковры и бирюза, а также английские товары; ситец, коленкор, кисея[2]). Ввозились же в Персию большею частью мерлушки, которые в большом количестве закупались персидскими купцами в Бухаре. Торговля с Персией велась главным образом через Мешхед. Из Афганистана (торговля через Кабул, Герат и Кашмир), привозились: кубовая краска, которая в большом количестве употреблялась в Средней Азии (особенно в Бухаре) и вывозилась также в Россию, английские товары более худшего качества, чем из Персии, и индийские товары: красильные и лекарственные растения и индийские ткани. Вся индийская торговля велась тогда через Афганистан. Из Средней Азии в Афганистан вывозились мерлушки, шелковые материи и хлопчатая бумага. Главными предметами вывоза Средне-азиатских ханств в восточные страны являются русские товары (перечень см. ниже при описании торговли с Россией). Средняя Азия играет посредническую роль в этой торговле, пользуясь занимаемым ею центральным положением на скрещивании торговых путей из России в эти страны. На этой транзитной торговле специализируются все три ханства (в особенности Хива, и Ташкент). Торговля с Китаем ведется, главным образом, кокандскими купцами, с Персией—хивинскими и бухарскими, а с Афганистаном и Индией—бухарскими.

К середине XIX века наибольшую роль во внешней торговле Средней Азии начинает уже играть Россия. В Россию в течение лета из Бухары идут три каравана (в одном караване бывает до 2.000 и более верблюдов) к Оренбургскому краю (два в Оренбург и один в Троицк) и один караван на Петропавловск. Кокандские купцы больше едут в Петропавловск, а хивинские в Оренбург. Главными статьями вывоза из Средней Азии в Россию были «хлопчатая бумага, сушеные плоды, рис, сырец, и крашеный шелк, кубовая краска, бязи крашеные и не крашенные, халаты шелковые, полушелковые и хлопчато-бумажные, шапочки, известные на Оренбургской линии под именем тюбетеек, шелко-

---

[1]) Там же, 176.
[2]) Там же. 173.

вые пояса, бирюза, шали и меха и т. д.»[1]). Предметами же ввоза из России были: сундуки, посуда, медные, железные и стальные изделия, ткани, кожи, сахар, мед, шкуры и др.

Торговля с Россией развивалась быстро. Особенно сильный темп роста виден в конце XVIII и в начале XIX века. В середине XVIII века вывоз товаров из Средней Азии равнялся всего 250.150 рублям (в 1758—1760 гг.), а к концу XVIII в. (в 1792 г.) равнялся уже 1.414 138 руб., увеличение на 465,3%; к началу XIX века (в 1802—1804 гг.) этот вывоз достиг 1.739.126 рубл., увеличение на 595,2% (т. е. почти в семь раз, за 45 лет и на 23% за 10 лет). В первую половину XIX века темп роста вывоза из Средней Азии в Россию был менее значительным: к 1851—1853 гг. за 50 лет—вывоз увеличился на 124,5% (достиг 3.905747 рубл.). В 60-ые годы прошлого столетия мы опять видим сильный скачек в вывозе. В среднем за 1864—1867 гг. вывоз достигает внушительной суммы в 6.527.826 рублей, а в некоторые годы и в 8,5 милл. рублей (напр., в 1867 г.), т. е. за 15 лет увеличивается на 120%[2]).

Колебания в размерах внешней торговли Средней Азии с Россией зависили в значительной степени от хозяйственного развития последней. Замедленнный темп роста вывоза из Средней Азии в первую четверть XIX века об'ясняется хозяйственным кризисом в России, после нашествия французов (1812 г.). Быстрый рост средне-азиатского вывоза в 60-е годы XIX века об'ясняется хлопковым кризисом,на мировом рынке и необходимостью снабжения русских фабрик среднеазиатским хлопком.

Здесь мы должны отметить два важных момента в хозяйственной жизни Средней Азии: во-первых, начавшееся перемещения направления мировых хозяйственных связей Средней Азии с Западной Европой—эти связи устанавливаются в дальнейшем в первую очередь через Россию, а во-вторую уже очередь через Персию и Афганистан; и во-вторых, наметившиеся изменения в роли Средней Азии на мировом рынке—Средняя Азия становится хлопковым рынком. Происходит изменение в составе средне-азиатского вывоза, который указывает на наметившиеся тенденции в хозяйственном развитии края к 60 годам прошлого столетия XIX века. Еще в 1758—60 гг. только 13,5% всего вывоза Средний Азии в Россию приходилось на долю хлопка и хлопковых изделий, при чем хлопчато-бумажные изделия (без

---

[1]) Ханыков. Указанное сочинение, стр. 168.

[2]) Некоторую долю в повышении стоимости вывезенных из Ср. Азии товаров необходимо отнести и за счет повышения цен на хлопок.

пряжи) составляли подавляющую массу, а именно 12,4% всего средне-азиатского вывоза. К началу XIX века доля хлопка и хлопковых изделий занимает уже свыше 50% (54,3% в 1802—1804 гг. и 71,2% в 1814—1815 гг.), при чем опять же вывозятся главным образом изделия и пряжа (в 1814—15 гг. в общей сложности 68,2% от всего вывоза) [1]. В дальнейшем

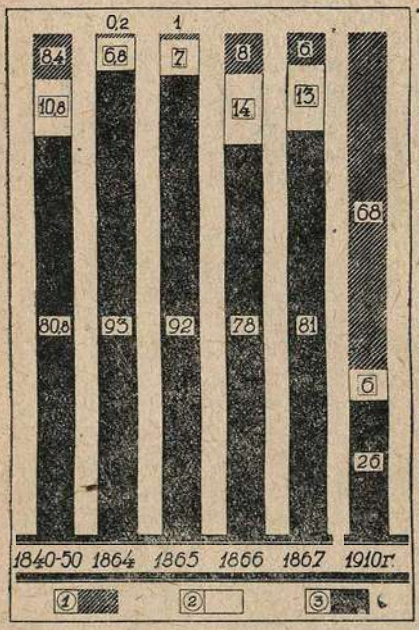
Вывоз хлопка и хлопковых изделий из Средней Азии в Россию с 1758 по 1867 год (в тыс. рубл.).

[1]) Это явление об'ясняется кризисом хлопчато-бумажной промышленности в России „В XVII веке хлопчато-бумажное производство в России ограничивалось окраской готовых тканей получаемых из азиатских стран. Уже значительно позднее (в XVIII в.) возникли ткацкие фабрики, которые работали на привозной, главным образом, английской пряже. Первая бумагопрядильня была устроена в 1808 году, через 4 года число бумагопрядилен возросло до 11. Но тяжелый период, наступивший для России в связи с отечественной войной, отозвался и на хлопчатобумажном производстве. Многие из фабрик прекратили свое существование, и спустя 20 лет после двенадцатого года насчитывалось всего 8 бумагопрядилен; в 1835 году было 11, а в 1840 году—уже 20". Азиатская Россия, т. II, СПБ, 1914 г., стр. 278.

же доля вывоза хлопковых изделий падает, особенно же быстро падает доля вывоза бумажной пряжи (с 30,5% в 1814—15 гг. от всего вывоза до 1,9% в 1851—1853 гг.). Вывоз хлопка за тот же период дает повышение (с 3,0% до 6,1%). Но резкое повышение доли вывоза хлопка мы видим в 60-е годах прошлого века, когда вывоз хлопка из Америки, в связи с гражданской войной 1862—64 гг., резко пал и цены на хлопок на мировом рынке резко повысились. Россия обратила

Вывоз хлопка из Средней Азии по отдельным ханствам с 1840—50 по 1867 г. (в % % к итогу).

Условные обозначения: 1—доля Кокандского ханства в вывозе хлопка из Средней Азии, 2—доля Хивинского ханства и 3—доля Бухарского ханства.

Эта диаграмма дополняет диаграмму на стр. 201. Для сравнения с довоенным значением отдельных районов Ср. Азии в вывозе хлопка приведены данные за 1910 год, приуроченные к территориям ханств. Бухара уступает первое место быв. Кокандскому ханству.

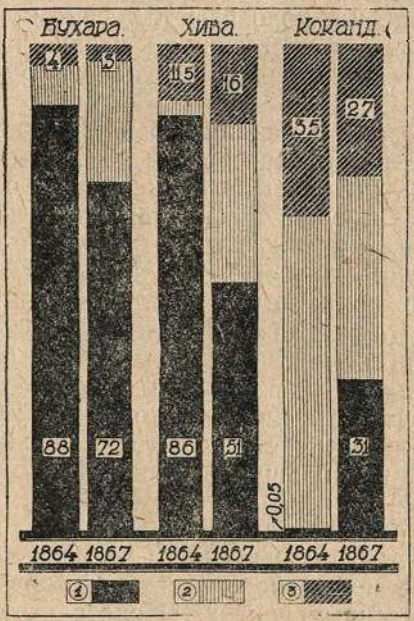
серьезное внимание на средне-азиатский хлопок. В 1862 г. долю хлопка без изделий и пряжи приходится уже 52,5% всего вывоза в Россию [1]), а в 1864 и 1867—даже свыше 80%.

С этого момента хлопчатобумажная промышленность России быстро развивается: в 1890 г. было 66 прядильных и 83 ткацких фабрик, а в 1899 г.—109 прядильных и 118 ткацких фабрик. Финн-Енотаевский, Капитализм в России, М. 1925 г., стр. 8.

[1]) Здесь необходимо ввести некоторый корректив, приняв во внимание повышение цен на хлопок. Цены на хлопок повысились на 310,4%, а вывоз увеличился на 2.618,0%. Следовательно, и с таким коррективом мы должны констатировать значительный рост вывоза хлопка.

В дальнейшем мы видим опять некоторое снижение доли вывоза хлопка: в 1868 г. она падает до размера 1861 г. и предыдущих голов. С некоторыми колебаниями и незначительной тенденции к повышению такой уровень сохраняется до начала 80-х годов XIX века, после чего уже идет почти непрерывный рост вывоза хлопка из Средней Азии в Россию О росте вывоза хлопка за этот период речь будет ниже (см. 2-ю главу).

Доля хлопка и хлопчатобумажных изделий и пряжи в общем вывозе отдельных ханств в 1864 и 1867 гг.

Условные обозначения: 1—доля хлопка сырца, **2**—прочие грузы и **3**—доля хлопчатобумажных изделий и пряжи хлопковой.

Общий вывоз Бухары за 1864 год равнялся 6.868,3 тыс. руб., а в 1867 г.—6.214,5 тыс. руб., вывоз Хивы — 749,1 тыс. руб. и 2.421,2 тыс. руб. и вывоз Коканда—352,3 тыс. руб. и 867,8 тыс. руб. Вывоз Бухары уменьшился, сильно возрос вывоз Хивы и Коканда. Доля вывоза хлопка сырца и хлопковых изделий из Бухары также за эти годы снизились. По Хиве же доля хлопка сырца показывает снижение, а доля хлопковых изделий повышение, а по Коканду мы видим обратную картину. По вывозу хлопка сырца первое место остается за Бухарой, а второе за Хивой. Происходят изменения в роли по вывозу хлопковых изделий. Если в 1864 году первое место занимала Бухара, второе Коканд, то в 1867 году первое место принадлежит Коканду, второе Хиве и последнее место Бухаре.

До XVIII века Хива занимала первое место в торговле Средней Азии с Россией, с XVIII века эта роль переходит к Бухаре[1]). В 60-е годы XIX века доля Бухары во всем сред

[2]) В XVIII веке и почти до конца XIX в. Бухара является центром мусульманского схоластического просвещения. Город Стар. Бухара привлекал в большом количестве в свои духовные школы (медресе) студентов из разных концов России, населенных мусульманами. Эти студенты оставляли значительно суммы в Бухаре и тем увеличивали активность расчетного баланса ханства в тот период. В 1840—49 г.г. Россия ввезла в Бухару 143 тыс. руб. звонкой монеты, т. е. 29,8% всего

не-азиатском вывозе в Россию составляет 78,2% (среднее за 4 года—1864—1867 гг.). Бухара поставляет в Россию большую часть средне-азиатского хлопка—86,9% (среднее за те же 4 года), на долю же Ферганы приходится всего 3,0%, остальное на долю Хивы (10,1%).

Таким образом, Бухара и в торговле с Россией выступает главным образом как производительница хлопка, как район, специализирующийся на хлопке в системе общественного разделения труда. Так 83,1% всего бухарского вывоза в Россию в 1864—1867 гг. составлял хлопок, в хивинском же вывозе процент хлопка—64,2%, а в кокандском (Ферганском) только 22,7%. Следовательно, в начале 2-й половины XIX века Бухарское ханство являлось главным поставщиком хлопка из Средней Азии в Россию, Фергана же сильно уступала и Бухаре и Хиве.

За рассмотренный нами период мы видим вновь усиление географического разделения труда и образование отдельных районов внутри Средней Азии, специализирующихся на производстве определенных продуктов не только для края, но и для России, и других стран. Мы также видим различные темпы и направление в развитии хозяйства отдельных районов Средней Азии. Грубо можно наметить шесть районов:

1) Наиболее быстро развивающийся Восток-Фергана, где торговый капитал достиг наибольших успехов, где мы видим значительный рост ирригационной системы, расширение земледельческих районов и возрождение шелководства и горной промышленности. Государственная собственность на землю дала наибольшую трещину в этом районе. На смену разлагающейся государственной собственности на землю приходили, с одной стороны, феодальная собственность в виде мюльков[1]) и вакуфов и, с другой стороны, подворно-участковое владение крестьян, которая сменяла общину на государственных землях. Процесс этот, как мы видели, был продолжителен. Ко времени завоевания края Россией в оседлых районах Кокандского ханства от общины остались одни только воспоминания[2]). Крестьянская собственность на землю и связанное с нею подворно-

---

ввоза. Каждый студент должен был купить себе место при медресе, за что платит минимум рублей 30—35. См. Mercani. Qazan, 1913 j. 33 bit.

[1]) Мюльки—это частновладельческие земли, или совершенно освобожденные от налогов, или только частично обложенные налогом. Мюльки чаще всего являлись ханскими пожалованиями и реже как результат присвоения по праву мват, т. е. праву, согласно которому земля принадлежит тому, кто ее оросил.

[2]) Зелькина. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии стр. 10.

участковое землепользование получили наибольшее распространение в Фергане[1]). Ханы, нуждаясь в деньгах, практиковали распродажу государственных земель крестьянам. На государственных землях государство отбирало путем внеэкономического принуждения у крестьян почти весь или весь прибавочный продукт в форме налога—ренты.

Типичными формами феодального землевладения были мюльковые и вакуфные земли. В Фергане вакуфных земель было меньше, чем в Бухаре и Хиве. На землях феодалов работали полукрепостные крестьяне, которые отдавали земельному собственнику до половины урожая. Процесс полного закрепощения крестьян в Средней Азии не успел завершиться ко времени завоевания края. Здесь продолжали действовать те задерживающие причины, о которых говорилось выше (см. стр. 174).

Промышленность в Фергане получила наибольшее развитие в сравнении с другими районами. Здесь мы видим относительно наибольшее отделение промышленности от сельского хозяйства, но промышленность все же была мелкой и носила характер кустарно-ремесленный. Ремесленники были организованы вцеха. Особенностями развитияремесла в Ср. Азии были: 1) почти полное отсутствие работы на заказ и сбыт ремесленниками своих изделий непосредственно на базаре, 2) сильная дифференциация и специализация по отдельным профессиям и территориально отдельным оазисам и 3) относительно слабое развитие цеховых организаций[2]).

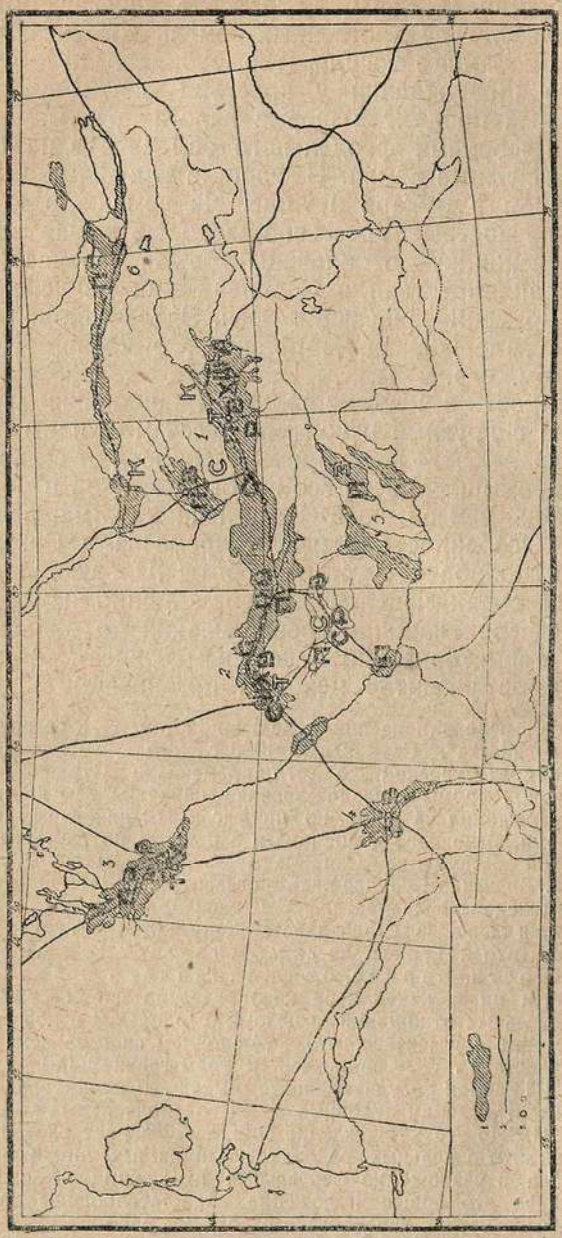
Давыдов в своей рецензии на книгу Зелькиной (см. „За реконструкцию сельского хозяйства", Самарканд, 1930 г., № 5—6) указывает на существование среди узбеков до сего времени в Сурхан-Дарьинском районе общинной формы землепользованяи (пайкалы). Мы не смогли проверить это утверждение на месте, но по рассказам некоторых сведущих лиц (напр. быв. эмирского чиновника и работника по вакуфным делам при Бухарской республике—Саид-Махмуда) пайкалы не является общинной формой. Во всяком случае надо согласиться с Давыдовым, что этот вопрос надо исследовать на месте.

[1]) Вл. Лаврентьев в своей работе „Капитализм в Туркестане", (М. 1930 г.) считает, что в Туркестане „не было частной земельной собственности. Вернее, она находилась в зачаточном состоянии, и ни в какой мере не определяла собой существующую систему земельных отношений в целом" (стр. 23). В основном он прав и можно с ним согласиться, что „в основном система земельных отношенний в Туркестане . . . сводилась к трем главнейшим формам землепользования": 1) земли государственные (амляк), 2) земли владельческие (мильк, мюльк) и 3) земли духовных и благотворительных учреждений (вакуф) (стр. 24). Но это утверждение еще не об'ясняет своеобразия земельных отношений в отдельных районах, различия в темпах развития сельского хозяйства и разложение феодальных отношений по районам. Для нашего анализа это общее положение недостаточно. Мы на этом общем фоне должны отметить своеобразие отдельных районов.

[2]) См. Г. Сафаров. — Проблемы Востока. ГИЗ. ПТГ. 1922 г. стр. 73 - 80.

Форма промышленности была такой же, как и в Фергане. Здесь в то время не было иностранных предприятий.

Схематическая экономическая карта Ср. Азии в первой половине XIX века.

Условные обозначения: 1—районы земледелия и оседлого хозяйства, 2—главнейшие торговые пути, 3—города; **черные буквы** обозначают соответствующие районы сельского хозяйства, а именно: **П**—пшеница, **Р**—рис, **Х**—хлопок, **С**—сады, **В** — виноградарство, **Ш** — шелководство, **Л** — люцерна. **Белые буквы** обозначают соответствующие районы промышленности, а именно: **Т**—текстильная промышленность, **К**—добыча каменного угля, **З**—добыча золота, **С**—добыча соли. Цифры обозначают основные экономические районы Ср. Азии в первую половину XIX века.

Об'яснение см. в тексте стр. 202—207.

Здесь же впервые возникли еще до завоевания ханства Россией капиталистические предприятия, эксплоатируемые русскими капиталистами (купцы Федоров, Хлудов, Захо, Громов и др. в горной промышленности, см. стр. 234).

2) С средним темпом развития—Центральная Бухара, где торговый капитал также сделал большие успехи, использовав выгодное положение в посреднической торговле России и других стран с Индией и Афганистаном; район специализировался тогда на хлопке (до 80% вывоза из Средней Азии) и текстильной промышленности. Земельные отношения в этом районе в общем были такие же, как и в Фергане, но процесс разложения государственной собственности на землю был здесь более медленным и здесь мы имеем относительно большее значение мюльковых и вакуфных земель. Точных данных о размере этих форм землевладения в районе нет. По косвенным данным можно предположить, что до одной трети удобной поливной земли составляли мюльки и до одной пятой вакуфы. Процесс закрепощения крестьян феодалами зашел дальше всех в этом районе.

3) С замедленным темпом развития—север, Хорезм, где феодальные отношения продолжали сохранять наибольшую устойчивость, где шел процесс феодализации узбекских родов; район специализировался отчасти на хлопке и на садоводстве. В этом районе государственные земли (падышалык) продолжали играть наибольшую роль в сравнении с другими рассмотренными нами районами Средней Азии. Но и здесь мы замечаем еще задолго до завоевания края Россией стремление к закреплению пахотного участка со стороны крестьян. Все же этот процесс здесь получил в сравнении с двумя предыдущими районами наименьшее развитие. Значительное распространение получило в Хиве вакуфное землевладение. Можно считать, что до одной трети всей земли Хивинского оазиса принадлежало вакуфам. В Хивинском оазисе, кроме труда полукрепостных крестьян, применялся в довольно значительном размере труд рабов. По некоторым подсчетам (материалы Хорошихина) в 1860—70 гг. в Ср. Азии было свыше 36 тыс. рабов,, главная масса которых находилась в Хорезме) [1]).

---

[1]) Точных данных о численности рабов в Ср. Азии нет, тем более нет сведений по отдельным ханствам, но все исследователи полагают, что большая часть рабов находилась в Хорезме. По словам Вамбери в 60-х годах XIX в. в Хивинском ханстве было 80 тыс. рабов при примерно, 200 тыс. свободного населения. По словам Бланкенкагеля в конце XVIII в. было в Хивинском ханстве свыше 22 тыс. рабов (2 тыс. русских и свыше 20 тыс. персов).

Промышленность в этом районе была развита слабо и проодлжала носить форму домашней промышленности. Процесс отделения последней от сельского хозяйства был еще незначителен.

4), 5), 6) три района (запад—Туркмения, Юго—Восточная Бухара и Северо-Восток—Киргизия)—районы почти полного натурального хозяйства со слабым развитием меновых отношений, с сильным значением родовых отношений. В значительной степени эти районы являлись районами кочевого скотоводства.

Отличие между этими районами заключается в следующем: 4) В западном районе линии транзитных торговых путей шел процесс разложения патриархально-родового строя, родоначальники превращались в феодалов и вели, так называемую, разбойничью торговлю рабами (между Персией, Хивой и Бухарой). Переход к земледелию только начал совершаться. Земельные отношения в районе носят следы родового быта. Своеобразием этого района является санашниковые земли, получение земли, точнее воды только вступившими в брак. Это право превратилось в руках родоначальников и зажиточных туркмен в орудие эксплоатации бедноты, отбирания у них земель и концентрации земли в своих руках[1]). Промышленность в районе продолжала существовать в форме домашней промышленности.

5) В Южном районе мы видим кочевое скотоводство узбеков, сохранивших в значительной степени родовой строй и древних земледельцев таджиков, борьбу между ними, вытеснение таджиков в горы и усиление скотоводства за счет земледелия.

В этом районе мы видим значительную пестроту в земельных отношениях. Большая часть земли принадлежала государству и местным крупным феодалам. Наряду с этим существовало подворно-участковое землепользование у таджиков и родовое землепользование у полукочевников-узбеков. Особенно в этом районе эмиры бухарские практиковали отдачу своим приближенным отдельные участки земли с правом взимать с живущих там дехкан все сборы в свою пользу (так наз. «танхо»). На землях танхо эксплоатация крестьян была чрезвычайно сильна. В некоторых вилайетах огромное число дехкан находилось на землях танхо (например, в Гиссарском вилайете, Каратагский район, где почти все дехкане находились в эксплоатации нескольких эмирских приближенных, живших в гор. Каратаге и пользовавшихся пра-

[1]) Более подробное описание этого института см. ниже стр. 322.

вом танхо[1]). Надо отметить, что система танхо существовала, хотя и в меньшем размере, и в других районах (напр., в районе Фараб половина кишлака Биттик были на амляковых землях, а половина на землях танхо[2]). Промышленность была развита очень слабо и носила форму домашней промышленности.

6) В Северо-Восточном районе начался процесс развития земледелия, перенесенный переселенцами из Ферганы, развития товарных отношений с кочевниками, но все же общий характер хозяйственной жизни в этом районе оставался натуральным, с переходом от патриархально-родовых отношений к феодальным, и основную отраслью хозяйства было кочевое скотоводство.

Здесь мы видим разложение родового землевладения. Идет борьба за пастбище между родами, а также между главой рода, превратившегося и превращавшегося в феодала, с одной стороны, и беднотой—с другой. При оседании на землю возникает подворно-участковое землевладение. Как и в других предыдущих районах промышленность была развита очень слабо.

Во всех трех ханствах Средней Азии (Коканд, Бухара, Хива) наиболее крупными торговцами и землевладельцами были ханы. Они вели обширную торговлю с Россией, Востоком и Югом. Еще Тимур снаряжал торговые посольства в Китай. Ханы кокандские, бухарские и хивинские также стремились установить торговые связи с другими государствами и пользоваться монопольным правом торговли с ними.

Хозяйственная структура и национальный состав Средней Азии в целом и отдельных ее районов в этот период стали характеризоваться значительной пестротой. Производственная связь Средней Азии с другими странами и внутри отдельных районов, хотя не в одинаковой степени для всех районов, усилилась, и тем расширилась территориальная база для воспроизводства хозяйственной жизни края.

За время докапиталистического развития Средней Азии мы видели хотя и медленный, но все же значительный рост географического разделения труда, специализацию отдельных районов в системе хозяйства Средней Азии и мирового рынка (в XVIII—XIX вв.) (районы хлопководства, шелководства, текстильной промышленности, садоводства, скотоводства, зернового хозяйства, горной промышленности, торговые центры и т. д.), разнообразие в темпах развития и типах производственных отношений в отдельных районах (районы с быстрым

---

[1]) По моим записям летом 1930 года.
[2]) По моим записям летом 1928 года.

темпом развития, районы значительного развития торгового капитала, районы типичных феодальных отношений, районы с патриархально-родовым строем, районы почти полного натурального хозяйства и т. д.).

Все эти различия в географии хозяйства Средней Азии определяются в основном географическим разделением труда, определяемым при слабом еще развитии производительных сил, в значительной степени естественно-историческими различиями края (долины рек, предгорья, горы, степи и пустыни) затем отделением города от деревни [1]) и развитием торгового капитала (наибольшее развитие получают районы, лежащие на важнейших торговых путях). Роль торгового капитала, как мы видели, особенно была значительна в периоды с VIII по XIII вв. и с XVIII до середины XIX вв. Именно развитием торгового капитала за эти периоды об'ясняется более быстрый темп развития географического разделения труда в Средней Азии. Но ни в первый, ни во второй периоды торговый капитал не разложил старого способа производства. «...Торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительную стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого способа производства... Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены кроме развития торгового капитала еще совершенно иными обстоятельствами» [2]). Вот этих-то иных обстоятельств, которые вместе с торговлей разложили бы феодальный способ производства в Средней Азии, тогда не было.

Особыми условиями в развитии Средней Азии были застойность в развитии производительных сил, определяемая своеобразным развитием феодального способа производства, а именно, азиатским способом производства, изменением экономико-географического положения Средней Азии и непре-

[1]) „Самым крупным разделением материального и духовного труда является отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного быта к государственной жизни, от местности к нации, и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени". Архив Маркса и Энгельса. т. I. „Маркс и Энгельс о Фейербахе", стр. 234.

[2]) Маркс, „Капитал", т. III, ч. I, стр. 256.

рывной борьбой феодалов между собою, азиатским способом эксплоатации крестьян, борьбой кочевников с оседлым населением, борьбой родовой знати с феодальной знатью. Процесс воспроизводства повторялся при неизменных условиях почти в одних и тех же территориальных районах. Ни периоды застоя, ни периоды расцвета не меняли существующего способа производства, не меняли основы и формы географического разделения труда.

Феодальный способ производства был разложен после завоевания края Россией с внедрением российского капитала. Остатки же феодальных и до-феодальных пережитков сохранилось в Средней Азии до конца существования этого нового капиталистического способа производства. Надо повторить, что хозяйство Средней Азии в основном в эти докапиталистические периоды имело натуральный характер.

Глава 2-я.

ВТОРАЯ ЭПОХА.

СОВРЕМЕННЫЙ БУРЖУАЗНЫЙ (КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ) СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА

1. Период промышленного капитализма.

До второй четверти XIX века как со стороны средне-азиатских ханств, так и со стороны России, сношения между ними определялись интересами торгового класса. Но вот в России начинают постепенно усиливать интересы промышленного капитала. Это явление сказывается и на торговой политике российского правительства. Так «протекционный» тариф 1822 года Закавказья не коснулся. Это был подарок местной, преимущественно армянской буржуазии. Русские фабриканты смотрели на эту привилегию закавказских купцов очень косо: по их мнению в Закавказьи пропадал отличный рынок для русских товаров, а главное через Закавказье лежали пути в Персию и Азиатскую Турцию»[1]). В 30-х годах XIX века борьба между одесским генералом-губернатором Воронцовым и Кавказским главнокомандующим бароном Розен, отстаивающими свободу торговли и являющимися представителями торгового капитала, с одной стороны, и министерством финансов, во главе с Канкриным, хлопотавшем об устранении «совместничества» (пусть меньше покупают, да зато русское) и являющимся представителем промышленного капитала, с другой,—оканчивается победой промышленного капитала: тариф 1822 года был распространен и на

---

[1]) М. Н. Покровский—„Русская история", т. IV, изд. 5. ГИЗ, Л. 1924 г., стр. 30.

Закавказье [1]). Журнал Государственного совета от 11 мая 1836 г. пишет: «нет сомнения, что при настоящем усовершенствовании фабрик и мануфактур, изделия наши могут начинать соперничество с иностранными, приготовляемыми собственно для азиатского торга, как в доброте, так и в цене» [2]).

И действительно, начиная с 30-х годов русское правительство сильно хлопочет о завоевании для русской промышленности внешнего рынка, главным образом, ближневосточного и средне-азиатского, и уже «в 1839 г. Перовский своим неудачным на первый раз подходом на Хиву начал завоевание Средней Азии» [3]).

Первоначально в продвижении России в Ср. Азию все еще доминировали интересы торгового класса и только кризис на хлопковом рынке в 60-х годах в связи с гражданской войной в С. А. С. Штатах выдвигает уже интересы промышленного капитала, которые затем подчиняют себе интересы торгового капитала. До 1862 года доля вывоза хлопка из Средней Азии в Россию к ввозу хлопка в Россию из других государств колебалось от 5 до 17% [4]). В 1862 году эта доля достигает 80%, в 1863 году даже 83%, затем идет снижение (1864 г.—78%; 1865 и 1866 г.—41% 1867—31%) с тем, чтобы с 1868 года опять занять положение до 1862 года. Одновременно происходило в 1862—68 годах и сильное повышение размеров вывоза хлопка из Ср. Азии в 3—4 раза (см. диаграмму «Вывоз хлопка волокна из Ср. Азии, ввоз заграничного хлопка в Россию, цена на хлопок—сырец в Фергане и т. д.»), затем произошло снижение до прежних размеров. В этот период и после него особенно усиливается напор русского капитала на Среднюю Азию.

Русский капитал встречает в Средней Азии конкуренцию английского капитала: английские товары, особенно ситец, успешно конкурируют с русскими товарами.

Изделия английской промышленности ввозились главным образом в Бухару и шли они по двум путям: из Персии через Мешхед и из Афганистана через Герат. Через Персию шел товар высокого качества, и весьма дорогой, а через Афганистан худшего качества, не выше российского. Несмотря на разницу во фрахтах из Индии в Бухару и из Москвы

---

[1]) Там же, стр. 32—33.
[2]) Там же, стр. 32.
[3]) Там же, стр. 39.
[4]) Исключение составляет 1857 г., когда эта доля равнялась 42%, что об'ясняется резким падением ввоза хлопка из других государств (с 2 млн. пудов до 0,5 млн. п.), цены на мировом рынке (в Ливерпуле) за это время поднялись с 6,88 пенсов за 1 анг. фунт до 7,75 пенсов.

Вывоз хлопка-волокна из Средней Азии, ввоз заграничного хлопка в Россию, цена на хлопок-сырец в Фергане, на хлопок-волокно в Москве и в Ливерпуле и постройка хлопкоочистительных заводов в Ср. Азии (с 1854—1914 г.).

Условные обозначения; 1—кривая ввоза заграничного хлопка в Россию (в тыс. тонн), 2—кривая вывоза хлопка из Средней Азии (в тыс. тонн), 3—кривая цены на хлопок-волокно в Ливерпуле (в пенсах за английский фунт), 4—кривая цены на хлопок-волокно в Москве (в рублях за 16,4 кгр.), 5—кривая цены на хлопок-сырец в Фергане (в рублях за 16,4 кгр.) и 6—число построенных в Средней Азии хлопкоочистительных заводов за соответствующий год.

Колебания мировых цен на хлопок-волокно (см. кривую **3-ю**—цены на хлопок-волокно в Ливерпуле) отражались на ввозе хлопка из-за границы (см. кривую **1-ю**). Особенно это сказывалось до 90-х годов XIX века. После усиления вывоза хлопка из Средней Азии эта зависимость становится более, здесь уже начинает значительную роль играть средне-азиатский хлопок в потреблении хлопка российскими фабриками, а с 1910 года потребление средне-азиатского хлопка занимает первое место. До проведения железной дороги до Самарканда (1889 г.) влияние мировых цен на вывоз хлопка из Средней Азии сказывается еще слабо, исключение составляют годы гражданской войны в С.-А. Соединенных Штатах (1862—1864 гг.), когда мировые цены на хлопок-волокно увеличились в 4 и более раз.

С проведением железных дорог, со включением Средней Азии в систему географического разделения труда в России и в мире, цены на хлопок-сырец в Фергане и вывоз хлопка из Средней Азии стали зависеть от цен на хлопок-волокно в Москве и от мировых цен (см. кривые 5, 4 и 3 с 1895—1897 гг.).

Для более ясного представления о связи внедрения русского капитала в Среднюю Азию с хлопковой проблемой для российских фабрик и о зависимости развития хлопководства в Средней Азии от внедрения русского капитала нами подчеркнуты года, имевшие то или иное значение во внедрении русского капитала в Среднюю Азию.

1862—1864 гг. являются годами гражданской войны в С.-А. Соединенных Штатах, мировые цены на хлопок сильно возрастают, ввоз иностранного хлопка в Россию резко падает, а вывоз хлопка из Средней Азии почти достигает заграничного ввоза. 1864, 1865, 1866 и 1868 гг. являются годами агрессивной политики России в Средней Азии: в 1864 году русские завоевывают г. Туркестан, в 1865 году—Ташкент, в 1866 г.—Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак, а в 1868 г. Кокандское ханство из'являет покорность России и последняя отторгает от Бухары гг. Самарканд и Катта-Курган. 1873 г. (завоевание Хивы) и 1875—1876 гг. (окончательное покорение Кокандского ханства) являются второй полосой агрессивных действий русских, этот период связан с установлением нормальных цен на хлопок на мировом рынке и усилением потребления хлопка и ввоза его из-за границы. В 1875 г. открывается первое банковое учреждение в Средней Азии (филиал государственного банка в г. Ташкенте). В 1880 году была организована первая крупная операция по закупке хлопка в Средней Азии (в Бухаре), в 1881 г.—завоевание туркмен и постройка железной дороги от Михайловска до Кизыл-Арвата. 1884—1889 гг. являются также годами усиления агрессивности российского капитала—завоевывается Мерв (1884 г.), захватывается Кушка (1885 г.). строятся железнодорожные линии на восток (в 1885—1886 г. от Кизыл-Арвата до Аму-Дарьи, в 1887—1889 гг.—до Самарканда). В 1894 году Бухара включается в общую таможенную черту и в монетное об'единение с Россией; в конце XIX и начале XX века усиливается постройка железнодорожных линий как внутри Средней Азии, так и новой линии до Ташкента (в 1896 г.—достройка железной дороги от Михайловска до Красноводска, в 1897 г.—постройка железной дороги от Самарканда до Маргелана с веткой к Чиназу, в том же году ветка от Мерва до Кушки, в 1898—1900 г. от Черняева до Андижана и до Ташкента, в 1900 г.—начало постройки Ташкентской железной дороги из Оренбурга и в 1905 г.—постройка Ташкентской железной дороги). С 1905 года усиливается открытие банковых учреждений в Средней Азии (до 1905 г. было открыто всего 28%, а остальные после 1905 г.). Перед войной в 1912—1914 гг. и в 1915 г. вновь усиливается железнодорожное строительство, главным образом в Фергане (1912 г. Горчаково-Скобелево, Коканд-Наманган, 1914—1915 г. Андижан—Джалал—Абад) и в Бухарском ханстве (1912 г. Коган-Бухара, 1915 г.—Коган-Карши-Самсонова, Карши и Гузар). Таким образом российский империализм ищет новых рынков в Бухаре и усиливает транспортную базу для эксплоатации Ферганы. В 1915 же году начинается постройка Семиреченской железной дороги (в 1915 году Арысь-Чикмент).

туда же в пользу последнего, все же английские товары успешно конкурировали с российскими.

В 60-х годах прошлого столетия доставка одного пуда груза из Калькутты или Бомбея в Бухару обходилась в 5 р. 12 коп., к началу же 80-х годов цифра эта уменьшилась до 3 р. 60 коп. Доставка же одного пуда из Москвы через Оренбург обходилась около 2-х рублей (1 р. 95 к.). При благоприятных условиях продолжительность перевозки была почти одинакова, что из Индии, что из Москвы—около 70 дней. «Но разница в фрахте может уравновешиваться стоимостью самого товара на месте его производства, а продажная цена находится в тесной связи с выгодностью сделки, при выкупе его из первых рук. Так, например, английские фирмы, в целях захвата средне-азиатских рынков, открывали местным купцам долгосрочные и выгодные кредиты; с другой стороны, нередки случаи, когда грузы, отправляемые из России, вследствие- климатических условий, находились в пути не 70 дней а 6 и даже 10 месяцев, между тем векселя на этот товар были выданы на срок 5—6 месяцев; следовательно, время расчета наступало ранее получения товаров на месте. Ясно, что при таких условиях, даже солидные фирмы, желая вознаградить риск, пользовались процентом сравнительно большим, чем бы следовало.

«Вот эти то факторы, компенсируют сравнительно дешевизну доставки товаров из Центральной России, способствовали импорту англо-индийской мануфактуры.

«Среди произведений англо-индийской текстильной промышленности главное место занимала кисея. Другой товар, игравший видную роль в истории борьбы Англии и России за обладание средне-азиатскими рынками... был чай» [1]).

Развитие торгового капитала толкало Средне-Азиатские ханства к расширению территории своих владений, к захвату колоний, об'ектов торговой эксплоатации. Мы выше уже видели, что наиболее быстро развивающая в торговом отношении Фергана расширяла свои владения на Север. Торговцы из Средней Азии проникали далеко вглубь казакских степей. И здесь они стали встречать сильную конкуренцию со стороны русского торгового капитала. Авангардом последнего явились торговцы татары, которые большею частью были приказчиками крупных русских торговых фирм. Русский торговый капитал татар использовывал и для торговли в пределах самих ханств: татары как мусульмане платили налог с торговли (зекет) в размере 2% стоимости товаров,

---

[1]) Ремез. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент. 1922 г. стр. 48.

тогда как русские должны были платить 10% стоимости товаров, как все не-мусульмане.

Русский торговый капитал в борьбе с английским капиталом и местным средне-азиатским торговым капиталом уже в первой половине XIX века, для обеспечения своих интересов, вступил на путь решительных мер, на путь завоевания Средней Азии.

С усилением роли российского капитала в Средней Азии, после первых же решительных побед над средне-азиатскими ханствами, апетиты русских капиталистов сильно возросли. Россия требовала не только уравнения в правах русских купцов с мусульманскими, но и предоставления им больших льгот: освобождения русских купцов от некоторых налогов, которые взимались и с купцов мусульман, права экстерриториальности российских подданных и т. д.

Так в 1866 г. эмиру бухарскому был предложен следующий проект договора:

«Статья V. Русским подданным дозволит высокостепенный эмир иметь в бухарских городах, где сами пожелают, русские караван-сараи, в которых бы они могли складывать свои товары причем караван-сараи эти будут считаться неприкосновенными.

«Статья VI. Русских купцов и других торговых людей его высокостепенство эмир обязуется уровнять совершенно с подданными Бухарского ханства и других мусульманских владений в платеже караванных и других сборов, а затем с русских подданных не будут взимаемы в бухарских владениях никакие произвольные поборы.

«Статья VII. Всем русским подданным, всех вероисповеданий высокостепенство эмир разрешает свободно селиться в бухарских пределах и приобретать недвижимую собственность, оставляя в прежнем подданстве императора всероссийского.

«Статья VIII. Всякие жалобы на русских поданных, живущих в Бухарских владениях по совершенным ими преступлениям, будут ведать не бухарские власти, а Туркестанский генерал-губернатор, с которым и должно сноситься по сему Бухарское правительство, препровождая к нему виновных»[1]).

Началом агрессивных военных действий против Средней Азии можно считать поход Перовского в 1839 г. В 1847 г. русскими было возведено около Аральского моря Раимское

---

[1]) Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 43—1866 г. лист 67—69. Цитирую по работе П. Г. Галузо. Туркестан—колония, стр. 9.

укрепление (в 1850 г. переименованное в Аральское), что возбудило сильное недовольство хивинцев; начались с их стороны набеги на перешедших в русское подданство казаков (киргиз-казаков). С 1850 года в набегах стали принимать участие казаки, кокандские подданные, кочевавшие около кокандского укрепления Ак-Мечеть, а с 1852 г. и сами кокандцы, которые еще надеялись сохранить за собой рынки Казакстана. Российский капитал перешел в решительное наступление. В 1853 г. была взята крепость Ак-Мечет[1]). В 1860 году начались военные действия русских против кокандцев в Семиречьи, и в этом же году были заняты русскими войсками Токмак и Пишпек. В 1861 г. были заняты Джулек и Яны-курган на Сыр-Дарье. С 1862 года в связи с хлопковым кризисом происходит усиление агрессивных действий русских в Средней Азии. Между укреплениями на Сыр-Дарье и Семиречьи находились владения кокандцев и перед Россией встал вопрос о соединении в одну линию этих укреплений. Для осуществления этого плана в 1864 году были заняты г.г. Туркестан, Аулиэ-ата, и Чимкент. В 1865 году был взят г. Ташкент. В 1866 году бухарцы потерпели сильное поражение под Ирджаром. Русские в том же году заняли Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак, а в 1868 году русские войска заняли Самарканд, вслед за тем—Катта-Курган и нанесли бухарцам сильное поражение под Зерабулаком. Так шло «победоносное» продвижение русского капитала в Среднюю Азию.

После занятия Самарканда судьба Бухарского ханства была окончательно решена. Владея Самаркандом, владея верхним течением Зеравшана, снабжающего водой наиболее экономически развитый район Бухарского ханства, Россия уже фактически владела Бухарой. «Сохранив Самарканд за собою», пишет генерал Терентьев, «мы всегда могли оставить Бухару без хлеба и воды, обречь ее на голод и жажду, а это давало бы нам возможность регулировать страсти фанатического населения путем спасительной диэты»[2]). В 1868 году Бухара и Коканд были вынуждены заключить мир с Россией. По мирному договору Бухара превратилась в вассальное государство России, уступила последней Самарканд

---

[1]) Ак-Мечеть был переименован сперва в форт Перовский, затем в г. Перовск, а ныне в Кызыл-Орду. После взятия Ак-Мечети из форта № 1 (с 1867 г. Казалинск), форта № 2 (в Урочище Кармакчи), форта № 3 (на Кувань-Дарье) и форта Перовского была образована Сыр-Дарьинская линия.

[2]) Терентьев—История завоевания Ср. Азии, т. I, СПБ, 1906 г., стр. 471—472.

и Катта-Курган и уплатила контрибуцию в размере 125 тыс. тиллей (тилля=4 рублям).

В 1873 году Россия завоевала Хивинское ханство. «Хан должен был уплатить контрибуцию в 2.200.000 руб., рассроченную на много лет, признать себя «покорным слугою императора всероссийского» и отказаться от всяких непосредственных сношений с чужими державами; часть ханства к востоку от Аму-Дарьи отошла к России. В отличие от договора с Бухарой, торговля между Россией и Хивой была об'явлена беспошлинной как для русских, так и для хивинцев; русским судам было предложено «свободное исключительное плавание по Аму-Дарье»; хивинские и бухарские суда могли пользоваться этим правом только «с особого разрешения высшей русской власти в Средней Азии». Уничтожение рабства было об'явлено ханом еще 12-го июня и этот ханский указ был подтвержден 17-й статьей договора»[1]).

В Бухаре же рабство было уничтожено официально еще в 1869 г., но фактически в 1872—73 г.г. все еще продолжался базарный торг невольниками[2]).

В 1875—76 г.г. окончательно завоевывается русскими Кокандское ханство и образуется Ферганская область в составе Туркестанского военного округа.

В последнюю очередь русские овладевают западной частью средней Азии — Туркменистаном. Еще в 1873 г. русские войска производят почти поголовное избиение туркмен-иомудов, в котором был заинтересован и замещен хан хивинский, исполняя приказ генерала Кауфмана: «предать кочевых иомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению»[3]), а в 1877 г. иомуды «сами просят» принять их в русское подданство. В 1884 г. заканчивается завоевание и туркмен. Таким образом, к началу 80-х годов XIX века Россия огнем и мечом окончательно завоевывает Среднюю Азию[4]).

---

1) Бартольд—История культурной жизни, стр. 234—235.

2) Показания Перовского и Скайнера.

3) Бартольд—Указанное сочинение, стр. 236.

4) Росийская имеперия стремилась расширить свои владения в Ср. Азии не только на Юг, в сторону Индии, Афганистана и Персии, но и на Восток, в сторону Китая—Кульджа и Кашгария. В этом отношении очень характерны указания военного министра командиру отдельного Сибирского корпуса (в 1857 году), где даются инструкции о методах захвата Кашгарии. Так военный министр пишет: „Ныне нельзя не воспользоваться тем положением, в коем находится Кашгар, и возобновить старание свое к учреждению хотя некоторых сношений с названною провинциею.

„Для чего: 1) командировать опытного и надежного человека в Кашгар для разузнания о ходе происшедшего там востания. Должно соблюсти только, чтобы посылаемое лицо получило наставления не иначе, как

Одновременно с вооруженным завоеванием идет процесс колонизации края Россией.

Первоначальные колонии в крае (до 1868—70 годов) были одновременно и военными поселениями и сельско-хозяйственными колониями. Только с 1868 года начинается действительная крестьянская колонизация Средней Азии, если не считать указанного выше переселения татар [1]) (см. стр. 194). Торгово-промышленная колонизация сначала шла в горную промышленность, а затем охватила и другие стороны хозяйственной жизни страны (см. выше стр. 205).

Сперва переселенцы вербуются из казаков Оренбургского, Уральского и Сибирского войск и первоначальное переселенческое движение идет с двух сторон: с северо-запада и севера (Оренбург и Уральск) и с северо-востока (Сибирь).

Первое поселение оренбургских казаков относится к 1849 году, когда 25 казачьих семейств были устроены около Раимского укрепления, основанного еще в 1847 году в 64 км от устья Сыр-Дарьи. «Отводом наделов для поселенцев были нарушены земельные права киргиз (казаков, И. А.), что вызвало с их стороны возмущение и вооруженное нападение (в 1856 году) на фронт № 1 (Казалинск)» [2]). Так началась военная и в то же время сельскохозяйственная колонизация Средней Азии. Первые поселенцы не были знакомы с своеобразными хозяйственными условиями Средней Азии и поэтому местами разрушали ирригационные сооружения [3]).

Почти одновременно с движением оренбургских казаков на Сыр-Дарью шло движение сибирских казаков в Семиречье. «Начало колонизации было положено в 1847 году осно-

---

изустно, и чтобы ни под каким предлогом никаких бумаг, могущих обнаружить его положение и звание, при нем не находилось.

2) Усилить отряды наши в Заилийском крае, по усмотрению вашего высокопревосходительства, как выставленные уже недалеко от китайской границы на урочище Айдарлы и речке Чарыне, так и к югу от укрепления Верного по направление к кашгарской границе.

3) Если бы, по востановлении в Кашгаре прежней династии, более независимой от китайского правительства, представители этой династии обратились к вам с просьбою о помощи или содействии, то не отвергая их просьбы и приняв благосклонно посланцев новой власти в Кашгаре, вы испросите разрешение правительства на дальнейший ход этого дела и, вместе с тем, в виду предстоящих обстоятельств, должны быть готовым к оказанию содействия". (Из отношения военного министра командиру отдельного Сибирского корпуса от 28 августа 1857 года, № 80). Цитирую по Терентьеву—„История завоевания Средней Азии", т. III, СПБ, 1906 г., Приложения, стр. 25.

[1]) По словам Наливкина, численность татар в Ср. Азии ко времени русского завоевания равнялась около 5.000 человек.

[2]) Бартольд—История культурной жизни, . . . стр. 145.

[3]) Там же.

ванием станиц Сергиопольской и Копальской (впоследствии города Сергиополь и Копал)» [1]). В пользу переселенцев насильно отбирались у киргиз (казаков) орошенные земли. Отводимые пересленцам-казакам наделы были огромными, напр., в Копальской станице до 110 га на мужскую душу [2]). В 1867 году было образованно Семиреченское казачье войско из 14 станиц и выселков, с населением в 14,413 душ обоего пола. Вначале переселения сибирских казаков носили принудительный характер. После прекращения принудительного переселения число семиреченских казаков продолжало также увеличиваться. К казакам приписывали иногда переселенцев крестьян. «К концу XIX века станиц было 11 (Сергиопольская, Уржарская, Лепсинская в Лепсинском уезде, Копальская в Копальском, Голубевская в Джаркентском, Надеждинская, Софийская, Большая Алмаатинская и Мало-Алмаатинская в Верненском), выселков 17; душ войскового населения (обоего пола) считалось в 1899 году 29,323. В обоих южных уездах области, Пишпекском и Пржевальском (Каракольском), не было ни станции, ни выселков» [3]).

Благосостояние казачьих поселков, как отмечают все исследователи, основывалось на эксплоатации туземного, особенно, казакского и киргизского населения и переселенцев крестьян. Будучи собственниками огромных участков лучшей земли, казаки сдавали их в аренду местному населению и крестьянам; владея лучшими землями в смысле обеспеченности водой, притесняли туземцов и вообще являлись своего рода помещиками, безжалостно эксплоатирующими окрестных крестьян (туземцев и русских) [4]).

Баи [5]) и манапы [6]) быстро приспособились к создавшимся условиям и стали посредствующим звеном в системе колони-

---

[1]) Там же, стр. 146.

[2]) Там же.

[3]) Там же, стр. 147.

[4]) „Благосостояние казачьих селений было основано не на труде и культурной работе, но на высокой норме земельных наделов; большую часть своих земель они сдавали в аренду киргизам и русским и плата за аренду давала им вполне достаточные средства к жизни; положение собственников земли, нужной киргизам, давало им возможность притеснять туземное население". Бартольд—Указанное сочинение, стр. 147.

„Но здесь же следует подчеркнуть, что благосостояние населения основывается на той легкости, с какой можно извлекать доход из нетронутой девственной почвы среди полудикарей (киргиз, И. А.)". Васильев. Семиреченская область, как колония и роль в ней Чуйской долины. СПБ. 1915 г., стр. 74—75. Последняя цитата относится и к крестьянскому переселению, о чем речь будет ниже.

[5]) Бай—происходит от тюркского слова «бег» (или бек), означавшего вначале господин, государь. Позднее у разных народов значение этого

альной эксплоатации трудящейся массы туземцев. Они ухитрялись продавать земли общества, как принадлежащие им, были даже случаи продажи ими земель, принадлежащих совершенно другим обществам. Очень быстро в переселенческих районах возникли капиталистические отношения (см. подробнее ниже).

Иной характер носили поселения уральских казаков. С 1875 года на Сыр-Дарье и Аральском море появились уральские казаки, но не как военные колонисты, а в качестве ссыльных (за отказ подчиниться закону о всеобщей воинской повинности). Уральцы занялись рыбным промыслом, который до начала XX века почти всецело находился в их руках. Они оказали огромное влияние на развитие рыбного промысла по Сыр-Дарье и Аральскому морю. Как мы знаем, уже в период Мавераннагра существовал рыбный промысел у устья Аму-Дарьи, но не имел большого распространения по морю и другой крупной реке края — по Сыр-Дарье. Поэтому можно согласиться с Гейером, который в 1901 году писал, что «только с поселением в г. Казалинске ссыльных уральских казаков воды устья Сыр-Дарьи и Аральского моря оживились промысловой жизнью».

Уральцы же способствовали развитию рыболовства и на восточном берегу Каспийского моря. Первый рыбачий поселок-селение Николаевское — возник еще в 1885 г. в трех и четырех км от форта Александровского. К 1911 году было уже 4 рыбачьих поселка, из них три находились в Мангышлакском уезде и один в Красноводском, у бухты Бековича-Черкасского.

Уральские казаки так же, как и переселенцы в Семиречьи и других районах, очень быстро пошли по пути капиталистического развития. Выделялись среди них крупные предприниматели, нанимающие значительное количество рабочих. Источником первоначального накопления в значительной степени была эксплоатация туземцев. Последние и составляли главную массу наемных рабочих в хозяйстве уральцев.

Более глубокий след в хозяйстве края оставила, безусловно, крестьянская колонизация, главным районом этой колонизации сделалось Семиречье, затем шли Сыр-Дарьинская и Ферганская области, и значительно меньше было переселенцев в Закаспийской и Самаркандской областях.

Еще в 1868 году в Семиречьи пришли первые крестьяне из Воронежской губернии в числе 242 семейств. Хотя в на-

---

слова изменялось. В Ср. Азии баями называют крупных землевладельцев, кулаков и торговцев. Баи теснейшим образом связаны с духовенством и являются носителями идей националистической реакции.

6) Манап — киргизский феодал, который держал в своих руках всю власть в ауле. Подробнее о монапстве и эволюции монапства см. ниже.

чале правительство и препятствовало этому движению (нужно было устроить казачьих поселенцев) крестьянам не отводились земли, приходилось им арендовать землю у казаков соседних станиц — все же крестьянская колонизация росла быстро. Эта колонизация была также в интересах помещиков метрополии, т. к. она разрешала отчасти вопрос с аграрным перенаселением.

Земельная политика царского правительства в Средней Азии отражала борьбу классов в метрополии, каждый из которых в своих интересах стремился использовать новую колонию. Характерна в этом отношении борьба вокруг проекта Положения об управлении Туркестанским краем 1873 года. Этот проект, в интересах помещиков и торгового капитала, проводил идею национализации земли, — передачи земли самодержавному государству — и сохранение общины. Этот шаг напоминает мероприятия английских и французских империалистов эпохи первоначального накопления. Авторы этого Положения (генерал-адъютант Кауфман) смотрел на Среднюю Азию, как на источник первоначального грабежа [1]). Такой подход противоречил интересам промышленного капитала, так как помышлял только о военном закреплении района грабежа, а не об использовании колонии, как района сырья и вложения капитала.

Поэтому проект Кауфмана встретил решительные возражения со стороны министерства финансов и государственного контролера, (эти два ведомства лучше других отражали интересы промышленного капитала метрополии) и проект был отклонен. Кауфман провел в жизнь только те части своего проекта, которые не противоречили интересам господствующих классов метрополии и в некоторой степени об'единяли их для совместной эксплоатации новой колонии. В результате было уничтожено мюльковое землевладение и сокращены вакуфные привилегии. Эти меры были направлены главным образом против местной земельной аристократии, враждебной вначале русской колонизации.

Противоречия между заинтересованными в грабеже Средней Азии классами метрополии нашло свое выражение и в Положении 1886 года. По Положению 1886 года: 1) в оседлых земледельческих районах устанавливалась частная собственность на землю, право ее купли и продажи, подворно-участковое землевладение, и тем создавались наиболее бла-

---

[1]) См. Е. Зелькина—„Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии". Изд. Коммунистической Академии. М. 1930 г., стр. 31. См. также Вл. Лаврентьев — „Капитализм в Туркестане", М. 1930 г., стр. 26—31.

гоприятные условия для внедрения капитализма в хозяйства этих районов; 2) в районах кочевых, нехлопковых, в эксплоатации которых не был еще заинтересован промышленный капитал метрополии, в лице текстильной промышленности, земли об'являлись государственными, т. е. национализировались, и тем создавались наиболее благоприятные условия для грубого колониального грабежа и для переселения русских в эти районы.

До революции 1917 года земельные отношения в средней Азии регулировались Положением 1886 года.

С 1868 года до присоединения Семиречья к Степному краю (в 1882 году) было образовано 29 селений, и общая численность крестьян, вселившихся в область за означенный период времени, составляя не менее 25.000 человек К январю 1908 года в Семиречьи насчитывалось крестьянских селений и слободок — 41, большая часть которых была в тех уездах, которых почти не коснулась казачья колонизация: в Пишпекском — 15 и в Пржевальском—10. Во владении крестьян (60.350 душ об. пола) состояло 254.375 га, во владении же казачьих (34.468 душ обоего пола)—671.532,4 га земли. В 1911 году уже насчитывалось 155 русских поселков с населением в 175.000 душ обоего пола. Наибольшее число поселков было в Лепсинском уезде — 40, затем идет Пишпекский — 30; 28 поселков было в Пржевальском; 24 — в Копальском, 21—в Верненском и 12—в Джаркенстком [1]). Переселение быстро росло. Переселенческие наделы были уменьшены с 33 га до 16,5 га, а затем до 11 га, с тем, чтобы на месте одного и двух разместить трех.

Это размещение происходило путем отбирания лучших земель у киргиз и казаков, оттеснением их в горы и безводные степи. Правительство не церемонилось с ними и почти действовало в духе требования черносотенного депутата Государственной Думы Маркова 2-го, который заявил в переселенческой комиссии Государственной Думы, «что киргизы — потомки орд Чингис-хана и Тамерлана и что с ними нужно поэтому поступать так, как поступали с краснокожими в Америке» [2]).

Способ отбирания земель у туземного населения (киргиз и казаков) был очень простой. Земли, занятые кочевниками, были об'явлены государственными землями. Переселенцам отводились те участки государственных земель, которые считались свободными. Но вот тут-то возникает «но». Законо тель-

---

[1]) Массальский—Туркестанский край, стр. 323.

[2]) Формы национального движения в современных государствах. Под ред. Кастелянского, ПБ. 1910 г., стр. 590.

ные акты «предписывали отводить переселенцам участки из «свободных государственных земель», но не указали с достаточной ясностью, какие же пространства в крае следует считать свободными для использования под переселения»[1]). Выход нашла местная администрация, которая решила, что ей «не оставалось ничего другого, как добиваться для переселения русских крестьян добровольного (!) отказа киргиз от предоставленных законом в их бессрочное пользование площадей»[2]). А добровольность состояла в том, что бы «устрить переселенцев на землях, которые при посредстве администрации (курсив мой, И. А.) будут уступлены киргизам под русские селения»[3]). Благодаря такому «посредничеству» русской администрации экономическая мощь киргизского населения сильно подорвалась. Зато можно говорить с уверенностью о зажиточности и даже богатстве большей части переселенческого населения: казачьих поселенцев и крестьян.

Данные исследования, произведенного в 1909—1913 г.г. Статистической Партией Переселенческого Управления под руководством Румянцева, вполне подтверждают это положение. Так, на одно киргизское хозяйство приходилось в среднем 5,44 душ обоего пола, а на одно русское — 7,34. Всего посевов на 1 хозяйство у киргиз приходилось 2,45 га, а у русских 8,44 га, покоса у киргиз — 2,4 га, а у русских — 2,35 га. Только скота у киргиз было больше; т. к. они в большей массе оставались скотоводами, а именно: на 1 киргизское хозяйство приходилось 53,29 голов всего скота, а на 1 русское — 22,32. Здесь надо указать, что у киргиз был главным образом мелкий скот, так что в переводе всего скота на лошадь мы имеем уже соответственно следующие данные: у киргиз — 15,34, а у русских — 9,98. В первом случае мы имеем соотношение количества скота у киргиз и русских как 2,4 : 1, а во втором же как 1,5 : 1. Если рассмотрим дан-

[1]) Гаврилов (чиновник особых поручений при переселенческом управлении). „Переселенческое дело в Туркестанском крае". СПБ, 1911 г., стр. 5.

[2]) Там же, стр. 7.

[3]) Там же, стр. 12. Вот один из методов наделения переселенцев землей: „...удобные для земледелия и лучшие земли—на законном основании отчуждаются от киргизских властей, при чем коренное население водворяется на новые места, а казна уплачивает при этом только за сносимые киргизские постройки, если усадьба киргиз попадает в надел переселенческого участка. Чтобы не платить киргизам денег, чины переселенческого управления тщательно обходят усадьбы киргиз на расстоянии нескольких саженей, ставя межевые столбы на углу их землянок, на колодцах, из которых киргизы берут воду и т. д. И это вернейший способ заставить киргиз уйти, не получив платы даже за постройки". Формы нац. движения, стр. 588.

ные группировки по посевам, то получим следующее: 87,9% киргизских хозяйств имели посевы до 5,5 га (из них без посева 16,4% и до 3,3 га—56,5%) и только 12,1% свыше 5,5 га (из них свыше 11 га только 2,2%), у русских же только 28,3% хозяйства имели посевов меньше 5,5 га (из них только 4,8% без посева и 11,9% до 3,3 га), а 71,7% имели свыше 5,5 га (из них 44,3% свыше 11 га посева). Для киргиз же, как скотоводов, распределение по посевной площади является менее показательным, чем по скоту. Если же рассмотрим распределение киргизских хозяйств по скоту, то получим следующую картину: 70,7% хозяйств имеют скота менее 15 голов на одно хозяйство и только 29,3% — свыше 15 голов (из них 14,4 менее 25 голов, 10,4 менее 100 голов).

Эти данные, кроме слабой мощности киргизского хозяйства, указывают также на существование классового расслоения среди киргизского населения.

Семиречье привлекало русских переселенцев, во-первых, тем, что природные климатические условия этого района Средней Азии наиболее подходил к природным условиям южных губерний Европейской России, во-вторых, слабым заселением района туземцами (см. карту плотности населения Средней Азии) и, в третьих, легкость отбирания земель у киргиз.

После Семиречьи следующее место по размерам русской колонизации занимает бывш. Сыр-Дарьинская область. До 1910 года в Сыр-Дарьинской области, в противоположность Семиреченской, господствовал взгляд, что земля степей принадлежит казакам (киргизам) и может быть занята под поселения переселенцев только с их согласия. Но это положение не припятствовало притоку переселенцев и не избавляло от столкновений с казаками из-за отнятых у них земель.

Движение переселенцев шло с севера и с востока (из Семеречья направлялся избыток переселенцев в Аулие-Атинский и Чимкентский уезды). Первые переселенцы устраивались в Казалинском уезде (1849, 1856 гг.), затем шли в Перовский уезд (в 1861 году был основан поселок Александровский). Но Казалинский и Перовский уезды были признаны мало пригодными для заселения (плохое качество почвы—солонцеватость, лихорадки, скверное состояние оросительных систем и затруднительность орошения). К 1911 году в Перовском уезде было всего 3 русских поселка. Наибольшее количество переселенцев устроились в Чимкентском и Алие-Атинском уездах. Первое поселение—Михайловское—было основано здесь в 1875 г., а в следующем году еще два—Чалдовар и Дмитриевка—из семиреченских переселенцев. К 1890 году было уже 13 селений, из них первое место по

своему размеру и экономической мощности занимало селение Мерке (основано в 1865 году). В Аулие-Атинском уезде поселились также немцы колонисты с Волги—меноннты (в 1880 году), которые образовали пять селений. К 1911 году в Чимкентском уезде было уже 43 поселка, а в Аулие-Атинском—44. В 1881 году возникает первое поселение русских в Ташкентском уезде. За время с 1881—1891 году было основано там 6 селений. В Ташкентском уезде больше, чем в других уездах, основание селений было связано с работами по орошению. К 1911 году число русских поселений в Ташкентском уезде достигло 18.

Заселение же Голодной степи вообще было связано с проведением новых оросительных каналов. С 1885 по 1891 год вдоль нового «Хивинского» канала [1]) было основано 5 русских поселков. В Дальверзинской степи был застроен в 1886 году поселок Сретненский на «баснословно богатой» почве, орошаемой отводом воды из давно существующего канала Дальверзин. Соседний Ташкентскому уезду Ходжентский уезд [2]) также подвергся наплыву значительной волны переселенцев, и к 1911 г. в Ходжентском уезде, Самаркандской области было 12 русских поселков.

Образование русских поселков в Закаспийской области шло вслед за железнодорожным строительством. В 1885 году железная дорога достигает Ашхабада, а в следующем году Мерва и Чурджуя. В 1889 году возникает первое поселение Гержаб (потом переименованное в Михайловское), несколько югозападнее ж.-д. линии между Бахарденом и Ашхабадом. К 1896 году было уже 10 поселков, из них два поселка (Крестовское на Теджене и Саратовское в районе Гержаб) принадлежали немцам колонистам из Саратовской губернии. К 1909 году число земледельческих поселков увеличилось до 27 с населением около 5,000 человек. В Ашхабадском уезде было расположено 15 поселков, 5—в Тенджанском уезде, 4—в Мервском и 3—в Красноводском.

Орошаемая культурная площадь области была густо населена, еще в конце XIX века плотность населения в этих районах Закаспия равнялась 216 чел. на кв. км. (по переписи 1890 г. в Бельгии плотность населения равнялась 208 чел. на кв. км.). Поэтому переселение в Закаспийскую область, в связи с климатическими условиями (очень незначительная площадь под богарой), была связана с орошением новых земель, а последнее осложнялось недостатком водных источ-

[1]) Затем переименован в „канал императора Николая I-го".

[2]) Сперва большая часть Ходжентского уезда входила в состав Сыр-Дарьинской области.

ников для орошения. Водный вопрос здесь был осложнен еще тем, что истоки рек находились в пределах Персии, и приходилось удовлетворять нужды и персидского и туркестанского населения. Здесь интересы сильного стояли на первом месте. Так селение Скобелевское могло орошать свои поля (220 га под хлопком) только благодаря особому договору с Персией, по которому «вода речек, текущих в русские пределы, не могла расходоваться на орошение в пределах Персии; этим, конечно, были обездолены жители пограничных персидских поселков» [1]).

Большая густота населения и почти полное отсутствие свободных удобных земель для переселенцев также служили препятствием и для колонизации Самаркандской области (кроме Ходжентского уезда, см. выше) и некоторых уездов Ферганской области (в особенности, Кокандского, Маргеланского и Наманганского уездов).

В Катта-Курганском уезде, Самаркандской области на Зеравшане до 1911 года было только одно русское селение (поселок Федоровский).

В Ферганской области первый русский поселок (Покровский) возник в 1893 году в Ошском уезде на неорошенной большею частью земле и частью на орошенной (земля на Куршабе, брошенная туземцами после разрушения рекой головного сооружения арыка [2]). К 1911 году в Ошском уезде было 5 русских поселков. В Наманганском уезде было образовано всего два поселка (Успенский в 1897 г. и Кетмень-Тюбе в 1907 г.). В Кокандском уезде, как наиболее густо населенном, не было основано русских поселков.

Главная же масса переселенцев в Фергану устраивалась в Андижанском уезде, в прилегающих к горам волостях Курартской, Ясинской и Узгентской. Первые две волости считались чисто кочевыми, а последняя смешанной; фактически же во всех волостях туземцы перешли к оседлости. Первые поселки возникли в 1897 году (Николаевский, Благовещенский и Спасский). Особенно усилилось переселение после 1905 года. К 1911 году здесь возникло 13 русских селений.

В Фергане некоторые селения возникали на вновь орошаемых землях (напр., поселок Янги-арык в Андижанском уезде), а некоторые на отобранных у туземцев орошаемых землях. Так возник в 1899 году поселок «Русское село» в Маргеланском уезде (ныне в Андижанском округе) на землях

---

[1]) Бартольд—История культурной жизни . . . , стр. 155.

[2]) Арык был восстановлен для русских переселенцев на земские средства.

туземных селений, разрушенных за участие в восстании 1898 года.

К 1911 году в Ферганской области было 21 русское селение, из которых 13—в Андижанском уезде, 5 —в Ошском, 2—в Наманганском и 1 в Маргеланском.

Совершенно не коснулась крестьянская колонизация Бухары, и только одно поселение—немцев—было основано в Хиве. Правительство препятствовало крестьянскому заселению Аму-Дарьи [1]).

Так происходила русская сельскохозяйственная колонизация Средней Азии. Эта колонизация оказала непосредственно значительное влияние на хозяйственную жизнь края. Во-первых, возникли новые производственные отношения в этих районах—возникл капиталистические отношения в сельском хозяйстве; во-вторых, отбирали земли у кочевников и части оседлого населения и происходила жестокая эксплоатация кочевого населения; в-третьих, возникли новые отрасли хозяйства в отдельных районах и изменился отчасти хозяйственный уклад туземного населения (главным образом, кочевников) и, в-четвертых, в начале колонизационного периода местами разрешались переселенцами оросительные системы.

О разрушении ирригационных систем и об отбирании земель говорилось выше. Здесь остановимся подробнее на остальных двух моментах.

Русские переселенцы занесли в Среднюю Азию некоторые новые сельскохозяйственные культуры и отрасли хозяйства и способствовали расширению районов возделывания некоторых уже существовавших.

Картофель засевался татарами еще до прихода русских в окрестностях Ташкента (см. стр. 194), но только русские колонисты распространили эту культуру почти повсеместно. Особенно сильное распространение картофель получил в Семиречьи. Культуру картофеля заимствовали от русских таранчи и дунгане, слабее распространилась эта культура среди киргиз, узбеков, таджиков и туркмен.

Русские же колонисты способствовали распространению культуры овса в более южных широтах, к Ташкенту и юж-

---

[1]) „Инстинктивное (?) стремление переселенцев в 1891—92 годах к самой большой реке Туркестана, к Аму-Дарье не могло быть удовлетворено; администрацией было об'явлено, что в Аму-Дарьинском отделе совершенно не имеется свободных и удобных земель для русских поселений и было сделано распоряжение „не пропускать на Аму-Дарью не только переселенцев, но даже ходоков" (И. Гейер—Голод и колонизация, стр. 16. Из сборн. матер. для статист. Сыр-Дарьинской Области, т. III, 1894"). Бартольд—История культурной жизни . . ., стр. 153.

нее [1]). Некоторые же исследователи приписывают русским вообще возникновение культуры овса в Средней Азии (напр., Масальский) [2]).

Тонкорунное овцеводство, молочное хозяйство, культура сахарной свеклы впервые возникли в крае под влиянием русских переселенцев. Некоторые отрасли сельского хозяйства приняли иное направление (например, развитие промышленного плодоводства, виноделия и т. д.).

Наряду с влиянием на развитие отдельных отраслей хозяйства, колонисты оказали также влияние на ведение хозяйства туземцами. Этому влиянию русских подверглись преимущественно кочевники (киргизы и казаки). Хотя и до прихода русских происходил процесс оседания кочевников, но с приходом русских этот процесс стал происходить более быстрым темпом. К оседлости и к земледелию, в первую очередь, начинает переходить беднота-джатаки (что значит в переводе—лежащие, т.-е. осгающиеся, не кочующие). Но в большинстве случаев джатаки были не самостоятельными хозяевами, так как они не имели средств производства, чтобы заниматься земледелием,—джатаки работали на баев, на их землях, их орудиями производства: бай кочевал, а джатаки обрабатывали его землю. С приходом русских, с внедрением русского капитала в Среднюю Азию, процесс классового расслоения, выделения джатаков (бедноты) значительно усилился.

В Семиречьи, в Пишпекском уезде, под непосредственным влиянием русских, возникло киргизское селение Таш-Тюбе [3]) «с домами русского типа и улицами, обсаженными домами» [4]). Впервые под влиянием русских переселенцев туземцы стали пользоваться косами при косьбе сена. Самое же сенокошение возникло среди незначительной части кочевников еще до прихода русских [5]). Но эти влияния на хозяйство происходили, как и при наделении землей, путем эксплоатации туземцев. Очень характерен в этом отношении рассказ генерала Терентьева о возникновении сенокошения среди некоторой части киргиз Семиречья: «Переселенцы явились большею частью совсем без скота, у многих не было

---

[1]) Слова Гейера в сборнике С.-Д. Обл. Стат. Комитета, II, стр. 311.
[2]) Масальский—Туркестанский край, стр. 450.
[3]) Таш-Тюбе—в переводе каменная крыша.
[4]) Терентьев—Указанное сочинение, том III, стр. 380.
[5]) В одном из уездов бывш. Семиреченской области во время обследования переселенческого управления на вопрос „как давно появилось сенокошение", из 173 общин—11 указали на срок от 6—10 лет, 32 на срок от 11—25 лет, 75 от 26—50 лет, 22 от 51—100 лет, 4 на срок более 100 лет, 23 общины ответили „давно", 14—„очень давно".

и лошадей. Извернулись они следующим образом: весной степь вся в зелени и цветах, переселенцы усердно занялись кошением и наметали кругом своих становищ множество стогов сена; к земле нарыли землянок, засели и ждут... у киргиз такой моды косить траву—нет, а зима подошла снежная, тебеневки [1]) невозможны... вот и являются они к русским покупать сено... денег нет,—меняют на скот. За зиму у переселенцев набралось огромное количество всякого скота, сразу они разбогатели!

«Киргизы считали это не совсем справедливым и начали красть лошадей... У нас (т. е. у русской администрации, И. А.) на это был особый способ борьбы: отвечает весь аул, куда привели следы, и конокрадство скоро прекратилось...

«Скоро, однако, киргизы догадались, что видимое благословение небес над русскими заключается в косе! И стали покупать косы, стали косить и сами» [2]).

Косой стали пользоваться и узбеки для уборки люцерны [3]).

Слабее шло распространение других видов сельскохозяйственных орудий (плугов, борон и т. д.). Больший успех они имели у кочевников, а не у оседлого земледельческого населения, которое продолжало пользоваться своими допотопными орудиями—омач, мола [4]) и т. д. Те трудовые навыки, которые создались у туземцев земледельцев на протяжении нескольких тысяч лет, при складывающейся системе эксплоатации, не могли быстро замениться другими, и они оказывали сопротивление, введение новых усовершенствованных орудий. У кочевников этого не было, так как они не имели соответствующих навыков в области земледелия: они переходили прямо к новым системам хозяйства и новые необходимые трудовые навыки, можно сказать, впервые приобретали у русских.

Влияние немцев колонистов сказалось, в первую очередь, на русских переселенцах: «от менонитов некоторыми русскими были заимствованы немецкие плуги, более легкие и совершенные, чем русские» [5]).

---

[1]) Тебеневка—от киргизского слова тебень (зимнее пастбище), употребляется в тех случаях, когда скот круглый год пасется на подножном корму; зимой скот добывает траву, разгребая снег.

[2]) Терентьев—Указанное сочинение, т. III, стр. 380—381.

[3]) Масальский—Указанное сочинение, стр. 438.

[4]) Мола—туземная борона.

[5]) Бартольд—Указанное сочинение, стр. 151.

Переселенцы же, в свою очередь, в некоторых районах научились у туземцев хлопководству, возделыванию риса и др. культур, и проведению оросительных каналов (арыков).

Наиболее важное явление, которое необходимо отметить, как результат влияния переселения из России, это—возникновение новых, капиталистических производственных отношений в районах переселения. Все эти трудовые навыки и новые отрасли хозяйства возникли в новых производственных отношениях. Переселенцы очень быстро становились эксплоататорами местного населения. Во-первых, они выступали как фермеры-капиталисты, наниматели рабочей силы из местного, главным образом, населения и, во-вторых, пользуясь своим привиллегированным положением «русского» и большей своей обеспеченностью, они широко применяли внеэкономические методы эксплоатации [1]). Процесс первоначального накопления среди переселенцев шел очень быстро. Лучшие земли туземцев отбирались для переселенцев, отбирались и в значительном размере орошаемые земли, в которые был вложен огромный труд нескольких поколений туземцев. Туземцы загонялись в горы. В кочевых районах практиковался неприкрытый грабеж эпохи первоначального накопления. Процент отобранных поливных земель был наибольшим в Семиречьи. Наем рабочей силы практиковался в значительной степени во всех группах переселенческих хозяйств и во всех районах. Безусловно наибольший процент нанимавших падает на наиболее зажиточные хозяйства. Так в Семиречьи среди хозяйств, имеющих свыше 25 га посева, пользующиеся наемным трудом составляли от 95% до 100%, в Чимкентском уезде среди хозяйств, имеющих свыше 20 га посева—от 96 до 98%. Главная масса рабочей силы вербовалась из туземного населения (киргизы и казаки). В Сыр-Дарьинской области на 66 наняных туземцев приходилось 34 русских, в Самаркандской на 62 туземцев—38 русских, в Закаспийской на 57 туземцев—43 русских и т. д. Исключение составляла Ферганская область, где на 10 туземцев приходилось 90 русских [2]). Последнее об'ясняется двумя моментами, во-первых, в Фергане имелось наличие некоторого кадра неустроившихся переселенцев и, во-вторых, хлопководческие хозяйства туземцев в критические моменты сами вынуждены были в значительном размере прибегать к найму рабочей силы со стороны (см. ниже о хлопководческих хозяйствах и о временных рабочих из Кашгарии).

---

[1]) См. подробнее у Галузо „Туркестан—колония", М. 1929 г., стр. 107—110.

[2]) См. Галузо—Указанное сочинение, стр. 108.

Таким образом, мы видим, что районы переселения из России, особенно кочевые, быстро превращались в районы развития капиталистических отношений. Этому процессу, кроме быстрого развития колониального грабежа туземцев и первоначального накопления переселенцами, способствовало также развитие меновых отношений между земледельческими зерновыми районами, с одной стороны, и земледельческими хлопководческими районами и скотоводческими районами — с другой. Русские переселенцы вывозили часть своего хлеба в хлопководческие районы Средней Азии. Перед войной 1914—18 гг. из Семиречья в среднем в год вывозили около 33 тыс. тонн хлеба в Фергану и Ташкент. Около 250 тыс. тонн хлебных излишков в Семиречьи не находили еще рынка сбыта, т. к. ввиду отсутствия ж. дорог, хлеб приходилось вывозить на верблюдах, арбах и телегах.

Все отмеченные социально-экономические изменения в районах переселения оказали значительное влияние на социально-экономический строй туземного населения. Процесс разложения родового строя пошел усиленным темпом. Манап, стал первым торговцем и ростовщиком своего рода, он уже не глава рода у киргиз, не родовой вождь. Родовой вождь превратился в феодала. Манапство—это уже не родовой строй. Это одна из фаз феодализма. Вовлечение манапов в торговлю, расширение рыночных отношений, возможность реализовать на рынке прибавочный продукт, неизбежно усилили со стороны манапов эксплоатацию бедноты, «букары»[1]). Одновременно шел процесс оседания кочевников и перехода их к земледелию. В 1911—13 гг. в Пишпекском уезде процент некочующих хозяйств достиг уже 15,11%, а процент хозяйств, занимающихся земледелием (сеющих)—92,04%, в Пржевальском уезде соответственно мы имеем 19,37% и 93,95%, в южной части Ошского, Скобелевского и Кокандского уездов—35,3% и 94,5%, в Андижанском уезде—24,2% и 99,0%, в Наманганском уезде—15,3% и 91,8% и т. д.

В процессе оседания и перехода к земледелию устанавливаются своеобразные производственные отношения между различными социальными группами кочевников: баи и манапы, продолжая кочевать со своими стадами, ведут земледельческое хозяйство через бедноту, которая оседает около посевов первых, обрабатывает их землю, сторожит посевы и т. д., за что получает большею частью плату натурой—скотом и его продуктами. Другая часть бедноты, почти без всякого скота, продолжает кочевать, но не самостоятельно, а как рабо-

[1]) „Букара", т. е. чернь. Так называли бедноту в киргизских районах.

Картограмма кочевых хозяйств в Туркестане в 1868—69 гг.
(процент кочевых хозяйств ко всему числу хозяйств по уезду).

Условные обозначения: 1—районы, где процент кочевых хозяйств менее 1%, 2—от 1 до 5%, 3—от 5 до 10%, 4—от 10 до 25%, 5—от 25 до 50%, 6—свыше 90%.

Самаркандский и Катта-Курганский уезды выделяются еще в 1868—69 гг. как районы почти исключительно оседлого населения. К ним приближаются также уезды, где процент кочевых хозяйств менее 10%, а именно: Кокандский — 4,0%, Наманганский — 8,7% и Ферганский (Скобелевский)—9,0%. Почти абсолютно кочевыми являются уезды Семиречья (Пишпекский, Каракольский и Нарынский — ок. 100% кочевников). Значителен процент кочевых хозяйств в Андижанском (32,9%) и Ташкентском (27,0%) уездах. Среднее место занимает Ходжентский уезд (15,3%). Примечание. По Аму-Дарьинскому отделу (ныне Кара-Калпакстан) процент кочевого населения равняется 77,1%, при чем на Северо Западе (Шураханский участок) этот процент снижается до 31,3%, а на Востоке (Чимбайский участок) он подымается до 92,1%.

чая сила в хозяйстве бая или манапа, с которыми она связана еще в значительной мере личной зависимостью.

Таковы в общих чертах социально-экономические изменения в Средней Азии в районах переселения из России.

Почти одновременно с русским заселением с севера шла меньшая волна переселенцев с востока, из Китая (таранчи и дунгане) с юга, из Персии, Афганистана и Индии (персы, афганцы и индусы). Эти народности также перенесли в Среднюю Азию свои трудовые навыки и вообще сыграли не малую роль в хозяйственном развитии края и усилении географического разделения труда. Но они оказали несравненно меньше влияние на возникновение новых производственных отношений: с Востока шло влияние докапиталистических отношений.

---

[1]) „Памятная книжка Семиреченской области", 1898 год, стр. 22.

До прихода дунган (1872 год) в Семиречьи не засевали риса и удовлетворяли свои потребности привозным рисом. Дунгане впервые стали сеять рис в Семиречьи (с 1872 года) и уже в конце 1890 года дунганский рис вывозился из Пишпека «во все города Туркестанского и Степного края» [1]). От дунган заимствовали возделывание риса киргизы и таранчи. Дунгане же являются пионерами в разведении опийного мака в Семиречьи. Производство этих рыночных культур способствовало значительному развитию в районе торгового капитала, разложению натурального хозяйства.

Отчасти таранчи, но главным образом, персы и индусы являются уже не сельско-хозяйсвенными колонистами.

Так, таранчи оказали известное влияние на развитие городской жизни в восточной части Ср. Азии; персы являлись лучшими мастерами по постройке кяризных колодцев; индусы занимались ростовщичеством.

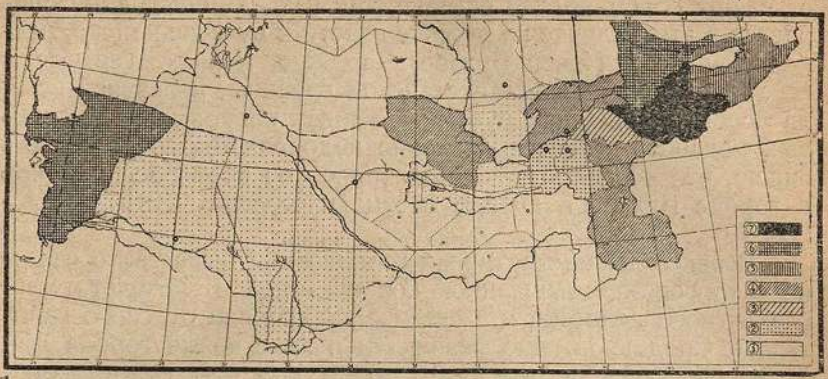
Первоначально сельскохозяйственная колонизация из России носила характер и военно-административной колонизации; так казачьи поселения были одновременно и военными поселениями.

Начало военной колонизации края можно считать с 1716 года, когда Бекович основал укрепление «Красные Воды», которые, однако, вскоре было заброшено. И только более ста лет спустя строятся на Мангышлаке укрепления Ново-Александровское (в 1834 г.) и Ново-Петровское (в 1846 г.). Начало же систематической военно-административной колонизации Средней Азии было положено образованием укрепления Раимского (в 1847 г.) и других фортов по Сыр-Дарье. После этого число укрепленных пунктов увеличивается и заканчивается образованием военных пограничных постов. В 1847 году возводится укрепление Копальское, в 1853 г. форт № 1 (с 1867 г. город Казалинск), в следующем году—Заилийское укрепление, в 1861 г.— укрепление Джулек, в 1873 году на берегу Каспийского моря—возникает укрепление и пристань Чикишляр, в 1889 г.—Керки (укрепление и русский поселок) и уже в 1892 и 1895 г. г.—Памирский и Хорогский посты.

Во многих городах и селениях, особенно по линии железной дороги, по Аму-Дарье и границам, ставились гарнизоны (напр. Новая Бухара, Чарджуй, Порт-Александровский, Керки и др.). Некоторые селения, возникшие вместе с военной колонизацией, превращаются иногда в довольно крупные торгово-промышленные пункты (напр., Керки превратился в главный ковровый базар).

Эти военные поселения и гарнизоны сыграли большую роль в укреплении русского владычества в Средней Азии и в

Картограмма кочевых хозяйств в Туркестане в 1917 году (процент кочевых хозяйств ко всему числу хозяйств по уезду).

Условные обозначения: 1—районы, где процент кочевых хозяйств менее 1%, 2—от 1 до 5%, 3—от 5 до 10%, 4—от 10 до 25%, 5—от 25 до 50%, 6—от 50 до 90% и 7—свыше 90%.

Если сравнить эту картограмму с предыдущей (картограмма кочевых хозяйств в 1868—69 гг.), то сразу бросается в глаза значительное сокращение высших групп по кочевью и увеличение низших. Так в 1917 году к группе с процентом кочевых хозяйств менее 1%, кроме Самаркандского и Катта—Курганского уездов, прибавляются еще Ташкентский и Ходжентский. К группе с 1 до 5% кочевых к Кокандскому уезду прибавляется еще Ферганский (Скобелевский), сильно уменьшается процент кочевников в Андижанском и Ошском уездах Ферганы и в Каракольском и Пишпекском уездах Семиречья. В группе с кочевыми хозяйствами свыше 90% остается только один Нарынский уезд.

У нас не было сравнимого материала по Закаспийской области за 1868—69 гг. поэтому по этой области мы привели данные только за 1917 год. Процент кочевых хозяйств в Красноводском уезде свыше 60%, остальные же уезды имеют менее 1% кочевых хозяйств.

Примечание: По Аму-Дарьинской области процент кочевого населения составляет 10,8%, при чем по Чимбайскому уезду он равняется 4,5%, а по Шураханскому—17,0%. Следовательно здесь также произошло сильное снижение процента кочевого населения.

усилении эксплоатации трудящейся массы края. Опираясь на эти военные силы, местные власти, эмиры и ханы помещики и нарождающаяся буржуазия имели возможность усилить эксплоатацию населения, прибегая в случае восстаний к помощи русских штыков. Выше уже указывалось (см. стр. 214—215), как хан хивинский использовал русские войска для сведения счетов с текинцами. Царское правительство свято придерживалось девиза «разделяй и властвуй» и поэтому усиленно разжигало национальную вражду между узбеками и туркменами, между узбеками и таджиками и т. д.

Полковник Логофет так описывает роль русской армии в Бухарском ханстве: «Но в настоящее время мятежи представляют собой редкое явление, так как администрация опирается в этом случае на русские власти и русские войска, расположенные в Новой Бухаре, Чарджуе, Керках, Термезе и по линии Бухарско-Афганистанской границы, пользуясь всегда особым вниманием русских военных властей, всегда готовых подавить всякое проявление недовольства вооруженною силою, что особенно ярко проявилось во время беспорядков в городе Бухаре в январе месяце настоящего (1910, И. А.) года» [1]).

Военно-административная колонизация была тесно связана с торгово-промышленной колонизацией. В результате их совместного действия и в связи с внедрением русского капитала в Среднюю Азию возникали в крае новые города или же расширялись старые путем пристройки к туземному городу европейской части. В Ташкенте рядом с туземным городом после взятия его русскими (1865 г.), возникает европейская часть города, которая очень быстро разростается в крупный торгово-промышленный центр Средней Азии. Европейские части возникают и возле других городов (напр., в 1871 г. в Самарканде, в 1885 г. в Коканде и т. д.). Одновременно возникают новые города или некоторые селения разрастаются в города: В 1861 г. возникает Красноводск, в 1874 г.—Новый Маргелан, в 1878 г.—Пишпек, в 1881 г.—Ашхабад, в 1882 г.—Джаркент, 1884 г.—Мерв (Новый), в 1888 г.—Новай Бухара (Каган) и т. д.

Большинство новых городов превращается в торгово-промышленные центры, и только незначительная часть остается, главным образом, административным центром (напр., Новый Маргелан, переименованный в 1887 г. в Скобелев).

Таким образом мы видим, что роль городов в Ср. Азии несколько изменилась. В период Мавераннагра города представляли собою укрепленные замки крупных феодалов с живущими вокруг торговыми и ремесленым населением (см. ниже, стр. 161). С падением значения старых феодалов, города превратились, главным образом, в торгово-ремесленные центры и играли значительную роль в развитии географического разделения труда в Ср. Азии. В период трех ханств, в XIIIV и XIX в.в., города продолжали выполнять прежнюю роль, но вместе с тем некоторые из них представляли по тому времени крупные административные центры, где были сосредоточены чиновники и войска, т. е. аппарат ханского

---

[1]) Логофет — Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II. СПБ. 1911.

управления. Значительное число жителей городов не порывали связи с сельским хозяйством. Можно сказать, что больше половины населения были связаны с сельским хозяйством: одни имели свои хозяйства в окрестностях, вели сами эти хозяйства, другие сдавали свои земли чайрикерам, в аренду и жили на доходе от земли, третьи жили на доходе от земли, пользуясь правом танхо и т. д. Помещики, торговцы и некоторые крупные ремесленники таким образом эксплоатировали дехканское население.

После завоевания края Россией, после возникновения новых городов, мы имеем в Ср. Азии два типа городов. Один тип, это старые города, где большая часть населения занятая в сельском хозяйстве (от 30 до 70% самодеятельного населения), в кустарно-ремесленной промышленности (от 20 до 50%) и торговле (от 5 до 20%). В этих городах также значителен процент лиц свободных профессий, куда относятся служители религии (напр., в Старой Бухаре их процент доходит до 3%). В старых городах незначителен процент рабочих и служащих в сравнении с новыми городами. Только старые города—Ташкент, Самарканд и Коканд дают рабочих свыше 20%. Другой тип городов, это новые города, города главным образом служащих, процент которых составляет почти половину населения. Здесь значительно также число рабочих (от 15 до 40%). Некоторые поселки городского типа являются рабочими поселками (Каунчи, Чимион и др.), где рабочих свыше 50% всего населения. Жители новых городов также занимаются сельским хозяйством, но процент таковых незначителен. Большею частью это владельцы садов и других земельных участков, которые или обрабатываются наемным трудом или сдаются чайрикерам.

Удельный вес городов в хозяйстве Ср. Азии все же незначителен. Да и в городах, как мы видим, значительное число жителей было занято в сельском хозяйстве. В 1897 г. в городах было 13,8% всего населения Туркестана. При этом на первом месте была Ферганская область (18,1%), затем шли Самаркандская (15,7%) и Сыр-Дарьинская (13,9%) области и на последних местах области Закаспийская (10,9%) и Семиреченская (6,4%). С проведением железных дорог, ростом товарного хозяйства, с расширением рамок географического разделения труда усиливается рост городов. Так, за 13 лет к 1910 году население в г. Ташкенте увеличилось почти на 30%, в Коканде—почти на 40%, а в Андижане—даже свыше 60%. Рост населения городов шел быстрее, чем в сельских местностях. Но все же общий тип старых городов не изменился. Процент хозяйств живущих в городе и занятых сельским хозяйством оставался все еще очень большим. Темп роста

старых и новых городов различен. Так Старый город Ташкента с 1877 по 1908 г. дал прирост всего на 41%, а Новый город—1160,7%; процент населения Нового города ко всему населению г. Ташкента вырос с 3,88% в 1877 г. до 26,3% в 1908 г.

С проникновением русского капитала, с развитием капиталистического способа производства в Ср. Азии, усиливается, как видим, процесс отделения города от деревни. Старые города, как возникшие при феодальном способе производства, еще носят на себе печать прошлого, как по внешности, так и по социальным группам населения. Новые города, возникшие с внедрением русского капитала, в связи с военно-административной и торгово-промышленной колонизацией края, носят на себе отпечатки этих двух моментов, что видно по социальному и национальному составу населения [1]). Наибольшее же значение в создании новых городов имела торгово-промышленная колонизация края.

Таким образом, возникновение этих городов и их рост теснейшим образом связаны с торгово-промышленной колонизацией края.

Торгово-промышленная колонизация края началась еще до окончательного завоевания Средней Азии русскими. Значительное количество торговцев из татар и русских тогда уже вели в Средней Азии постоянную торговлю и жили там (особенно татары). Первая промышленная колонизация края началась еще в 1868 г. при существовании Кокандского ханства, когда русские купцы Федоров, Хлудов, Громов и др. начали разработку нефтяных месторождений в Ферганском районе. В Восточной Бухаре некоторые русские поданные стали разрабатывать золотые прииски. Но торгово-промышленная колонизация особенно усилилась с завоеванием края русскими и внедрением русского капитала, и поэтому в дальнейшем этот процесс надо рассматривать в связи с внедрением русского капитала в Среднюю Азию.

Российский капитал в своем продвижении в Среднюю Азию, как уже отмечалось, встречал конкуренцию, и довольно успешную английского капитала. Поэтому завоевание края сопровождалось одновременно мероприятиями, целью которых было теснее связать средне-азиатский рынок с Россией и изгнание англичан (точнее—английских товаров) из новой колонии Российской империи.

Первым актом российского правительства, после заключения мира с Бухарой, было запрещение ввоза в Бухару ан-

[1]) Во второй части нашей работы мы подробнее остановимся на проблеме старых и новых городов в Ср. Азии.

гло-индийских товаров через Афганистан и Персию, в том же 1868 году, за исключением индиго, чая и некоторых других товаров. Но при вышеописанных условиях торговли (см.стр. 210—211) одними только запрещениями нельзя было успешно конкурировать с английскими товарами, нельзя было завладеть окончательно средне-азиатским рынком. Необходимо было теснее связать Среднюю Азию с российским хозяйством, приблизить средне-азиатский рынок к Центральной России. Иными словами, является необходимость в соединении этого рынка дешевым и быстрым транспортом, т. е. железной дорогой.

Проведение железной дороги стало особенно необходимым еще в связи с наметившимся изменением в назначении средне-азиатских рынков. Теперь для русской промышленности рынок Средней Азии нужен не только для сбыта фабрикатов, но и как рынок сырья.

Толчком который особенно повысил интерес России к Средне-азиатскому рынку и изменил отношение к последнему, была война Северных и Южных Штатов Северной Америки в 1862—64 г. г., благодаря которой сильно сократился ввоз американского хлопка и возросли цены на последний. Тогда Российские торгово-промышленные круги обратили внимание на Среднюю Азию: увеличили ввоз средне-азиатского хлопка (см. об этом выше стр. 209—210) и усилили наступление на средне-азиатские государства (в 1864 г. взятие Туркестана, в 1865 г.—Ташкента, в 1868 г.—Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака и т. д.). Но только с 1880 года начинаются крупные операции по скупке хлопка и его вывозу из Бухары, которая в вначале, как мы знаем, была главной поставщицей хлопка из Средней Азии в Европейскую Россию. Тысячи и десятки тысяч пудов хлопка очищались руками или с помощью примитивных машин и на верблюдах отправлялись в Россию. При таких условиях железнодорожный транспорт в Средней Азии становится настоятельной необходимостью для России.

Возникает несколько проектов соединения Средней Азии с центральной Россией: через Оренбург на Ташкент по пути прежнего караванного движения и от Каспийского моря через Кизил-Арват и Чарджуй на Бухару и Самарканд. Побеждает второй вариант, т. к. за этот вариант стоят соображения стратегического характера и возможность использования водного пути (Каспийское море и Волга).

В 1881 г. укладываются рельсы чешских заводов и Круппа от Михайловска (на берегу Михайловского залива Каспийского моря) до Кызыл-Арвата (первый оазис, где имелась вода) длиною в 238,7 км. Среди местного населения в то время не было необходимой для работы по постройке ж.-д.

линии рабочей силы и поэтому для земляных работ были наняты смоленские землекопы и персы из Баку [1]). В 1885 году ж.-д. доводится до Ашхабада и в следующем году (1886) через Мерв до Чарджуя. Таким образом, Волжский бассейн соединяется с Аму-Дарьинским. Наиболее трудным участком дороги оказался участок между Мервом и Чарджуем по безводным летучим пескам пустыни Кара-Кума. Такой же трудный участок пришлось пройти от Аму-Дарьи до Кара-Куля по пескам Кызыл-Кума. Вдоль линии железно-дорожного полотна местами пришлось насадить растения для укрепления песков. В 1888 году ж.-дорога проходит через Бухару и доходит до Самарканда. В этом же году через Аму-Дарью строится временный деревянный мост, который в 1901 году заменяется железным.

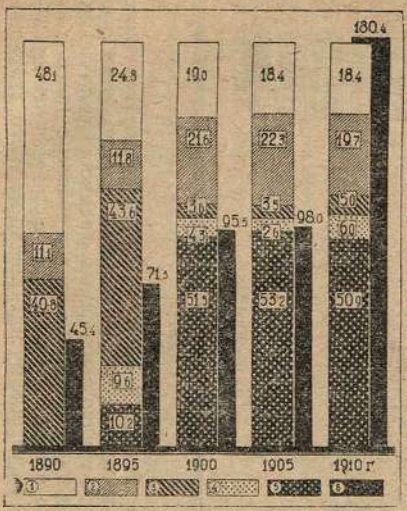
Выбор начального пункта Средне-Азиатской железной дороги, станции Михайловской, оказался неудачным, т. к. Михайловский залив слишком мелководен и большие суда не могли входить в бухту. Поэтому пришлось искать место для нового порта, таким местом после ряда изысканий был избран Красноводск, расположенный на берегу лучшей бухты Каспийского моря. В 1896 году открывается движение между Красноводском и станцией Молла-кара. Попутно идет строительство на Восток. В 1897 году ж.-д. линия доходит до Маргелана с ответвлением к Чиназу, и через два года (в 1899 г.) Средне-Азиатская ж.-д. соединяется с Андижаном и Ташкентом. Перед этим в 1898 году из Мерва проводится ветка до Кушки, чтобы закрепить за собою наиболее южный пункт России (35° 17′ сев. широты), недавно (в 1885 году) отвоеванный у афганцев. Таким образом, к началу XX века Средне-Азиатская железная дорога была закончена. А в 1905 году открывается железнодорожное сообщение между Оренбургом и Ташкентом, и Средняя Азия связывается дешевым и быстрым транспортом с Центральной Россией: с запада через Красноводск и с севера через Ташкент—Оренбург.

На следующий год после проведения средне-азиатской железной дороги до Аму-Дарьи учреждается особая Аму-Дарьинская флотилия (в 1887 году), которая должна была также содействовать «надобностям Закаспийской железной дороги» [2]), связывая по Аму-Дарье северную и южную части края. Первая навигация открывается в 1888 году двумя пароходами. Но эти пароходы не были в состоянии поддерживать срочное сообщение в виду их неприспособленности к местным усло-

---

[1]) Масальский—Туркестанский край, стр. 578.
[2]) Масальский—Указанное сочинение, стр. 570.

Движение грузов по Ср. Азиатской и Ташкентской железным дорогам (по областям, с 1890 по 1910 год).

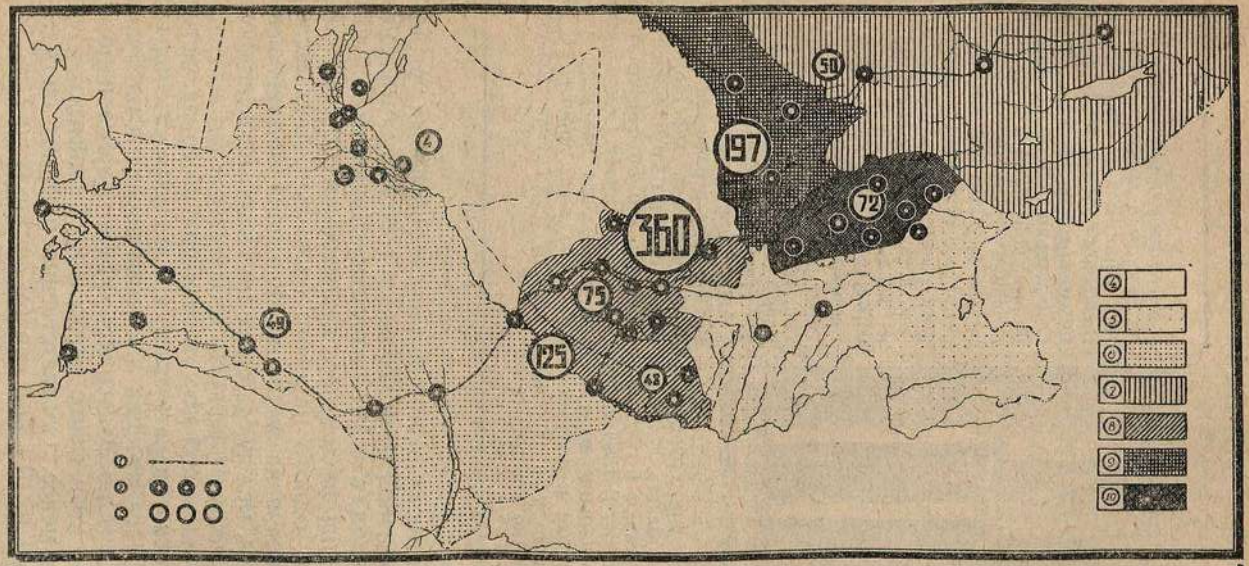
Условные обозначения: 1—доля Бухары в движении грузов по жел. дорогам Ср. Азии, **2** — доля Закаспийской области, **3** — доля Самаркандской области, **4** — доля Сыр-Дарьинской области, **5**—доля Ферганской области и **6**—черные столбики — размер движения грузов по ж. д. Ср. Азии в тыс. тонн.

До 1900 года идет равномерный рост размера движения грузов по жел. дорогам Ср. Азии (45,4 тонн в 1890 г., 71,3 тонн в 1895 г. и 95,5 тонн в 1900 г.). К 1905 году происходит некоторая задержка в темпе роста движения грузов (98,0 тыс. тонн), а в 1910 году видим новый значительный скачек (180,4 тыс. тонн), что об'ясняется проведением Ташкентской жел. дороги. К 1890 году первое место по отправке и прибытии грузов занимает Бухарское ханство, второе Самаркандская область, тогда как Ферганская и Сыр-Дарьинская области не участвуют в грузовом движении, что об'ясняется отсутствием жел. дорог. В 1895 г. первое место занимает Самаркандская область, а Сыр-Дарьинская и Ферганская области начинают участвовать в отправке и получении грузов по жел. дорогам. С 1900 года первое место уже начинает занимать Ферганская область, а Бухарское ханство третье место.

виям (глубокая посадка) и незнания своеобразных условий течения этой капризной реки. Только в 1895 году был добавлен еще один пароход, а к 1913 году Аму-Дарьинская флотилия состояла из 6 пароходов, 2-х паровых катеров, 13 барж и нефтехранилищ, одного парового баркаса и двух железных каюков. Сообщение на пароходе флотилии поддерживалось, с одной стороны, между Чарджуем и Петро-Александровском и с другой—между Чарджуем и Термезом.

Благодаря железной дороге значительно сокращается как время следования товара в пути, так и стоимость перевозки. Вместо 2,5 и более месяцев движения каравана из Бухары в Москву транспорт по Закаспийской жел. дороге и по Волге сокращается до 20 и менее суток, а по Ташкентской дороге до 10 суток и менее. Соответственно и фрахт снижается с 1 р. 95 коп. до 1 р. 10 коп в первом случае и до 1 р. 14 коп. во втором.

Схематическая карта районов транспортного тяготения и торговых районов Ср. Азии.

Условия обозначения: 1—железные дороги, 2—главные базары, 3—цифры и круги показывают число жителей, связанных в среднем с каждым главным базаром, в тысячах, 4 по 10—выделены районы, а именно: 4—этот район характеризуется редкою сетью караванных путей, трудно проходимых, с немногими колодцами, служащими пристанищами для верблюжьих караванов; перевозимые продукты крупно-об'емные (хлеб, хлопок и шерсть); крупных базаров в районе мало, большинство базаров имеют чисто местное значение; 5—район главным образом горный, здесь расположен ряд скотоперегонных путей и линий местного характера,

имеющих самостоятельное значение, транспорт вьючный, а местами даже людской—носильщики, некоторые районы—Памир, Грам, верховья Зервашина и др. зимой бывают почти отрезаны от других районов; на юге—западе района имеет некоторое значение судоходство по Пянджу и Вахшу; транспортируется главным образом: скот, металлические изделия, ткани, посуда, меньше продовольствие и отчасти импортные продукты (через Сарай-Камар, на Пяндже); почти все базары носят местный характер (исключение Сарай-Камар и некоторые др.); развит в горной части натуральный обмен; 6—в этом районе редкая сеть трудно проходимых верблюжьих караванных путей является исключительно под'ездными путями к главным магистралям (Ср. Азиатской жел. дороге и Аму-Дарье); перевозимые продукты сравнительно ценные (в импорте: чай, мануфактура, контрабандный опий, в экспорте: ковры, вышивки, хлопок, шкуры и шерсть, кроме того перевозится нефть и ее продукты, сушеные фрукты и т. д. размер охвата населения базарной торговли увеличивается к югу и особенно к юго востоку от Хивинского оазиса, где большинство базаров имеют чисто местное значение; 7—в районе самостоятельное значение вывозных и привозных линий имеют гужевые пути части быв. Сыр.-Дарьинской и быв. Семиреченской областей связанные немногими караванными путями с Ферганой, и опирающиеся лишь на одну железнодорожную магистраль; перевозимые продукты: хлеб, скот, продукты животноводства и мануфактура; базарная торговля развита слабо, большинство базаров имеют местное значение, межрайонное значение имеет торговля скотом; 8—весь район представляет собой в транспортном отношении густую путевую сеть с арбяным, верблюжьим, лошадным и ослиным транспортом, играющим подсобную роль к Аму-Дарье и железным дорогам; по этой сетке транспортируются; хлеб скот, ткани и другие массовые товары, как местного производства, так и импортируемые; в районе сильно развита базарная торговля, особенно по Зеравшану, базары крупные и многие из них имеют значение далеко выходящие за пределы района; 9—огромное значение в районе имеет Ташкентская ж. д. с узловыми пунктами в Арыси и Урсатьевской и главным городам Ср. Азии — Ташкентом, гужевой транспорт и караванные пути, густота которых увеличивается к югу, являются подсобными к жел. дороге; немногие караванные и скотоперегонные пути связывают район непосредственно с Ферганой; транспортируются главным образом: хлеб, скот, хлопок, мануфактура, металлические и др. промышленные изделия: как главный торговый центр района безусловно выделяется г. Ташкент, который является крупнейшим торговым центром всей Ср. Азии; 10—самостоятельное значение имеет Ферганская жел. дорога с ее ответвлениями и с окружающей ее густой сетью гужевых транспортных путей подсобного значения; перевозится хлопок, ткани, нефть, хлеб и другие товары, как местного производства, так и импортируемые: густая сеть базарной торговли и всевозможных торговых фирм характеризуют этот район в торговом отношении.

Таковы в общих чертах транспортные и торговые районы Ср. Азии до Октябрьской революции и в первые годы Советской власти. С проведением ж. д. до Сталинабада и дальше, с постройкой Турксиба, с развитием кооперативной и государственной сети торговли и с индустриализацией страны изменились характер и размеры отдельных транспортных и торговых районов. Об этом см. во 2-м выпуске нашей работы.

Усовершенствованный транспорт (ж. д. и пароходы) продолжает существовать в Средней Азии наряду с караванным, вьючным и колесным сообщением, наряду с каюками и даже с транспортированием грузов людьми в горах Таджикистана. Но все же влияние железной дороги сказывается на более значительной территории, так как многие из старых способов транспортирования превращаются в дополнения к железно-дорожному транспорту, служат как бы под'ездными путями (см. карту транспортных районов Ср. Азии на стр. 238).

Железные дороги резко изменяют направление грузовых потоков из Средней Азии и в Среднюю Азию. Грузы идут теперь, главным образом, в Центральную Россию и из России, и устанавливается теснейшая производственная связь между Средней Азией и последней (в особенности с центральными губерниями). Средняя Азия включается в систему народного хозяйства России и связывается уже с мировым рынком, главным образом, через российский рынок.

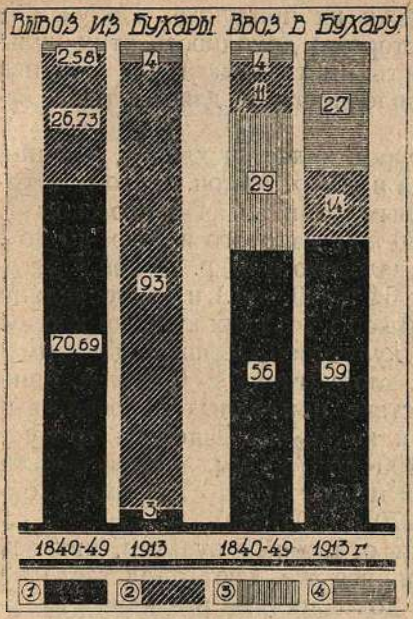
Географическое разделение труда между ними развивается быстрым темпом. На основе этого разделения труда происходит изменение в специализации Средней Азии в целом и отдельных ее районов. Географическое разделение труда и специализация районов получают новый толчок в связи с развитием рыночных отношений в Средней Азии, которое, в свою очередь, является тесно связанным с развитием железно-дорожного транспорта.

Еще в середине XIX века Бухарское ханство вывозило в Россию 70,69% изделий (хлопчато-бумажную пряжу, ткани, ковры и т. д.) и 26,73% — сырья (хлопок, кожа, шерсть и др.), ввозила же 56% изделий (сундуки, посуда, медн., железн. и стальн. изделия и др.) и 29% звонкой монеты. Совершенно иную картину мы видим в 1913 году — 93% всего вывоза из Бухары в Россию составляло сырье (каракуль, хлопок, шерсть, кишки и т. д.), а из общего ввоза из России 59% падало на долю изделий и 26% — продукты питания. Картина ясная: Бухара превратилась в рынок сбыта русских фабрикатов и рынок сырья для русской промышленности (см. диаграмму на стр. 241). Такую же картину мы наблюдаем и по всей Средней Азии. Уже в начале XX века от 88 до 95% внешнего товарооборота Средней Азии приходится на долю России, 53% всего вывоза Ср. Азии в 1911 г.[1]) в Россию приходится на долю хлопка, 4% — на долю других видов текстильного сырья (шерсти и шелка) и 36% — на долю

---

[1]) В данном случае Средняя Азия взята в границах бывш. Туркестана, с включением Бухары и Хивы. Если же взять Среднюю Азию в наших границах, то процент вывоза хлопка должен быть еще выше.

Изменения во внешней торговле Бухары с Россией за время с 1840—49 гг. по 1913 год (в процентах по группам товаров).

Условные обозначения: 1—фабрикаты, 2—сырье и полуфабрикаты, 3—звонкая монета и 4—продукты питания.

Диаграмма показывает превращение Бухарского ханства в сырьевую колонию России и в район сбыта русских фабрикатов. Характерно увеличение доли ввоза продуктов питания и исчезновения ввоза звонкой монеты.

каракуля, шкур и кожи. Во ввозе же 33% приходится на долю мануфактуры, 12%—хлебных грузов, 6% чая (зеленого и черного) и 5%—сахара [1]).

Русский капитал достиг своей цели — Средне-Азиатский рынок стал принадлежать почти исключительно России, и дальнейшее развитие хозяйства края теснейшим образом связывается с развитием всего народного хозяйства России, в особенности, с развитием текстильной промышленности в Центрально-Промышленной Области.

Внедрение капитализма в Среднюю Азию имело все те последствия, какие имеет это явление в земледельческих колониях поставщицах сырья (Индия, Египет, Ява и др.).

Товарно-денежные отношения включали все больший и больший круг хозяйства в сферу своего влияния. Это происходило двумя путями: экстенсивным — путем разрушения натуральных форм хозяйства и интенсивным — путем увеличения денежных элементов в уже вовлеченных хозяйствах. Разрушение натуральных форм хозяйства дехканина совер-

1) Аналогичный процесс мы видим в Индии и др. колониях. См. Нарайн—Народное х-во Индии. М. 1928 г., стр. 11—14.

шалось благодаря переходу на такие культуры, которые имели сбыт вне его хозяйства, разведение таких пород скота, которые давали доход от продажи их продуктов. Побуждала к этому дехканина, с одной стороны доходность этих культур и, с другой, необходимость иметь деньги для покупки продуктов фабричной промышленности и для платежа налогов.

Наиболее доходной культурой является хлопок, дающий до 300 рублей валового дохода и 103 р. 80 коп. чистого дохода с десятины (по довоенным данным Понятовского[1]). Затем идет люцерна (157 р. 80 коп. валового и 80 р. 50 коп. чистого дохода), рис (116 р. валового и 47 р. 70 коп. чистого дохода), кукуруза (71 р. и 34 р. 90 коп.) и на последнем месте пшеница (51 р. и 19 р. 90 коп.). Из этих культур хлопок является наиболее рыночной культурой, а пшеница наименее. Кроме того, разведение хлопчатника в Средней Азии на орошаемых землях, вследствие природных условий, выгоднее разведения пшеницы и кукурузы. Пшеница требует осадков около 625 мм. (от 500 до 750 мм. в зависимости от почвы), кукуруза около 550 мм (от 375 до 750 мм), хлопчатник же около 490 мм (от 270 до 725 мм).

Эти данные о доходности отдельных культур, являясь только примерными, средними, все же дают представление об общем соотношении между доходностями различных культур. В зависимости от условий орошения, почвенных условий и расположения земли по отношению к рынкам сбыта и по отношению к другим конкурирующим районам и в зависимости от развития сельско-хозяйственной техники, доходность внутри каждой культуры значительно колеблется, и поэтому меняется и соотношение между доходностями различных культур. Например, валовой доход хлопка с одной десятины по долине Зеравшана колеблется так: в восточной части, где изобилие воды, соседство хлопководческой Ферганской области делает более выгодными посевы риса и разведение виноградников и садов, и где под хлопок обрабатывают землю недостаточно хорошо и поэтому урожай с десятины составляет в среднем 50 пудов сырца, мы имеем валовой доход в 193 р. 75 к.; в средней части долины, где нет сильной конкуренции Ферганы, где урожай с десятины составляет 85 пудов, имеем уже валовой доход в 329 р. 55 к., а в западной части долины, где недостаток воды не дает возможности развития посевов риса, где, благодаря лучшей обработке почвы, урожай с десятины достигает 110 пуд.,

---

[1]) Понятовский — опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области. СПБ, 1913 г. стр. 231—232.

валовой доход составляет уже 348 р. 75 к. и здесь мы имеем главный хлопководческий район бывшего Бухарского ханства. По долине Зеравшана мы должны сравнивать доходность хлопка с доходностью риса, т. к. эти две культуры являются здесь конкурирующими культурами. Валовой доход риса в Зеравшанской долине равняется на востоке в среднем 335 рублей и имеет тенденцию убывать на запад [1]).

Как мы уже видели выше, Средняя Азия значительно увеличивает свои потребности во ввозной мануфактуре и других промышленных изделиях. Налоги начинают брать деньгами и все в большем и большем размере. В этом отношении очень характерны данные по Бухарскому ханству. Налоговой пресс там и раньше был тяжелым и имел тенденцию все более и более увеличиваться. Особенно сильно эта тенденция стала проявляться во второй половине XIX века. С этого момента, в особенности, с конца XIX века, натуральные формы хозяйства стали разрушаться быстрее. Бухара стала втягиваться в мировой товарооборот, торговый капитал стал завоевывать все большие и большие области, вся феодальная аристократия во главе с эмиром превратилась в торговцев, нужда в деньгах все увеличивалась и в связи со всем этим неизбежно увеличивалось и налоговое бремя [2]).

Ввиду слабого развития в Средней Азии промышленности и торговли, ввиду того, что главным занятием населения являлось сельское хозяйство, и налоговой пресс направлялся почти исключительно на обложение земли. Так, в 1914 году по трем коренным областям Туркестана (Фергана, Сыр-Дарья и Самарканд) из полученных от налогов 13,5 милл. рублей на долю поземельного налога, налога на недвижимое имущество и подати приходилось 7 миллионов рублей, т. е. около 52% всех налогов, тогда как по всей империи этот налог составлял только 6% от всех налогов. На одного жителя по Туркестану поземельный налог падал в размере 1 р. 35 к., а по всей империи только 45 копеек [3]). Налоги являлись в руках правящих кругов одним из важнейших орудий для разложения натурального хозяйства в новой колонии и втягиванию Ср. Азию в систему капиталистического географического разделения труда.

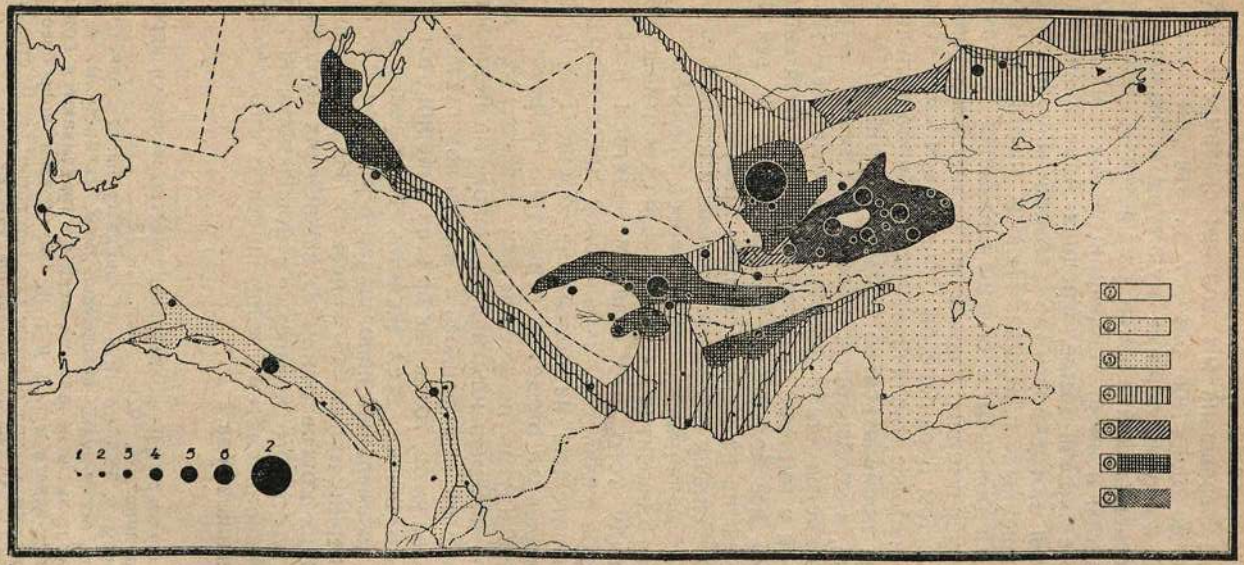
---

[1]) Предтеченский—„Сельское хозяйство и задачи ирригации в Зеравшанской долине". М. 1921 г., стр. 11—12.

[2]) Так за время с 1870 по 1890 г.г. вводятся налоги: зякет-чекана, кош-пулы, як-сира, ассия-пулы, абыджуваз-пулы, танап-пулы, в конце XIX века—муштак-пулы, в начале XX века устанавливаются более высокие ставки саваим-зякета и т. д. и т. п. См. об этом подробнее у Логофета „Бухарское ханство под русским протекторатом", т. II, стр. 32—73.

[3]) См. Галузо—Указанное сочинение, стр. 63.

Карта плотности населения и городов Средней Азии

Условные обозначения: штриховкой обозначено на карте разная плотность населения на 1 кв. км. (до войны) а именно: **1**—районы, где плотность населения менее 1 человека на 1 кв. км., **2**—районы с плотностью населения от 1 до 5 человек на 1 кв. км., **3**—от 6 до 10 человек, **4**—от 11 до 20 человек, **5**—от 21 до 30 человек, **6**—от 31 до 70 человек и **7**—свыше 70 человек; **черными кружками** показан размер населения в городах (по данным переписи 1926 года), причем города разбиты на группы: в пер-

вую группу (1) входят города с населением до 5.000 человек, во вторую (2)—города с населением от 5 до 10 тысяч человек, в третью (3)—от 10 до 25 тысяч человек, в четвертую (4)—от 25 до 50 тысяч человек, в пятую (5)—от 50 до 100 тысяч человек, в шестую (6)—от 100 до 120 тысяч человек и в седьмую (7)—свыше 300 тысяч человек.

Районом с наиболее плотным населением является Ферганская долина, но и там имеется около Коканда район, где плотность населения не достает и одного человека на кв. км., это солончаковая степь пустыня Ха-дервиш. Второе место по плотности занимают: Ташкентский район, долина Заравшана, Кашка-Дарьи, Гиссарская с Гармским районом и низовье Аму-Дарьи. Большая часть территории Туркменистана и значительная часть территории Узбекистана имеет плотность менее одного человека на кв. км. — это районы пустынь. На Востоке — в Таджикистане и Киргизии — районы гор имеют плотность от 1 до 5 человек. Большая часть территории Кара-Калпакстана имеет плотность населения менее 1 человека, только орошаемая полоса вдоль Аму-Дарьи населена густо (до 70 человек на 1 кв. км).

Самым большим городом в Средней Азии является Ташкент с 323,6 тыс. населением. Другие города значительно меньше по размерам. Второе место занимает Самарканд с населением в 105,2 тыс. Фергана выделяется как район с сильным развитием городского населения, здесь сосредоточены такие крупные города Средней Азии, как Коканд (69,3 тыс. жителей), Андижан (73,5 тыс.), Наманган (73,6 тыс.), и т. д. Городская жизнь главным образом развита на территории Узбекистана, в остальных республиках Средней Азии она развита еще слабо. По данным 1926 года процент городского населения по республикам был следующий : Узбекистан—23,4% (при чем процент городского населения в районах не входивших в состав Бухары и Хивы равнялся 30,5%, а в остальных—14,1%,) Туркменистан—13,8%, Киргизстан—12,2% и Таджикистан—10,3% (при чем в Ходжентском округе—32,3%, а в остальной части Р-ки, гл. обр. в быв. Восточной Бухаре - 4,8%), Кара-Калпакстан—5,7%. В Туркменистане наиболее крупным городом является Ашхабад с населением в 51,6 тыс. человек, в Киргизстане—Фрунзе (бывший Пишпек) 36,6 тыс. и Ош—30,6 тыс., в Таджикистане - Ходжент—37,5 тыс. и в Кара-Калпакстане—Чимбай - 5,4 тыс.

Ко всем этим факторам надо прибавить еще один. Районы поливного земледелия были уже в первой половине XIX века довольно густо заселенными. Происходил постепенный, но медленный переход к более трудоемким культурам. Так совершалось некоторое рассасывание избыточного населения этих районов. Уже тогда Ср. Азия начала испытывать аграрное перенаселение. Только железная дорога дала возможность поглотить отчасти значительное количество избыточного сельского населения, обеспечив возможность массового перехода к интенсивным трудоемким культурам, обеспечив сбыт продуктов хозяйства на рынке. Но при колониальном типе развития сельского хозяйства (см. стр. 80) Средняя Азия вступила в полосу аграрного кризиса и сильного аграрного перенаселения. Наиболее трудоемкой культурой является хлопок, который, по Юферову, требует в шесть, раз больше людских сил, чем зерновые хлеба. По данным Полозова. по Ташкентскому уезду десятина яровой пшеницы требует 33,3 рабочих дня, рис—59,1 дня, люцерна—71,2 и десятина хлопка—111,1 рабочих дня [1]). Большой трудоемкостью выделяется и садоводство. Плотность населения не сам по себе, а вместе с развитием товарооборота и ж.-д. транспорта, т. к. плотность населения сама является производным фактором и зависит от развития производительных сил,—способствует развитию хлопководства, промышленного садоводства и др. интенсивных, рыночных культур.

Особенно быстрое развитие получает хлопчатник, который начинает вытеснять пшеницу, джугару и некоторые др. зерновые культуры. Соотношение посевной площади зерновых культур и хлопчатника в Фергане за девять лет с 1907 по 1915 г. эизменилось в пользу хлопчатниика следующим образом: доля хлопка к общей площади посева зерновых и хлопчатника увеличилась с 24,4% до 48,7%, т. е. почти вдвое (см. диаграмму на стр. 247).

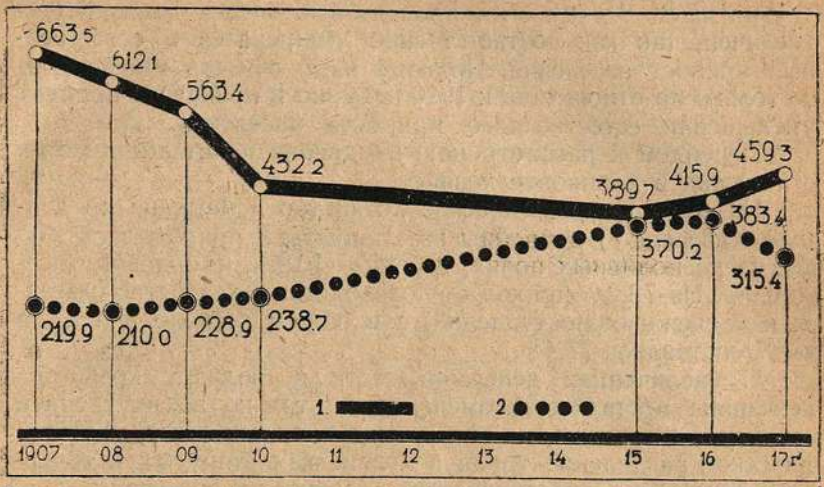
Если хлопководство в некоторых районах стало наиболее рентабельным производством в земледелии, то в скотоводстве таковым является каракулеводство (главным образом в Бухаре). Каракулеводство по своей товарности—это своего рода хлопководство внутри скотоводства. Вывоз каракулевых шкурок из Бухары с 150 тыс. шкурок в 1854 г. увеличился до 900 тысяч в 1900 г. и до 1800 тыс. в 1913.

Также быстро растет вывоз шелка (коконы и сырье). В 50-х годах шелк вывозился из Средней Азии в Россию в незначительном размере, в 70-х годах вывозился уже на 1,677 тыс. рублей, а в 1913 году—на 4,800 тыс. рублей.

---

[1]) Типы хозяйства Туркестана. Ташкент 1924 г., стр. 170.

Посевы всех зерновых и хлопчатника в Ферганской области с 1907 г. (в тыс. га).

Условные обозначения: 1—кривая посевов всех зерновых и 2—кривая посевов хлопчатника.

До 1915 года идет вытеснение хлопчатником посевов всех зерновых, в 1916 году идет параллельный рост посевов и хлопчатника и зерновых, с 1917 года посевы хлопчатника падают, тогда как посевы зерновых увеличиваются.

Подобное же явление происходило и с другими видами сырья (шерсть, кишки, кожа, солодковый корень и т. д.). Но главная роль Средней Азии состояла в снабжении сырьем текстильной, в частности, хлопчато-бумажной промышленности центральных губерний России.

Поэтому на примере хлопководческих хозяйств легче рассмотреть внедрение денежных отношений в хозяйство дехканина.

Если в кочевых районах внедрение капитализма происходило в значительной мере внеэкономическими методами, путем прямого, открытого, голого колониального грабежа, то в оседлых хлопководческих районах это внедрение происходило, главным образом, методами экономическими. В кочевых районах надо было освободить земли от киргиз и казаков для переселенцев из России, а в хлопководческих районах надо было создать поставщиков хлопка для текстильной промышленности метрополии. Поэтому здесь мы имеем «мирное внедрение капитализма».

Решительные методы освобождения земли от туземцев оказали свое влияние. Туземцы не только были загнаны в

горы, но они фактически истреблялись. «За период с 1902 по 1913 годы киргизское население сократилось приблизительно на 8—9%» [1]). Этот процент фактически должен быть увеличен, так как соответственно уменьшался и естественный прирост населения. Поэтому надо считать уменьшение не только по отношению к 1910 году, но и прибавить процент уменьшения естественного прироста населения.

Перейдем к рассмотрению внедрения капиталистических отношений в хлопковое хозяйство.

На одно хлопководческое хозяйство в Фергане по данным Юферова [2]) до войны на хлопчатник приходилось 73% посева на поливных полях, на рис — 10,9%, на пшеницу всего 0,9%. На 72,2% приход от полеводства в хозяйстве слагался из денежных поступлений, а в общем расходе денежная часть составляла 77,4%.

С увеличением денежной части в бюджете хозяйства дехканина происходят изменения не только во внутренней структуре хозяйства, но также и во внешних связях. Географическое разделение труда в хозяйствах втянутых в товарные отношения, увеличивается, соответственно чему расширяются размеры хозяйственных связей и изменяется их форма. Если раньше разделение труда существовало главным образом между скотоводами и в незначительной мере, с одной стороны, между земледельческими хозяйствами различного направления (напр., хозяйствами зерновыми товарными и хозяйствами садоводственно-виноградческими в VII-XIII в. в. в Самаркандской области), а с другой, между ремесленными хозяйствами и земледельческими хозяйствами, и большая часть потребностей удовлетворялась продуктами своего хозяйства, то теперь в хлопковых и других районах с производством товарных продуктов картина резко изменилась. Географическое разделение труда захватило большие размеры и глубже внедрилось в каждое отдельное хозяйство. Так, в среднем хлопководческом хозяйстве Ферганской области за 1909 год [3]) только 33% дохода от своего хозяйства поступило натурой, а остальные 67% — деньги. В расходной же части уже 74% расходов на личные нужды производил деньгами и только 26% — натурой; расходы на хозяйственные потребности на 42% слагались из денежных, а на 58% из натуральных расходов. В общем же расходном бюджета дехканина денежные расходы составляли 64% и 36% —

---

[1]) „Очерки революционного движения Средней Азии". Рыскулов—„Восстание 1916 года". стр. 95.

[2]) Юферов—Хозяйство сартов Ферганской области. Ташкент, 1911 год.

[3]) По данным Юферова.

натуральные. 81,8% денежного дохода слагается от продажи хлопка, главная же часть денежных расходов падает на покупку пшеницы, лошади одежды, рисовой крупы, баранины, чая, сахара, соли, керосина и т. д. Часть из этих потребностей удовлетворяется продуктами местного производства, а значительная часть поступает из районов, находящихся за пределами Средней Азии, а хлопок почти на все 100% идет за пределы страны в центральные губернии России.

Мы видим, что хлопководческое хозяйство снабжает сырьем текстильные фабрики ЦПО России, т. е. выполняет в этом случае известную функцию в процессе общественного разделения труда. С другой стороны, и само это хозяйство получает необходимые продукты из других хозяйств, значительная часть которых разбросана по разным районам России: пшеница поступает с Поволжья, Урала и из некоторых районов богарного земледелия Средней Азии, рис поступает из рисовых хозяйств Средней Азии, баранина и лошади из скотоводческих районов края, одежда большею частью из центральных губерний России, керосин, главным образом, из Баку, чай—из Китая и Индии, сахар—из Украины и из центральных губерний и т. д. Следовательно, размеры географического разделения труда далеко вышли за пределы Средней Азии, и само хлопководческое хозяйство стало играть главную роль не в системе общественного разделения труда внутри края, а в системе общественного разделения труда всего народного хозяйства России.

Рассматривая другие не хлопководческие хозяйства, мы видим большое разнообразие в роли их участия в системе общественного разделения труда. Хозяйства, производящие технические культуры и другие виды сырья для промышленных предприятий (напр., шерсть, шелк, шкуры и т. д.) и хозяйства промышленного садоводства принимают значительное участие в этом разделении труда, а зерновые хозяйства (за исключением отчасти рисовых), хозяйства мясного скотоводства и др.—меньшее участие.

Внедрение капитализма в Ср. Азию, проведение железной дороги и изменение рыночных условий увеличили товаризацию отдельных отраслей хозяйства, дали толчек более быстрому развитию товарных культур и отраслей, способствовали возникновению новых отраслей и новых форм хозяйства и изменили географию хозяйства Средней Азии.

Рассмотрим эти процессы подробнее:

В Средней Азии засевали местный хлопок—гузу, которая

давала незначительные урожаи и волокна низкого качества [1]). Поэтому этот хлопок не мог конкурировать с американским. Перед русскими торгово-промышленными кругами встал вопрос об улучшении качества средне-азиатского хлопка. После некоторых неудачных опытов в начале 80-х годов прошлого столетия с насаждением наиболее ценных американских сортов, но зато и наиболее нежных (Sea Jsland—Gossypium barbadeuse), были достигнуты хорошие результаты с американским хлопком Upland (Gossypium hirsutum).

Эти удачные опыты и заманчивая перспектива легкой и большой наживы послужили толчком к быстрому росту плантаторства в 80-х годах прошлого столетия в Средней Азии. Кто только не выступал в роли плантаторов? Тут были и крупные торгово-промышленные фирмы, вроде Т-ва Большой Ярославской Мануфактуры, Т-во Мейекорт, Кудрин, Тарсин, Лахтин и др., тут были и более мелкие торговые фирмы, тут были и помещики, и чиновники и военные, вообще все любители легкой наживы. Плантаторство способствовало распространению американского хлопка. Правительственные органы также принимали меры к распространению американского хлопка за счет туземного.

Первоначально плантаторские хозяйства возникли около Ташкента, отсюда они стали распространяться в другие области, главным образом, в Фергану и отчасти Закаспию.

Период плантаторского хозяйства продолжался недолго; уже к началу 90-х годов прошлого столетия плантаторство пришло в упадок; только в Фергане продолжали существовать «Андреевский хутор» Большой Ярославской Мануфактуры (811,2 га земли в 1910 г.) и имение Березюка (770 га)

[1]) Вот более подробные сравнительные данные американского и туземного средне-азиатского хлопка:

	Американские		Туземный
	Скороспел.	Поздноспел.	хлопчатник.
1) Урожайность	127	95	77
2) Вегетационный период (число дней)	128	159	150
3) Сумма T° до созрения . . .	3200°	3650°	3520°
4) % первого сорта	71,2	39,0	39,0
5) Выход волокна в %% . . .	31,0—36,7	31,0—33,0	27,0—29,0
6) Длина волокна в *м/м* . . .	23,2—24,8	25,0—27,6	20.0—23,5
7) Толщ. волокна в *м/м* . . .	0,015—0,02	0,014—0,219	0,016—0,028
8) Доходность валовая	486 р.	275 р.	220 р.

и в Закаспийской области Мургабское государственное имение (ок. 114.000 га) [1]) и хозяйство по Теджену.

Объяснение причины такого быстрого падения плантаторства надо искать в своеобразных условиях развития торгового земледелия в колониях с сильными феодальными пережитками, а не в том, как думают многие исследователи хлопкового хозяйства, что развитию хлопководства благоприятствует парцеллярность хозяйства, что в хлопководстве мелкие хозяйства вообще выгоднее крупных [2]). Самая парцеллярность хозяйства в основных хлопководческих районах Средней Азии объясняется своеобразием развития капитализма в сельском хозяйстве края, являющегося колонией, население которой задавлено феодальными пережитками. Капитализм приспособил в своих интересах феодальные методы эксплоатации. Капитализм пошел не по линии поднятия производительности труда, путем введения машин, улучшенных методов обработки, и тем получить большую прибыль, а по линии использования феодальных пережитков (чайрикерства), чтобы путем неимоверной эксплоатации бедноты получить большие прибыли. Этот путь в условиях колониальной эксплоатации и при ограждении высокой пошлиной туркестанского хлопка от конкуренции американского оказался наиболее легким и выгодным. Поэтому очень быстро крупные хозяйства или совершенно ликвидировались или перешли к докапиталистическим формам эксплоатации—к издольщине, стали обрабатывать свои земли трудом чайрикеров [3]). Так в «Александровском хуторе» наемными рабочими засевалось под хлопчатник 152,9 га, а 334,4 га—сдавалось чайрикерам. Березюк же все свои земли сдавал или в аренду за деньги или чайрикерам.

Капитализм в Средней Азии не уничтожил остатков феодализма, а использовал их, и это обстоятельство служило, наряду с эксплоатацией торгово-растовщического капитала, преградой на пути развития производительных сил края

---

[1]) Мургабское имение было образовано в 1887 году распоряжением Александра III, который повелел: „все впусте лежащие земли по течению реки Мургаба, на которые по сооружении плотины, известной под названием Султанбентской возможно будет распространить орошение—без ущерба однако же для прочих орошаемых уже водами этой реки частей Мервского оазиса—признать собственностью царствующего императора с наименованием „Мургабским государевым имением". Масальский—Туркестанский край, стр. 647.

[2]) Проф. Кожанов считает хлопок бедняцкой культурой. Критику этих „теорий" Кожанова и К⁰ см. Ан. Аныше в—„Пути социалистического переустройства хлопководческого х-ва. М., 1930 г., стр. 81—95.

[3]) Чайрикер—издольщих, происходит от слова чайры, т. е. четверть. О сущности чайрикерства см. подробнее ниже, стр. 302.

Поэтому капитал не шел на улучшение сельского хозяйства. Техника сельско-хозяйственного производства в крупных хозяйствах как европейских, так и туземных, байских, почти ничем не отличались от дехканских хозяйств: тот же омач, тот же кетмень, имеющие более чем 2.000 летнюю давность. При создавшихся условиях развития торгового земледелия, в данном случае хлопководства, обработка земли чайрикерским трудом давала в Андижанском уезде (Хокенская волость) 147 р. 39 к. чистого дохода, при расходе на обработку и уборку в 68 р. 61 к., а обработка земли поденным рабочим давала чистый доход всего 68 р. 40 к. при расходе в 147 р. 60 к.

На примере оставшихся крупных плантаторских хозяйств мы видим всю экономическую выгоду крупного хлопкового хозяйства над мелкими, парцеллярными дехканскими хозяйствами. Особенно эта выгода ясна в тех хозяйствах, где применялась усовершенствованная техника. Для подтверждения приведем описание Андреевского хутора: «Площадь земли Андреевского хутора в 1900 году составляла 737 дес. Эта земля скупалась большей частью тогда, когда цены на землю еще не поднялись до бешеных размеров, это очень важно, так как цена земли—это иррациональная категория—совершенно отвлекает капитал от организации сельско-хозяйственного предприятия. По оценке 1900 г. земля составляет, если вычесть стоимость завода, уже 60% всей стоимости имения, причем оценка земли принимается по 100 руб. десятина, т. е. выше покупной цены (куплена земля в среднем по 22 р. 50 к.). Эта своевременная дешевая покупка земли является одной из причин крепости хозяйства, хотя к стоимости земли нужно прибавить, что на улучшение ирригации было затрачено единовременно 10 тыс. руб., что составляет 15 руб. на десятину. Но именно факт дешевой покупки земли и давал возможность затрачивать капитал на мелиорацию и в основной капитал хозяйства вообще.

«Этого не имели возможности делать многие другие хозяйства, покупавшие землю по более дорогой цене.

«Хлопководство на Андреевском хуторе велось на основе наемного труда (до 400 рабочих) с машинной обработкой без применения сеялки) и давало—по калькуляции, включающей в расходную часть и ренту (6 р. на десятину) и налог—31 р. 66 к. чистой прибыли на десятину. Чтобы оценить величину этой чистой прибыли отметим, что прибыль только с хлопка (400 десятин) давала 11% на весь основной капитал, считая в том числе и цену земли и 31,7% на основной капитал без учета земли.

«Если дополнить еще, что 31 р. 66 к. прибыли с десятины хлопка получилось при сумме затрат на десятину, равной

94 р. 54 к., то станет ясно, что разговоры о нерентабельности крупного хлопководческого хозяйства являются просто реакционной выдумкой.

«Отметим еще, что это доходность хлопководства на Андреевском хуторе получилась при невысокой урожайности—56 пудов с десятины, при невысокой цене на хлопок—2 р. 20 к. пуд сырца путем, конечно, невероятной эксплоатации наемного труда» [1]).

Но то, что большинство плантаторских хозяйств погибло, не значит, что не образовались крупные хлопководческие хозяйства в Ср. Азии. Нет, они возникли, но возникали, главным образом, на основе использования докапиталистических методов эксплоатации, приспособления их к новым социальным отношениям, к капиталистическим. Ан. Анишев в своей работе «Пути социалистического переустройства хлопководческого хозяйства» приводит несколько описаний крупных капиталистических хозяйств (стр. 26—28). Мы здесь приведем только два примера, один из европейского плантаторского хозяйства (имение Березюка) и другой из туземного крупного капиталистического хозяйства (хозяйства Мирза Абраим-оглы в Наманганском уезде).

«Имение Березюка. Площадь—700 дес. земли, из которых под посевом 150 дес., под хлопком 80 дес., 2 дес. сдает за 270 р. Имеет 10 лошадей и 20 быков; хлопок обрабатывается чайрикерским трудом ($^2/_5$ урожая—чайрикеру, при средствах производства хозяина), который хозяин считает «единственно возможным способом обработки». Пытался применять паровой плуг канатной системы. Устроил новый канал, который обрушился. Способ обработки хлопка—разбросной посев... Строит хлопкоочистительный завод с моторным двигателем. «Любопытно отметить..., что сам г. Березюк и лица, так или иначе участвующие в этом хозяйстве, ожидают от него при современной организации многих миллионов [2]). Это—пример плантаторного хозяйства, основного на чайрикерском труде.

Вот пример крупного туземного хозяйства.

Мирза Абраим—оглы «имеет 160 десятин земли, к которым приарендовывает 61 дес. на началах издольной аренды. Эти 61 дес. засеваются преимущественно хлопком и обрабатываются с помощью 10 годовых и 20 месячных рабочих. В 1911 г. он затратил на удобрение арендованного участка 2.300 рублей. На ведение хозяйства до сбора он истра-

---

[1]) Ан. Анишев.—Пути социалистического переустройства хлопководческого хозяйства. Опыт района Ассаке Уз. ССР. М. 1930 г., стр. 25.

[1]) Ан. Анишев. Указ. соч., стр. 26.

тил 3 тысячи рублей и на сбор около 500 руб. Хозяйство не применяло европейского инвентаря.» [1]).

С внедрением капитализма, с расширением товарности хозяйств в Ср. Азии и земля превращается в товар, становится об'ектом купли и продажи. Хотя продажа земли существовала и раньше, но только с развитием капиталистических отношений она принимает исключительные размеры особенно в тех районах, где внедрение капиталистических отношений было особенно сильным (напр., в Фергане). Цены на землю растут теперь с неимоверной быстротой, особенно в городах. Так за какие-либо 10 лет (1870—1880 гг.) цена на землю в Ташкенте выросла в 4 раза (с 250—300 рублей за десятину до 1 000—1 200 руб.) [2]). Цены на землю растут и в кишлаке. Так в Махалинской волости Самаркандского округа цена на поливную полевую землю за 20 лет (с 1889—1909 гг.) увеличилась на 58,4%, а цена на поливную садовую землю на 278% [3]). Рост цен на землю продолжается на всем протяжении внедрения капитализма. Растет продажа земли. За какие-либо 4 года (1889—1893 г.) в Самаркандском уезде продажа поливной посевной земли увеличивается на 41%, продажа поливной садовой—на 136%, а богарной—на 343%. Ту же картину видим и по другим районам, с той только разницей, что в одних районах процесс превращения земли в товар идет медленнее (напр., Восточная Бухара, Хорезм, Горная Киргизия и т. д.), а в других быстрее (напр., Ферганская область, Самаркандская, Сыр-Дарьинская и др.). По данным 45 бюджетов в Ферганской области, оказалось, что за период 1910—1915 гг. у этих хозяйств больше купленой земли, чем унаследованной.

В продаже земли наибольший процент хозяйств участвует в группе мелких хозяйств и наименьший в высших группах. Тогда как в покупке земли мы видим обратную картину. Очень интересны в этом отношении данные ревизии сенатора Палена. С 1887 по 1907 г. г. по 6,8 тысячам обследованных ревизией хозяйств Туркестана в группе от 0,0 до 0,5 десятин продали землю 19,4% хозяйств, а купили 6,3%. При этом было продано 98,1 десятины и было куплено 13,1 десятины. Противоположную картину мы видим в группе хозяйств, владеющих землей свыше 10 десятин. Процент продававших хозяйств там равнялся всего 5,1%, а покупавших—22,2%, при-

[1]) Там же, стр. 27.

[2]) „Проект всеподданейшего отчета туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана, составленный действ. стат. сов. Хомутовым. СПБ, 1881 г., стр. 241.

[3]) Ревизия гр. С. С. Палена. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отд. I, СПБ 1911 г., стр. 140—145.

чем ими было продано 111,3 десятины и куплено 542,7 десят. Таким образом идет процесс концентрации земли в руках отдельных крупных байских хозяйств.

Как мы уже выше отметили, крупные плантаторские хозяйства европейского типа не стали развиваться в Ср. Азии (за исключением нескольких), но получили развитие крупные капиталистические хозяйства в земледелии на туземном, главным образом, капитале и отчасти на русском, которые приспособили докапиталистические методы эксплоатации для получения большей прибыли.

Если плантации имели целью обеспечение своим хлопком торгово-промышленных фирм, то с их крушением эти фирмы выступили на рынке как скупщики хлопка.

Вначале многие фирмы закупали самостоятельно хлопок для своих предприятий. Но такой метод оказался неудачным. Большие расходы на закупочный аппарат и незнакомство с местными условиями делали невыгодным самостоятельные закупки отдельных фирм, и поэтому очень скоро этим делом занялись специальные фирмы, которые уже перепродавали хлопок в Москве. Только Большая Ярославская Мануфактура и Лодзинское акционерное О-ва Познанских продолжали скупать хлопок в Средней Азии для своих фабрик. «Сохранение их в качестве фирм—скупщиц можно об'яснить тем, что они изготовляли миткаль и пряжу и запродавали последние аппретурщикам на 1 год вперед.

«Эти фирмы в период продажи своих изделий имели возможность крыться хлопком в Туркестане по определенным ценам, поэтому они могли учитывать свои прибыли. Покупка сырья требует затраты капитала вперед, а потом при продаже переработанных товаров, идущих почти всегда в кредит, требуется еще год, в общем, не менее 2-х лет для реализации капитала (М. Слуцкий).

«Если эта операция была под силу упомянутым фирмам, то она совсем не подошла для бумаготкацких, аппретурных и белильных, которые всегда считались с настроением рынка и закупали хлопок по мере надобности, прислушиваясь к рыночным колебаниям цен. Только этими условиями можно об'яснить причину ухода с туркестанского рынка фабрик центрального промышленного района» [1]).

Хлопок—культура высоко интенсивная, вегетационный период хлопчатника очень велик, культура хлопчатника требует единовременных крупных затрат в сезоны напряженных работ, и в силу этих критических периодов создается

---

[1]) Демидов, А. П.—„Экономический очерк хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана" М. 1922 г. стр. 120—121.

постоянная необходимость в широком распространении кредита. Этот момент был учтен скупщиками, и они стали широко практиковать кредитование дехканских хозяйств: выдавали ссуды,—задаток под будущий хлопок. Возможность такого легкого, на первый взгляд, способа получения денег в связи с развитием денежных форм хозяйства толкала дехкан на путь усиленного культивирования хлопка.

Районы посевов под хлопок расширялись, хлопок завоевывал все новые и новые территории. Изменился и состав сортов хлопка: американский хлопок вытесняет местный. Центр американского хлопка перемещается из Ташкентского района в Ферганский, чему способствовали более благоприятные климатические условия последнего района для разведения хлопчатника, чем понижались издержки производства и снижалась себестоимость пуда хлопка [1]). Уже в 1888 г. на долю Ферганы приходится 50,7% всех хлопковых посевов Туркестана (Средняя Азия без Хивы и Бухары). Доля Ферганского района с каждым годом повышается, тогда как доля Ташкентского района падает (см. диаграмму «Рост посевов хлопка в Ср. Азии по отдельным районам»). К началу XX века 80,6% посевов хлопка в Туркестане находятся в Фергане, а в Ташкентском районе всего 7,3% (в 1888 году на долю последнего приходилось 37,8%), меньше даже Самаркандского района, на долю которого приходится 9,8%.

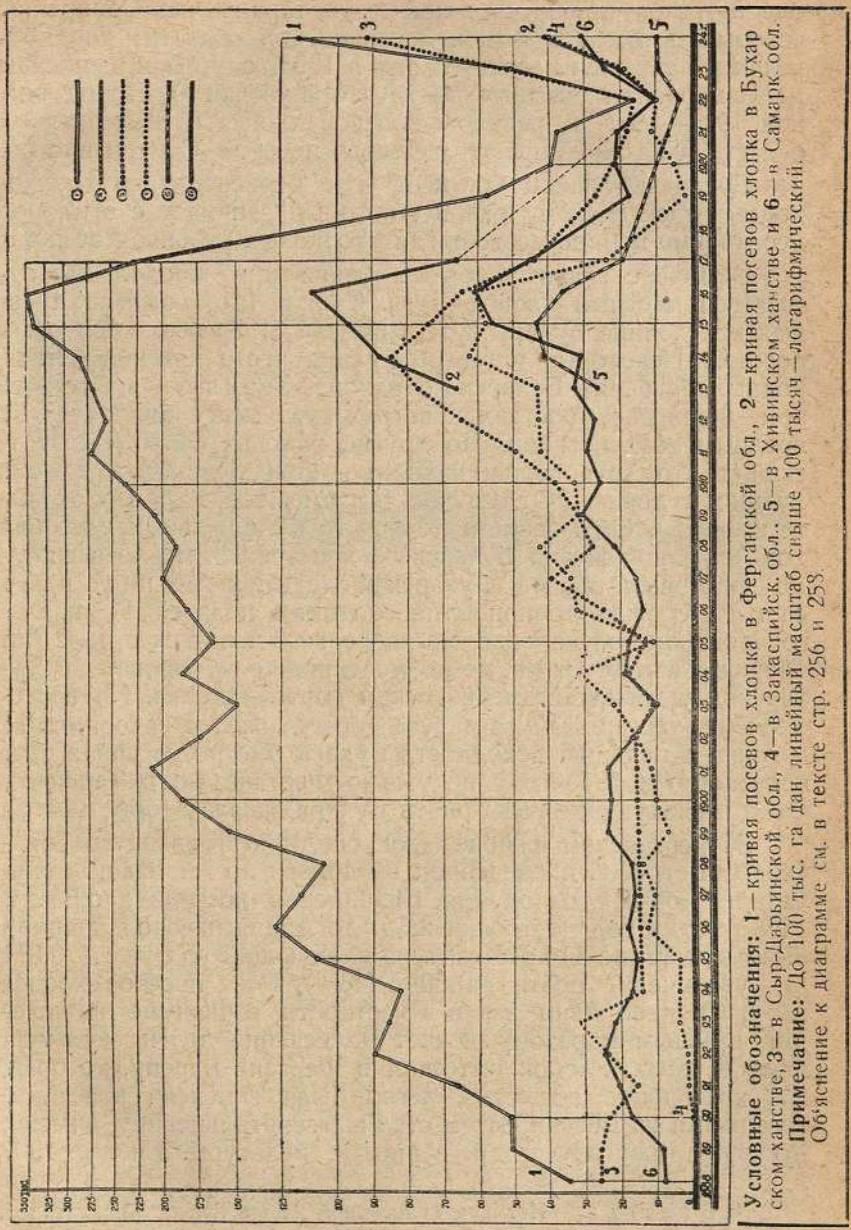
К 1890 году хлопководство проникает в хозяйства туземцев-туркмен Закаспийской области. Таким образом, почти

[1]) Последние весенние и первые осенние заморозки в Ташкентском и Ферганском районах.

Годы	Туркестанская опытн. станция		Андижан.	
	Весен.	Осенн.	Весен.	Осенн.
1904	—	—	13 III	17 X
1905	13 IV	23 X	2 IV	14 XI
1906	1 V	18 X	17 IV	29 X
1907	28 III	8 X	19 II	6 X
1908	22 III	10 X	14 III	8 X
1909	27 III	26 IX	7 III	24 X
1910	9 IV	29 IX	8 IV	15 X
1911	5 IV	2 X	6 IV	4 X
1912	5 IV	21 IX	—	—
1913	—	—	—	—
1914	—	—	25 III	15 X

Юферов—Справочная книжка по хлопководству в СССР. М. 1925 г., стр. 97.

Рост посевов хлопка в Ср. Азии по отдельным районам
(с 1888 по 1924 год).

Условные обозначения: 1—кривая посевов хлопка в Ферганской обл., 2—кривая посевов хлопка в Бухарском ханстве, 3—в Сыр-Дарьинской обл., 4—в Закаспийск. обл., 5—в Хивинском ханстве и 6—в Самарк. обл.
Примечание: До 100 тыс. га дан линейный масштаб свыше 100 тысяч—логарифмический.
Объяснение к диаграмме см. в тексте стр. 256 и 258.

через 500 лет вновь возрождается в этом районе хлопководство. В 1890 году для земляных работ по орошению в районе Мургаба пришлось выписывать таранчи из Семиречья, которые потом остались в Закаспийской области; для обучения же туркмен хлопководству в 1893 году были выписаны из Самарканда опытные инструктора-узбеки [1]). Перед войной 1914—18 г. г. размеры посевов хлопка в Закаспийской области уже превышают размеры посевов Самаркандской.

Бухарский район уступает свое первенство по хлопководству Ферганскому району, который занимает с этих пор неоспоримо первое место среди хлопковых районов России.

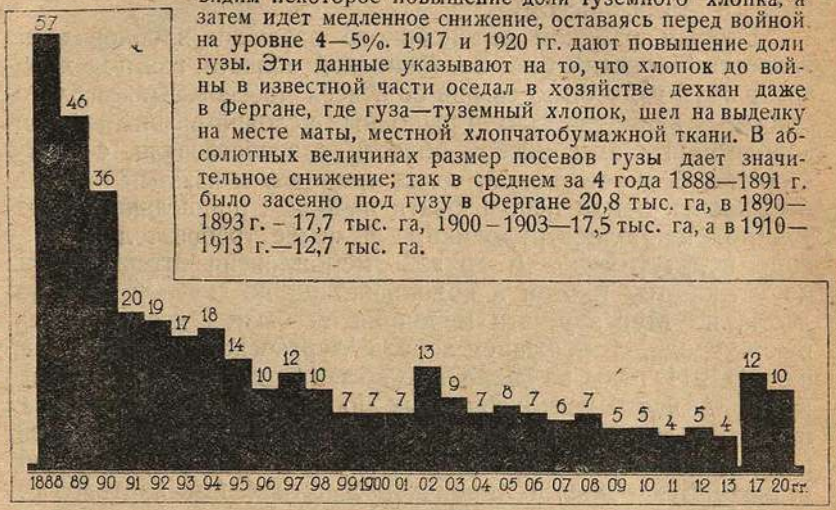
В Бухаре главным сортом хлопчатника продолжает оставаться местный хлопок—гуза. Так, в 1916 году в Заравшанской долине Бухары гуза занимала 51,4% всех хлопковых посевов. Некоторые ищут об'яснения этого явления в природных условиях Бухарского района. Указывают на то, что при ранних заморозках и ветрах гуза менее поддается их вредным воздействиям. Но другие районы, напр., Ташкентский, в этом отношении находятся не в лучших, а даже в худших условиях. Однако же там американский хлопок вытеснил гузу. Об'яснение надо искать в социальных условиях хозяйственной жизни Бухарского ханства, а именно в системе налоговых сборов. Бухарский дехканин не имел права снимать урожай до прибытия сборщика податей. Гуза, благодаря закрытой коробке, могла долго оставаться в поле без уборки. Поэтому гуза могла успешно конкурировать в бухарских условиях с американским сортом хлопка. Но благодаря низкой урожайности гузы, более низким качеством ее волокна и меньшей доходности Бухара быстро уступила свое первенство к 1913 году не только Фергане, но и Ташкенту (хотя в следующие годы опять Бухара заняла второе место).

В Ферганском районе хлопководство развивается особенно быстро. С проведением ж. дороги до Андижана получается новый толчок для расширения посевов хлопка. В 1898 году, в год постройки ж.-д. до Андижана, под хлопком было в Фергане 116.853 га, а на следующий год уже 170.811 га,—увеличение почти на 50% (46%). Рост посевов хлопка как в Средней Азии, так и в частности, в Фергане происходит, главным образом, за счет вытеснения других культур. Прежде всего хлопок вытеснил в Фергане марену, которая, как красильное вещество, легко была заменена красками, ввозимыми из России, затем стал вытеснять пшеницу, ячмень, кукурузу, джугару и др. зерновые культуры. Еще в 1907

[1]) Бартольд—История культурной жизни Туркестана, стр. 155.

Доля гузы (или джайджары) во всей хлопковой площади Ферганы (с 1888 г. по 1920 г.).

Диаграмма рисует картину резкого уменьшения доли туземного хлопка в общей хлопковой площади Ферганской области к началу XX века. В начале XX века мы видим некоторое повышение доли туземного хлопка, а затем идет медленное снижение, оставаясь перед войной на уровне 4—5%. 1917 и 1920 гг. дают повышение доли гузы. Эти данные указывают на то, что хлопок до войны в известной части оседал в хозяйстве дехкан даже в Фергане, где гуза—туземный хлопок, шел на выделку на месте маты, местной хлопчатобумажной ткани. В абсолютных величинах размер посевов гузы дает значительное снижение; так в среднем за 4 года 1888—1891 г. было засеяно под гузу в Фергане 20,8 тыс. га, в 1890—1893 г. – 17,7 тыс. га, 1900 – 1903—17,5 тыс. га, а в 1910—1913 г.—12,7 тыс. га.

году соотношение между посевами зерновых хлебов и хлопка в Фергане было как 3:1 (75,1% зерновых хлебов и 24,9% хлопка), а в 1925 году уже почти как 1 : 1 (51,3% зерновых хлебов и 48,7% хлопка). Одновременно внутри хлопковых посевов идеет процесс втытеснения гузы американским хлопком. В 1888 году на долю гузы приходилось 57% всех хлопковых посевов, а в 1890 году уже 36% и к началу XX века только 7% (1900 год). Таким образом, американский хлопок, можно сказать, окончательно вытеснил местный хлопок. Перед войной в 1913 г. на долю гузы приходится уже всего 4% хлопковых посевов. (См. диаграмму: «Доля гузы во всей хлопковой площади Ферганы»).

В Ферганской области хлопок становится главнейшей культурой в сельском хозяйстве и хлопок доминирует над века только 7% (1900 год). Таким образом, американский 81 волости Ферганы под хлопком было 50% и более площади всех посевов, а через 3 года, в 1913 году в 54 из 86 волостей. За исключением Ошского уезда Ферганской области, где природные условия на значительной площади уезда менее пригодны для хлопководства, в остальных уездах процент посевной площади под хлопком колеблется от 36,3% до 42,7%

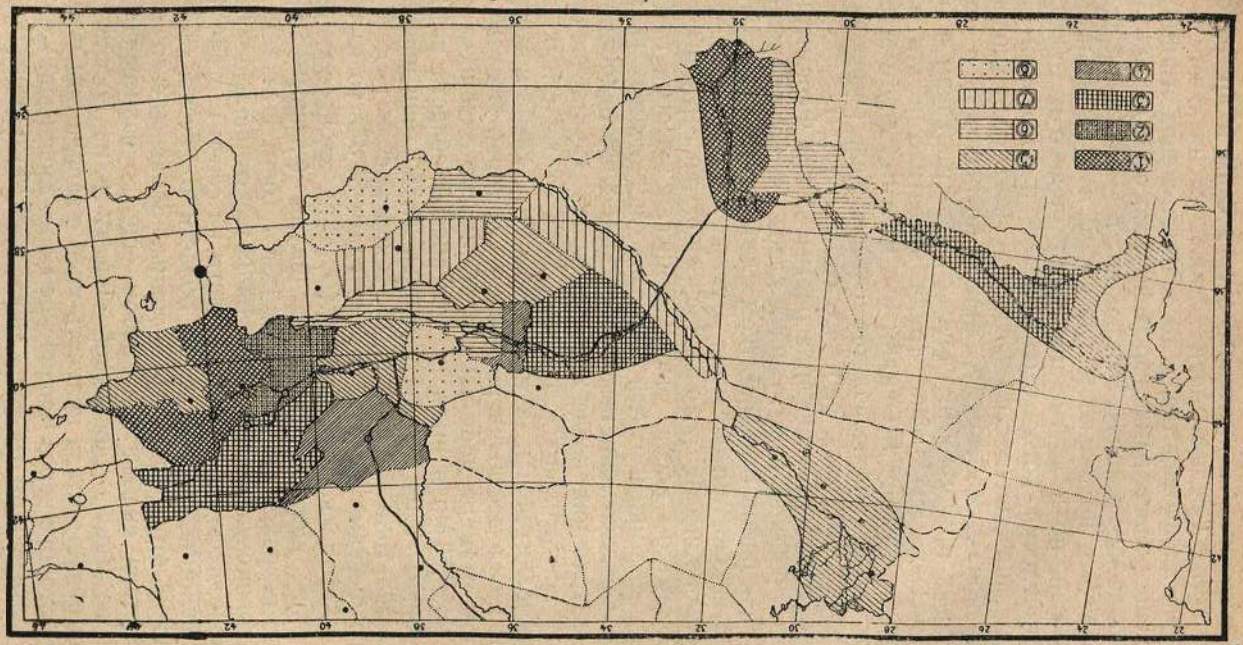
(в 1915 г.). Если же мы возьмем процент посева под хлопком к поливным посевам, что будет более правильным, т. к. хлопок засевался почти только на поливных землях, то мы получим еще более разительную картину, а именно, этот процент будет колебаться от 39% (в Наманганском уезде) до 56% (в Андижанском).

Вторым районом интенсивного развития хлопководства является Мервский уезд Закаспийской области, где под хлопком в 1915 году было свыше 50% всех посевов. Кроме благоприятных климатических и рыночных условий развитию хлопководства в Закаспийской области способствовали, с одной стороны, бедность водой, когда приходится каждый орошаемый клочек земли использовать наиболее прибыльным образом под наиболее трудоемкими и менее требовательными к воде культурами, а с другой—мероприятия правительства по устройству плотин и водохранилищ по главной реке области, по Мургабу; эти мероприятия были связаны, в первую очередь, с орошением земель Мургабского царского имения. В 1911 году на долю Мургабского имения приходилась почти $^1/_5$ часть всех хлопковых посевов в области (8,800 га из 45,980 га). Следующая картограмма показывает процент посевной площади под хлопком в отдельных уездах Туркестана и Бухарском и Хивинском ханствах. (см. картограмму посевов хлопчатника за 1915 п. на стр. 261). Здесь наиболее ярким пятном выделяется Ферганская долина, затем идет Мервский район, менее значительны уже пятна в Зеравшанской долине Бухары, в Самаркандской области (Катта-Курганский район и Ходжентский), в Сыр-Дарьинской области (Ташкентский район) и Хивинском оазисе.

Центры хлопководства, в сравнении с предыдущим периодом, переместились к востоку, из Бухары—в Фергану. Наряду с этим происходило и перемещение центров зернового хозяйства. Зерновое хозяйство стало развиваться в районах богарного земледелия, а также в Семиречье и части Сыр-Дарьинской области. Развитие товарных отношений с проведением железных дорог в Средней Азии дало возможность развития географического разделения труда между Россией и Средней Азией, а это разделение труда послужило основанием специализации Средней Азии на производстве технических культур и промышленного сырья. Односторонняя специализация какого либо района возможна только при существовании географического разделения труда. Но, возникшая на основе географического разделения труда, специализация какого-либо района в свою очередь усиливает дальнейшее развитие географического разделения труда. Установившееся разделение труда между текстильной промышлен-

Картограмма посевов хлопчатника за 1915 г.

(процент посева хлопчатника к площади всех поливных посевов по уездам Туркестана, по вилайетам Бухары и по Хиве).

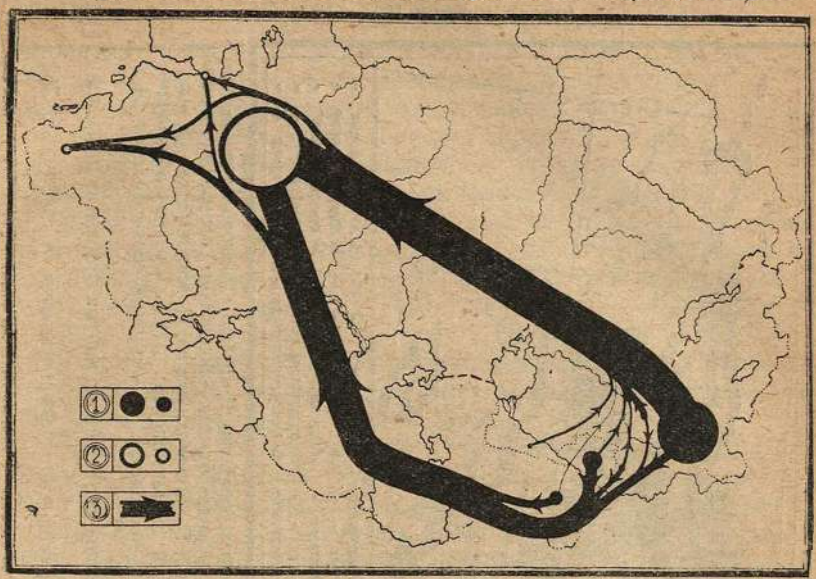
Условные обозначения: 1—районы, имеющие свыше 50% посевов хлопчатника к площади всех поливных посевов, 2—от 40 до 50%, 3—от 30 до 40%, 4—от 20 до 30%, 5—от 10 до 20% 6—от 5 до 10%, 7 от 1 до 5% и 8 менее 1%.

Об'яснение в тексте, стр. 259 и 260

ностью центральных и западных губерний России и Ферганским, Бухарским, Ташкентским, Мургабским и др. районами хлопководства Средней Азии усилило специализацию этих районов на хлопководстве, а последняя (специализация) расширила еще больше рамки географического разделения труда хлопководческих районов. Эти районы взамен хлопка должны были получать не только мануфактуру из текстильных районов России, но и другие предметы личного и хозяйственного потребления, которые они перестали производить у себя. С уменьшением посевов зерновых культур в хлопководческих районах особенно усилилась потребность в получении хлебных продуктов из других хозяйств. Таким образом, географическое разделение труда захватило и эти хозяйства. Ту же картину мы видим и с многими другими отраслями хозяйства (производство сахара, чая, сельско-хозяйственных орудий, мяса, рабочего скота и т. д.).

Если в период Мавераннагра мы видим Фергану и Бухару как районы избыточного хлеба, а Сыр-Дарьинскую область, как район с недостатком хлеба, то теперь эта картина резко изменяется. Фергана, Бухара, Мерв и др. главнейшие хлопководческие районы превращаются в районы с резким недостатком хлеба, Сыр-Дарьинская же область (в целом)—в избыточный район. Направление хлебных грузов в пределах Средней Азии изменяется. При существующих транспортных условиях, когда хлебный район—Семиречье остается еще в значительной степени в дали от железных дорог, только незначительная часть потребности в хлебе может быть удовлетворена местными ресурсами Ср. Азии. Поэтому хлеб в большом размере поступает из районов, находящихся за пределами края. Так, в пределы Ферганской области в 1908 г. было ввезено 72.463 тонны пшеницы, 26.355 тонн пшеничной муки, 11,508 тонн ячменя, 21,501 тонна риса и т. д. Взамен же этого Фергана вывезла в этом году: 88,827 тонн хлопка, 46.056 тонн хлопковых семян, 7.460 тонн хлопкового масла, 3.073 тонны шерсти, овчины и шкуры (главным образом из кочевых районов области), 1.375 тонн шелка и т. д. Сыр-Дарьинская область в 1908 г. отправила на юг в хлопководческие районы и отчасти на север в степи 46.661 тонну пшеницы, хлопка же из области в Россию было отправлено в этом году. 9.573 тонны. Зеравшанская долина Бухары стала снабжаться хлебом еще до завоевания края Россией из Кашка-Дарьинской области и из России. Закаспийская область стала получать хлеб с запада по Ср. Азиатской жел. дороге через Каспийское море. Хивинский же оазис, ввиду отдаленности от жел. дорог и слабого развития водного транспорта по Аральскому морю и по Аму-Дарье, был

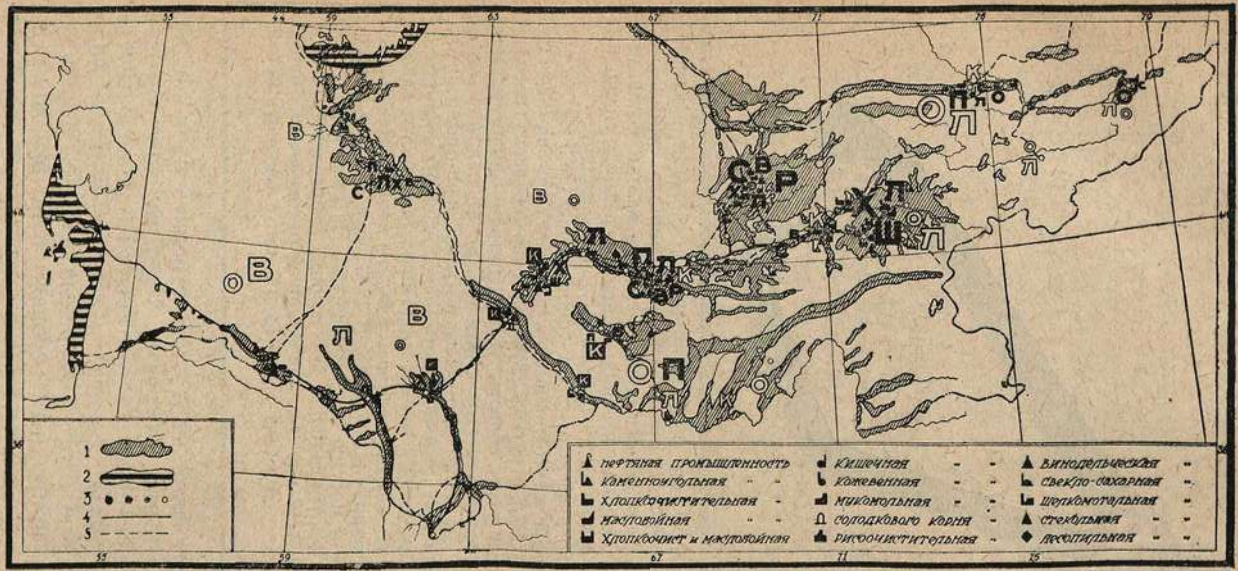
Карта—схема вывоза хлопка из Средней Азии (за 1919 г.).

Условные обозначения: черные кружки—районы отправления хлопка, **белые кружки**—районы назначения и **черные линии**—направления вывоза хлопка; размер кружков и толщина линий показывают величину отправки и назначения хлопка по районам и количество перевезенного хлопка по отдельным направлениям.

В 1909 году было вывезено из Ср. Азии свыше 176,6 тыс. тонн хлопка волокна. Первое место по вывозу занимала Фергана (62,8%), второе—Бухара (16,7%), третье—Закаспийская область (10,6%), четвертое—Сыр-Дарьинская область (5,6%), пятое—Самаркандская область (4,1%) и последнее, шестое—Хива (0,2%). Абсолютное большинство хлопка из Ср. Азии ввозилось в центрально-промышленные губернии России (главным образом Московская, Владимирская и Тверская губ.), а именно 83,3%. На долю промышленного запада (главным образом Польша) приходилось 8,8%, на долю Петербурга—7,3% и на другие районы—всего 0,6%. В 1909 году до 60% всего хлопка отправлялось в Россию через Оренбург. На следующий год мы видим обратную картину, около 55% хлопка отправляется через Красноводск, в 1911 и 12 г.г. больше хлопка отправляется через Красноводск же, а последующие годы (13, 14 и 15 г.г.) опять через Оренбург.

вынужден в значительной мере удовлетворять свои потребности в хлебе местными ресурсами. Поэтому здесь географическое разделение труда в этой области большею частью ограничивалось пределами оазиса, и тем затрудняло более резкую специализацию этого района на хлопке. Хивинский же район по своим природным условиям и по высокому качеству получаемого хлопка мог бы занять при более благо-

Схематическая экономическая карта Ср. Азии в начале XIX века (перед войной 1914—18 г.г.).

Условные обозначения: 1—районы земледелия и оседлого хозяйства 2—районы рыболовства, 3—города, 4—железные дороги, 5—главнейшие торговые пути; **черные буквы** обозначают соответствующие районы земледелия, а именно: **Х**—хлопок, **П**—пшеница, **Р**—рис, **В**—виноградарство, **С**—садоводство, **Л**—люцерна, **О**—опийный мак; **черная буква Ш**—обозначает район шелководства; **белые буквы** обозначают соответствующие районы скотоводства, а именно: **О**—овцы, **В**—верблюды, **К**—крупный рогатый скот, **Л**—лошади, **К в черном квадрате**—каракулеводство.

Размеры букв показывают приблизительное количественное соотношение внутри отдельных отраслей хозяйства по районам.

Условные обозначения районов промышленности даны на карте. Об'яснение см. в тексте, стр. 262 и ниже.

приятном экономико-географическом положении значительное место в хлопковой продукции Ср. Азии. На примере Хивинского оазиса мы видим как с изменением транспортной техники и перемещением торговых путей изменяется положение района в системе общественного разделения труда (см. схематическую экономическую карту Ср. Азии в первое десятилетие XX века). Дальнейшее развитие хлопководческих районов Средней Азии стало зависеть от бесперебойного снабжения их в первую очередь хлебом. Перевозка таких громоздких и массовых товаров, как хлеб и хлопок, требовала дальнейшего развития железнодорожной сети в главном хлопковом районе, в Фергане. В 1912 г. Горчаково соединяется ж. дорогой со Скобелевым, а Коканд с Наманганом, и в 1914 г. Андижан с Джалял-Абадом. На развитие ж.-дорожной сети Ферганы влияло также развитие горной промышленности (см. об этом ниже).

Железные дороги оказали сильное влияние на развитие и других отраслей сельского хозяйства. Еще до арабов и в период Мавераннагра в Средней Азии были развиты виноградарство и садоводство. В первый период виноградарством занимались, главным образом, в Мервском и Ферганском районах. Садоводство же было развито тогда слабо. В период Мавераннагра виноградарство получает распространение, кроме указаных районов, еще в Хорезмском, Самаркандском и Ташкентском, а сады занимают значительные площади в Бухарском, Самаркандском, Ходжентском, Ташкентском и Ферганском районах. До завоевания края русскими и проведения железных дорог не происходит больших изменений в форме и географии этих областей хозяйства. Сады и виноградники большею частью являлись в те времена подсобной отраслью в хозяйстве и удовлетворяли, главным образом, нужды самого хозяйства и местного рынка. После завоевания края еще до проведения железных дорог садоводческие хозяйства некоторых районов (напр. урюковые хозяйства в Ходжентском районе) стали принимать промышленное направление. Урюк вывозился на вьючном и отчасти на речном транспорте по Сыр-Дарье[1]). Но только после проведения жел. дорог получает наибольшее развитие промышленное садоводство и виноградарство: отдельные хозяйства начинают в некоторых районах специализироваться исключительно на них. Так возникают в Ташкентском районе после 1905 г. с проведением Ташкенсткой жел. дороги хозяйства промышленного садоводства, доход которых на 100% слагается из реализации

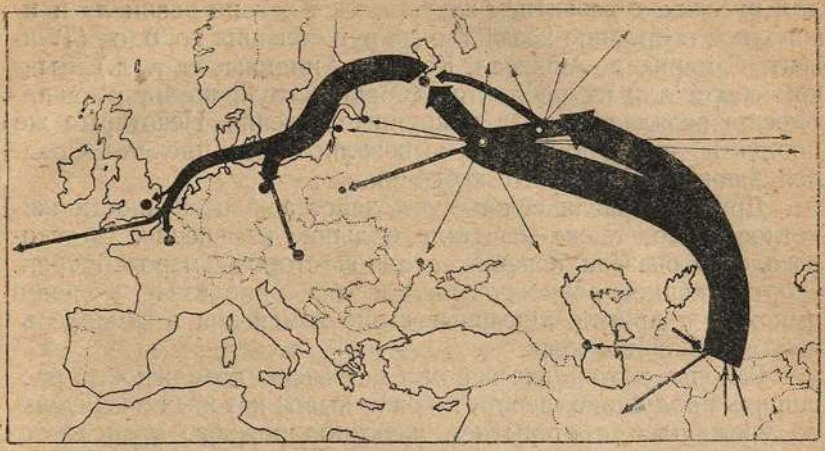
[1]) Садоводство и виноградарство Узбекистана. Вып. 1-й статья Блинова, стр. 179.

продуктов последнего. Эти сады являются крупными, с площадью от 10 до 100 гектаров и специализируются на двух каких-либо сортах (яблоки и груши). Были сады и более крупные, так сад Алексеевского товарищества на станции Кауфманской имел 164 гектара, а сад и питомник Трубачева станции Вревской — даже 218 гектаров. Сады эти являются садами капиталистического типа с наемными рабочими и сбытом на все 100% своей продукции на рынок. К этому типу примыкают полунатуральные и полупромышленные сады европейцев с площадью от 3 до 10 гектаров. Они также отличаются однообразием сортов. Иной тип представляют туземные сады, площадь которых обычно очень не велика (½—¼ гектара и редко достигает до 3-х гектар.) Сады эти отличаются большим разнообразием сортов и расчитаны главным образом на обслуживание местного рынка. Но и эти хозяйства с проведением железных дорог стали специализироваться на некоторых только сортах. Так образовались районы урюковых хозяйств в Самаркандской области (Ходжентский район) и в Ферганской (Канибадамо-Исфаринский район), районы гранатовых хозяйств в Кашка-Дарьинской области (Шахризябский район). Кроме этих районов, садоводство стало развиваться в Семиречьи (в Пишкекском и Каракольском районах), здесь сажали, главным образом, яблони.

Виноградарство также получило толчок в своем развитии, и также в этой области происходил одновременный процесс количественного роста и изменения в социальной структуре хозяйства. Наиболее крупными районами виноградарства выделились Самаркандский, Катта-Курганский, Прикаршинский, Ургутский, Шахризябский, Кермининский, Ура-Тюбинский, Пенджикентский, Мервский и Ашхабадский районы (см. схемат. карту географического размещения отраслей сельского хозяйства, карта на стр. 264).

Бахчеводство, которое играло некоторую роль во внешней торговле Средней Азии еще в IX—X вв., теперь во многих районах получает промышленный характер, а в некоторых районах, арбузы, особенно же дыни производятся не столько для внутреннего рынка, сколько для внешнего, для вывоза за пределы края. Особенно выделяются качествами своих дынь Бухарский район (наиболее нежные и лучшие летние дыни) и Чарджуйский, знаменитые дыни которого могут сохраняться до апреля следующего год. Возникают крупные бахчеводческие хозяйства капиталистического типа с наемными рабочими, особенно, в районе Чарджуя. Средне-Азиатские дыни сбываются, как и свежие и сушенные фрукты края, почти во всех крупных городах Европейской России, в некоторых городах Азиатской России (по линии

Направление вывоза каракулевых шкурок из Средней Азии (в 1911—13 гг.).

Условные обозначения: Черные сплошные стрелки показывают направление вывоза каракулевых шкурок, толщина стрелки обозначает размер вывоза, стрелки пунктиром показывают отправку каракулевых шкурок из Москвы и Нижнего-Новгорода без указания размера отправки.

Центром каракулевой торговли в Ср. Азии была Бухара: в Бухару привозили каракуль из Хивы (ок. 4% всего вывоза из Ср. Азии) и из Афганистана (тоже около 4%). Основная масса шкурок направлялась в Москву (около 50% всего вывоза) и в Нижний (около 41%). Значительно же меньше был вывоз в Персию (ок. 3%) и в Баку (около 2%). Из Москвы и Нижнего каракуль получал распространение по России и заграницу. Основным рынком была Москва, где крупные заграничные фирмы занимались через русских купцов и татар-маклеров скупкой каракуля. За границу каракуль вывозился главным образом через Петербург (ок. 30% всего вывоза из Ср. Азии), и незначительно через Ригу и Либаву (по 2,5% приблизительно). В Варшаву ввозился около 5%, значительная часть этого вывоза также шла за границу. В Германию направлялся около 20% всего вывоза Ср. Азии, в том числе около 5% шел в Австрию. Во Францию ввозился около 7%, в Англию около 3% и в САСШтаты около 5%.

Сибирской жел. дороги) и в городах по линии Ташкентской и Средне-Азиатской жел. дорог.

В 1908 году из Туркестана было вывезено 640 тонн дынь, главным образом, в Оренбург и Баку. Сады и бахчи разводились на землях с достаточным количеством влаги. В этом отношении районы Ферганский, Самаркандский, Ташкентский и Семиреченский были вполне подходящими. Побережье Аму-Дарьи особенно благоприятствовало развитию бахчеводства.

Изменилось и огородное хозяйство. Выше уже отмечалось, что картофель получил распространение в крае с приходом русских, с развитием же городской жизни возникло пригородное огородное хозяйство вокруг больших городов (Ташкент, Самарканд, Ашхабад, Коканд, Андижан и т. д.). Рынком сбыта для их продуктов (морковь, лук, помидоры, картофель) являлись города и крупные селения. Некоторые же продукты, напр. помидоры, вывозились и за пределы Средней Азии в центральные губернии.

Другие отрасли сельского хозяйства, в особенности животноводство, также испытали большие изменения. На скотоводство оказали влияние, с одной стороны паровой транспорт, давший возможность, как бы приблизить внешний рынок, и с другой описанные выше изменения в земледельческом хозяйстве края.

Районы скотоводческие имели теперь возможность расширить продукцию шерсти и кожи, вывоз которых значительно увеличился с открытием железнодорожного транспорта.

Специальная отрасль скотоводства—каракулеводство, получившая значительное развитие благодаря своей высокой транспортабельности еще до проведения железных дорог, теперь не только увеличила свою продукцию, но изменила географическое направление своих хозяйственных связей и социальную структуру. Каракулеводство получило наибольшее развитие в пределах бывш. Бухарского ханства, откуда оно распространилось в Закаспийскую область и Хивинский оазис. Центральным распределительным рынком каракуля до войны была Старая Бухара. Сюда стекались шкурки со всех районов Средней Азии. До 1855—60 годов каракуль вывозился главным образом в Персию. С 60-х годов прошлого столетия каракуль стал идти и в Россию. С проведением же железных дорог почти вся продукция каракулеводства стала поступать в Россию, в Москву и Нижний Новгород, а оттуда уже заграницу. В Старую Бухару ввозился также каракуль из Хивы (через Чарджуй) и Афганистана (через Керки и Келиф), который отправлялся опять же в Россию (см. схематическую карту грузовых потоков каракуля на стр. 267).

Среди каракулеводов быстро шел процесс дифференциации. Некоторые каракулеводы сосредоточили в своих руках стада в десятки тысяч голов каракулевых овец, многие же имели только по десятку голов или и того меньше. Мелкие каракулеводы не могли вести рационально свое хозяйство, кочевать с незначительными стадами и поэтому или нанимались в пастухи к крупным каракулеводом или сдавали своих овец в их стада за особую плату. Крупные каракулеводы

скоро превратились в настоящих капиталистов-промышленников. Они вели свое хозяйство с наемными рабочими, число которых у некоторых достигало иногда несколько десятков человек. Но во взаимоотношениях между каракулеводом и его рабочими оставались еще в значительной степени остатки крепостничества: рабочие (пастухи) получили заработную плату с приплода, это было всего рода чайрикерство—издольщина в скотоводстве.

Дехкане—каракулеводы эксплоатировались не только крупными каракулеводами, они были также в полной кабале у торгового капитала, у купцов ведущих торговлю каракулем. Дехкане шкурку или барашка сдают маклерам [1]), которые имеют в «Сарай бара» (каракулевый сарай) свои склады, амбарчики. Каждый маклер имеет определенный район, откуда он получает каракуль. Дехкане этого района сдают свой товар только ему; по приезде в Бухару (центр каракулевой торговли) они останавливаются у него на квартире и отдают ему свои каракули для продажи. Дехканин при продаже своего товара целиком зависит от маклера: маклер производит расценку его товара, устраивает самую продажу, и дехканин без маклера не может сделать ни одного шага. Шкурки каракуля или барашки продаются купцам, ведущим каракулевую торговлю. Маклера являются агентами этих купцов, они по правилам выбираются и сменяются купцами, хотя эта должность—должность каракулевого маклера—стала наследственной. Большинство маклеров—потомки арабов. Крупные купцы имеют своих агентов для закупки каракуля в отдаленных бекствах Бухарского ханства. Каракуль в значительном количестве экспортировался за границу. Крупные каракулевые торговцы были и крупными экспортерами каракуля [2]). Особенно большую торговлю вели братья Арабовы (до 300 тысяч шт. в год), братья А. и Л. Ходжаевы (300 тысяч и 100 тысяч штук), М. Мансуров и др. Наиболее же крупным торговцем из них являлся сам эмир бухарский. В некоторых бекствах эмир пользовался монопольным правом закупки каракуля и производил эту закупку по уменьшенным ценам. Так в 1910 году в Керкинском бекстве для эмира производилась покупка по цене 33—38 тенгов (тенга—15 коп.) за шкурку, тогда как в других бекствах (Чарджуйском, Бухарском) покупка производилась экспортерами за 50—55 тенгов в среднем [3]). Эмир бухарский извлекал огромные выгоды

---

[1]) Каракулевые маклера называются „Далал пуст" — маклер шкурок и большинство из них в Бухаре арабы.

[2]) Организация каракулевой торговли записано мною в Бухаре зимой 19 3—24 года.

[3]) Карпов—„Вопросы каракулеводства", СПБ, 1912 г., стр. 36.

от этой торговли. Кроме покупки по пониженным ценам, он взимал за каракуль 4% с продажной цены, что давало доход в его казну до полмиллиона рублей.

Да и другие купцы сильно наживались на этой торговле. Некоторые из них превратились в настоящих миллионеров (Мухутдин Мансуров, А. Ходжаев и другие). Между ними и эмиром Бухарским на почве конкуренции происходила борьба, и эти миллионеры стали в оппозицию к эмиру, поддерживая джадидов и младобухарцев [1]).

Цены на каракулевые смушки сильно росли. В 1895 году средняя покупная цена смушек была 3 р. 91 к., в 1902 г.— 6 р. 63 к., в 1909 г.—8 р. 70 к. Таким образом за 15 лет цены возросли на 122,5%. Капиталистические отношения в каракулеводстве проникли быстро, и методы этого проникновения в значительной степени напоминают методы проникновения капитализма в хлопководческое хозяйство. Здесь так же как и в хлопководстве значительную роль играли банки. Не только Арабовы, Ходжаевы и др., но и эмир бухарский находился в зависимости от банков.

По Чуйской долине, в районе Пишпека и Токмака в начале 20-го столетия образовались крупные животноводческие, в частности, коневодческие хозяйства, капиталистического типа. Это или хозяйства русских (Лопаткин, Клименко и др.), или хозяйства туземцев (Гани-узбек, Туйматов, Вали—ходжа, Рафиков и др.). Хозяйства первых имеет более ярко выраженную капиталистическую форму, хозяйство же вторых носит в себе еще значительные пережитки феодальных отношений. Так хозяйство Лопаткина имела до войны около 200 лошадей донской породы, 300 голов породистого крупного рогатого сокта, до 2000 овец, нанимало до 200 рабочих, из коих до 60 человек были постоянными. Часть скота находилась на подножном корму, производители и матки ценных пород скота, лучшие лошади и часть крупного рогатого скота содержались в постоянных помещениях. Доходы и размеры хозяйства все время росли. Хозяйство Гани—узбека—имело до 500 лошадей местной породы и до 6 тыс. овец. Особых благоустроенных помещений для скота не было, скот почти все время находился на подножнем корму, некоторая часть скота сдавалась на содержание отдельным хозяйствам, для ухода за остальным скотом применялся наемный труд. Все эти хозяйства работали или на государство (поставка лошадей) или на частный рынок [2]).

[1]) Джадиды и младобухарцы — представители национально-демократического движения среди мелкобуржуазной части туземного населения.

[2]) Описание этих хозяйств записано мною в Киргизии летом 1925 г. со слов Лопаткина и др.

Выше уже говорилось о развитии шелководства в связи с проведением железных дорог в крае. Здесь же надо отметить, что часть коконов вывозилась и заграницу. Но опять же связь с иностранным рынком установилась теперь через российский рынок.

Специализация многих хозяйств на одних только культурах (напр., на хлопке, на рисе, на урюке и т. д.), и при этом на культурах высокотоварных, открывала широкий внутренний рынок для других отраслей сельского хозяйства, в частности, для скотоводства. Разделение труда между земледельческими и скотоводческими хозяйствами приняло большие размеры, чем раньше. Хлопководческие хозяйства в некоторых волостях Ферганской области почти сплошь засевали свои поля одним хлопком. Все свободные земли отводились под эту высокодоходную культуру. Для скотоводства не оставалось выгонов, поля не засевались люцерной. Поэтому скотоводство в этих хозяйствах очень быстро пришло в полный упадок. Не стало хватать и рабочего и продуктивного скота для удовлетворения нужд хозяйства, и рабочий скот и продукты скотоводства стали покупаться на рынке. Многими хозяйствами рабочий скот покупался только на сезон сельско-хозяйственных работ, с тем, чтобы не содержать скот зимой, когда приходится по дорогой цене покупать люцерну. Скот поставлялся в Фергану из скотоводческих районов восточной,северо-восточной части Средней Азии. Киргизы гнали скот из Нарынского, Пишпекского и Таласского районов через горы в Фергану. В 1908 году в эту область было пригнано 548,310 голов скота (526,000 баранов и коз) из коих свыше 450,000 голов из Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей (через перевалы Кугарт, Адолатун, Каракол, Яссы и др [1]). Менее значительная партия скота пригонялась из Восточной Бухары в Зеравшанскую долину.

Таким образом, мы здесь видим, как под влиянием развития в земледельческих хозяйствах товарных отношений, благодаря разделению труда, внедряются денежные отношения и в скотоводческие хозяйства. Размеры географического разделения труда все более и более увеличиваются, и устанавливаются взаимозависимость между различными хозяйствами, размещенными в различных местах края. Более втянулись в систему географического разделения труда хозяйства, находящиеся в пределах территорий, непосредственно примыкающих к линии усовершенствованного парового транспорта. Чем дальше от жел. дороги и парового водного транспорта, тем все более изолированно существуют отдельные

---

[1]) Масальский—Указанное сочинение, стр. 548.

хозяйства, тем более они носят натуральный характер. В этом отношении особенно выделяются области, расположенные на востоке (Семиречье) и на юго-востоке (Памир и Восточная Бухара) края. Эти районы оказались слабо вовлеченными в систему общественного разделения труда в Средней Азии и России. В Семиречьи в бюджете киргизского хозяйства натуральная часть составляет 60,2% прихода и 60,7% расхода, русское зерновое хозяйство также на 50% натурально (55,4% дохода и 46,3% расхода натурой). Только в хозяйствах таранчи и дунган свыше 50% дохода и расхода составляются деньгами (у таранчи 56,4% денежного дохода и 61,1% денежного расхода, а у дунган 57,5% прихода и 62,8% расхода). Относительно высокая рыночность хозяйств таранчи и дунган об'ясняется тем, что они засевают высокотоварные культуры, как рис, опийный мак. Выше уже указывалось, что культуру риса перенесли сюда из Китая дунгане, и рис из Семиречья уже в 80 и 90-х годах XIX века вывозился за пределы области. Опий отправлялся, главным образом, в Китай.

В пределах Восточной Бухары в горных долинах Каратегина, Дарваза, Рошана и в горах Памира мы встречаем хозяйства таджиков и киргиз, ведущих почти полностью натуральное хозяйство, но и здесь, в тех районах, жители которых шли на заработки в Ферганy, уже стали проникать денежные отношения (напр., в Каратегине среди некоторой части таджиков).

Слабо проникли товарные отношения и в хозяйства туркмен, кочующих в песках Кара-Кума и не занятых каракулеводством.

В Закаспийской области среди туркменских хозяйств под влиянием развития товарных отношений, перехода к оседлости и своеобразия природных условий, возникла особая система х-ва—пастбищно-земледельческая система, которая составляет наибольший процент хозяйств области. Слабая обеспеченность культурных оазисов водой не давала возможности обеспечить весь скот кормами, полученными от полеводства,—соломой, люцерной и пр. Только рабочий скот (волы, лошади) и коровы обеспечивались такими кормами а остальной скот (овцы, козы, ишаки и верблюды) оставался на подножном корму в пустыне. Семья же хозяина жила в оазисе и занималась земледелием. Эта система хозяйства, несмотря на внешнее сходство с полукочевыми хозяйствами киргиз и казаков, резко от них отличается тем, что она является не переходной формой от кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому земледельческому, когда одна отрасль хозяйства вытесняет другую, а является взаимным дополне-

нием этих отраслей для лучшего использования абсолютных угодий (пустынь) и орошаемых оазисов. Земледелие в этих хозяйствах носит различный характер, начиная от экстенсивно-зернового и кончая интенсивно-хлопководческим. Такое разнообразие зависит как от природных условий, когда из-за недостатка воды для хлопка в течение поливных периодов (летнее и осенее время) приходится засевать зерновые озимые культуры, которые пользуются главным образом зимними и ранними весенними осадками, так и от рыночных условий: зерновые культуры больший процент занимают вдали от города. В различных районах Туркмении под влиянием внедрения русского капитала и влияния Бухары и Хивы создались своеобразные социально-экономические отношения, на которых подробнее остановимся ниже, при рассмотрении отдельных районов Ср. Азии.

Таковы в общих чертах изменения в сельском хозяйстве Средней Азии под влиянием переселения в край русских и китайских граждан, под влиянием проведения железных дорог и внедрения русского капитала.

Промышленность Средней Азии до внедрения русского капитала, даже в период экономического расцвета края, в VII—XIII вв., носила характер домашней формы мелкой пропромышленности и ремесленного и кустарного производства. Очень незначительную роль играла мануфактура в X—XI вв., мелкая домашняя и ремесленная промышленность абсолютно доминировала. С XIII по XVIII век идет период застоя в хозяйственном развитии Средней Азии. Некоторое оживление промышленной деятельности с XVIII века до внедрения русского капитала не изменяет общей картины. С внедрением в Среднюю Азию капиталистического способа производства и превращением края в сырьевую базу для промышленности России и в рынок сбыта российских фабрикатов, идет двоякая тенденция в развитии промышленности края. С одной стороны, развитие товарных отношений в сельском хозяйстве и превращение многих хозяйств в хозяйства монокультурные уничтожают домашнюю форму мелкого производства и форсируют развитие ремесленно-кустарной промышленности, а с другой стороны, ввоз фабрикатов русской промышленности и конкуренция этих фабрикатов на местном рынке приводят к упадку ремесленно-кустарной промышленности. До 1916 года вторая тенденция преобладала над первой. Но это преобладание нельзя мыслить как полное вытеснение мелкой промышленности. При существующих в Средней Азии транспортных и рыночных условиях для мелкой промышленности оставалось огромное поле деятельности. Значительно меньшее влияние на мелкую промышленность края,

оказало развитие крупной фабрично-заводской промышленности в самой Средней Азии, так как крупная промышленность, за исключением некоторых только отраслей, сама встречала на пути своего развития большие препятствия социально-экономического характера, речь о которых будет ниже.

Вывоз хлопка крупными партиями из Средней Азии встречал вначале ограничение в ручной очистке хлопка от коробочек и примитивным туземным «чигрыхом»—от семян. Вывозить же хлопок в неочищенном виде было экономически совершенно невыгодно, т. к. вместе с волокном приходилось вывозить превосходящие по весу семена, к тому же семена нужны на месте. Хлопок—сырец является весотерящим сырьем. Поэтому, только разрешив проблему машинной очистки хлопка на месте, можно было расширить производство хлопка в Средней Азии.

Хлопкоочистительная промышленности, как и хлопководство из американских семян, началась впервые в Ташкентской области. Первые джины, американские машины для очистки хлопка волокна от семян, появились в Ташкенте в 1881 году в количестве 6 штук. «Через 6 лет в крае уже было 40 джин. В 1890 году он имел уже 40 хлопкоочистительных заводов с числом более 1770 джин»[1]).

Внимание торгово-промышленных кругов было обращено и на туземный хлопок—гузу. В 90-х. годах прошлого столетия Большая Ярославская Мануфактура командировала своего техника в Америку, который привез оттуда приспособленный им станок «гузоломку»[2]). После этого гузоломочные хлопкоочистительные заводы были открыты в Бухарском ханстве, в главном районе производства гузы. Хлопкоочистительные заводы строились ближе к сырью, т. е. в местах с значительным сбором хлопка. Поэтому очень быстро центр хлопкоочистительной промышленности переместился в Фергану в центр хлопководства Средней Азии. К 1911 году уже 70% всех хлопкоочистительных заводов в крае находилось в Ферганской области. Темп роста хлопкоочистительной промышленности был особенно значителен в Фергане: за 27 лет (с 1890 по 1911 г.) число заводов по краю возросло почти в 22 раза, а по Фергане почти в 30 раз (29 раз).

---

[1]) Демидов—Указанное сочинение, стр. 152. Данные Демидова расходятся с данными Заорской и Александер. Последние для 1890 года приводят (для заводов) цифру 27 и в 1911 г. по их данным в Фергане было 122 завода, по другим же данным 156—160 заводов. Такое расхождение Дмитриев об'ясняет неполнотой анкетных сведений Заорской и Александер.

[2]) Губаревич-Радобыльский—Экономический очерк Бухары и Туниса, СПБ, 1905 г., стр. 74.

Первоначально возникают более мелкие предприятия, пользующиеся, главным образом, водяными двигателями. Затем идет процесс укрупнения, концентрация производства и переход к использованию более совершенных видов двигателей (паровых и внутреннего сгорания). В 1898 г. 66% всех заводов в Ферганской области имели от 3 до 5 джин, в 1911 г. 73% имели уже от 4 до 6 джин и в 1913 г.—76—77%. Кроме того появились очень крупные предприятия с 10, 11 и 12 джинами. В 1892 году из 81 двигателя в хлопкоочистительной промышленности края 72 приходилось на водяные, т. е. свыше 88%, в 1913 году на долю водяных двигателей приходится уже 33,2% (82 из 247) и в 1917 г.—только 21,0% (67 из 318). До 1905 года быстро растет число паровых двигателей, а с этого года и число двигателей внутреннего сгорания. Таким образом, можно разделить рост двигателей на три периода: в первый период развития хлопкоочистительной промышленности преобладают водяные двигатели, затем сильно увеличивается значение паровых, и в последнее время наибольшее значение приобретают двигатели внутреннего сгорания (66,3% в 1917 году). Топливом для паровых двигателей служили хлопковые семена до их утилизации на маслобойных заводах. Рост маслобойных заводов отнял этот вид топлива у паровых двигателей и тем вызвал их сокращение. Быстрому росту двигателей внутреннего сгорания способствовала дешевизна нефти в крае, благодаря близости Бакинского района и нахождению некоторых запасов в Ферганской области.

При выборе места для хлопкоочистительного завода играли роль издержки транспортирования сырца до завода и хлопка-волокна до станции жел. дороги. Поэтому заводы возникали в хлопководческих районах или вблизи железных дорог (до 5,5 км) или на значительном расстоянии от них (свыше 11 км), но зато в местах значительного производства хлопка.. Более крупные заводы возникали около станций железных дорог, в крупных торгово-промышленных центрах (Андижан, Наманган, Коканд, Маргелан, Ассаке и т. д.) В 1913/14 г.г. из 197 заводов по 3-м областям края (Ферганской, Сыр-Дарьинской и Самаркандской) 100 находились в городах (50,7%), из них—крупные предприятия с производительностью свыше 3,3 тысячи тонны, на 71,7% были сосредоточены в городах, а предприятия с производительностью меменее 3,3 тыс. тонны только на 43% находились в городах. В географическом размещении хлопкоочистительных зводов мы замечаем двоякую тенденцию: с одной стороны, строятся заводы вблизи железных дорог, а с другой, в связи с быстрым расширением хлопковой территории и медленным ростом железнодорожного строительства, строятся менее крупные заво-

Схематическая карта-диаграмма географического размещения промышленных заведений Средней Азии

(без горной промышленности, по данным на 1914 г.).

Условные обозначения: Размерами кружков обозначено число промышленных заведений в отдельных пунктах, **белые кружки и белые сектора** (1) обозначают хлопкоочистительные заводы, **черные кружки и черные сектора** (2)—прочие промышленные заведения.

В Ферганском районе перед войной, кроме хлопкоочистительной промышленности (148 завед., с суммой годового производства в 5.745 т. р., при 5.826 рабочих), получили развитие следующие отрасли: коконосушильная (27 предпр , 3. 657 т. р., 2. 170 раб.), мукомольная (16 пр., 2. 005 т. р., 140 раб.), хлопкомаслобойная (13 пр., 11. 535 т. р., 1543 раб.), искусственных минеральных вод (14 пр., 406 т. р., 116 раб.), электрические станции (13 пр., 204 т. р., 80 раб.),гренажное производство (11 пр.,227 т. р., 1.117 раб.), кирпичное (9 пр. 463 т. р., 618 раб.), мыловаренное (9 пр., 616 т. р., 146 раб.), типографии (10 пр., 218 т. р., 150 раб.) и т. д. В Ташкентском районе почти вся промышленность была сконцентрирована в городе Ташкенте (87% всех предприятий района). Первое место по числу предприятий в г. Ташкенте занимала кожевенная промышленность (16 работавших предприятий, 355 т. р., 101 раб.), затем—типографии (11 пр., 300 т. р., 324 раб), конфектное и кондитерское производство (10 пр., 214 т. р., 105 раб.), хлопкоочистительное (9 пр., 2. 140 т. р., 407 раб.), кирпичное (8 пр.), искусственных минеральных вод (7), мельницы (2 пр. т. 989 т. р., 64 раб.) и т. д. По области же первое место занимала хлопкоочистительная промышленность (22 зав., с суммой год. пр. в 6.949 т. р., при 841 раб.), второе—мукомольная (21 пр., 1 217 т. р., 169 раб.) и третье—кожевенная (19 пр., 349 т. р., 113 раб.). В Самаркандском районе (б. Самаркандская область без Хаджентского уезда) до половины всех предприятий сосредоточено в гор. Самарканде (55 из 109). В районе первое место по количеству предприятий занимает виноделие (24 пр., 1. 041 т. р., 522 раб.), затем идут хлопкоочистительная промышленность (23 пр., 5. 795 т. р., 1. 002 раб.), кожевенная (14 пр., 406 т. р. 101 раб.), хлопкомаслобойная (5 пр., 677 т. р., 147 раб.), искусственных минеральных вод (5) и т. д. В бывш. Бухарском и Хивинском ханствах главным образом была развита хлопкоочистительная промышленность, остальные отрасли (кожевенная, кишечная, солодкового корня и др.) представлены единицами. В быв. Семиреченской области хлопкоочистительной промышленности нет. В районе Пишпекско-Каракольском главным образом развиты кожевенная промышленность (31 пр., 454 т. р., 165 раб.), шерстомоечная (12 пр., 1046 т. р., 927 раб.), пивоваренная (7 пр., 333 т. р., 163 раб.), мукомольная (6 пр., 414 т. р., 105 раб.), кишечноочистительная (4 пр., 43 т. р., 30 раб.), спиртоочистительная (5 пр., 645 т. р., 47 раб.), (винокуренная 2 пр., 852 т. р., 105 раб.) и т. д. В Ашхабадско-Мервском районе, кроме хлопкоочистительной промышленности, получили развитие маслобойная и мыловаренная промышленности, мукомольная, шерстомоечная и др. В Красноводске находятся судостроительные ремонтные мастерские, электростанция и. т. д.

ды вдали от железных дорог (свыше 11 км). Последнее явление вызвано тем, что более выгодно перевозить на далекие расстояния хлопок-волокно, чем хлопок-сырец. К началу 1914 года 58% всех заводов находилось вблизи железных дорог на расстоянии до 5,5 км, 17% хлопкоочистительных заводов находилось на расстоянии от 5,5 км до 11 км, 23%—от 11 км до 5 5 км и только 2%—свыше 5 5 км [1]). В дальнейшем увеличивается тенденция развития заводов ближе к железным дорогам, так к 1918 году в пределах до 3,3 км от жел. дорог было расположено 56% всех заводов, от 3,3 км до 6,6 км—15% от 6,6 км до 11 км—12% и свыше 11 км—17% [2]).

Как уже отмечалось выше, наибольшее количество заводов было сосредоточено в Ферганской области (около 66% из общего числа 270 хлопкоочистительных заводов в 1913/14 г. в Средней Азии), затем идут Самаркандская область (12%), Сыр-Дарьинская (10%), Закаспийская (6%), Бухарское ханство (3%), Хивинское ханство (2%) и Аму-Дарьинский отдел (1%). (См. схематическую карту географического размещения промышленных заведений в Средней Азии на стр. 276).

Все эти данные (размещение по районам и расстояние от железных дорог) указывают, что хлопкоочистительная промышленность в своем географическом размещении зависит от местонахождения сырья (хлопковых посевов), от места сбыта для хлопка (железнодорожная станция) и от рабочей силы (города).

Рост хлопкоочистительной промышленности находился в зависимости от роста хлопководства в Средней Азии. Высокие урожаи хлопка стимулировали рост хлопкоочистительных заводов. В свою очередь возникновение новых заводов стимулировало рост хлопковых посевов, особенно ярким примером последнего может служить развитие хлопководства в Бухаре, где, благодаря введению грузоломок, увеличилась товарность туземного хлопка и увеличились посевы последнего.

Хлопкоочистительная промышленность не представляет самостоятельной отрасли хозяйства. В условиях Северо-Американских Соединенных Штатов процесс очистки хлопка является заключительным процессом хлопководческих хозяйств. В условиях Средне-Азиатских очистка хлопка отделилась от сельского хозяйства и перешла в руки торгово-скупочных органов и текстильной промышленности, таким образом, хлопкоочистительная промышленность срослась с промышленностью и торговлей, а не с сельским хозяйством. Этим и опре-

---

[1]) Заорская и Александер—Промышленные заведения Туркестанского края, ПТГ, 1915 г.

[2]) Демидов—Указанное сочинение, стр. 168.

деляется весь процесс развития хлопкоочистительной промышленности в Средней Азии.

Торгово-скупочные фирмы, которые перед войной тесно срослись с финансовым капиталом банков, были заинтересованы в быстрейшей реализации собранного хлопка на московском рынке, чтобы уменьшить конкуренцию американского хлопка и быстрее завершить процесс обращения капитала. Поэтому каждая фирма старалась обеспечить себя достаточным количеством заводов, чтобы в кратчайший срок очистить скупленный хлопок. Число заводов быстро росло, заводы нагружались не полностью, работали в среднем в год менее 4 месяцев (11 дней по 3-м областям в 1913—14 году). Получилась« гиперпродукция заводов» (Демидов). Этим же об'ясняется неравномерная нагрузка железных дорог в отдельные месяцы. В среднем за 5 лет (с 1906 по 1910 г.) из Туркестана вывозилось 77,77% всего вывоза хлопка в течение шести месяцев (октябрь—март), в течение четырех первых месяцев из них (октябрь—январь)—55,99% всего вывоза хлопка. Все эти моменты создавали очень нездоровую атмосферу в хлопководстве, хлопкопромышленности и торговле.

2. Период империализма.

Как мы видели, торгово-ростовщический капитал в Средней Азии не играл в это время самостоятельной роли. Он подчинялся промышленному капиталу, торгово-ростовщический капитал является агентом промышленного капитала метрополии. В начале XXвека Россия вступила в стадию финансового капитализма. Это положение отразилось также на развитии капитализма в Средней Азии.

В Средней Азии мы имеем в это время быстрое развитие концентрации промышленности. Например, концентрация в области хлопкоочистительной промышленности в Средней Азии была выше, чем в Северо-Американских Соединенных Штатах. Так в 1911 году 81% предприятий имели в Средней Азии более 4 джинов, тогда как в Северо-Американских Соединенных Штатах только 24% предприятий имели более 3-х джинов .

В Средней Азии перед войной, в особенности перед революцией 1917 года, вырастают монополистические организации в промышленности, тесно связанные с хлопководством (маслобойная, хлопкочистительная)и в горной промышленности (каменоугольной и нефтяной), и идет усиленным темпом процесс слияния, сращивания банков с промышленностью.

Таким образом, мы видим процесс, хотя и несколько замедленный, втягивания Средней Азии в сферу финансового

капитала. Средняя Азия превращается в район вложения капитала метрополии. Но этот процесс до Октябрьской революции не успел развиться в полной мере. Средняя Азия все время испытывала недостаток притока капитала. Финансовый капитал, как и промышленный, не уничтожил докапиталистических форм эксплоатации, а приспособил их в своих интересах, и Средняя Азия до Октябрьской революции оставалась типичным районом колониального капитализма. Создавшиеся там кабальные отношения показывают, что крестьянин больше страдал от недостаточности развития капитализма.

Развитие хозяйства в Средней Азии мы должны рассматривать обязательно в связи с развитием капитализма в России, в связи с превращением промышленного капитализма в финансовый.

«Капитал текстильной промышленности Центральной России распространил сферу влияния и на хлопкоочистительную промышленность Туркестана.

«В 1916 году образовалось «Российское Хлопко-Промышленное Т-во», в состав которого вошли 23 видных текстильных фирмы. Об'единение ставило себе целью непосредственный контакт и связь с производителями хлопка. В Состав Т-ва вошли следующие фирмы: Балин, Асаф Баранов, Воскресенская мануфактура, один из Морозовых, Красильщикова, Эмиль Циндель и ряд других. «В 1916 г. и 1917 во многих хлопковых районах были куплены участки, на которых предполагалось построить ряд собственных хлопкоочистительных и маслобойных заводов» [1]).

Процесс внедрения промышленного капитала в хлопкоочистительную промышленность шел и путем сращения капитала торгово-скупочного с текстильной промышленностью (Т. Д. «Бр. Вадьяевы» приобрел в 1916 году половину паев Т-ва Иваново-Вознесенской М-ры, принадлежащей Фокину и Витову [2]). Здесь мы видим превращение торгового капитала в промышленный.

Наряду с концентрацией капитала в хлопковой промышленности происходила и централизация его. Перед войной у 9 хлопковых фирм (Т. д. «Бр. Вадьяевы», Большая Ярославская Мануфактура, Московское Торгово-Промышленное Т-во, т-во для торговли с Персией и Ср. Азией, Т. д. «Бр. Шлосберг», Т. д. «Бр. Крафт», Т. д «Потеляхов» и Т. д. «Симхаев») в трех областях Туркестана (Ферганская, Самаркандская и Сыр-Дарьинская) было сосредоточено 44% всех хлопковых

[1]) Демидов—Указанное сочинение, стр. 224—225.
[2]) Там же, стр. 226.

джинов. Так же происходил быстрый рост акционерных капиталов хлопковых форм. По данным Оглобина [1]) за 10 лет, с 1901 по 1910 год, у пяти крупнейших хлопковых фирм, располагавших хлопкоочистительными и маслобойными заводами, акционерный капитал вырос с 1 750 тыс. руб. до 5 450 тыс. руб. Особенно быстрый рост происходил с 1906 года. Если с 1901 г. по 1905 г. акционерный капитал увеличился несколько более полутора раз (на 57,1%), то с 1906 г. по 1910 год он увеличился почти в два раза (на 98,1%).

Такие же процессы происходили и в маслобойной промышленности, капитал которой был тесно, органически связан с капиталами хлопковых фирм, и эти процессы имели в данной отрасли промышленности еще более ярко выраженный характер.

Первые маслобойные заводы возникли в 1884 г. в Коканде и Ташкенте. Но они вскоре прекратили свое существование, т. к. местный рынок, ввиду слабой еще емкости и ввиду неподходящего для туземцев качества масла (по цвету и запаху [2]), не мог служить для сбыта продукции этих заводов, а вывоз в Россию при отсутствии железных дорог обходился очень дорого [3]). Так же неудачны были некоторые попытки создать маслобойное производство в Закаспийской области. К концу 90-х годов прошлого столетия, с возникновением маслобойного завода в Катта-Кургане (в 1897 году), кладется основа крупной маслобойной промышленности в крае.

Экономические условия для развития маслобойной промышленности в Средней Азии к этому времени изменились в благоприятную сторону: железнодорожный транспорт открыл рынок Европейской России для сбыта масла, а рост цен на животные жиры расширил внутренний средне-азиатский рынок. С 1898 г. Андижан и Ташкент соединяются с Средне-Азиатской жел. дорогой. Цены на баранье сало с 1885—1895 г.г. к 1897 г. повысилась на 70% (с 4 р. 11 к. до 6 р. 99 к.). Все же внутренний рынок был мал и поглощал приблизительно только 1/3 всего производства маслобойных заводов (в 1913 году было произведено 53,8 тыс. тонн масла и из них вывезено 64,5%). Туркестанское масло находило сбыт в крупнейших жировых и мыловаренных предприятий Европейской России (Афа, Жуков, Крестовников, Саломас и др.).

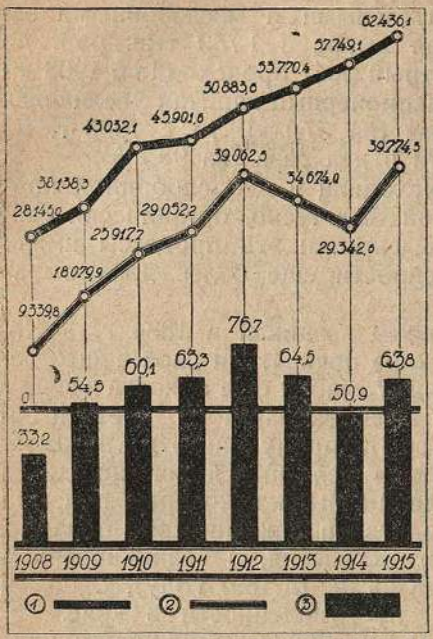
---

[1]) В. Н. Оглоблин—Промышленность и торговля Туркестана. Из путевых заметок. М. 1914 г.

[2]) Демидов—Указанное сочинение, стр. 205.

[3]) Перевозка 16,4 кгр масла из Коканда до Оренбурга обходилась от 1 р. 80 коп. до 2 р. 10 к., а из Ташкента до Оренбурга от 1 руб. 50 коп. до 1 р. 80 коп.

Рост продукции маслобойной промышленности и вывоз масла из Средней Азии (с 1908 по 1915 год).

Условные обозначения: 1— кривая производства масла в Ср. Азии по годам в тоннах, 2—кривая вывоза масла из Ср. Азии, **3—черные столбики** — процент вывоза к производству масла в Ср. Азии.

В течение 7 лет производство масла увеличилось более чем в два раза (221,1% в 1915 году по отношению к 1908 году), а еще больший рост мы видим по вывозу масла — более чем в 4 раза (425,7% в 1915 г. по отношению к 1908 году). Эти данные показывают, что маслобойная промышленность в большой своей части (от 50,9 до 76,7%, начиная с 1909 года) работает на внешний для Средней Азии рынок.

Некоторое снижение в росте вывоза масла мы видим в 1913, в 1914 гг.

Развитие маслобойной промышленности произвело большие изменения в хозяйственной жизни края. Туземное маслобойное производство стало встречать сильную конкуренцию в лице крупной местной промышленности.

Маслобойная промышленность изменила направление в утилизации хлопковых семян: вместо топлива в паровых котлах их стали использовывать как сырье для маслоделия, а жмыхи и шелуха семян шли обратно в сельское хозяйство, как удобрение и корм скоту. Шелуха является кроме того хорошим материалом для топлива и для искусственного шелка, для взрывчатых веществ и т. д.

В начальный период развития маслобойной промышленности жмыхи вывозились в Россию и заграницу, а шелуха раздавалась даром, как никому ненужный материал. Но очень быстро жмыхи и шелуха нашли применение на месте. При интенсивно монокультурном хлопковом хозяйстве необходимо было усиленно удобрять землю и найти дешевый корм для скота. Незадолго перед революцией жмыха и шелухи хлопковых семян нашли применение в сельсокм хозяйстве как кор-

мовой и удобрительный материал. Увеличение спроса на жмыхи в Средней Азии уменьшило вывоз их за пределы края и подняло цены на них. Цены на жмыхи с 1913 г. по 1916 г. повысились в 4 раза, с 20—30 коп. за 16 кг. до 80 коп—1 р. 10 коп.

Маслобойные заводы так же, как и хлопкоочистительные, возникали в главных хлопководческих районах. К 1918 году из 38 заводов с 156 прессами в Средней Азии на долю Ферганской области приходилось 17 заводов (44,7%) и 97 прессов (62,1%). Наиболее крупные заводы (на 12 прессах) находились в Ферганской области: в Коканде, Андижане и на станции Федченко.

В крупную маслобойную промышленность шел главным образом промышленный капитал метрополии. Но отчасти шел и местный капитал. На примере хлопковой и, в особенности, маслобойной промышленности мы также видим географический разрыв между районами выжимания прибавочной стоимости и районами присвоения последней. Такой разрыв связан с вывозом капитала из метрополии. Средняя Азия стала также районом вложения капитала метрополии и иностранного капитала. Однако, вывоз капитала в Среднюю Азию, не успел принять до революции значительных размеров.

Процесс развития капиталовложения в промышленность Ср. Азии был также ускорен непосредственной связью маслобойного производства с хлопкоочистительным, от которого первый получал сырье. Централизация капитала в маслобойной промышленности достиг еще больших результатов: в руках трех хлопковомаслобойных об'единений (7 хлопковых фирм) было 47% всех маслопрессов по трем областям Туркестана.

Теперь борьба между хлопковыми фирмами переносится из сферы хлопковой торговли в сферу маслобойной промышленности и торговли ее продукцией. Борьба велась, главным образом, между группой Андреевского Т-ва (Т. Д. «Бр. Вадьяевы») и группой Беш-Бош (Большая Ярославская М-ра, Московское Торгово-Промышленное Тво, Персидское Т-во, Т. Д. «Бр. Шлосберг», Вл. Алексеев, Пахта-Беш).

Перед революцией был образован маслобойный синдикат. «Образование этого синдиката знаменовало собою фактическое соглашение двух самых крупных групп, владевших 60 прессами, к которым перешло бы все маслобойное дело края, т. к. остальные заводчики заняли бы очень скромное положение»[1]). Таким образом, перед войной и революцией хлопкоочистительная и маслобойная промышленности края вступили в стадию монополистического развития.

---

[1]) Демидов—Указанное сочинение, стр. 224.

Маслобойная промышленность, хлопкоочистительная промышленность и скупка хлопка были связаны с банками, которые контролировали и направляли деятельность этих отраслей хозяйства. О роли банкового капитала в хозяйственной жизни Средней Азии будет сказано подробнее ниже.

Такова картина развития и географического размещения двух наиболее крупных отраслей фабрично-заводской промышленности края. На их долю в 1914 году приходилось 78,1% общей стоимости продукции всей фабрично-заводской промышленности Средней Азии. При этом значительная часть приходилась на долю хлопкоочистительного производства, а именно 72,3%, а на долю маслобойного всего 5,8%. К ним необходимо еще прибавить тесно с ним связанную мыловаренную промышленность, на долю которой в 1914 году приходится 0,3% от общей ценности всей фабрично-заводской продукции края.

Промышленный капитал нашел также приложение в горной промышленности, в мукомольной и в виноделии.

Русские промышленники возлагали большие надежды на богатство Средней Азии золотом, особенно в Восточной Бухаре. До 1915 года эти надежды не оправдались. Предприятие в Дарвазе братьев Жиравко-Покорских (с начала 90-х годов прошлого века)—единственно крупное предприятие, которое в 1909 г. добыло золота 16 фунтов 2 золотника 34 доли. Менее крупное предприятие находилось на реке Кетмень в Джаркентском уезде Семиреченской области (в 1908 г. добыто 1 фунт 85 золотников золота, что не окупило даже издержек[1]). Все разведки до 1915 года не находили в Средней Азии больших запасов золота, которые могли бы иметь промышленное значение. «Только в 1915 г. в Юго-Западном Памире были открыты 17 кварцевых жил, содержащих от 20 до 30 золотников золота на 100 пудов породы[2]), но данная местность на золото недостаточно разведана. Образовавшееся Памирское Акц. О-во, приступив в 1916 году к дальнейшим работам, должно было прекратить их, вследствие гражданской войны»[3]).

Выше уже отмечалось, что разработка нефтяных запасов Средней Азии русскими промышленниками началась еще в период Кокандского ханства (с 1868 года). Вследствие же дороговизны доставки и других неблагоприятных условий

---

[1]) Масальский—Туркестанский край, стр. 543.

[2]) Содержание золота в открываемых прежде россыпях не превышало нескольких долей на 100 пуд.

[3]) Князев—Промышленность в Средней Азии. Статья в сборнике „Вся Средняя Азия на 1926 г.“, стр. 196.

для разработок, эти предприятия вскоре были оставлены. Более удачным были позднейшие разработки Петрова и Германа близь Чимиона (в Ферганской области в 20 км к юго-востоку от ст. Ванновской Андижанской ветки Ср.-Азиатской ж. д.). Первоначально нефть здесь добывалась из колодцев. Только с проведением железной дороги расширяются разведки и само производство. В 1900 г. группа инженеров во главе с инженером путей сообщения Ковалевским приступила к серьезным разведкам в Чимионском районе и в 1904 году получили фонтанирующую нефть. Почти одновременно (в 1903 г.) фонтанирующая нефть была получена в урочище Майли-сай, Наманганского уезда. С этого времени усиливается интерес к ферганской нефти. Образовалось несколько промышленных предприятий, в том числе акционерное общество «Чимион», которое является в то время крупнейшим предприятием в Ферганском районе и располагает собственным нефтеперегонным заводом на станции Ванновской. Чимионские промыслы соединены со станцией нефтепроводом. Нефть шла почти исключительно для нужд железных дорог. В 1908 году на промыслах общества Чимион было добыто 45.058 тонн. нефти и на керосиновом заводе общества было получено керосина и бензина 7.724 тонны.

Почти одновременно с нефтяными разработками в Фергане были начаты разработки в Закаспийской области, на острове Челекен. В 70—80 годах прошлого столетия начал разработку инженер Палашковский. Челекенский нефть привлек также внимание иностранного капитала. Сюда направила свои капиталы известный нефтепромышленник Нобель, который зависел сперва от немецкого финансового капитала. Только в конце первого десятилетия XX века обратили более серьезное внимание на челекенские месторождения, когда некоторые скважины стали фонтанировать и выбрасывать огромное количество нефти [1]).

В 1910 году на Челекене из 16 работавших буровых скважин было добыто 130.051 тонна нефти. В других районах Закаспия (см. карту ископаемых богатств) нефть почти не добывается. Большая часть добытой нефти вывозилась в Баку на завод бр. Нобель, где из нее получались керосин, парафин и др. продукты. Остальное незначительное количество нефти туркмены вывозили в Персию и употребляли на местные нужды.

---

[1]) В 1909 году на промысле бакинского купца Иса-бека-Гаджинского, в урочище Карачуш, забил наболее грандиозный фонтан на высоту до 40 сажен и давал до 500.000 пудов чистой нефти в сутки (Масальский—Указанное сочинение, стр. 540).

В Фергане и на Челекене добывался также озокерит. В 1910 году в Кокандском и Наманганском уездах было добыто 532 тонны озокерита и 1442 тонны асфальта, а на острове Челекене—533 тонны озокерита.

Развитие нефтяной промышленности Ср. Азии происходило с большими колебаниями и носило застойныхй характер. Добыча Ферганской нефти с 1906 года дает сильное снижение и к 1914 году достигает только 47,4% от добычи 1906 года (70,5 тыс. тонн). Добыча нефти на острове Челекене до 1908 года почти не увеличивается, с этого года происходит значительный рост, который уже с 1912 года задерживается, а затем идет снижение добычи и в этом районе. Слабое развитие нефтяной промышленности в Ср. Азии об'ясняется не «истощением» и «недостатком» нефти, а теми социальными отношениями, которые возникли при эксплоатации нефтяных ресурсов Ср. Азии. Почти до самой империалистической войны происходила ожесточенная борьба между фирмой Нобеля и нефтяными обществами Ферганы—«Санто» и др., которые находились под влиянием конкурирующей с Нобелем фирмы Лианозова, которая в свою очередь, находилась под влиянием французского капитала через Русско-Азиатский Банк.

Нобель стремился вытеснить из Туркестанского рынка своих конкурентов, продавая нефтепродукты по низким ценам. «В борьбе за цены товарищество Нобеля, через посредство О-ва Чемион, построило нефтеперегонный завод в Ферганской области на ст. Ванновской, который был главным образом рассчитан на перегонку кавказской и челекенской сырой нефти, доставлявшейся в Фергану по железной дороге»[1]).

С 1909 года в нефтяную промышленность Ср. Азии начал проникать и английский капитал.

Перед войной в Ср. Азии господствует нефтяной англо-франко-русский трест «Russian general Oil Corporation», который по отношению к туркестанской нефти ведет ограничительную политику[2]). На Среднюю Азию смотрели как на рынок сбыта кавказской нефти, а не как на производящий район, что особенно ярко проявилось во время империалистической войны.

Этими причинами и об'ясняется слабое развитие нефтяной промышленности в Ср. Азии.

Тотчас после завоевания края русские капиталисты обратили внимание на разработку каменного угля. В 1868 году

[1]) Вл. Лаврентьев. Капитализм в Туркестане. М. 1930 г., стр. 68.
[2]) Вл. Лаврентьев. Указ. соч., стр. 71.

возникли копи в Сыр-Дарьинской и Самаркандской областях. Эти копи существовали недолго; отдаленность от рынков, скверные пути сообщения, а иногда истощение запасов на некоторых копях были тому причиной. Татариновские копи, расположенные в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области, в 88 км от Чимкента, по притоку реки Боролдая просуществовали с 1868 года по 1874 год. Всего за это время было добыто до 4.920 тонн каменного угля. Уголь отправлялся для паровых судов Аральской флотилии, и в г.г. Ташкент и Чимкент. Запасы угля быстро истощились. Первушинская копь, находившаяся в 88 км. к северо-востоку от Ташкента близь кишлака Ходжакент, просуществовала с 1868 по 1872 год (4 года), за это время было добыто до 6.900 тонн угля. Попытки вывести уголь в Чиназ для нужд Аральской флотилии, ввиду плохого качества угля не увенчались успехом. Каменноугольные копи Фовицкого, находившиеся в 44 км. к югу от Ходжента, разрабатывались с 1868 по 1871 г., было добыто за это время 2.000 тонн угля. Хотя природные условия этого района были более благоприятные, чем первых двух, но ввиду военных действий в то время с кокандцами эти копи должны были прекратить свое существование. Только с проведением железных дорог вновь возникли угольные копи: появился новый потребитель в лице железных дорог и облегчились транспортные условия для перевозки к местам потребления (флот, города и промышленность). Добыча каменного угля стала быстро возрастать. Рост добычи каменного угля в Ср. Азии как и нефти, происходил с большими колебаниями. В 1910 году в Ферганской области (главным образом в Скобелевском, Кокандском и Наманганском уездах) разрабатывать 13 копей и было добыто около 37.335 тонн каменного угля, в Самаркандской области—5 копей и добыто 17.572 тонны угля и в Сыр-Дарьинской области—2 копи и добыто 1.283 тонны угля.

Каменноугольная промышленность Ср. Азии по своей социальной структуре почти не отличалась от нефтяной промышленности. Здесь также было сильно сращивание промышленности с банками, образование акционерных обществ, монополистических об'единений и влияние иностранного капитала. В 1912 году Кызыл-Кийские каменоугольные копи в Фергане реорганизуются в акционерное общество «Кызыл-Кия», с основным капиталом в 1915 году в 3 млн. руб., организуется исключительно при помощи немецкого банкового капитала через Петербургский международный банк. Владельцы Сулюктинских копей (Ходжентский уезд), второго по величине каменноугольного предприятия Ср. Азии, вели переговоры об акционировании с одним из Петербургских банков германской же ориентации. Кызыл-Кийские и Сулюктинские копи со-

средоточивали в своих руках перед войной свыше 70% всей средне азиатской добычи каменного угля.

Слабая изученность природных богатств края, слабая разведывательная работа, отсутствие достаточного капитала у русских промышленников, конкуренция между отдельными капиталистическими об'единениями и колониальная политика русского империализма не давали возможности в полной мере использовать природные рессурсы Средней Азии. Часто разработки начинались в тех местах, где не было достаточных предпосылок для промышленной разработки (см. вышеуказанные каменноугольные копи), многие районы и виды ископаемых оставались совершенно без внимания, а в некоторых районах и отраслях происходит искусственная задержка добычи (см. нефтяную и др. отрасли промышленности) и т. д.

Так, разработка медных руд, месторождения которых известны во многих местностях Ср. Азии, ведется в небольших размерах и, как отмечает Масальский «и далеко не всегда удачно». В 1910 году в Ферганской области (на двух рудниках в Кокандском и на одном руднике в Скобелевском уезде) добыто 9.200 тонн руды, а на одном руднике Самаркандской области—222 тонны.

Месторождения медной руды Самаркандской области (Тюямуюнские рудники Ферганского общества для добычи редких металлов) содержат, кроме меди, ураний, ванадий и радий. В 1910 году было добыто 262 тонны такой руды большая часть которой была отправлена в Петербург на завод.

Большие запасы серы в Кара-Кумах в то время не были известны, и сера в небольшом количестве добывалась в Кокандском уезде Ферганской области на руднике Петровой. В 1910 году было добыто 17 тонн серной руды. Кроме того, туземцы кустарным способом добывали серу в Келифском и Ширабадском бекствах Бухары.

Значительно в больших размерах производилась добыча соли, запасами которой край богат. Но эти запасы, как в количественном, так и в качественном отношении, еще очень слабо изучены. Залежи самоосадочной соли исчисляют в миллиарды тонн. Наиболее крупным районом добычи поваренной соли является Закаспийская область, затем идут Хива, Бухара и остальные области. В Закаспийской области в 1910 году было добыто на острове Челекене 6.309 тонн каменной соли и в озерах Красноводского, Мервского и Мангышлакского уездов 52.506 тонн самоосадочной соли. В Сырдарьинской области (Чемкентский, Казалинский, Перовский и Аулие-атанский уезды и Аму-Дарьинский отдел) было добыто за тот же год 2.245 тонн. Ферганская и Самарканд-

ская области дали 7.946 тонн. В Хиве главная добыча самосадочной соли сосредоточена в окрестностях Питняка—озеро Султан-Сульджер, а каменной в северной части ханства—в 50 км от Кунграда. Ежегодно добывалось в то время в ханстве около 8.200 тонн. В Бухаре каменная соль разрабатывается во многих местах горной части ханства (Гиссар, Куляб, Бальджун и др.), а самосадочная—в соленых озерах Каракульского, Нуратинского и других бекств. Размеры добычи соли в Бухаре за этот период неизвестны. Разработки соли в Средней Азии ведется еще кустарным способом.

Рост товарных отношений в сельском хозяйстве, превращение многих хозяйств в хозяйства, производящие одну какую-либо техническую культуру и получающие продукты питания из других хозяйств и районов, создали благоприятные условия для развития товарного мукомолия. Так в 1901 г. в Среднюю Азию прибыло 50.656 т. пшеницы в зерне, а в 1913 году уже 81.688 т. [1]). Возникновение мельниц товарного типа относится к 1909 году. С этого года до войны мукомольное строительство неуклонно развивалось.

Значительное развитие получило и виноделие. Оно опиралось в своем росте, с одной стороны, на виноградарство и тем продолжало древнюю промышленность края—производство виноградных вин, и с другой, на хлебные злаки для производства хлебного спирта. И та и другая отрасль виноделия имели достаточную сырьевую базу для своего развития. О районах виноградарства говорилось выше. Наибольший урожай винограда получался в Самаркандской области—от 7 до 10 миллионов рублей, затем шла Ферганская область (от 1,5 до 2,5 милл. рублей). Всего по Туркестану получалось винограда на 10,5—15,5 милл. рублей. Одна восьмая часть урожая шла на виноделие и винокурение. Хлебный спирт производился, главным образом, в Семиречьи. Для хлебных злаков Семиречья, который не был связан паровым транспортом с железнодорожной магистралью Средней Азии, винокуренная промышленность являлась почти единственным ближайшим рынком для сбыта хлебных излишков крестьян. Если винокуренная промышленность опиралась на сельское хозяйство и зависила от последнего, то, в свою очередь, своим ростом она создавала рынок для последнего и тем способствовала росту некоторых отраслей сельского хозяйства. В 1913 году было произведено в Средней Азии вина 72 тыс. гектолитра, спирта 5 тыс. гектолитров, спирта хлебного 36 тыс. гектолитров и бекмеса—4,1 тыс. тонн.

---

[1]) Материалы по динамике грузооборота, часть I-я, Москва, 1925 г., стр. 29.

В 1904 году Иванов построил сахарный завод с прекрасным техническим оборудованием в Каунчах, близ станции Кауфманская, Ср.-Аз. ж. д. Завод перерабатывал сахарную свеклу, которая засевалась на 3.300 га поливной земли. Урожаи были хорошие от 9,8 до 26,2 тонны с 1,1 га, при содержании 18% сахара. Завод проработал до 1911 года, с годовой производительностью в 2,56 тыс. тонн, сахара, но ввиду невыгодности в этих районах посева сахарной свеклы вместо хлопка должен был закрыться.

До войны возник также цементный завод при станции Хилково Ср.-Аз. ж. д., но слабая емкость внутреннего рынка и конкуренция Новороссийского цемента не дали возможность развиваться заводу.

В 1914 году Главное Артиллерийское Управление построило в Ташкенте целлюлозный завод с целью производства бездымного пороха. Завод не был пущен, т. к. не было выкуплено заказанное оборудование.

Интересную картину мы видим в развитии шелковой промышленности. До расцвета хлопководства, в первое десятилетие после завоевания края русскими, туземная шелковая промышленность играла доминирующую роль в хозяйстве Ср. Азии. Руководящая роль, как наиболее товарная отрасль сельского хозяйства, принадлежала в хозяйстве дехканина шелководству. Десятки тысяч кустарей занимались в Фергане, Бухаре и других крупных центрах размоткой шелка и шелкоткачеством. Из Средней Азии вывозили тогда, главным образом, не коконы, а шелк-сырец и отчасти шелковые ткани. Последние больше потреблялись на местном рынке. «В архивных материалах 80-х гг. есть указания, что об'ем Туркестанского шелководства определялся тогда в 100 тыс. пудов шелка-сырца в год, что составляет до 1,500 тыс. пудов годового урожая сырых коконов. Московский Комитет шелководства приветствовал присоединение Туркестана к России следующими словами: «Приобретением Туркестанского Края начинается новая эра в русской шелковой промышленности, т. к. край этот может снабжать шелком всю Россию» [1]).

Население снабжалось исключительно греной собственного производства, коконы и шелка в этот период получались высокого качества и не уступали заграничным. Шелк размотывался на месте туземными предприятиями и своим качеством вполне удовлетворял техническим требованиям тогдашней шелковой промышленности.

---

[1]) Юровецкий — Шелководство и шелковая промышленность. Статья в сборнике „Вся Средняя Азия за 1925 г." стр. 167.

Но уже с 70-х—80-х годов прошлого столетия идет процесс катастрофического упадка шелководства. Причиной такого падения были: во-первых, переход шелковой промышленности в Европе и России от кустарных ткацких станков к усовершенствованным сложным станкам, когда туземная размотка шелка в Средней Азии не стала удовлетворять требованиям, пред'являемым технически более совершенной шелковой промышленностью; во-вторых, крупная шелковая промышленность находилась целиком в руках иностранного капитала, который сумел повлиять на таможенную политику России в смысле облегчения ввоза иностранного шелкового сырья (шелка-сырца); в-третьих, снабжение средне-азиатских шелководов недоброкачественной заграничной греной и занесения в край из Европы болезни шелкопряда—пебрина, и в четвертых, почти полное отсутствие мероприятий, как правительственных, так и частных в деле улучшения грены, запрещения снабжения населения недоброкачественной греной и улучшения техники шелкоразмотки. В результате всех этих причин произошло резкое падение шелководства и шелковой промышленности в Средней Азии. Только с 90-х годов прошлого столетия с возникновением местных гренажных заводов, с усилинием борьбы с пебриной начинается медленный процесс восстановления шелководства, который перед войной достигает наибольшего развития в 1910 году. Но и этот рекордный год дал всего 7,4 тыс. тонн урожая сырых коконов, что составляет около 30% исчисляемых урожаев за первые годы после завоевания края.

Шелкоразмотка почти не получила развития в Средней Азии: продолжали существовать только туземные ремесленно-кустарные предприятия. На долю фабрично-заводской размотки приходилось всего 1% от продукции всей фабрично-заводской промышленности Средней Азии. Поэтому вывозили теперь, главным образом, коконы. В 1913 году из Туркестана было вывезено 826,6 тыс кгр сухих коконов. Вывоз шел почти исключительно за границу—93,4% и только 6,6% отправлялось в Москву. Можно считать, что Средняя Азия удовлетворяла сырьем непосредственно шелковую промышленность Центральной России только на 3%, а остальное количество вывозилось из заграницы, при чем, под маркой иностранного шелка-сырца в значительной мере ввозился обратно средне-азиатский шелк.

Средне-азиатское шелководство попало в совершенно исключительную зависимость от заграничного рынка, т. к. свыше 90% своего урожая оно сбывало там и около 60% потребляемой им грены—импортировало из-за границы.

Как мы видели, крупная капиталистическая промышленность обратила свое внимание только на некоторые отрасли хозяйства, на те отрасли, которые являлись или более прибыльными (напр., маслобойная), или служили необходимым звеном в общей производственной системе какой-либо уже развитой отрасли промышленности (напр., хлопкоочистительная промышленность в системе всей текстильной промышленности), или в такие, как каменноугольная и нефтяная промышленность, куда шел финансовый капитал в своем неизбежном стремлении к расширению хозяйственной территории[1]). Многие же отрасли промышленности остались почти в стороне от проникновения крупного капитала, да и некоторые районы мало подверглись воздействию капиталистических форм промышленности.

Такие районы, как Горная Бухара, Памир, Семиречье в горной части, пустыни Кара—и Кызыл—Кумов, слишком медленно и слабо вовлекались в капиталистические отношения и в систему общественного разделения труда Средней Азии и России. Здесь продолжали существовать в значительной мере натуральные формы хозяйства, и промышленность почти не отделилась еще от сельского хояйства и существовала в форме домашней промышленности. На ряду с домашней формой существовало и ремесло. Ремесленники работали на заказчика или на базаре или же в помещении заказчика.

В тех районах, куда товарные отношения проникли в большей мере, шел процесс отделения промышленности от сельского хозяйства, разрушения домашней формы промышленности, образования ремесла и превращение последнего в кустарничество. Между производителем и потребителем вставал скупщик. Но этот процесс коснулся не всех отраслей хозяйства в одинаковой мере. Хлопчатобумажная промышленность в Средней Азии под влиянием конкуренции фабрично-заводской промышленности России не превратилась в ремесло и кустарничество, а стала существовать внутри хозяйства, как подсобное производство маты из своей пряжи, т. е. существовала в форме домашней промышленности, и им занимались почти исключительно женщины. Здесь мы видим определенный регресс в местной хлопчатобумажной промышленности Средней Азии. Значительно развитое ремесленное производство в XVIII и начале XIX века и раньше и даже мануфактурное производство в IX—X вв. заменилось домашним производством маты и большая часть потребности удовлетворялась ввозом хлопчатобумажной ткани из России. Уже в 1901 году в Среднюю Азию прибыло из России 57,9

[1]) Ленин, т. XIII, 1-е изд., стр. 301—302.

тыс. тонн мануфактуры, главным образом, хлопчатой, а в 1913 г.—66,27 тонн. Шелковая же промышленность носила или форму ремесла, а местами при отсутствии фабрично-заводской конкуренции имела даже тенденцию превратиться в мануфактуру (об этом см. ниже в следующей главе). Отрасли, изготовляющие предметы одежды, пищевая промышленность и др. носили, главным образом, форму ремесла, а отчасти кустарничества.

В пищевкусовой промышленности имели значительное распространение туземные мельницы, толчеи, пекарни, маслобойки (кунжутное масло), производство всевозможных сластей, туземные чай-и ашханы [1]).

Особо надо выделить керамическое и ковровое производство. В X—XV веках керамическое производство достигло высоко-художественного развития, что подтверждается остатками древних сооружений в период арабов и Тимура. Теперь же это производство находится в упадке, вырабатывают лишь посуду и др. предметы домашнего обихода (напр. специальные печи для выпечки туземного хлеба—лепешек-«нан»). Центрами керамического производства являются Самарканд и Бухара.

Ковровое производство получило наибольшее развитие в Закаспийской области среди туркмен и в Бухарском ханстве среди туркмен же и узбеков, и отчасти среди туркмен и узбеков Хивинского ханства. В Закаспийской области особенно славятся по качеству пендинские ковры (ковры сарыков, племени туркмен, живущих по долине Мургаба около г. г. Пенде и Тахта-Базар), затем текинские ковры текинцев Мервского и Ахал-Текинского (Ашхабадского) районов. В Бухаре выделяются ковры кызыл—аякские (ковры эрсаринцев, живущих в Керкинском и Келифском бекствах Бухары), затем бухарские ковры, выделываемые туркменами и узбеками в районе Аму-Дарьи и некоторых др. местностях Бухары. В Хиве и в северо-восточной части Закаспийской области выделкой ковров занимаются туркмены иомуды (иомудские ковры) и в Хивинском ханстве—туркмены—чоударские ковры).

Выделкой ковров занимаются исключительно женщины. В 1908 г. общая стоимость ковровых изделий выделанных в Закаспийской области оценивалась не менее 150.000—200.000 рублей. Но с внедрением товарных отношений очень быстро ковры превратились в ценный товар, вывозимый в Россию и за границу. Туркменки стали производить их на рынок, покупкой ковров занялись скупщики, которые на этом деле

---

[1]) Аш—обед, ашхана—столовая.

зарабатывали значительные барыши. В погоне за деньгами скупщики стали форсировать производство ковров более худшего качества. Старые ковры стали цениться значительно дороже новых. Стали прибегать к фальсификации (подделке новых ковров под старые).

Ремесло было развито в Средней Азии еще в IX веке, тогда уже существовали цеховые организации. Во главе каждого цеха стоял «ак-сакал» старшина, который выбирался мастерами («эсто» или «уста») данного цеха. Эта организация продолжала свое существование до наших дней. Сохранились еще уставы цеховых организаций, так называемые «рисоля». Рисоля это—ремесленный устав, облеченный в форму, нравственно-религиозных правил. Рисоля существовли почти во всех отраслях хозяйства и имели целью оградить данное производство не только от влияния новых социально-политических и религиозных течений, но и от новых социально-экономических тенденций и направлений (см. также стр. 203).

По неполным данным до войны (1914 г.) ремесленно-кустарная промышленность Средней Азии охватывала 23,5% всего промышленного оборота края и 78% всех занятых в промышленности лиц [1]). Некоторые же [2]) исчисляют стоимость довоенной продукции ремесленно-кустарной промышленности в 153 милл. рублей, что составляет свыше 41% продукция от всей промышленности края.

Большинство предприятий фабрично-заводской промышленности имели некрупные размеры. В среднем на один хлопкоочистительный завод в 1914 году приходилось 34,6 рабочих, а многие другие отрасли промышленности (пищевая, за исключением маслобойной, кожевенная и пр.) мало отличались от туземных. Все же развитие промышленности и развитие товарных отношений в крае произвели большие изменения в хозяйстве, социально-экономических группировках и отношениях как внутри отдельных районов, так и между районами Средней Азии.

Развитие хозяйства Средней Азии после завоевания Россией показывает, что капитализм проникал в разной степени в отдельные районы и отрасли хозяйства края, и формы этого проникновения были также различны.

В сельском хозяйстве и промышленности края шел процесс не только изменения систем хозяйства, но также и процесс изменения классовых группировок и отношений.

---

[1]) „Вся Средняя Азия на 1926 г.“, стр. 203.
[2]) Там же.

В кишлаках, аулах увеличилось классовое расслоение, шел процесс обнищания на одном полюсе и процесс обогащения на другом. Одновременно шел процесс пролетаризации дехкан и ремесленников, образование туземного рабочего класса, и процесс образования класса капиталистов, туземной буржуазии, сперва как носителей торгово-ростовщического капитала, а затем, отчасти, и промышленного.

Развитие классового расслоения шло более быстрым темпом и зашло значительно дальше в тех районах, которые теснее увязались с рынком народного хозяйства России и с мировым рынком, т. е. в тех районах, которые специализировались на товарных отраслях хозяйства. Если мы сравним данные о расслоении дехкан Ферганской области и Самаркандской, то мы видим полное подтверждение этого положения. Так к 1917 году в Ферганской области группа хозяйств, имеющих земли до 1,1 га, составляли 51% всех хохозяйств с землей и у них было сосредоточено всего 9,8% земельной площади области. В Самаркандской же области мы имеем 24% хозяйств с землевладением до 1,1 га и у них 2% земли.

Это же положение подтверждается и следующими данными: мы знаем, что рыночные культуры засеваются больше на поливных землях, и мы видим ,что по всему Туркестану на поливных землях доля хозяйств, имеющих земли до 1,1 га, составляла 43,9%, а на поливно-богарных—38,4%. Такую же картину мы видим и в Семиречьи, где процент безпосевных хозяйств меньше в более натуральных зерновых русских хозяйствах (4,8%) и значителен в товарных, опийно-рисовых дунганских и таранчинских хозяйствах (29,4% и 23,4%).

На другом противоположном конце кишлака шло накопление капитала. В Ферганской области к 1917 году всего 1,0% крупнейших хозяйств (хозяйства, имеющие свыше 28 га земли) сосредоточила в своих руках 16% всей земли, а в Самаркандской облсти 5,6% таких хозяйств—29% всей земли. При рассмотрении этих данных надо иметь в виду, что размер землевладения в Ферганской области, как в районе наиболее интенсивных культур, более мелкий, чем в Самаркандской, в Фергане можно считать за крупные хозяйства даже те, которые имеют земли свыше 10 га.

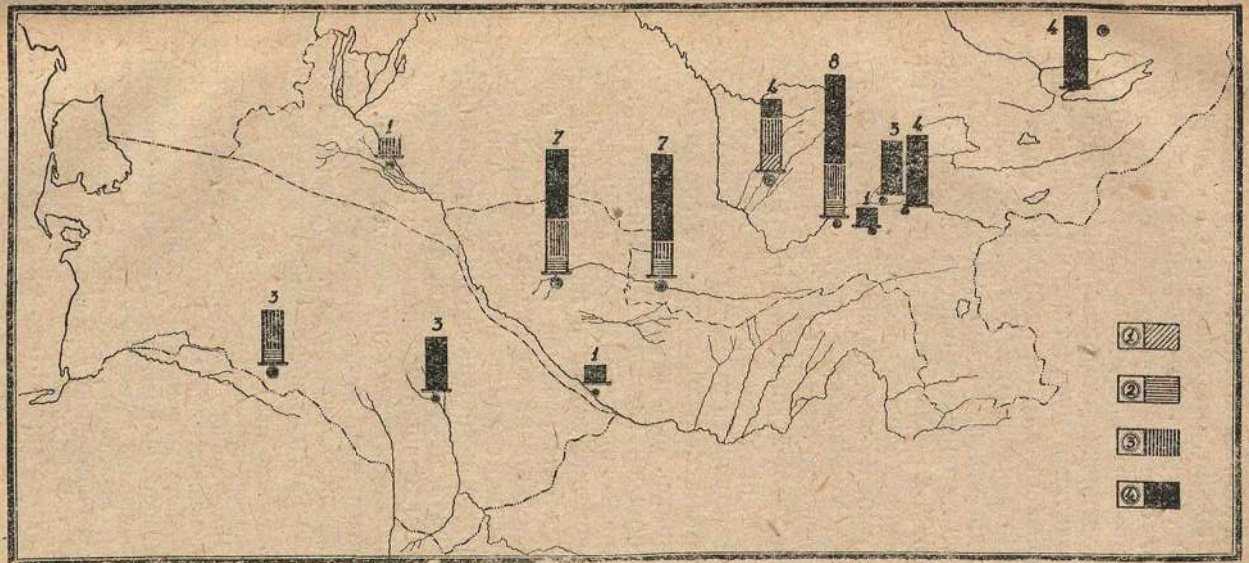
Накопление в этих группах шло не только путем сосредоточения больших участков земли, но и путем эксплоатации бедняков, т. к. крупные байские хозяйства концентрировали в своих руках и другие виды средств производства (рабочий скот, мертвый инвентарь—омач, мола и др.) и пользовались всем этим, чтобы сдавать свои земли в обработку

бедняцким хозяйствам на кабальных условиях. Так, по данным Юферова по Ферганской области за 1909 год 57,9% крупных хозяйств, сеющих свыше 20 танапов (танап в Фергане—0,183 га) сдавали свои земли в обработку беднякам и 60,5% этих хозяйств нанимали работников.

Накапливаемый капитал байские хозяйства использовали, главным образом, не для расширения своего сельского хозяйства, а для торгово-ростовщических целей. Кредитование дехканских хозяйств существовало еще до внедрения русского капитала, но только после этого момента оно принимает огромные размеры и носит более эксплоататорский характер. Хлопководство с его критическими периодами дающее высокотоварный продукт, который почти совершенно не потребляется в самом хозяйстве хлопкороба и требует быстрейшей реализации на рынке, превращения товара в деньги, и создает особенно благоприятные условия для развития кредитных отношений. Этим моментом начинают пользоваться и банки, и отдельные торговые фирмы, и отдельные промышленные предприятия, и байские хозяйства, что способствует быстрейшему накоплению капиталов в их руках и обнищанию дехканских масс. Поэтому кредитные операции захватывают в наибольшей степени хозяйства хлопковых районов и хозяйства в районах, специализирующихся в производстве других продуктов промышленного назначения (каракуль, люцерна, опийный мак и др.).

Первым банком Средней Азии было отделение Российского Государственного Банка в Ташкенте, открывшееся в 1875 году. Затем был открыт ряд отделений Госбанка в Самарканде в 1890 г., в Коканде в 1891 г., в Бухаре в 1894 г., в Ашхабаде в 1895 г. в Андижане в 1910 году. За государственным банком последовало учреждение частных коммерческих банков. Первым по времени был Средне-Азиатский Коммерческий банк, основанный на местные средства; в начале 1900-х годов на территории Средней Азии действует до 7-ми отдельных частных банков, а к 1915 году число их достигает 33-х (см. картодиаграмму сети банковых учреждений в Средней Азии к 1914 г.).

Наиболее крупными банками, оперирующими в Средней Азии были: 1) Русско-Азиатский банк (51% иностранного капитала, главным образом, французского), 2) Сибирский банк (иностранного капитала—57,5%— французский, бельгийский и германский капиталы), 3) Азовско-Донской коммерческий банк (иностранного капитала—80%, главным образом, французский капитал), 4) Русский для внешней торговли банк (иностранного капитала 40%, германский капитал), 5) Соединенный банк (иностранного капитала—15%, главным образом,

Карто-диаграмма сети банковых учреждений в Ср. Азии к 1914 году.

Условные обозначения: столбики и цифры над столбиками показывают число филиалов банков к 1914 г. по отдельным городам Ср. Азии; **штриховки внутри столбиков** показывают число открытых филиалов за различные периоды, а именно: **1**—в 1875 г., **2**—с 1890 по 1895 год, **3**—с 1896 по 1905 год и **4**—с 1906 по 1914 г,

До 1906 года, за 31 год по Ср. Азии было открыто 15 филиалов банков, или 32,6% всех филиалов, тогда как за последние 8 лет, с 1906 года—31 филиал, или 67,4% всех филиалов. Наибольшее число открытых к 1914 году филиалов приходится на Ферганскую область (в г. г. Коканд, Андижан, Наманган и Ст. Маргелан) 35,1%, второе место занимает Бухарское ханство (в г. г. Ст. Бухара и Керки)—17,4%, третье Самаркандская область (в г. Самарканде)—15,2%, четвертое—Закаспийская область (в г. г. Ашхабад и Мерв)—13,0%, затем идут Сыр-Дарьинская (в г. Ташкенте) и Семиреченская (в г. Верном) области—по 8,6%, и на последнем месте Хивинское ханство (в г. Н. Ургенче)—2,1%. О развитии банковского коммерческого кредита по отдельным районам Ср. Азии можно судить по ср. балансам банков за 1915 г., которые равнялись тогда по всем районам 118,1 млн. руб. Фергана занимала первое место, на ее долю приходилось—43,0%, затем шли: Бухара—17,0%, Ташкент—16,5%, Самарканд—10,0%, Закаспийская область—9,7%, Хива—2,2% и Верный—1,6%.

французский капитал), 6) Волжско-Камский банк, 7) Московский купеческий банк и другие [1]).

В руках банкиров находится почти полностью дело заготовки хлопка. «Так как кредит, открываемый банками достигает 80—90% стоимости товара, то отсюда видно, какая важная роль принадлежит банкам в торговых операциях по скупке и продаже хлопкового волокна в крае» [2]). Первоначально московские и лодзинские фабрики вели сами скупку, а теперь это дело находится в руках торговых фирм. Часть из них работает на свой капитал при небольшом содействии банков (Бр. Вадьяевы, Потеляхов, Давыдов, Сагаателов, Алексеев и др.), часть на иностранном капитале (Бр. Крафт и Кнопп), а большая часть на средства вышеуказанных банков (Шлисберг, Адам-Оскер, Т-во для Торговли и Промышленности в Персии и Ср. Азии, Московское торгово-промышленное Т-во, Андреевское т-во, Кусаев, Салихов, Бадияр, Фузаилов, Бр. Мулинджановы, Рудницкий и др. [3]).

Но «развитие деятельности банков Средней Азии не изменило в корне тех товарно-денежных и кредитных связей, которые существовали в прежнее время, а лишь создало известную иерархию в подчинении почти всех производителей немногим кредитным центрам, через посредство обширного кадра посредников. Характерными чертами постановки банкового дела во всей Средней Азии являются: отсутствие непосредственной связи кредитных учреждений с производителем и пользование услугами многочисленных посредников, и, как последствие разрыва связи между прежним источником продовольственного снабжения и местами сбыта—искусственная концентрация некоторых продуктов сельского хозяйства в руках немногих фирм, тесно спаянных с банками, наконец, общая искусственная, так называемая, хлопковая атмосфера, создававшая чрезвычайно неравномерное распределение прибылей между производителями, посредником, промышленными предприятиями и оптовыми фирмами. Поэтому при наличии банков кредит обходился населению от 25 до 60%... В 1912 г. задолженность Туркестан-

---

[1]) Данные об участии иностранного капитала в этих банках взяты из работы Н. Ванага „Финансовый капитал в России".

Лаврентьев в своей работе „Капитализм в Туркестане" (стр. 82) приводит данные, взятые из работы М. Гольмана „Русский империализм", которые, расходясь в количественных выражениях участия иностранного капитала, не меняют картины зависимости отдельных банков от финансовой группы той или другой иностранной державы.

[2]) „Азиатская Россия" т. II, стр. 295.

[3]) „Путеводитель по Туркестану" VII изд. СПБ, 1911 г., стр. 111—112.

ского населения кредитным учреждениям составляла: Госбанку—27.530.000, частным банкам—123.182.000, итого—150.712.000 руб.

«На Фергану из этой суммы падало до 80 миллионов и задолженность с каждым годом возрастала (напр., с 1 декабря 1909 г. по 1 января 1911 г.—увеличение с 16 млн. до 30 млн.)» [1]). Государственный банк главным образом оказывал кредит частным банкам и фирмам по 5½%, последние же раздавали задатки посредникам уже из 8—9% и выше, а хлопкоробу этот кредит обходился до 60%. Иногда проценты взимались неимоверные—140—240% и выше.

Для иллюстрации системы кредитования приведем примеры из области хлопководства.

«Лодзинские и московские текстильно-промышленные фирмы еще с 60 годов пустили в ход систему выдачи населению задатков под хлопок. Система эта заключается в следующем: осенью фабриканты раздавали деньги крупным скупщикам хлопка, те отдавали их мелким, последние—дехканам рубля по 4 за танап с тем условием, чтобы весь урожай переходил к ним по цене более дешевой, чем существовала на рынке. Эта система, называемая «бунак», страшно эксплоатировала дехкан» [2]). Эта система, способствуя расширению хлопководства в первые периоды, в дальнейшем, с увеличением задолженности дехкан превратилась в задерживающий фактор для развития хлопководства.

Еще более возмутительные операции развились уже в XX веке. Суть этих операций такова: «дехкану самой ранней весной выдавали ссуды частью деньгами под «нормальные» проценты, главным же образом,—негодными товарами, притом указывали лиц, которые эти товары у дехкан купят, напр. в кишлаке Аим какой-нибудь Турсунбай. Действительно, Турсунбай покупал эти негодные товары за полцены и уже сам выдавал по удвоенной или утроенной цене другим дехканам также в виде ссуды, направляя их к первоначальным «артистам», как покупателям и т. д. Столь «идеальный» товарообмен совершался всюду» [3]).

Вот как более подробно описывает эти «кредитные »операции И. А. Севастьянов: «Задаток дехкан получает обычно по рекомендации комиссионера, в свою очередь получающего за это по 5 коп. с пуда как с фирмы, так и с хлопкороба, в особенности с последнего, если он сильно нуждается, уже

---

[1]) „Средне-Азиатский экономический район", стр. 101.

[2]) Статья в „Ежегоднике" за 1917—23 г., изд. Турк. ЦСУ, т. II, стр. 32.

[3]) Севастьянов—„Борьба за хлопок". М. 1918 г., стр. 57—58.

должен какой-либо фирме или «благодетелю». Вексель пишется на всю сумму ссуды, но выдается она частями, при чем всякий раз при всякой выдаче дехкан платит либо комиссионеру, либо мелкому служащему фирмы».

«Когда хлопок-сырец собран, дехкан сдает его или «арбакешу» или везет на «пункт». Арбакеш—это просто человек, имеющий арбу, лошадь, знакомого «пунктового» и некоторый кредит. Он имеет, впрочем, еще один чрезвычайный инструмент—примитивные весы, где гири заменены камнями. Такой арбакеш—артист по части самого наглого обвешивания: ведь, разница в весе и в цене является его чистым «заработком»... Не лучше, а еще хуже дело обстоит на «пункте». Здесь, правда, уже десятичные весы, особенно нелюбимые туземцами, но «ловкость» пунктовых приказчиков буквально не поддается описанию. Размеры результатов ловкости являются «заработком» пунктового. Подчас сырец для заманивания дехкана покупается на пункте дороже, чем на заводе. Так как для сырцевой покупки стандартов не существует, то у пунктового является и вторая сторона «заработка»; он по своему усмотрению (конечно, всегда к невыгоде хлопкороба) определяет товар: 1) по цвету, 2) по степени засоренности, 3) по степени влажности, 4) по прочности (этого, между прочим, не делают приемщики в Москве). Если дехкан, минуя арбакеша и пунктов, привезет сырец прямо на завод, там его встретит приемщик и обработает ничуть не хуже пунктового, особенно на баллотировке. Допустим, дехкан не согласен продать по данной расценке товар, все равно увезти его с завода ему не удастся: ведь при получении аванса он обязался уплатить за каждый пуд несданного товара неустойку. Значит, дехкан или платит неустойку ,или теряет при «продаже» 20—25% урожая. Крупные фирмы, которые даже и не нуждались бы в подобной системе, не могли обходиться без всех этих «формальностей», ибо при бешеной конкуренции им нужны были все эти скупщики и уловители товара»[1]).

Так происходило закабаление дехканина хлопкороба путем кредита.

В 1909 году в Фергане по опросу 793 хозяйств, имеющих от 0,55 га до 3,3 га, 54% оказываались с задолженностью в среднем в 229 р. 50 коп.[2]). Кроме того, уже в 1903 г. по земельным закладным (васихам) было совершенно у казиев Ферганской области 76.819 сделок на сумму 6.800.817 руб. и под залог имущества 53,105 сделок на сумму 5.962.948 р., следовательно, всего 129.924 сделки на сумму 12.763.765 руб.

---

[1]) Севастьянов—Указанное сочинение, стр. 65—66.
[2]) Там же, стр. 53.

При этих сделках начислялись вышеуказанные «нормальные азиатские» проценты. Можно сказать, «что в 1903 году в Ферганской области было всего 338 тыс. хозяйств, значит, из них около 50% были почти безвозвратно закабалены через казиев. Если же принять во внимание вексельную и нотариальную задолженность, да массу сделок, проведенных без казиев, то прямо можно сказать, что в 1903 году половина дехканов были закабалены, состоя в неоплатных должниках» [1]).

Не только в указанных формах происходили закабаление и эксплоатация дехканской бедноты. О своеобразной форме издольщины — чайрикерство — уже говорилось выше (см. стр. 251 и др.). Чайрикерство представляет собой наиболее тяжелую форму эксплоатации боями безземельных и малоземельных дехкан. Внедрение капиталистических отношений еще более усиливает тяжесть этих эксплоатаций.

Мы уже видели, что капиталистические отношения проникли в различной степени в различные районы Средней Азии и в отдельные отрасли хозяйства. В одних районах и отраслях хозяйства сохранились еще в той или иной степени родовые и феодальные отношения, в других они переплелись в причудливых формах с капиталистическими отношениями в третьих возникли чисто капиталистические отношения. Отсюда различия в отдельных районах и отраслях хозяйства в распространении там чайрикерства—издольщины и мардикерства—наемного труда. Сильное распространение применения наемной рабочей силы мы имеем в районах хлопководчества, но здесь также сильны еще докапиталистические отношения. Так по материалам сенатора Палена (1908 г.) в хлопководческих районах Ферганы (районы долинные и долинно-степные) процент хозяйств с мардикерами [2]) в среднем был от 14,3% до 15,75, а процент хозяйств с чайрикерами от 14,65 до 22,75. В дальнейшем все более увеличивается процент хозяйств с наемными рабочими, а процент хозяйств с чайрикерами имеет тенденцию к понижению. Точных сравнимых данных мы не имеем, но косвенные данные вполне подтверждают это положение. По данным Юферова в 1909 году в четырех кишлаках Андижанского уезда процент хозяйств с наемными рабочими составлял 33,92%, а с чайрикерами—17,40%, а по данным бюджетного описания 45 хозяйств Ферганской области в 1915 году процент хозяйств с мардикерами достигает 48%.

Значительно меньшее распространение найма рабочей силы мы имеем в предгорьи и горной части Ферганы, в районах зернового хозяйства и скотоводства. В 1908 году процент хозяйств с мардикерами там составлял от 3,27 до 3,91

[1]) Там же, стр. 55.

[2]) Мардикеры—сел.-хоз. наемные рабочие, батраки.

в разных районах, а процент хозяйств с чайрикерами был довольно высок от 12,56 до 19,85. Но и здесь мы видим определенный процесс усиления капиталистических отношений К 1911—13 году в скотоводческих и полускотоводческих районах Ферганы процент хозяйств с наемными рабочими достигает уже свыше 10% (11,65% в Наманганском уезде, 12,7% в Андижанском уезде и 13,59% в Ошском, Скобелевском и Кокандском уездах). В Семиречьи капиталистические отношения, как и надо было ожидать, получили большое распространение в Пишпекском уезде. Здесь процент хозяйств, нанимающих рабочих, достиг в 1912—13 гг. до 32,1%, а в Пржевальском уезде всего—16,02% [1]).

Эти данные являются приблизительными, но они достаточно рельефно характеризуют развитие процесса капитализации в отдельных районах Средней Азии. Здесь же надо отметить, что существующие феодальные пережитки не остаются все время неизменными. Так чайрикерство принимает в отдельные этапы развития капитализма различные формы. Поэтому мы видим в литературе самые разнообразные определения чайрикера. Одни исследователи (Лаврентьев, Анышев и др.) считают чайрикеров скорее наемными рабочими, чем издольщиками, другие (например, Давыдов и др.) считают чайрикерство типичной «категорией феодального общества, близкой к российской барщине» [2]). Нам кажется, что такое категорическое утверждение как первых, так и вторых неверно. Чайрикерство постоянно изменяется под влиянием развития капиталистических отношений и местами почти потеряло свои прежние черты феодальных отношений, но все же чайрикерство мы должны рассматривать как остаток феодальных отношений и брать его не в статистике, а в процессе подчинения его капиталистическим отношениям. Чайрикерство при феодализме совершенно иное, чем при капитализме; чайрикерство же период империализма отличается от чайрикерства периода промышленного капитализма. Поэтому в каждом отдельном районе и в каждый отдельный период мы должны проанализировать социальную сущность взаимоотношений, между чайрикером и землевладельцем. Предоставляло бы большой интерес проследить эту динамику по отдельным районам.

Накопленный в руках местной буржуазии капитал пошел отчасти и в мелкую промышленность, но опять-таки в

---

[1]) См. Галузо—Указанное сочинение, стр. 121—129.

[2]) А. Давыдов—„О методах учета и разработки данных 10% сельскохозяйственной переписи 1925 года в Узбекской ССР", „Проблемы статистики" № 2, 1926 г. Изд. Ком. Акад., стр. 80.

ту область промышленности, которая была теснейшим образом связана с торговыми и кредитными операциями, а именно в хлопкоочистительную промышленность. Первоначально эти предприятия были мелкими, особенно в Фергане. В 1894 году 70,5% всех хлопкоочистительных заводов в Ферганской области находилось в руках туземной буржуазии, но на ее долю приходилось всего 43,4% переработанного хлопка. По всему же Туркестану на долю туземной буржуазии в этом году приходилось 59,5% всех хлопкоочистительных заводов 43% общей суммы производства 56,6% рабочих и 34,8% всего переработанного хлопка. В дальнейшем идет процесс концентрации промышленности среди туземного капитала. Так, с 1894 г. до 1903 года число предприятий туземной буржуазии выросло на 130,2%, число рабочих—на 233% и валовая продукция—на 572,4%. Но все же концентрация туземной промышленности шла несколько медленнее концентрации предприятий, принадлежащих российским капиталистам. Аналогичную картину мы видим и в других отраслях обрабатывающей промышленности (маслобойной, кожевенной, мукомольной и др.). В горной промышленности также имелись предприятия, принадлежащие туземцам, напр., Хасан-Кары—добыча нефти, Махрула-ишан—добыча каменного угля и др.

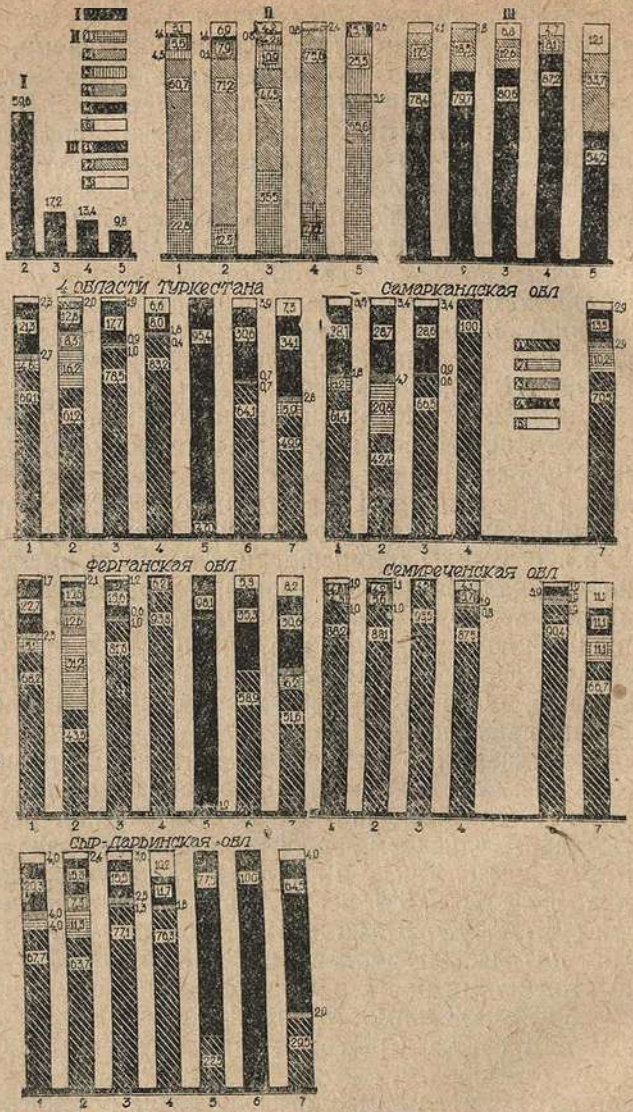
Крупнейшие промышленные предприятия принадлежали не туземцам, а российским капиталистам, которые, как отмечалось выше, были тесно связаны с банковским капиталом и зависели от последнего.

Точных данных о вложении капитала в Средней Азии нет. Косвенным же указанием о росте накопления капитала в крае могут служить данные о географическом распределении государственных и гарантированных правительством процентных бумаг. Так, в 1901 году на долю Средней Азии приходилось всего 0,5% всех таких бумаг, обращающихся в России (14.778.397 руб. из 3.212.037.523 руб.), а в 1910 году уже 0,9% (47.522.895 руб. из 5.354.164.621 руб.). Соответственно этому темп роста в Средней Азии был почти вдвое большим, а именно стоимость этих бумаг в 1910 году по отношению к 1901 году в Средней Азии равнялась 321,6%, а по России 166,7% [1]).

Лаврентьев дает примерное исчисление российских капиталов, инвестированных в народное хозяйство Туркестана в 1913—15 гг. (без сельского хозяйства и земельной собственности). Он считает, что в хлопко-маслобойную промышленность было инвестировано капитала 30—35 млн. руб., в угольно-нефтяную—15—18 млн. руб., в железнодорожное

[1]) Азиатская Россия. Том второй.

Состав Фабрично-заводского пролетариата в Ср. Азии
(данные за 1914 год по 4-м областям).

Условные обозначения: черные столбики сверху и слева (I) обозначают процентное распределение рабочих по областям (всего фабрично-заводских рабочих было 20.925 человек), II—указывает на процентное распределение рабочих по отдельным областям по национальному признаку (при чем; 1 — русские, 2—узбеки, 3 — киргизы и казаки, 4—таджики, 5 — кашгарцы, дунгане и таранчи и 6 — прочие пришлые). III — указывает на процентное распределение рабочих по отдельным областям по половому и возрастному признакам,

при чем: 1—мужчины, 2—женщины и 3—подростки). Дальше идут столбики, указывающие на распределение по областям рабочих по их квалификации и по национальному признаку, при этом все столбики под «1» указывают на распределение по квалификации рабочих всех национальностей, под «2»—на распределение по квалификации рабочих русских, под «3»—узбеков, под «4»—киргиз и казаков, под «5»—таджиков, под «6»—кашгарцев, дунган и таранчи и под «7»—прочих пришлых. Внутри каждого столбика показан штриховкой процент по квалификации: 1—рабочие по производству, 2—рабочие при двигателях 3—рабочие ремонтные и по вспомогательным работам, 4—чернорабочие, 5—работающие на стороне.

Почти 60% всех рабочих (59,6%) сосредоточено в Ферганской области, затем идет Сыр-Дарьинская область (17,2%), Самаркандская (13,4%) и на последнем месте стоит Семиреченская область, где находится менее 10% всех рабочих (9,8%). Если же брать число рабочих по отношению ко всему населению области, то на первом месте опять же стоит Ферганская область, там на 1000 человек приходится 6,2 рабочих. Остальные области находятся далеко позади: в Самаркандской—2,4, в Сыр-Дарьинской—2,2 и на последнем месте Семиреченская область, где на 1000 человек приходится 1,7 рабочих. Незначительный процент пролетаризированных в Сыр-Дарьинской области об'ясняется тем, что в состав области включены северные кочевые районы. (Заорская и Александер приводят иные соотношения, так процентное отношение к числу жителей в Ферганской области—0,57, в Сыр-Дарьинской—0,19, в Самаркандской—0,28 и в Семиреченской 0,25; процентное же отношение к числу жителей в городах по их данным следующий: в Ферганской обл.—2,97. в Сыр-Дарьинской—0,99, в Самаркандской—1,46 и в Семиреченской—2,76).

По всем областям в целом наибольшее число рабочих (60,7%) дают узбеки, второе место занимают русские (22,8%) и уже значительно меньшее число остальные народности (около 5 и 2%). Абсолютное большинство составляют рабочие узбеки по Ферганской и Самаркандской областям (71,2 и 75,6%) и относительное — по Сыр-Дарьинской области (44,5%). По Семиреченской области процент рабочих узбеков незначителен—3,2%. Русские рабочие составляют абсолютное большинство в Семиреченской области (65,6%), значителен их процент в Сыр-Дарьинской области (35,5%) и в Самаркандской области (21,2%). Процент киргиз и казаков значителен в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях (25,5% и 10,9%). Рабочие таджики находятся только в двух областях—Ферганской (7,9%) и Сыр-Дарьинской (4,2), а рабочих кашгарцев, дунган и таранчи нет в Самаркандской области.

Почти 80% всех рабочих в Ср. Азии мужчины, на долю женщин приходится 17,5%. Процент подростков менее 5%. Процент рабочих—женщин и подростков очень высок в Семиречьи, где женщины составляют 33,7%, а подростки—12,1%. Почти $^1/_5$ часть (18,5%) всех рабочих в Фергане женщины. Наибольший процент рабочих—женщин среди русских (23,4%), затем идут узбеки (19,0%), киргизы и казаки (12,3%), кашгарцы, дунгане и таранчи (7,2%). Совсем нет рабочих женщин из таджиков и прочих пришлых. В Семиреченской области процент рабочих—женщин среди русских больший, чем рабочих мужчин (49,1% против 34,3%, остальные подростки). Значителен процент рабочих женщин среди узбеков в Ферганской области (24,3%), среди киргизов и казаков в Сыр-Дарьинской области

27,5%) и среди кашгарцев, дунган и таранчи в Семиреченской области (21,4%). Очень велик процент подростков среди киргиз и казаков в Самаркандской области (86,8%).

Наиболее квалифицированной рабочей силой являются—русские. затем идут прочие пришлые. Наименее квалифицированной являются рабочие таджики (95,4% чернорабочих). По диаграмме можно ознакомиться с распределением рабочих по квалификации по областям и национальностям.

Отметим еще о размере заработной платы по областям. Самая высокая зарплата в Ферганской области, затем идет или Сыр-Дарьинская, или Самаркандская и на последнем месте стоит Семиреченская область. Так средняя заработная плата в год (1913 год) на хлопкоочистительных заводах равнялась: в Ферганской области 177 р. 30 к. (100%), в Сыр-Дарьинской области — 152 р. 20 к. (85,9%) и в Самаркандской области 137 р. (77,2%). Это по сезонной отрасли промышленности. По предприятиям, работающим круглый год, мы видим почти аналогичную картину. Так средняя годовая зарплата на типографии равнялась: в Ферганской области 453 р. 41 к. (100%), в Самаркандской—371 р. 30 к. (81,9%), в Сыр-Дарьинской области—338 р. 91 к. (74,8%) и в Семиреченской области — 196 р. 62 к. (43,5%). Зарплата туркест. раб. в среднем была на 35% меньше общероссийского уровня. Зарплата туземного раб., как правило, была на 30—60% ниже зарплаты русского одной квалификации. 48,8% раб. Турк. работали от 10 до 18 часов, 38,5% от 8—10 час. По Лаврентьеву норма эксплоатации турк. раб. (400%) в 1914 г. в 4 раза превышала общероссийскую норму.

строительство—75—80 млн. руб. и в банки (коммерческий кредит)—158—180 млн. руб., при чем на долю Государственного банка приходится 28—30 млн. руб. и на долю частных акционерных банков 130—150 млн. руб. Таким образом, он получает цифру инвестированного в Ср. Азию капитала в 278—313 млн. руб. [1]). При этом Лаврентьев прибавляет, что «в общем, надо считать, что в Туркестан было вложено не менее 300—350 млн. руб., которые эксплоатировались капиталистически» [2]). Эти цифры, не претендуя на точность, могут служить для первоначальной ориентировки о размерах ввоза капитала в Ср. Азию.

Капитал шел, главным образом, в районы хлопководства и других технических культур и в районы промышленные, иными словами, большею частью в Фергану.

Развитие промышленности в крае могло происходить только при образовании рабочего класса. Рабочий класс в Средней Азии формировался из пришлых, главным образом, русских, и туземцев. На долю пришлых в 1914 году по анкетным обследованиям приходилось свыше 27,9% всех рабочих края, а из них на долю русских 22,81% всех рабочих.

[1]) Вл. Лаврентьев—Указ. сочин., стр., 105.
[2]) Там же.

Наибольший процент рабочих из туземцев дают узбеки (60—65% всех рабочих)), затем таджики (5,46%), киргизы (казаки и киргизы)—4,51% и на последнем месте дунгане, таранчи и др. (1,46%). Если же мы вычислим процент рабочих в каждой национальности к общему их числу в Средней Азии, то получим следующие данные: на первом плане стоят русские—0,78%, на втором узбеки—0,59%, на третьем—таджики—0,28% и на последнем—киргизы—0,06%. Такое распределение вполне понятно. Пролетариат из русских вербуется не только из местных жителей, а большею частью из специально переселившихся рабочих. Узбеки из всех туземных народностей оказываются наиболее пролетаризированными, что вполне понятно, т. к. они живут в районах, где капиталистические отношения достигли наибольшего распространения.

Кроме промышленного пролетариата в связи с развитием классового расслоения в кишлаке и ауле формировался и сельскохозяйственный пролетариат. Точных данных о численности сельскохозяйственного пролетариата в довоенный период нет. Понятовский [1]) насчитывает в Фергане к 1907 году около 150 тысяч свободных рабочих, а к 1910 году—200 тысяч. Развитие высокоинтенсивных культур (хлопка) при отсутствии машинной обработки увеличивало потребность в рабочих руках. В критические моменты хлопководства потребность в рабочих руках в Фергане достигала настолько значительных размеров, что сюда на сельскохозяйственные работы приходили из Западного Китая десятки тысяч кашгарцев [2]). Но этот приход об'яснялся также в значительной степени аграрным перенаселением в Кашгарии и более высокой заработной платой в Фергане. Благодаря слабому развитию промышленности в Ср. Азии в свою очередь создавалось аграрное перенаселение. Особенно это перенаселение сказывалось в оазисах Туркменистана. Перенаселенными оказались благодаря слабому развитию производительных сил и кочевые районы, т. е. такие районы, где

---

[1]) Понятовский—Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области. СПБ. 1913 г.

[2]) Уже в 1904 году из Кашгара перешли границу в Фергану свыше 14,5 тысяч человек, в 1905 году—свыше 13,3 тыс., в 1906 году—свыше 16,8 тыс., в 1907 г. даже свыше—26 тыс., а в 1908 году свыше 26,1 тыс. человек. В 1909 году мы видим сильное снижение числа пришлых рабочих из Кашгара (14,4 тыс. человек). Это отчасти об'ясняется очень низкими ценами на руки в этот сезон. Цены на рабочие руки в это лето не достигали 1 рубля в день, тогда как в предыдущие сезоны цены доходили до 1 р. 50 коп.—1 р. 80 коп.

Цены на рабочие руки в Фергане быстро возрастали. С 1900 по 1911 год они увеличились почти в 3,3 раза, и поденная плата достигла в 1911 году 2-х рублей.

плотность населения на квадратный километр составляет менее одного человека.

В Средней Азии как в интенсивно-земледельческих районах, так и в районах экстенсивно-скотоводческих встречается аграрное перенаселение. Это перенаселение имеется несмотря на то, что появляются новые отрасли хозяйства, расширяется железнодорожная сеть, быстро растут посевы хлопка, посевы опийного мака и т. д. Об'яснение такого, на первый взгляд невероятного явления надо искать в колониальной политике царского правительства.

Народное хозяйство Средней Азии получило односторонее развитие, оно превратилось в рынок сырья для русской промышленности и рынок сбыта русских фабрикатов, т. е. в сырьевую колонию Российской империи. Это положение ревниво оберегалось всеми мерами воздействия империи. В результате усугубилось, свойственное капитализму, неравномерность развития отдельных отраслей хозяйства в Средней Азии и отдельных районов: многие районы превратились в районы монокультуры со всеми вытекающими отсюда в капиталистических условиях последствиями. Стремление некоторых капиталистов открыть текстильные, хлопчатобумажные предприятия в Средней Азии встречали неопреодолимые препятствия: в интересах московских промышленников, промышленников метрополии, генерал-губернатор Туркестана не давал на это разрешения [1]). Только те отрасли промышленности получали некоторое развитие в крае, которые или должны были подготовить сырье для фабрик и заводов центральной России, или же те отрасли, сырье которых находилось в Средней Азии и имело абсолютное притяжение для промышленных предприятий (горная промышленность). Даже сельско-хозяйственная промышленность не перерабатывала всего сырья, производимого в крае; вспомним шелкоразмоточную, кожевенную, шерстемоечную и др. отрасли промышленности. Горная промышленность, как мы видели (см. стр. 285—288), не получила должного и возможного развития.

Все внимание русского капитала было обращено на выкачивание сырьевых ресурсов Средней Азии, и это выкачивание происходило методами колониального накопления, т. е. в значительной мере путем прямого грабежа. Выше уже говорилось о методах кредитования хлопководческих хозяйств. Русский капитал целиком приспособил в своих интересах существовавшие в Средней Азии докапиталистические формы эксплоатации. Происходило противоречие в развитии капи-

[1]) См. Демидов—Указанное сочинение.

тализма в Средней Азии. С одной стороны, мы видели, что результатом внедрения русского капитала были: 1) разрушение натуральных форм хозяйства и замена их товарно-денежным, 2) развитие классового расслоения в кишлаке и 3) разрушение феодальной земельной собственности и замена ее капиталистической (превращение земли в товар), но с другой стороны, сохраняются докапиталистические формы эксплоатации (чайрикерство, ростовщичество и т. д.), сохраняются феодальные отношения в кишлаке и ауле (помещики-баи, манапы-князьки и т. д.). Капитализм пошел по пути, приспособления докапиталистических отношений к своим интересам превращения их в орудие неимоверной эсплоатации туземного населения. Такой путь развития капиталистических отношений в Средней Азии не давал возможности быстрому развитию производительных сил в крае. Техника сельско-хозяйственного производства не прогрессировала: тот же омач, тот же кетмень, та же мола, что и несколько тысяч лет тому назад; рост сельского хозяйства чисто количественный а не качественный; удобрения почти не применяются, почва сильно истощается, урожаи не увеличиваются, а имеют даже тенденцию к понижению. В пятилетие с 1907 по 1911 год урожай хлопка волокна с 1 га равнялся 3,68 центнера, а в пятилетие с 1912—1916—3,63 центнера.

Развитие сельского хозяйства в Средней Азии зависит от орошения новых земель, улучшения обработки и орошения старых и перехода к более совершенным системам скотоводства. Ни в первой, ни во второй, ни в третьей области не было сделано ничего существенного.

Инженерным способом было орошено царское имение на Мургабе и Голодная степь. На очереди стоял вопрос об орошении Чуйской долины. О целях ирригационного сооружения на Мургабе говорилось выше. Ирригационные же сооружения в Голодной степи и по Чуйской долине преследовали, главным образом, цели колонизации. Большинство ирригационных сооружений производилось без знания местных условий, истории вопроса и достаточной технической подготовки. При первом генерал-губернаторе Туркестана Кауфмане была сделана неудачная попытка провести новый канал, попытка, причинившая огромный вред населению [1]. Единственно успешной оросительной работой было оживление старого арыка Зах в Ташкентском уезде, что дало до 77 тыс. га орошаемой земли. Из других проектов главное внимание было обращено на орошение Голодной Степи, при этом «исходили из ошибочного предположения, будто эта

[1]) Бартольд—История культурной жизни Туркестана, стр. 151.

степь когда-то была прорезана каналом и имела густое население». Таковыми были работы по сооружению Кауфманского канала (1872—1879). Столь же неудачны были работы, произведенные в 1883 г., уже при генерал-губернаторе Черняеве, около Перовска: без всякой пользы было затоплено около 33 тыс. га, и 30 лет спустя русский специалист по орошению писал, что «на первую очередь выдвигается теперь вопрос не об обводнении, а об осушении затопленных ценных земель» (Скорняков) [1]).

Дальнейшее орошение Голодной степи возобновилось в 1885 году.

Работы по Чуйской долине ограничились почти одними изысканиями.

В предвоенные годы усилился интерес капиталистических кругов к орошению новых земель в Ср. Азии. Если с 1907 по 1911 г. было всего 7 более или менее значительных предложений на ирригационные работы в разных районах края, то в 1911 г. таких предложений насчитывается уже 15, и в 1912 г.—21.

Наиболее крупные заявки притендовали на орошение земель в Фергане, Голодной Степи и района Аму-Дарьи.

Концессионеры были главным образом представителями или одной из групп банков, оперировавших в Ср. Азии (напр. Русско-Азиатский банк—концессия в 1913 г. в Хиве, где было куплено у хивинского хана 23,9 тыс. га земли, концессия 1913 же года в Кабадианском бексте Бухары на орошение 10,9 тыс. га и т. д.), или же московские текстильные капиталисты (в 1908 г. Московский биржевой Комитет снаряжает экспедицию для обследования возможных оросительных работ в южных Кара-Кумах, в 1912 г. группа московских капиталистов во главе с Рябушинским и одним из Морозовых выступает с грандиозным проектом орошения 275 тыс. га земли по Сыр-Дарье, и т. д.). Большинство из этих ирригационных концессий носило спекулятивный характер. Иностранный капитал также интересовался орошением новых земель в Ср. Азии. Так, американский капиталист Джон Гаммонд, связанный с англо-американским банковым капиталом, начал производить в 1911 г. изыскания в северной части Кара-Кумов, а затем в районе Голодной Степи.

«Инженер Ананьев в 1912 г. заключил концессионный договор с Бухарским ханом на орошение 78,8 тыс. га в Ширабадской долине. Ананьев действовал при прямой поддержке банкового капитала. Уже в конце 1914 г. было ор-

[1]) Бартольд—Там же.

ганизовано акц. об-во «Ширабад» с акционерным капиталом в 12 млн. руб., которому Ананьев и передал все права на концессию. Контрольный пакет акций общества находился в портфеле русского торгово-промышленного банка в Петрограде, который финансировал концессию.

«Ширабадская концессия представляет большой интерес потому, что это было единственное частно-капиталистическое оросительное предприятие, на котором были широко развернуты (с 1916 года) строительные работы и которое началось эксплоатироваться концессионерами.

«Общество затратило на производство работ 5.363 тыс. руб. Эти капиталы однако безвозвратно погибли и для концессионеров и для их советских «наследников». Дело в том, что «облагодетельствованное» обществом население Ширабадской долины зимой 1917 года уничтожило до тла все концессионные сооружения, постройки, склады и т. д., чтобы вытравить всякое воспоминание о «плодотворной» деятельности российского капитала в Бухаре.

«По мнению С. А. Сохраннова, суть дела заключается в том, что «огромные пространства земель, которые Ананьев считал принадлежащими ему, население считало своими».

«Из рапорта некоего Леонтьева, который в 1916 г. по поручению туркестанского генерал-губернатора выезжал в Ширабад для ознакомления с делами предприятия, видно, что «в границы концессии попало до 18 населенных пунктов, с количеством дворов некоторых из них до 400 и с общим числом населения обоего пола до 7,5 тыс. душ. Пятый район. Янги-Арыкский, с площадью, определенной по договору в 6 тыс. десятин, оказался целиком занятым населением в количестве свыше 2 тыс. душ.» [1]).

На примере крупного капиталистического предприятия по орошению земель в Ср. Азии мы видим в полной наготе методы ирригационного строительства в колониальной стране и противоречия между развитием капиталистического орошения и колониальным развитием края.

Концессионеры приобретали земли за бесценок (некоторы из них платили годовую арендную плату за га в размере от 92 коп. до 1 р. 24 коп. или покупали земли в низовьях Аму-Дарьи по 29 руб. 90 коп. за га). Земли эти были не «свободными», т. е. на них жили или туземцы скотоводы или земледельцы. Концессионеры отбирали у них земли, или просто изгоняли их с насиженных земель, или превращали в бесправных арендаторов. Дехкане эксплоати-

---

[1]) Вл. Лаврентьев.—Указ. сочин., стр. 97—98.

ровались концессионерами путем сдачи дехканину в аренду его собственных же земель, отнятых насильственно концессионером, и путем продажи дехканину воды. Насколько выгоден был последний способ эксплоатации показывает, то, что некоторые владельцы водокачек получали с каждой орошаемой десятины чужой земли чистой прибыли более 40 руб.

Капиталистическое оросительное предпринимательство уже очень рано вошло в полосу кризиса. Оно и не могло разрешить то противоречие, которое создалось, с одной стороны, между развитием капиталистического орошения и докапиталистической формой производства дехканского хозяйства, и с другой стороны, между развитием капиталистического орошения и докапиталистическими, колониальными методами эксплоатации и просто грабежем дехканского населения. Эти противоречия, противоречия колониального развития Ср. Азии не могли быть уничтожены в системе капиталистического развития.

Российский капитал пошел также в железнодорожное строительство. Можно считать, что до 1907 года прирост ж. д. сети в Ср. Азии шел почти исключительно за счет казны. Только с этого года особенно усиливается проникновение частного капитала в эту отрасль народного хозяйства. В 1912 г. впервые открывается движение по частной жел.-дор. линии—Коканд-Наманган протяжением в 89,6 км и уже к началу октября 1917 г. общая протяженность частных железных дорог достигает 863 км., увеличение почти в 10 раз.

Главная роль в развитии частного ж. д. строительства принадлежала банкам. Так, например, Акц. Об-во Семиреченской жел. дор., Бухарские жел. дороги и некоторые др. были тесно связаны с Русско-Азиатским банком. Одним из активнейших участников жел. дорожного строительства этого банка был эмир бухарский, который использовал с большой выгодой и для себя и для банка свои феодальные права.

В отношении туземного скотоводства не принимались никакие меры улучшения: вся политика царского правительства сводилась здесь к освобождению лучших земель от кочевников скотоводов для заселения их русскими переселенцами. В результате летние и зимние стоянки были отрезаны друг от друга оседлым населением, кочевое скотоводство стало ощущать земельную тесноту, а переход к оседлости затруднялся тем, что лучшие земли были заняты переселенцами. Туземное скотоводство вступило в полосу кризиса.

Ко всем этим методам надо прибавить еще налоговую политику царского правительства. Своей налоговой системой оно все более и более разоряло маломощные хозяйства дехкан и тем препятствовало развитию производительных сил в

кишлаке. Так, сеющие до 5 танапов должны были платить из расчета 7,77 рубля за 1 га, а сеющие свыше 20 танапов—6,26 рублей. Получался обратный подоходный налог.

Государственный бюджет по Туркестанскому краю в 1913 году в доходной части слагался из поземельного налога (29,8%), таможенных сборов (27,77%), сборов с питей (10,3%) и т. д. С 1869 по 1900 г. фигурировиала статья «военное вознаграждение», т. е. контрибуции на хана хивинского, эмира бухарского и военная, пеня на туркмен (в среднем ежегодно ок. 3%, в 1869 г.—18%, в 1876—11,57%). В расходной же части первое место, более половины всех расходов 53,41%), занимали расходы на военное ведомство. На народное просвещение было израсходовано всего 4,27%. Государственный бюджет края дает ясную картину непроизводительных затрат народных средств.

Все эти мероприятия царского правительства и методы внедрения русского капитала привели к тому, что рост производительных сил в Средней Азии оказался зажатым в тиски. Здесь невольно напрашивается аналогия с Индией. «На большой части громадного пространства Индии крестьянское хозяйство долгое время оставалось жертвой торговой эксплоатации англичан, не пользуясь положительными сторонами капиталистического развития. В результате—отсутствие видимых признаков прогресса в сельском хозяйстве. Большинство земледельцев—бедняки—страдают от недостатка земли и орудий производства. А более богатые крестьяне и крупные помещики не ощущают никаких стимулов к восприятию новых методов ведения хозяйства и предпочитают сдавать землю мелкими клочками полунищим арендаторам. На этой почве прогресс хозяйства, конечно, невозможен. Нередко наблюдатели отмечают даже определенный регресс» [1]).

Развитие производительных сил в Средней Азии задерживалось, задерживались вместе с тем и развитие географического разделения труда и специализации отдельных районов Средней Азии. Начавшийся быстрый рост отдельных отраслей хозяйства и дифференциация районов встретили препятствие в колониальной политике российского империализма.

Выше уже говорилось о возникновении новых отраслей сельского хозяйства и промышленности в Средней Азии под влиянием внедрения российского капитала. Эти отрасли хозяйства, участвуя в географическом разделении труда в си-

---

[1]) Статья Ф. Дингельштадта—„К вопросу об аграрной революции в Индии“ в журнале „На аграрном фронте“ за 1926 г., № 2, стр. 81.

стеме народного хозяйства России, входили в производственную связь с отраслями хозяйства, находящимися в России (напр., хлопковое х-во дехканина с текстильной промышленностью Центральных губерний России и с зерновыми хозяйствами русских крестьян и т. д., о чем говорилось подробно выше). Но эти же отрасли хозяйства, возникшие под влиянием российского капитала и в интересах этого капитала, оказывали сильное влияние на весь хозяйственный уклад той местности, где они возникли. Устанавливалась сложная форма производственной связи между всеми отраслями хозяйства, находящимися на данной территории. Такая связь существовала и до внедрения русского капитала, но она, во-первых, не охватывала все отрасли, находящиеся в данной местности, во-вторых, связь эта внедрялась не глубоко в отдельные хозяйства и, в-третьих, связи устанавливались на иных социальных отношениях, до капиталистических, и в четвертых, форма связи была иной, не существовало резко выраженной специализации, т. е., эти связи не устанавливались вокруг одной или нескольких основных отраслей хозяйства. Да это и понятно, т. к. в то время преобладала натуральная форма хозяйства.

Кроме того, повторяем, мы тогда имели совершенно иные социальные отношения, чем теперь, так как они складывались при иных способах производства, в условиях феодального общества.

Внедрение капиталистического способа производства, развитие железнодорожного транспорта, товарных отношений, новых отраслей хозяйства, как уже говорилось, установили новые формы производственных отношений и связей внутри отдельных территорий и тем создавали отличные друг от друга территориально-хозяйственные комплексы, экономические районы.

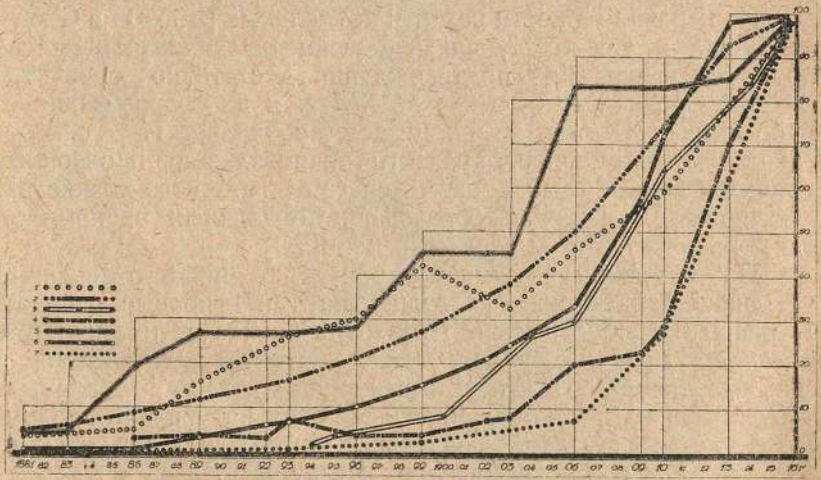
Формирование отдельных экономических районов в Средней Азии в этот период происходил на основе закона капиталистического способа производства и воспроизводства хозяйства, на основе закона неравномерности развития капитализма.

На всем протяжении 2-й главы второго раздела мы видели, как с внедрением капиталистических отношений, с установлением капиталистического способа производства, превращением промышленного капитализма в финансовый происходило усиление, с одной стороны, неравномерности развития отдельных отраслей хозяйства и отдельных районов в Средней Азии и, с другой стороны, неравномерности развития Средней Азии—колоний и России—метрополии. Если в докапиталистический период процесс производства в Сред-

ней Азии совершался почти в неизменных условиях и в прежних размерах и требовалось несколько десятков и сотни лет для расширения размеров и рамок отдельных отраслей хозяйзяйства и хозяйства отдельных районов, то теперь, в капиталистический период, процесс производства совершается в быстро изменяющихся условиях и размерах и в несколько лет меняются сущность, формы, размеры и рамки отдельных отраслей хозяйства и отдельных районов Средней Азии.

Мы видили, что в данный период одни отрасли хозяйства Средней Азии обгоняют в своем развитии другие, иные отрасли задерживаются, приходят в полный упадок и т. д. Этот процесс неравномерности развития отдельных отраслей хозяйства Средней Азии иллюстрируется диаграммой— «Темпы роста основных элементов народного хозяйства Средней Азии (в %% к 1916 г.)». Неравномерность развития от-

Темпы роста элементов народного хозяйства Ср. Азии
(в процентах к 1916 г.).

Условные обозначения: 1—кривая роста хлопковой площади, 2 — кривая роста числа фабрик и заводов, 3 — кривая роста числа прессов в хлопково-маслобойной промышленности, 4—кривая добычи каменного угля, 5 - длина ж.-д. линий, 6 — кривая роста числа филиалов банков, 7—кривая роста коммерческого кредита.

Примечание. Эти показатели нами взяты не потому, что они являются наиболее показательными темпа роста основных элементов народного хозяйства Ср. Азии, а потому что по ним мы располагали соответствующими данными. Было бы лучше рост фабрик и заводов заменить ростом промышленной продукции, а на ряду с длиной ж.-д. линий дать и рост жел.-дорожных перевозок.

Об'яснение см. в тексте, стр. 315—316.

дельных элементов народного хозяйства Средней Азии особенно усиливается после 1905—1906 г., в последнем этапе развития капитализма, в период империализма. До этого периода особенно ярко бросается в глаза неравномерность развития сельского хозяйства (хлопок) и промышленности (например, каменный уголь). После 1905—1906 г. характерен усиление темпа роста кредитных операций и относительно более замедленный темп развития хлопководства. Важно сравнить темп роста посева хлопка с ростом числа фабрик и заводов и числа пресса в хлопково-маслобойной промышленности: темп роста хлопковой площади в XX столетии больше темпа роста этих двух последних; в начале XX века темп роста хлопковой площади сильно падает и значительно усиливается только с 1910 г.; темп роста фабрик и заводов уменьшаются в 1913 г., а рост числа прессов, усиливаясь с 1906 г., обгоняют темпы роста этих элементов народного хозяйства, но затем с 1910 г. этот темп снижается и уступает даже темп роста хлопковой площади, и т. д.

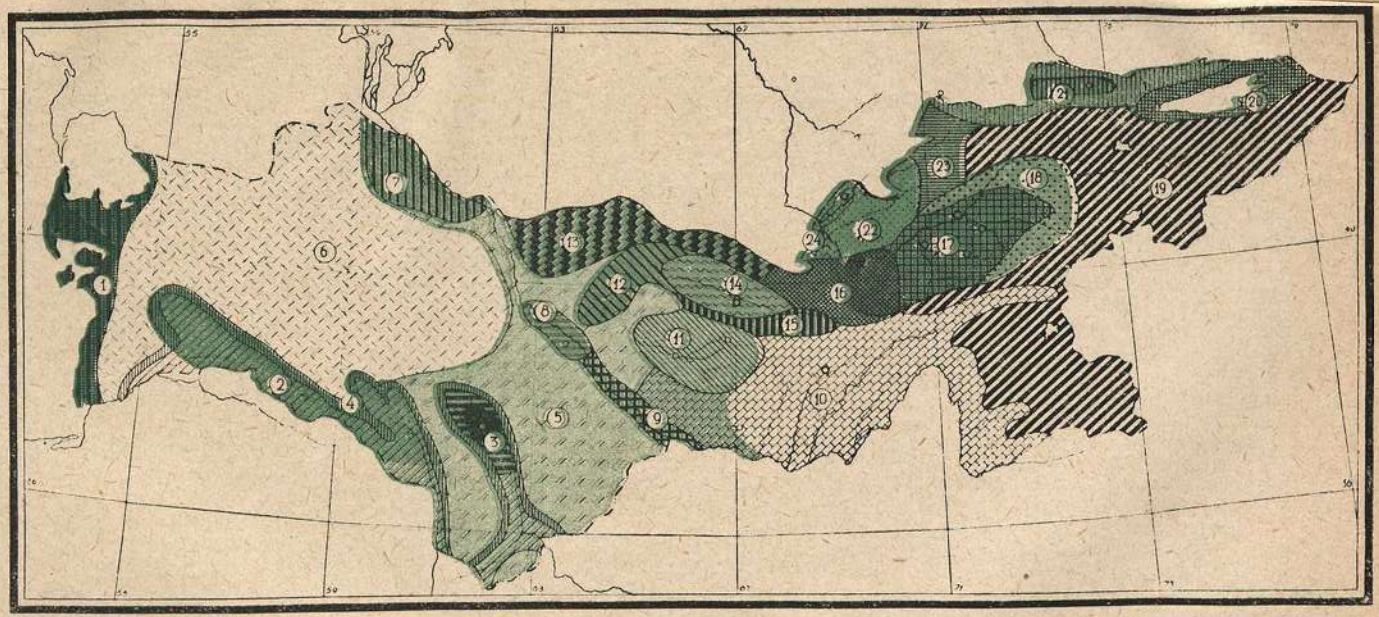
На неравномерности развития отдельных районов в Средней Азии и Средней Азии и России мы останавливались подробно выше. Для подтверждения достаточно сравнить районы Средней Азии в начале XIX в. и их собразование с районами в XX веке и процесс их создания. На основе закона неравномерности развития капитализма произошла специализация Средней Азии в системе народного хозяйства Российской империи и образование отдельных экономических районов внутри Средней Азии.

По создавшимся типам производственных отношений Среднюю Азию можно разделить на три основные района: 1) район наиболее быстрого развития капиталистических отношений, 2) район с средним темпом развития капиталистических отношений, со значительными еще остатками феодальных пережитков и 3) район с преобладанием натуральных форм хозяйства, с остатками феодальных и родовых отношений, где капитализм также начал их разрушать.

К первому относятся, с одной стороны, наиболее хлопковые и промышленные районы края (Фергана, Ташкентский район, Мервский, Красноводский) и с другой стороны, районы колонизации, где очень быстро развивались капиталистические отношения фермерского типа (Пишпекский район и Голодная Степь).

Ко второму району относятся районы, расположенные вдоль железных дорог и специализирующиеся на хлопке, рисе, садоводстве, виноградарстве и т. д. и некоторые более отдаленные от железных дорог скотоводческие и земледельческие районы, специализирующиеся на хлопке, каракуле,

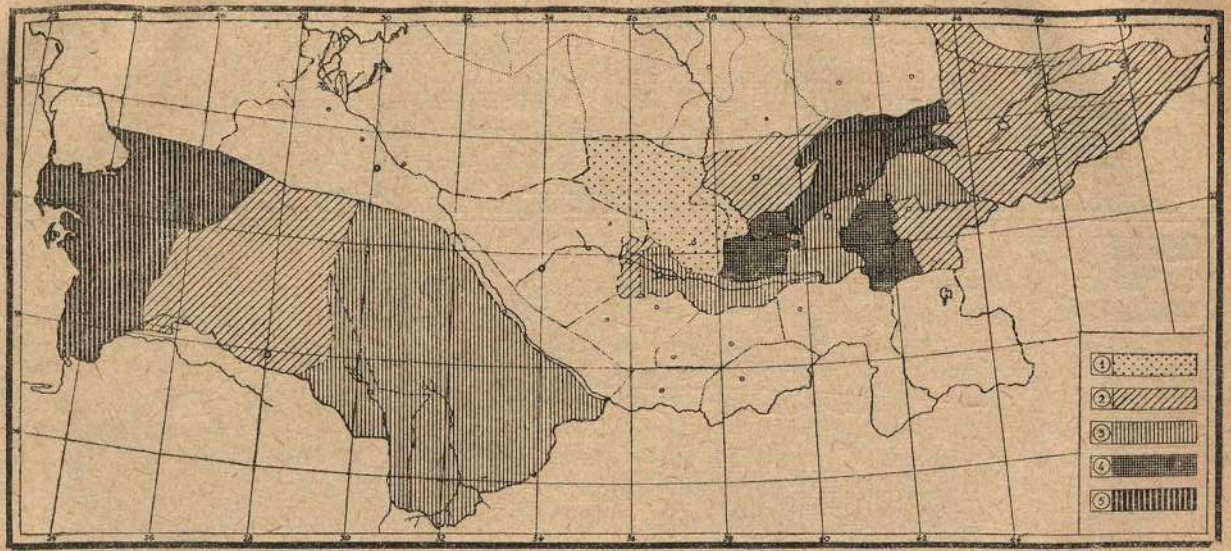
Схематическая карта экономических районов Средней Азии

Условные обозначения: Густотой краски обозначены районы большего или меньшего внедрения капиталистических отношений (напр., наиболее густая краска—районы наибольшего внедрения капитализма: Фергана Голодная степь, Ташкентский район, Мургабский район, Красноводский, Пишпекский, и т. д.) **штриховкой** выделены районы по направлению хозяйств (по специализации), номерация которых согласовано с текстом,

Об'яснение к карте см. в тексте стр. 316—333

ртограмма хозяйств без рабочего скота в Туркестане в 1917 г. (процент хозяйств без рабочего скота).

Условные обозначения: 1—районы, в которых процент хозяйств без рабочего скота составляет от 10 до 20%. 2—от 20 до 30%, 3—от 30 до 40%, 4—от 40 до 50% и 5—свыше 50%.

Наибольший процент хозяйств без рабочего скота приходится на Красноводский уезд (88,7%) и на Наманганский (50,8%). В первом случае это об'ясняется, кроме сильной дифференциации декханского хозяйства, еще и слабым развитием земледелия. Значителен процент хозяйств без рабочего скота в Ходжентском уезде (47,6%) и в Скобелевском (Ферганском) уезде (43,4%). Незначительность процента хозяйств без рабочего скота в Голодной Степи об'ясняется тем, что здесь большой процент хозяйств переселенцев. См. также описание отдельных экономических районов Ср. Азии (стр. 316—332).

Картограмм хозяйств без посева в Туркестане в 1917 году (процент хозяйств без посева).

Условные обозначения: 1—районы, в которых процент хозяйств без посевов составляет от 5 до 10%, **2**—от 10 до 15%, **3**—от 15 до 20%, **4**—от 20 до 30%, **5**—от 30 до 40%, **6**—от 40 до 50% и **7**—свыше 50%.

При рассмотрении этой картограммы надо иметь ввиду, что проценты беспосевных вычислены ко всему сельскому населению, а не только земледельческому, а также и то, что эти данные, как и отдельно взятые данные о хозяйствах без рабочего скота, не дают характеристики расслоения дехканского хозяйства, т. к. не учитывают наем раб. силы, чайрикерство, аренду и т. д.

Красноводский (96,7%) и Нарынский (47,8) уезды выделяются как районы с наибольшим процентом беспосевных хозяйств. Общим между этими уездами является то, что они оба скотоводческие, кочевые

районы (см. картограмму распространения кочевых хозяйств в Туркестане, стр. 231). Красноводский уезд является, кроме того, районом промысловым. В этих двух уездах очень высок также процент безземельных хозяйств (51,2% в Красноводском уезде и 34,2% в Нарынском). Характерно также, что в этих уездах очень слабо развиты арендные отношения. Близким по типу земельных отношений к этим уездам является Ошский уезд, где также слабо развиты арендные отношения и довольно высок процент безземельных (20,9%); разница здесь в том, что процент беспосевных здесь средний (21,4%); это об'ясняется тем, что этот уезд является переходным к типу других Ферганских уездов. В остальных уездах Ферганской области процент беспосевных относительно незначителен (так в Кокандском уезде—11,0%, в Андижанском—12,6%, в Наманганском—14,4%, в Скобелевском—16,1%). В этих уездах незначителен также процент безземельных (от 1,5% до 3,9% в разных уездах). Но зато здесь значительно развиты—арендные отношения (от 9,2% до 18,9% арендующих землю хозяйств и от 13.4% до 24,1% сдающих по отдельных уездам), парцелярность дехканского хозяйства и классовое расслоение в кишлаке (см. стр. 360 и др.). Близкими к Ферганскому типу земельных отношений являются уезды Катта-Курганский, Самаркандский и Ташкентский. Разница в том, что в этих уездах арендные отношения развиты слабее и дехканские хозяйства менее парцелярны. Своеобразными являются земельные отношения в Голодной Степи, где значителен процент безземельных (26,2%), арендующих (22,9%) и сдающих (22,9%) землю хозяйств при среднем проценте беспосевных (21,9). Здесь сказалась колонизация района русскими и внедрение капиталистических отношений в сельское хозяйство отличное от внедрения в Ферганскую область. Джизакский район напоминает Ошский район (процент безземельных 14,0% и процент арендующих и сдающих землю хозяйств по 0,2%). Ходжентский уезд выделяется значительным процентом беспосевных (39,3%) при небольшом проценте безземельных (0,4%) и слабом развитии арендных отношений (арендующих хозяйств 0,4% и сдающих 0,6%). Здесь сильно расслоение кишлака и значителен процент хозяйств, имеющих свыше 10 га земли. Мервский, Тедженский и Ашхабадский уезды Закаспийской области характеризуются средним и ниже среднего процентом беспосевных (17,1%, 13,3% и 21,9%) при сильном развитии арендных отношений, выше чем в других районах Туркестана (процент арендующих 16,7% в Ашхабадском уезде, 22,7% в Тедженском и 31,2% в Мервском, процент же сдающих составляет 17,9% в Ашхабадском, 18,59% в Тедженском и 43,7% в Мервском). Безземельных хозяйств в этих уездах около 10% (8,1% в Тедженском, 9,2% в Мервском и 11,8% в Ашхабадском). О своеобразных земельных отношениях в этих уездах (санашниковая форма и др. см. также в тексте стр. 322).

опийном маке и др. (Самаркандский, Бухарский-Призеравшанский, Кашка-Дарьинский, Хивинский и др.).

К третьему району относятся отдаленные от железных дорог и основных хлопководческих и промышленных районов Средней Азии районы горных и степных частей края (горы Семиречья, Ферганы, Памира, Восточной Бухары, и пески Кара-Кума и Кызыл-Кума).

Такое деление Средней Азии на три района по типам производственных отношений является основным, но не достаточным. Внутри этих районов мы имеем значительные своеобразия в зависимости от различий в специализации отдельных местностей на той или другой отрасли, от различий в сочетании отраслей вокруг этой основной специализации.

Поэтому мы должны, положив в основу деление на эти три района, произвести более детальное районирование, точнее, выделение более мелких районов, сложившихся в результате внедрения капитализма в Среднюю Азию.

Начнем обзор этих районов с Запада на Восток.

С установлением связей Средней Азии с Россией через Каспийское море, с переселением туда, рыболовов, открытием нефтяных промыслов, территория вдоль побережья Каспийского моря с центрами в Красноводске и Чикишляре превратилась в район капиталистический промыслово-портовый (№ 1 по карте экономических районов Ср. Азии). Здесь главные отрасли хозяйства—нефтяная промышленность (около Красноводска остров Челекен) и рыболовство. Превращение Красноводска в начальный пункт Средне-Азиатской железной дороги и в конечный пункт Каспийского пароходства и создали портовый характер района. Остальные отрасли хозяйства (скотоводство, полеводство) играли чисто подсобную роль к этим основным отраслям. На нефтяных промыслах занято в среднем около 200 рабочих. Капиталистические отношения в этом районе проникают через нефтяную промышленность, рыбные и сольные промыслы. В нефтяные промыслы, проник иностранный капитал (см. выше, стр. 285). Окрестные дехканские хозяйства в значительной степени продолжали носить натуральный характер.

Далее в Закаспийской области вдоль железной дороги и по долинам рек Теджена и Мургаба возникли оседлые земледельческие районы, которые к западу носили смешанный зерново-хлопководческий характер (№ 2), а к востоку (особенно по долине Мургаба)—хлопководческий характер (№ 3)—район торгового земледелия. Хлопководство в некоторых районах занимало свыше 50% посевов и выступало как главная, организую-

Картограмма промыслов сельского населения Туркестана в 1917 г.
(процент хозяйств с промыслами).

Условные обозначения: 1—районы, в которых процент хозяйств с промыслами менее 10%, **2**—от 10 до 20%, **3**—от 20 до 30%, 4—от 30 до 40%, 5—от 40 до 50% и **6**—свыше 50%.

Промыслы меньше всего развиты в Нарынском уезде и затем в Кракольском (в первом почти нет хозяйств с промыслами, а во втором их всего 3,2%). Незначителен также процент (менее 20) хозяйств с промыслами в Пишпекском (12,9%), Тедженском (16,0%) и Мервском (19,3%) уездах. Наибольший процент хозяйств с промыслами приходится на Красноводский уезд (93,8%), затем идут Наманганский (60,7%) и Скобелевский (54,1%) уезды. Также надо отметить значительность процента хозяйств с промыслами в полосе Самарканд—Андижан (Самаркандский уезд — 48,8%, Ходжентский — 46,2%, Кокандский — 47,2%, Андижанский — 49,8%). География распространения промыслов сельского населения, как видно, тесно связано с развитием товарности хозяйства. Красноводский уезд выделяется как район портовый, рыболовства и горной промышлен.

Эту картограмму необходимо также сравнить с картограммой хозяйств без рабочего скота (стр. 317) и с схематической картой экономических районов Ср. Азии (стр. 316—317).

щая отрасль хозяйство. Под влиянием развития хлопководства резко менялся весь хозяйственный уклад района: родовые отношения быстро разлагались и приспосабливались к капиталистическому способу производства, производственные отношения стали в значительной степени похожими на другие хлопковые районы, системы полеводства и севооборота приняли направление резко выраженного монокультурного типа, благодаря чему сильно увеличилась товарность хозяйства. Соответственно и скотоводство стало носить характер рабоче-продовольственный. Характерно что, на мюльковых землях, т. е. землях частного владения, в 1916 году в Мервском уезде хлопковые посевы занимали 49,5%, а пшеница всего 18,5%, тогда как на санашниковых землях, т. е. землях общинно-родовых, под хлопком было всего 5%, а под пшеницей—90,8% [1]). Эти данные говорят о том, что развитие хлопководства в районе разрушало общинные формы землевладения и превращало землю в частную собственность отдельных хозяйств, превращала ее в товар. Надо отметить, что санашниковая форма землепользования стала особенно быстро разлагаться после 1900 года, когда мы имеем очень быстрый темп развития хлопководства в Закаспийской области (в 1900 г. под хлопком было занято 11 тыс. га, а в 1903 году уже около 24,2 тыс. га и в 1904 даже свыше 34,1 тыс. га). Хлопководство в этом районе имело тенденцию к быстрому развитию. В 1890—92 г. доля хлопководства этого района ко всей хлопковой площади туркестана равнялась 1,1%, а в 1913—18 г. г. она составляла уже 11,4%. Огромную роль сыграло в этом отношении проведение ж. д., возможность подвоза дешевого хлеба изменение в соотношении цен на хлопок и пшеницу. Там, цена на 16,4 кг хлопка в 1890 г. до проведения ж. д. равнялась 1 р. 60 к., а цена пшеницы—1 р. 40 к., в 1897 г. с проведением ж. д. цена на хлопок повышается до 2 р. 40 к., тогда как цена на пшеницу падает до 60 коп. Вокруг городов возникли о г о р о д н ы е х о з я й с т в а, которые сбывали свои продукты в городах (Ашхабад и Мерв).

На окраинах земледельческих оазисов возникли р а й о н ы своеобразного п а с т б и щ н о-з е м л е д е л ь ч е с к о г о х о з я й с т в а (№ 4), где организующими отраслями выступали земледелие—преимущественно зернового характера—и пастибщное скотоводство (овцы, верблюды, козы). О причинах возникновения такого сочетания отраслей в сельском хозяйстве мы говорили выше (см. стр. 272—273). В этом районе хозяй-

---

[1]) В. В. Р у с и н о в—Водоземельные отношения и община туркмен Ташкент, 1918 г.

Картограмма цен на пшеницу в Туркестане (цена муки пшеничного размола в 1915 г. в копейках за 16,4 клг.).

У ловные обозначения: 1—районы, где цена на пшеничную муку менее 100 коп. за 16,4 клг., 2—районы, где цена на пшеничную муку от 150 до 175 коп., 3—от 175 до 200 коп., 4—от 200 до 225 коп., 5—от 225 до 250 коп. и 6—свыше 250 коп.

Наиболее высокие цены на муку пшеничную, как и следовало ожидать, были в Ферганской области, в особенности в Андижанском уезде (256 коп.), а наименьшие—в Семиречье (от 84 до 87 коп.).

ства, более близкие к железным дорогам и городам, сбывали свои продукты на рынок и теряли натуральный характер хозяйства.

Районы Закаспийской области, лишеные воды для орошения и находящиеся вдали от железной дороги, оставались скотоводческими, кочевыми, и чем дальше от железной дороги, тем более натуральными, где родовые отношения продолжал играть значительную роль. В этих районах № 5 преобладающими видами скота являлись овцы, верблюды, козы и лошади (специальные туркменские лошади). Район перекочевок был незначительным и направлялся от одного колодца к другому, а большею частью происходил вокруг одного—двух колодцев

Скотоводческие хозяйства (кочевые и пастбищно-земледельческие) к востоку, ближе к Аму-Дарье и железным дорогам, специализировались на высоко-рыночной отрасли—на каракулеводстве. В этих районах, районах торгового скотоводства (№ 6), классовое расслоение среди скотоводов было наибольшее, товарность хозяйства высокая. Каракулеводческие районы по типу производственных отношений являются своего рода хлопководческими районами в скотоводстве (см. выше стр. 268—270).

В пределах Бухарского и Хивинского ханств сказываются влияния социально-экономических отношений, сложившихся в этих ханствах, и нового фактора—реки Аму-Дарьи, транспортный фактор и фактор орошения, особенно в пределах Хивы.

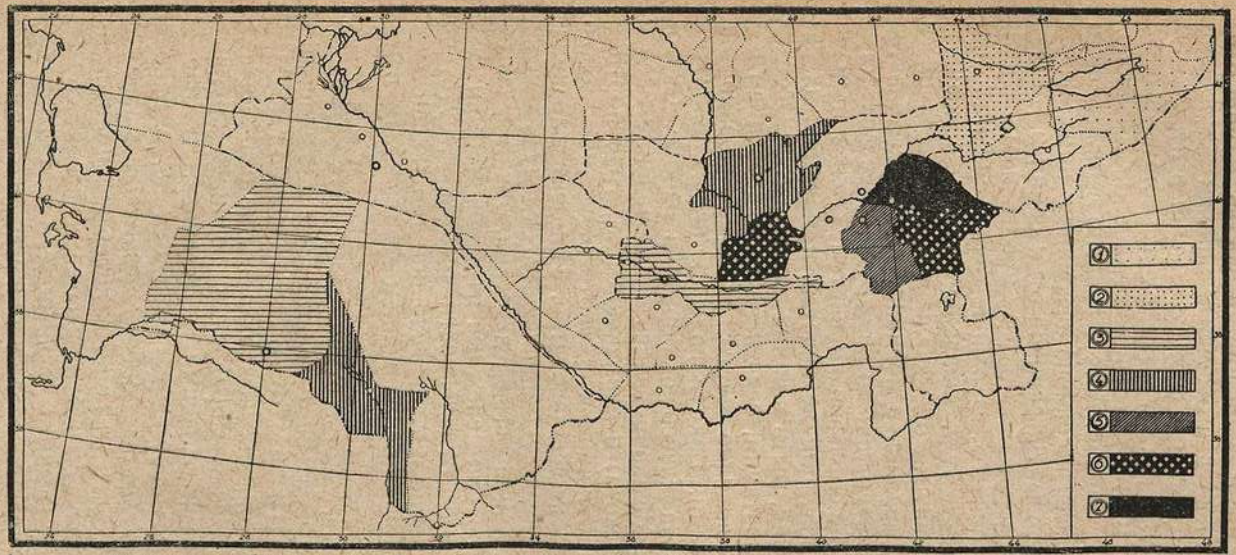
Развитие феодализма в земледельческих оазисах Хивы отразилось и на окружающие кочевые и полукочевые хозяйства туркмен. Так в Ташаузском районе, отдаленном от влияний капиталистических отношений, разложение рода и возникновение новых социальных отношений происходило в иных условиях, чем в Мервском, Тедженском, и Ашхабадском районах. Здесь шел усиленный процесс феодализации и возникали крупные феодалы, большей частью бывшие родоначальники, которые захватили в свои руки громадные земельные площади и превратились в настоящих князьков (например, Джунаид-хан). В земледельческих районах наместники хана (атталык) получали иногда от последнего в наследственное пользование землю и воду целых кишлаков и даже районов вместе с дехканами. В Чарджуйском и Керкинском округах Бухарского ханства под влиянием бухарского ханства, под влиянием бухарского феодализма и внедрения русского капитала разложение родового строя отличалось и от Ташаузкого и от Мервского и др. районов. Здесь еще очень рано возникло подворно-участковое поль-

зование землей, получили также развитие вакуфы и танхо.

Аму-Дарьинский отдел и части Мангышланского уезда и Хивинского ханства, ныне входящие в состав Кара-Калпакской А. О., делятся на два основных района: земледельческий по долине Аму-Дарьи и скотоводческий в песках пустынь. Основными культурами земледелия были зерновые (68% всех посевов в 1913 г.). Товарное значение имели посевы люцерны (11%), семена которой экспортировались в значительном количестве из района заграницу под названием «хивинская люцерна». За скупкой этих семян в Чимбай приезжали агенты гамбургских и др. иностранных фирм. Посевы хлопка занимали 9%. В районе очень сильно было влияние феодалов, баев и мулл. Феодальные методы эксплоатации были сильно развиты. Родоначальники, превратившиеся в феодалов, перекладывали все повинности и обязательства (как денежные, так и натуральные) на окружающее дехканство (система—бихит). Баи использовали систему взаимопомощи (кумек) в целях эксплоатации дехканства, принуждая их работать на байских полях, рыть для них арыки и т. д. Особенно была сильна эксплоатация, связанная с пользованием водой, т. к. все земледелие этого района основано на искусственном орошении. Вокруг воды и натуральных повинностей (казу) и шла классовая борьба в районе. Скотоводческие районы специализировались на разведении овец и коз (70% всех голов скота) и верблюдов (5%, транспортное средство). Товарные отношения в скотоводческие хозяйства проникали через каракулеводство. Процент каракулевых овец в 1913 г. по Аму-Дарьинскому отделу равнялся 46,7% от всех овец. Как в земледельческих, так и в скотоводческих районах товарно-денежные отношения были развиты еще слабо, ввиду отдаленности района, отсутствия хороших путей сообщения и т. д. Основной тип хозяйства—натуральное хозяйство с преобладанием феодальных отношений.

В Хивинском оазисе, у устья реки и у берегов Аральского моря продолжает развиваться с давних пор сложившийся район промысловый—рыболовства и охоты. С переселением в район уральских казаков развитие рыболовства приняло капиталистическое направление, возникли крупные предприятия с наемными рабочими из туземцев. В Хиве, в районах, орошаемых из Аму-Дарьи, и в Бухаре, в районе скрещивание реки с железной дорогой возникают районы земледельческого хозяйства, которые специализируются на хлопководстве, зерновых культурах и на бахчеводстве (дыни) (№ 7). Кроме того, организующими отраслями выступают каракулеводство в ското-

Картограмма заработной платы сельхоз. рабочих в Туркестане
(зарплата пешего рабочего на своих харчах в копейках в день в 1915 г.).

Условные обозначения: 1—районы, где заработная плата пешего рабочего на своих харчах в день была менее 75 копеек, 2—от 75 до 100 коп., 3—от 100 до 125 коп., 4—от 125 до 150 коп., 5—от 150 до 175 коп., 6—от 175 до 200 коп. и 7—свыше 200 копеек.

Наиболее высокая заработная плата сельхоз. рабочих была в Ферганской области и в Ходжентском уезде, в частности в Андижанском уезде зарплата в среднем равнялась 229 коп., а наименьшая—в Семиречии, в частности в Каракальском уезде—70 коп. Такова же картина географии зарплаты рабочего с лошадью на своих харчах, а именно: в Андижанском уезде—361 коп., а в Пишпеке—164 коп. и в Караколе—144 к.

Интересно сопоставить эти данные с картограммой цен на пшеничную муку (см. картограмму на стр. 323), с зарплатой промышленных рабочих (см. стр. 306) и со стоимостью харчей. Стоимость харчи за 1 месяц в 1915 году была 18,0 руб. в Ферганском (Скобелевском) уезде, 15,3 руб. в Андижанском, 13,1 руб. в Ходжентском, 10,8 руб. в Ташкентском, 10.3 руб. в Мирзачульском (Голодностепском), 10,2 в Ашхабадском и т. д.

водческих хозяйствах и вдоль Аму-Дарьи с центром в Чарджуе—солодковая промышленность (№ 8). К югу развивается центр коврового производства, который организует скотоводческое хозяйство туркмен вокруг этой отрасли хозяйства (шерсть, перераспределение рабочей силы, внедрение денежных форм в хозяйстве) (№ 9).

Разложение натуральных форм хозяйства, развитие товарно-денежных отношений и внедрение капитализма в этих районах шло через эти основные отрасли хозяйства (хлопководство, бахчеводство, каракулеводство, солодковая промышленность и ковровое производство). Процесс развития капиталистических отношений в этих районах задерживался значительными пережитками феодальных отношений, которые в районах Хивы и Бухары сохранились сильнее, чем в районах Туркестана.

Остальная территория Бухары разделяется на три района.

Горная часть Бухары—Восточная Бухара, с примыкающим к ней Памирским районом (№ 10, оторванная от рыночных центров, с плохими путями сообщения, с тяготением части населения к Индии, Афганистану и отчасти Китаю, продолжает в значительной степени носить натуральный характер, где господствуют феодальные отношения при значительных пережитках родовых отношений, где нет резко выраженных специализированных районов. По долинам занимаются земледелием, главным образом засевают зерновые культуры для личной потребности и скотоводством—овцеводство, каракулеводство (туркмены), а в предгорьях и горах скотоводством, разводят крупный рогатый скот и овец и в небольших размерах зерновым хозяйством (киргизы). Таджики главным образом заняты земледелием. Значительную роль в хозяйстве таджиков имеет разведение тутовых деревьев. Тут является одним из основных продуктов питания у горных таджиков. Из Каратегинского района, как уже отмечалось выше, часть населения (гл. обр. таджики) идут за заработки в Фергану. Рыночные отношения проникают в этот район главным образом через крупный рогатый скот и отхожие промыслы. Скот гонится из Восточной Бухары на север и северо-восток. Товарность хозяйства выше в долинной части в районах, примыкающих к таким торговым центрам, как Сарай-Камар и др. В равнинной части в земельных отношениях существовала система «танхо» (см. выше, стр. 206), а в горной части (напр. Гармский район), где земельные участки незначительны, эмир бухарский практиковал отдачу своим приближенным вместо земельных участков с дехканами, одних дехкан, которые должны были

работать на них. На горах, в районах добычи золота налог брался в натуре золотом.

Северо-западнее Горной Бухары район Кашка-Дарьинский (№ 11) продолжает специализироваться на земледелии—зерновые культуры, рис, садоводство (гранаты) и виноградарство—и продолжает выполнять роль житницы Бухары, каковую он должен теперь делить с земледельческиими зерновыми районами России. В скотоводстве организующей отраслью является каракулеводство. Этот район по типу производственных отношений занимает переходное положение между Восточной Бухарой и Зеравшанским районом Бухары, который является наиболее товарным и капиталистически развитым районом бывшего Бухарского ханства.

После победы американского хлопка над гузой, после перемещения центра хлопководства в Фергану, Зеравшанский район Бухары (№ 12) теряет в целом резко выраженную хлопковую специализацию, наряду с хлопком, организующими отраслями выступают люцерна, шелководство и каракулеводство. В 1916 году посевы хлопка занимали 30% всех посевов на поливных землях, посевы люцерны 13,2%. В посевах хлопка преобладал туземный хлопок (гуза)—51,4% всех хлопковых посевов. Значительная часть хлопка гузы потреблялась в самом хозяйстве—в производстве маты. Но и в этом районе американский хлопок постепенно вытесняет гузу. Производство каракулевых шкурок и торговля ими является наиболее характерной чертой этого района с центром в г. Старой Бухаре. Каракуль идет в Старую Бахару не только из районов Бухарского ханства, но также и из Хивы, Закаспия и даже из Афганистана.

Северные пустынные районы Бухарского ханства остаются районами кочевого скотоводства и специализируются на овцеводстве, верблюдоводстве и, отчасти, на каракулеводстве (№ 13).

Наличие железной дороги, разнообразие в рельефе и богатство водой для орошения способствуют образованию в долинной Призеравшанской части Самаркандской области садоводственно-рисового направления хозяйства, с рабоче-потребительским скотоводством (№ 14). Такому направлению хозяйства, за счет значительного развития хлопководства, способствуют также: 1) конкуренция существовавшего раньше под боком к западу Бухарского хлопководческого района, а затем возникшего под боком же на востоке Ферганского хлопководческого района и 2) возможность развития посевов риса, благодаря обеспеченности водою и наличию рынка в хлопководческих районах для его сбыта. В этом районе мы также имеем общую

тенденцию к развитию хлопководства за счет зерновых культур (без риса). Так в 1889—1892 гг. на долю хлопчатника приходится всего 7,6% всех посевов, а в 1915 г. уже 18,7%, тогда как процент зерновых культур за тот же период понизился с 54,5% до 39,7%. Процент посевов под рисом остался почти без изменения: 24,6% в 1889—1892 гг. и 24,0% —в 1915 г. [1]). Но развитие хлопководства идет здесь в сравнении с другими районами очень медленно, тогда как в других районах хлопководство с конца XIX века до войны возросло в 3,5 и более раз, здесь не более чем в два с половиной раза.

Этот район по развитию товарности и капиталистических форм хозяйства занимает переходное положение от центрального Бухарского (Зеравшанского района) к Ферганскому долинному району, где капитализм достиг наибольших результатов в районах оседлого туземного населения.

В предгорьях Самаркандской области, где существует возможность богарного и богарно-поливного земледелия, хозяйства специализируются на зерновых культурах и скотоводстве,—разводят больше овец, коз и лошадей; здесь товарно-денежные формы хозяйства играют уже значительно меньшую роль, чем в долинной части области (№ 15).

Скотоводство в районах соседних с Бухарским ханством, специализируется также на каракулеводстве, но каракулеводство здесь уже не играет роли организующей отрасли, дающей облик району, устанавливающей его тип. Скотоводческие хозяйства носят здесь более натуральный характер, чем в основных каракулеводческих районах.

Об установлении типа хозяйства в долинных районах Ферганы (наиболее ярко выраженный в условиях Ср. Азии район торгового земледелия), уже говорилось выше при анализе развития хлопководства в Средней Азии. К западу устанавливается район смешанного садово-хлопкового типа (№ 16), а к востоку—район хлопкового типа (№ 17), район резко выраженной монокультуры. Скотоводство носит подсобный к хлопковому хозяйству характер. Все отрасли хозяйства организуются вокруг хлопка: изменяются формы хозяйства, типы производственных отношений, системы полеводства и севооборот, которые целиком подчиняются интересам хлопководства и тем социальным отношениям, которые возникают в хлопководстве в связи с проникновением русского капитала в эти районы.

[1]) Предтеченский—Сельское хозяйство и задачи ирригации в Зеравшанской долине. М. 1921 г., стр. 7.

Здесь мы имеем наибольшее развитие в Средней Азии хлопковой промышленности (хлопкоочистительной, маслобойной и др.), здесь также развиты шелковая, пищевая, нефтяная и другие отрасли промышленности, здесь сосредоточен наибольший процент фабрично-заводских рабочих, а также наибольший процент сельскохозяйственных рабочих; капитализм достиг здесь наибольших результатов, перед войной и революцией мы здесь имеем сильную концентрацию промышленности, возникновение монополитических об'единений, наибольшее развитие классового расслоения в Средней Азии. Но все же в сельском хозяйстве продолжают еще существовать значительные пережитки феодальных методов эксплоатации (см. выше о развитии хлопководства—чайрикерство и др.).

В предгорьях на поливно-богарных землях возникает район смешанного зерново-хлопководческого хозяйства (№ 18). Одновременно Ферганские долинный и предгорный районы являются районами промышленными. Здесь сосредоточены наиболее крупные предприятия в обрабатывающей промышленности, здесь выделяется с давних пор возникшая горная промышленность. Эти отрасли хозяйства совместно с хлопководством дают характеристику этой части Ферганской области. Поэтому долинно-предгорные районы Ферганы необходимо характеризовать как районы промышленно-хлопководческие, с уклоном на западе в сторону садоводства и в предгорьях—в сторону зернового хозяйства. Если на востоке возникли районы монокультуры—хлопководства, то на западе возникли монокультурные районы—садоводства, напр., урюковые районы Канибадама и Исфары.

Горные районы остаются районами кочевого скотоводства (№ 19). Главным образом разводят овец, коз и лошадей. Скот сбывается в значительной мере в хозяйствах хлопководческого района.

Такую же роль для хлопководческих районов Ферганы, но с сохранением в большей мере натуральных форм хозяйства играют и горные районы Нарынского, Пишпекского и отчасти Каракольского районов. Эти горные районы остаются районами кочевого скотоводства киргиз.

По долинам Нарынского района возникают земледельческие участки, где засеваются зерновые культуры, но их роль незначительна, и они не определяют тип Нарынского района, который является районом кочевого горного скотоводства.

Районы горного кочевого скотоводства (№ 19) остаются районами в значительной степени натурального хозяйства, районами феодализации, а местами разложение и феодальных, и родовых отношений под влиянием внедрения капитализма (в районах более близких и хлопководческим).

Долины же Каракольского (№ 20) и Пишпекского (№ 21) районов, в связи с переселением туда дунган, таранчи и русских с определенными трудовыми навыками, развитием культуры риса, мака и др. и внедрением капиталистических отношений, выделились в самостоятельные районы с особым направлением развития хозяйства. Каракольский район специализировался на маке и зерновых культурах, рисе и садоводстве (№ 20).

Наиболее же товарными хозяйствами являются, производящие опийный мак и затем рис. (см. стр. 272).

Хозяйства русских переселенцев выделяются в этих районах, как и во всей Средней Азии как наиболее машинизированные. Тогда как в хлопководческих хозяйствах Ферганы, где капиталистические отношения достигли значительных результатов, мы почти не имеем жнеек, почти отсутствуют плуги (от 2 до 6 штук на 110 га посева), железные бороны (от 1 до 7 на 110 га) сеялки, молотилки, веялки и др., где продолжает господствовать омач и кетмень, в переселенческих районах Пишпека и Каракола мы имеем сравнительно большее число плугов, железных борон, сеялок, жнеек и др. европейских сельскохозяйственных машин. В этих районах зерновые хозяйства переселенцев получили капиталистическое развитие: был сильно развит наем рабочей силы гл образом из туземцев-киргиз (см. выше, стр. 227).

Большие изменения претерпел Ташкентский район (№ 22). Будучи пионером в области американского хлопководства и в области хлопковой промышленности, этот район под влиянием конкуренции Ферганского района стал районом смешанного типа, промышленно-земледельческим с направлением в сторону рисово-хлопководческого хозяйства и промышленного садоводства. Кроме хлопкоочистительной и маслобойной промышленности в районе развиты мукомольная, винокуренная, рисоочистительная, кожевенная, кишечная, сахарная и другие виды промышленности.

Этот район по типу производственных отношений является близким к Ферганскому району. Быстрое развитие промышленности, концентрация ее, возникновение монополий, сильная товаризация сельского хозяйства, значительное развитие классового расслоения и возникновение капиталистиче-

ского типа промышленного садоводства характеризует хозяйство района. Огромное значение в хозяйстве района и всего края имеет город Ташкент, самый крупный город Ср. Азии, один из главных торгово-промышленных и культурных центров края. В г. Ташкенте сосредоточено 23,5% всего городского населения Ср. Азии, 68% всех рабочих Сыр-Дарьинской области, 64,4% мощности двигателей по области и 63,2% суммы годового производства промышленности по области.

В предгорьях Ташкентского района (№ 23) продолжали существовать смешанные хозяйства земледельческо-скотоводческие, специализирующиеся на зерновых культурах, овцеводстве и крупном скотоводстве (рогатый скот и лошади). Близость Ташкента и железных дорог способствовали значительному разложению в этом районе натуралнього хозяйства.

Надо еще выделить район Голодной Степи (№ 24) где возникли хозяйства переселенцев, напоминающие по типам производственных отношений хозяйства переселенцев Семиречья. Значительное развитие машинизации сельского хозяйства и применение наемного труда характеризуют хозяйства Голодной Степи. В 1914 году 1.307 хозяйств переселенцев имели 1.197 одно- и двухлемешных плугов, 1.187 борон (деревянных, французских и прочих), 426 культиваторов, пропашников и проч., 196 хлопковых сеялок, 129 жатвенных машин и т. д. В среднем стоимость сельскохозяйственного инвентаря без орудий транспорта на одно хозяйство, имеющее таковой инвентарь, составляла 108,8 рублей. Приведем для сравнения стоимость всего инвентаря (сельскохозяйственного, транспортного и домашнего) в узбекских хлопководческих хозяйствах Ферганы в 1915 году. Здесь в среднем на одно хозяйство приходилось всего инвентаря на сумму 49 руб. 70 коп.

В Голодной Степи классовое расслоение достигло значительных размеров. До 17,5% сеющих хозяйств переселенцев не имели своего инвентаря. Был сильно развит наем инвентаря. К найму рабочей силы прибегали свыше половины всех хозяйств (54,5% ,а в Семиречьи 54%). Особенно сильно был развит наем рабочих в хлопковых хозяйствах района (80,9%). До 23% всех хозяйств нанимали годовых и сроковых рабочих. Рабочие, главным образом, туземцы из ближайших узбекских кишлаков[1]).

Таковы в общих чертах наиболее характерные основные районы Средней Азии, которые сложились на фоне суще-

---

[1]) Караваев—„Голодная степь в ее прошлом и настоящем" Птг. 1914 г., стр. 159—168.

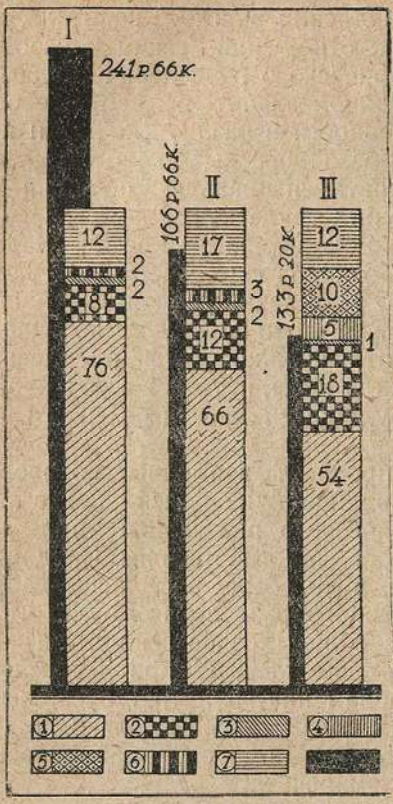
ствующего разнообразия природных условий под влиянием, с одной стороны, многовековой экономической истории края и, с другой,—под влиянием внедрения русского капитала, и новых социально-экономических отношений. Таким образом, мы видим, что процесс географического разделения труда в Средней Азии достиг перед войной значительных размеров (ходя и не одинаковой интенсивности в различных районах) и что на основе этого возникли разнообразные экономические районы, которые стали выполнять специальные функции в системе общественного разделения труда как в самой Средней Азии, так и во всем народном хозяйстве России. Надо повторить, значительное число районов еще слабо были втянуты в систему географического разделения труда в Ср. Азии и России, и самый процесс специализации шел путем неравномерного развития отдельных отраслей хозяйства и отдельных районов, путем борьбы между ними, путем ожесточенной колониальной эксплоатации трудящихся масс населения Ср. Азии.

Мировая война 1914 года произвела громадные потрясения в хозяйственной жизни Средней Азии и ясно показала слабое еще развитие географического разделения труда и дифференциации районов в крае. Многие районы Средней Азии (напр. Семиречье, Памир, и др.) были настолько слабо вовлечены в систему общественного разделения труда, что почти не принимали участия в общей хозяйственной жизни края, и когда прекратился подвоз хлебных продуктов из России, то потребляющим районам ничего не осталось, как перейти к самообслуживанию, к посеву хлебных злаков взамен технических культур, тогда как под боком находилась богатая хлебом территория—Семиречье.

В первые годы войны некоторые отрасли хозяйства средней Азии получают сильный толчок для своего развития. Это те хозяйства, которые работали главным образом для внутреннего рынка и встречали конкуренцию иностранных товаров. В первую очередь к числу таких отраслей хозяйства принадлежит хлопководство.

Стоимость производства туркестанского хлопка до войны равнялась 8 р. 42 коп. за 16,4 кг волокна, тогда как себестоимость производства хлопка в Америке равнялась всего 5 р. 25 коп. (1908 г.). Торговые и транспортные расходы до Москвы для Средне-Азиатского хлопка равнялись 2 р. 10 к. с 16,4 кг, а для хлопка из Америки—1 р. 51 коп. Таким образом 16,4 кг волокна франко Москва должно было стоить в 10 р. 52 коп. для хлопка из Средней Азии и в 6 р. 76 коп. для хлопка из Америки, и поэтому среднеазиатский хлопок не мог конкурировать с американским на свободном рынке. Выход

Размер и составные части расхода на производство хлопка в Средней Азии и в САСШтатах (в расчете на 1,1 га).

Условные обозначения: черные столбики — размер всего расхода в рублях; в столбиках со штриховками: 1 — процент расхода на обработку и уборку, 2 — процент стоимости удобрения, 3 — стоимости семян, 4—ремонта инвентаря, 5—ухода за полем и скотом, 6—ремонта ирригационной сети и 7—процент прочих расходов. Первые столбики (I) показывают расходы при джоячном способе обработки в Средней Азии, II—при машинной обработке в Средней Азии и III—расходы в С.-А. Соединенных Штатах.

Машинный способ обработки более чем на 30% дешевле джоячного, а обработка в С.-А. Соединенных Штатах более чем на 20% дешевле машинной обработки в Средней Азии. В производстве хлопка в С.-А. Соединенных Штатах значительное место (в сравнении с Средней Азией) занимают расходы на удобрение. Также надо отметить значительность расходов на уход за полем и скотом, на ремонт инвентаря, что в Средней Азии почти отсутствует, за то в Средней Азии мы имеем дополнительный расход на ирригацию, чего нет в С.-А. Соединенных Штатах. Уменьшение расходов на производство хлопка на единицу территории (на 1,1 га) в С.-А. Соединенных Штатах об'ясняется большей механизацией обработки. Надо, однако, отметить, что механизация обработки хлопка в С.-А. Соединенных Штатах значительно ниже обработки других культур (см. Ленин, т. IX и энциклопедический словарь «Гранат», т. 41, VI).

был найден в установлении пошлины на американский и вообще иностранный хлопок. При чем выгоду от введения пошлин получали не дехкане хлопкоробы, а хлопковые фирмы и всевозможные посредники. До 1864 г. пошлина была всего в 20 к. с 16,4 кг. В период гражданской войны в Сев. Америке пришлось совершенно отказаться от пошлины, и с 1864 по 1879 год хлопок ввозился беспошлинно. С 21 декабря 1878 года вводится пошлина в 40 коп. с 16,4 кг, 31 декабря 1880 г. в 44 коп. и дальше идет непрерывный рост

пошлинных ставок: 31-го мая 1882 года—45 коп., 6 ноября 1887 г. от 1 р. (морем) до 1 р. 15 коп. (сухопутн), 18 августа 1890 года от 1 р. 20 к. (морем) до 1 р. 35 коп. (сухопутн.), 21 декабря 1892 г. от 1 р. 40 к. (морем) до 1 р. 55 коп. (сухопутн.), 20 декабря 1894 г.—2 р. 10 к., 21 июля 1900 г.—4 р. 15 коп., и 26 февраля 1915 г.—5 р. 75 коп. Благодаря этим пошлинам средне-азиатский хлопок мог конкурировать с американским на московском рынке: теперь 16,4 кг средне-азиатского волокна стоило 10 р. 52 коп., а 16,4 кг американского 10 р. 81 к. при цене в Москве на хлопок в 13 руб. (1909 год).

С начала войны ввоз американского хлопка стал затруднительным. В 1913 году было ввезено по европейской границе 163 тыс. тонн, а в 1915 году всего 106 тыс. тонн (почти столько, сколько ввозилось до 1886 года). Зато быстро растет посевная площадь под хлопком в Средней Азии (с 566.199 га в 1913 году до 729.974 га в 1915 г., увеличение на 28,9%), сильно растет сбор хлопкового волокна (с 210 тыс. тонн в 1913 г. до 303 тыс. тонн в 1915 году, увеличение на 44,3%) [1]). В первые годы войны (1914—1915 г.г.) идет довольно усиленное железнодорожное строительство в Средней Азии. В 1914 г. в Ферганской области было построено 37,5 км. пути, в 1915 г.—49,2 км. в Фергане, 34,2 км в районе Ашхабада и 437,6 км в Бухаре. В 1915 же году было построено 79,1 км. Семиреченской ж. д. (Арысь-Чимкент). Отмеченный быстрый рост хлопководства еще более усиливает односторонность в хозяйственном развитии хлопковых районов. Усиливается потребность в форсированном ввозе хлеба из России. Но этой возможности уже нет: хлеб нужен для армии, кроме того, посевы хлеба в России уменьшились. В 1916 году посевы хлопка достигают наибольших размеров 748.903 га сбор же получается меньший, чем в 1915 г. (239 тыс. тонн), т. к. усиленная эксплоатация земель без соответствующего удобрения привел к уменьшению урожайности хлопчатника с 439,5 кг волокна с 1,1 га в 1915 г. до 337,8 кг. в 1916 году. Дальше идет уже непрерывное падение как посевной площади, так и урожайности, а следовательно и сбора хлопка в Средней Азии. Процесс этот продолжается до 1922—23 года.

Кризис хлопководства, этого основного производства в наиболее развитых частях края отражается немедленно на остальных отраслях хозяйства Средней Азии и связанных с ним отраслях хозяйства России.

Процесс воспроизводства хозяйства с развитием географического разделения труда в капиталистических условиях

---

[1]) 15 октября 1914 года даже вводится особый налог с русского хлопка в размере 2 р. 50 коп. с 16,4 кг.

усложняется: необходимо воспроизвести не просто производительные силы и производственные отношения, а производительные силы и производственные отношения в их пространственном размещении. Это не значит, что данное пространственное размещение их должно воспроизводиться неизменно, нет, как происходит процесс развития воспроизводства хозяйства, так и должен происходить процесс пространственного его размещения. Могут быть также моменты застоя и даже регресса. Если хозяйство находится или в стадии отсутствия географического разделения труда, или в стадии слабого его развития, тогда процесс производства ограничивается узкими территориальными рамками и кризисы в хозяйствах других территорий не вызывают кризисов в данном хозяйстве. Совершенно иное мы видим, когда географическое разделение труда достигает значительных размеров. Здесь процесс воспроизводства требует непрерывного воспроизводства хозяйства всей той территории, которая захвачена географическим разделением труда. Заминка в одной части неизбежно отражается в другой. Эта заминка сказывается не только в отраслях, взаимно друг друга дополняющих как части одного единого производственного процесса, но она в одних случаях быстрее, в других медленнее отражается на производстве всех других отраслей хозяйства, находящихся на данной территории, в данном районе, т. к., как нами выяснено, между всеми отраслями внутри одного района также существует производственная связь и взаимная друг от друга зависимость. Заминка эта должна отразиться на других отраслях района тем быстрее, чем больше она касается основной отрасли хозяйства, вокруг которой группируются все остальные.

Как мы знаем, не все районы Средней Азии были вовлечены в одинаковой мере в систему общественного разделения труда народного хозяйства России и мирового хозяйства. Поэтому вызванный мировой войной кризис в воспроизводстве мирохозяйственных и народно-хозяйственных отношений, должен был различно коснуться отдельных районов края. Кризис этот сильнее всего отразился на районах, производящих товары для народного и мирового хозяйства, а именно на хлопководческих, промышленно-садоводческих и каракулеводческих, при чем в первую очередь на районах хлопководческих, затем этот кризис передался в той или иной мере во все районы Средней Азии, даже слабо вовлеченные в систему общественного разделения труда (Семиречье, Восточная Бухара, Памир, пустыни Закаспия и Сыр-Дарьинской области).

Невозможность снабжения хлебными грузами из России

средне-азиатских хлопковых районов, нарушает нормальный процесс воспроизводства хозяйства в этих районах. Хлопок производится дехканами не для потребления внутри своего хозяйства, а для продажи, с целью купить на вырученные деньги предметы личного и хозяйственного потребления. Основная часть продуктов потребления дехканских хозяйств к 1914 г. производилась уже за пределами Средней Азии (хлеб в Ср. Поволжьи и на юге Урала и Сев. Кавказе, мануфактура в центральных губерниях России и т. д.). Под влиянием усиленной потребности в хлопке текстильной промышленности России, в виду отсутствия американской конкуренции, хлопководство в Средней Азии быстро захватывает новые площади, новые хозяйства, а старые усиливают производство хлопка. Соответственно усиливается потребность во ввозных продуктах, следовательно, увеличивается еще в большей степени зависимость воспроизводства хозяйства хлопководческих районов от воспроизводства географического разделения труда между взаимно обслуживающими хозяйствами России и Средней Азии.

С 1915 года становится уже затруднительным регулярный подвоз хлебных грузов в Среднюю Азию, а в 1916 году ввоз их катастрофически падает. Нарушается процесс воспроизводства географического разделения труда, а вслед за этим процессом воспроизводства соотношения отраслей хозяйства внутри района и воспроизводство районных взаимоотношений. Полученные дехканами хлопкоробами деньги

Цены на хлопок-сырец и на пшеницу в Ср. Азии за ряд лет (с 1891 по 1919 год) (в рублях).

Условные обозначения; 1 — кривая цен на хлопок-сырец, **2** — кривая цен на пшеницу.

Эта диаграмма является дополнением к диаграмме на стр. 339. Цены на хлопок дают сильное повышение с 1914 года, а на пшеницу — с 1915, особенно же с 1916 года; затем цены на пшеницу обгоняют рост цен на хлопок. (См. также об'яснение к диаграмме на стр. 339).

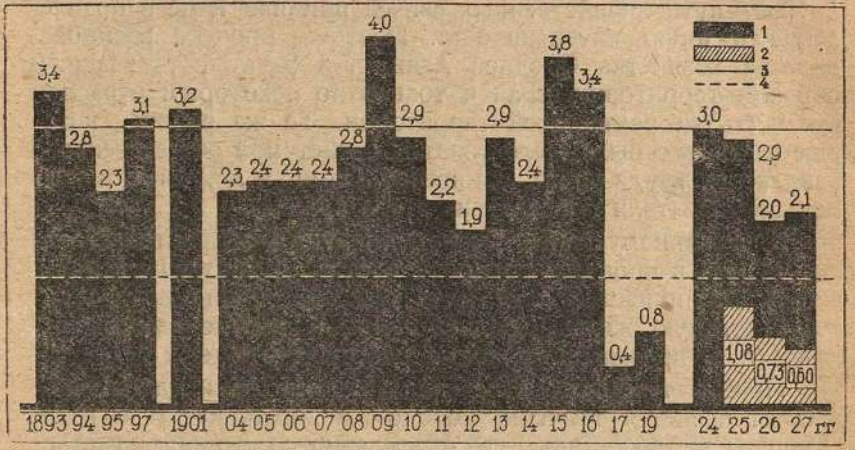
за хлопок не могут быть реализованы в полной мере на необходимые для потребления товары: на рынке нехватает хлеба. Цены на хлеб быстро растут. Из трех возможных выходов: 1) привоз хлеба из других соседних стран, 2) привоз из других районов Средней Азии и 3) переход от хлопководческих культур к самообслуживанию хлебом, для дехкан осуществим только один: переход хлопководческих районов к самообслуживанию хлебом, т. к. создать хлебный рынок в других местах, установить новые пути хозяйственных связей, провести усовершенствованные пути сообщения быстро, в короткий срок невозможно. Кроме того, цена на хлеб резко поднялась, так цена на пшеницу с 1915 г. к 1916 г. увеличилась в Туркестане на 66% (с 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. за 16,4 кг.), тогда как цены на хлопок-сырец увеличились менее чем на 50% (с 5 р. 70 к. в 1915 году до 8 р. 50 коп. в 1916 году), а в 1917 году цены на пшеницу стали даже выше, чем на хлопок. Соответственно изменялось соотношение цен между пшеницей и хлопком. В 1915 году это соотношение было 1:3,8, в 1916 году 1:3,4, а в 1917 году уже обратная картина—1:0,4, т. е. хлопок расценивается дешевле пшеницы. (См. диаграмму «Соотношение цен на хлопок, пшеницу и рис в Ср. Азии»). Отсюда ясно, что посевы пшеницы должны были вытеснять посевы хлопка. Вот данные по Ферганской области: в 1915 г. на долю хлопка приходится 55% всех посевов в области, на долю же зернозлаков 27%, а в 1917 году картина уже иная—на долю хлопка приходится всего 28%, тогда как на долю зернозлаков 33%. Но все же Фергана и другие сильно товарнизованные районы не могли вернуться к натуральным формам хозяйства, к полному самообслуживанию. Уже в 1917 г. наступает сильный голод в этих районах. Громадная армия голодных, нищих—разоренных дехкан не находит возможности теперь применять свои силы в сельском хозяйстве.

С уменьшением посевов хлопка в Средней Азии уменьшается снабжение текстильных фабрик России хлопком. Сокращение продукции текстильных фабрик сильно сокращает снабжение средне-азиатского рынка, в первую очередь хлопководческих районов, мануфактурой. Таким образом, еще одно важное звено в связи с районами России выпадает. Пробел этот пополняется двумя способами: увеличением местного производства тканей (маты главным образом) и ввозом заграничной мануфактуры, большею частью через Восточную Бухару. Возможность ввоза именно мануфактуры, а не хлеба, об'ясняется тем, что доля фрахта в цене мануфактуры значительно ниже, чем в цене пшеницы и поэтому мануфактура имеет возможность преодолеть это расстояние и при плохих путях сообщения. Кроме того, мануфактура—

товар не громоздкий и удобный для перевозки. Все же большое значение имеет усиление местного производства, которое, как увидим дальше, начинает даже местами принимать форму мануфактурной промышленности.

Начавшийся приток капитала из метрополии в ирригационное строительство и в хлопководство не успел и не смог оказать большего влияния на экономическое развитие Ср. Азии.

Соотношение цен на хлопок, пшеницу и рис в Ср. Азии. (На 16,4 клгр, можно было купить в разные годы пшеницы и риса:)

Условные обозначения: 1—сколько единиц пшеницы можно было купить на единицу хлопка, 2—сколько единиц риса можно было купить па единицу хлопка, 3—сплошная линия обозначает среднее довоенное соотношение цен на хлопок и пшеницу (соотношение 3 : 1) и 4—линия пунктиром обозначает среднее довоенное соотношение цен на хлопок и рис (соотношение 1,38 : 1).

Цены на хлопок-сырец в Ср. Азии с включением последней в систему международного разделения труда, стали зависеть от цен на мировом рынке (см. диаграмму на стр. 210—211), цены на пшеницу в Ср. Азии со времени быстрого развития посевов хлопка в значительной степени стали определяться ввозом пшеницы в Ср. Азию. Особенно сильно последнее сказалось до революцин в 1909—12 и 1916—17 годах.

Прерывается или сильно сокращается связь с народным хозяйством России и по другим отраслям хозяйства. В области садоводства и виноградарства мы видим, благодаря этому, значительное сокращение продукции. Вывозить же в другие районы не представляется возможным. Иное положение мы видим в каракулеводстве. Хотя производство

каракулевых шкурок тоже сокращается, но эти, шкуры благодаря своей высокой транспортабельности, могут быть перевозимы и караванным путем на большие расстояния, и поэтому их начинают экспортировать заграницу через Афганистан, Индию и Персию. (См. карту схему на стр. 351).

Из этого краткого обзора мы видим, что кризис в народном хозяйстве России, вызванный войной, внес большие изменения в хозяйство Средней Азии. Процесс воспроизводства хозяйства в пространственном отношении сильно изменился: с одной стороны, по многим отраслям и районам размеры географического разделения труда сократились, с другой—пути хозяйственных связей приняли иное направление и иную интенсивность. Поэтому процесс воспроизводства хозяйства Средней Азии стал охватывать главным образом территорию края и только по некоторым отраслям выходить за рамки этой территории. Те же районы, которые и раньше были мало связаны с системой общественного разделения труда (напр. Семиречье, Памир и др.) значительно меньше испытали последствия этого кризиса.

К указанному выше фактору (нарушение пространственных связей в процессе воспроизводства хозяйственных явлений) надо прибавить еще один фактор, сильно потрясший хозяйственную жизнь Средней Азии, а именно «лашманчилык», т. е. призыв на тыловые работы туземцев.

Призыв туземного населения Средней Азии на тыловые работы является толчком, поводом к восстанию 1916 года. Причины же восстания—это стремление со стороны угнетаемых классов туземного населения разрешить те противоречия, которые сложились в результате колониального господства российского капитализма в Средней Азии.

Вот как описывает генерал-губернатор Туркестана А. Н. Куропаткин причины восстания по отдельным районам:

«Кроме этих общих причин, вызвавших беспорядки туземного населения, я считаю своим верноподданическим долгом донести вашему императорскому величеству и о причинах, кои в течении последних тридцати лет накапливали недовольство своим положением среди различных групп туземного населения Туркестана.

«Главнейшие из этих причин следующие:

«У оседлого населения трех коренных областей Туркестана.

«Развитие хлопкового хозяйства, особенно в Фергане, вызвало прилив в оной огромных денежных сумм. Образовалась небольшая группа очень богатых туземцев, наряду с обеднением мелких земледельцев.

«Быстро развившееся в хлопковом деле машинное- капиталистическое хозяйство сделало кустарный труда хозяев мелких земельных участков малопроизводительным. Явилась задолженность и потеря этих участков. Происходит скупка земель богатыми туземцами, в том числе и туземными евреями, увеличивая число безземельных.

«Насколько велика задолженность населения, видно из того, что только в Ферганской области, по сведениям судебного ведомства, за 1914 и 1915 годы пред'явлено было ко взысканию исполнительных листов на сумму свыше 1 млн. рублей.

«За долги у туземцев продавались во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь.

«Волостные старшины и судьи (казии) стали во многих случаях на сторону богачей и решали дела в их пользу с явным пристрастием.» «Обедневшая масса населения в трех основных областях в значительной степени стала недовольною своими туземными властями, судьями и при возникнивших беспорядках обрушилась на волостных старшин и писарей.

«У киргизского населения.

«Среди других народностей, населяющих Туркестанский край, киргизское население, составляющее до 2.615 тысяч душ является наиболее бесправным относительно пользования землею. По существующему закону земли, которые ныне обеспечивают существование киргизского населения при кочевом образе жизни, признаются государственной собственностью и излишки их могут поступать в распоряжение казны. Слишком широкое толкование о размере этих излишков, особенно с 1904 года повело к тому, что у киргизского населения были отобраны огромные площади земли, частью ему жизненно необходимые, для образования русских селений, казенных скотоводческих участков и казенных лесных дач — единственного владения казны. Это явление было отмечено уже при ревизии сенатора графа Палена, но на него не было обращено должного внимания. Но и на той земле, которая оставлена киргизскому населению в постоянное пользование, это население стеснено в распоряжении этой землей лесною стражей. Малочисленная, дурно материально обставленная и лишенная должного контроля, эта стража является бичем населения.

«Кроме изложенного, киргизы недовольны самоуправством и поборами своих волостных управителей и своим народным судом биев.

«У Туркменского населения.

«Наибольшие опасения и тревогу населения вызывает водный вопрос. Реки Мургаб и Теджен несут мало летней

воды, которая разбирается полностью, и в последние годы количество ее значительно уменьшилось, по причинам, еще недостаточно выясненным, ибо истоки Мургаба и Теджена лежат в пределах Афганистана. Мургабское государево имение, дающее туркменам Мервского уезда очень значительные заработки и служащее примером правильного хлопкового хозяйства, тоже вызывает опасения за будущее: водные бассейны, собирающие весеннюю воду, постепенно заплывают и могут оказаться недействующими.

«К сожалению с 1912 года среди туркмен, особенно Мервского уезда, возникла между отдельными лицами и между отдельными партиями острая рознь из-за неумелой, а в отдельных случаях преступной деятельности низших агентов охранного отделения.

«Наиболее опасным и беспокойным среди туркмен элементом оказались, как то было и ранее, иомуды. Имея свои зимовые стойбища в пределах Персии, эти иомуды решили силою оружия не подчиняться распоряжению о поставке рабочих и, откочевав ранее обыкновенного в пределы Персии в район р. Гюргень, произвели ряд нападений на русские посты и русские селения.

«Другая группа иомудов, подчиненная хивинскому хану, тоже до сих пор является угрозой спокойному течению жизни населения хивинского ханства» [1]).

Следующие места из дневника Куропаткина дополняют характеристику отношений, сложившихся между отдельными группами населения и между туземцами и администрацией:

«Туземное оседлое население.

«Очень трудолюбиво. Хлопок дает огромные доходы. Многие разбогатели. Но за последнее время, с ростом богатства отдельных лиц, есть признаки, что масса не богатеет. Земли переходят в руки богатых и туземных евреев.

«Туземная администрация, особенно волостные и туземные судьи (казии), забрали в свои руки в трех основных областях края, особенно в Ферганской области, огромную власть. Они угнетают и грабят население. Русская администрация малочисленна и часто не на высоте своей роли. По искам к населению казии выдают исполнительные листы даже на всю, без исключения [2]), землю, и пристава получившие обязанность судебных приставов, безжалостно, вместе с волостными, продают земли за дутые долги.

---

[1]) Красный Архив, т. 14-й. 1929 г., стр. 77, 78 и 79.

[2]) „По приказу 6 танапов должен быть минимумом, не подлежащим продаже". Примечание в подлиннике.

«Мы за последние тридцать лет не приблизились, а отдалились от туземного населения. В результате — беспорядки на почве поставки рабочих, пролитие крови, разгром, взаимная вражда и взаимное недоверие.

«Туземное кочевое население.

«Киргизы последние 30 лет и, особенно, последние 12 лет теснились во всех направлениях. У них с 1904 г. только по Семиреченской области отобрано несколько миллионов десятин земли, часто без разбора, нужны или не нужны жизненно эти земли киргизам. Возник ряд русских селений — это плюс. Но возникла и неприязнь киргиз к русским и русской власти — это минус. В особенности для меня необъяснима отдача в 1913, 1914 и 1915 годах 800.000 десятин Семиреченской области под скотоводство разным лицам, в том числе полицеймейстеру г. Верный Поротикову 10.000 десятин. Боюсь, что это будет хуже знаменитых «башкирских земель». Мы сами не знали, куда клоним. Обращая киргиз к оседлой жизни, наделяли их только пахотною землею, а скотоводческие участки—1.800.000 десятин—отдавали аферистам, не киргизам. В то же время во всех областях края шла вакханалия с лесными площадями края. Их хозяевами, по существу, являлись лесные об'езчики, которые стали всеми силами теснить киргиз, туркмен и сартов [1]). Их теснили в пользозании не только на участках, отобранных в казну, но и на участках, оставленных в пользовании населения, как кочевого, так и оседлого.

«Мервские туркмены очень разбогатели, но тоже одни пошли слишком вверх, а другие остались бедняками. Главная их жалоба — на недостаток воды и недостаточную обеспеченность ее от захватов управлением Мургабским государевым имением. Это управление поступает с водою туркмен бесцеремонно. Но и областное начальство неправо: выше Мерва допустило каких-то арендаторов, которые поставили машины, подымают воду и орошают отведенную им в аренду землю» [2]).

25-го июля 1916 года было дано «высочайшее повеление о реквизации инородцев Империи на тыловые военные работы действующей армии». Проведение призыва началось в самый разгар полевых работ (июль-август месяцы). Один факт отрыва от хозяйства наиболее трудоспособной части рабочей силы в период полевых работ наносил громадный ущерб хозяйству Средней Азии. Это положение усугублялось еще

---

[1]) „Мервские лесничие теснили население даже в Чарджуе и Керке". Примечание в подлиннике.

[2]) „Красный Архив" т. 14-й, 1929 г., стр. 64, 65 и 66.

специфическими бытовыми условиями туземного населения. Чрезвычайная замкнутость семейной жизни туземного населения (особенного оседлого) ставила женщин в семействе призванного в беспомощное положение. Семьи же бедноты, которые существовали вообще только продажей своей рабочей силы, и семьи маломощных дехкан, не имеющих запасов, были обречены на голодную смерть.

Туземное население на призыв ответило восстанием. 24 июля началось восстание в Ташкенте, а в конце июля и начале августа в Ташкентском уезде, Самаркандской и Ферганской областях восстание охватило почти все волости и города. В августе поднялись более ста тысяч казаков и киргиз Аулиэ-Атинского, Пишпекского, Алма-Атинского и Пржевальского уездов. В сентябре в Закаспийской области поднялись кочевые иомуды Красноводского уезда.

Восстание очень быстро, переросло всюду, с одной стороны, в восстание против всей власти колонизаторов, против всей колониальной системы Российского империализма и, с другой—против создавшейся системы эксплоатации трудящихся. Восставшие в оседлых районах Туркестана не только уничтожают списки призываемых, но и убивают представителей местной власти и объявляют независимость от «Российской Империи». Восставшие казаки и киргизы стали нападать на поселки русских переселенцев, захвативших у них лучшие земли, стремясь вновь ими завладеть. Восставшие туркмены также открыли военные действия против русских переселенцев, отнявших у туркмен и без того незначительные богатые пастбища и плодородные земли. Одновременно подвергались нападению и представители торгово—ростовщического капитала как из среды туземного, так и прошлого населения.

Царское правительство, вкупе с местными колонизаторами, напрягало все усилия, чтобы в кратчайший срок подавить восстание. Были даже сняты некоторые войсковые части с фронтов. Восстания были жестоко подавлены. В середине августа 1916 года огнем и мечем «успокоили» туземцев Ферганы, Самарканда и Ташкента, в ноябре «успокоили» киргиз и казаков, а борьба с туркменами продолжалась почти вплоть до февральской революции.

Оседлое и кочевое туземное население было разорено. Кочевники киргизы в количестве около ста тысяч бежали в пределы Китайского Туркестана. Значительное число туркмен бежало в Персию и Афганистан.

Описанные выше события еще более усугубили хозяйственный кризис Средней Азии. Процесс воспроизводства хозяйства сильно затормозился, территориальные границы

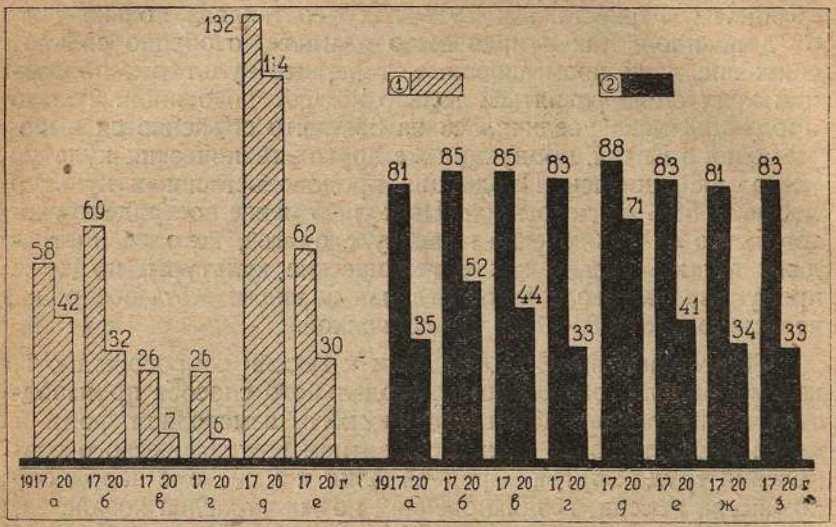
каждого процесса воспроизводства сильно сузились, что связано с превращением расширенного воспроизводства в воспроизводство суженное. Районы скотоводческие и оседлые земледельческие разообщились, процесс натурализации хозяйств пошел быстрым темпом. В результате к 1917 году мы имеем голод в Средней Азии. Продукция всего полевого хозяйства Туркестана к 1917 году составляла только 62% от довоенной. Как и надо было ожидать, особенно сильное снижение дали промышленные, товарные культуры, продукция коих стала равняться только 26% от довоенной. Только продукция мака увеличилась на 32%, что объясняется вывозом опия в Китай, продукция же других технических культур резко уменьшилась. Продукция продовольственных культур достигла 58% от довоенной. Несколько менее пострадало скотоводство за исключением каракулеводства, которое пострадало так же сильно как и технические культуры, но даже продукция скотоводства по отдельным видам скота воспроизвелась только в 81—83% от довоенной.

Присоединение Средней Азии к России сопровождалось, как мы видели, разложением феодального способа производства и внедрением капиталистического, изменением форм и путей хозяйственных связей, развитием географического разделения труда внутри Средней Азии и в системе народного хозяйства России, возникновением новых отраслей хозяйства, установлением новой специализации Средней Азии в целом и отдельных ее районов, превращением Средней Азии в сырьевую колонию России, усилением эксплоатации туземного населения, развитием классового расслоения, обнищанием трудящихся масс и т. д. Создалось противоречие между развитием производительных сил, развитием географического разделения труда и установившимися социальными отношениями в Средней Азии. Мировая война особенно ярко выявила все эти противоречия в хозяйственном развитии Средней Азии. В результате—развитие хозяйства Средней Азии задерживалось. В условиях колониального развития не было возможности развить в необходимой степени производительные силы этого богатого края.

Еще до империалистической войны производительные силы туземного хозяйства были настолько разрушены колониальной политикой российского капитализма, система ростовщических, кабельных отношений настолько сильно эксплоатировала население, что производительность труда в хозяйстве сильно пала, пала и доходность декханского хозяйства. Если в 1890 году доходность декханского хозяйства (разница между доходной и расходной статьями бюджета)

в среднем была равна 111 рублям, то в 1910 году она равнялась только 10 рублям[1]).

Продукция сельского хозяйства Туркестана за 1917 и 1920—21 гг.
(в %% к довоенному уровню).

Условные обозначения: 1 (косая штриховка)—продукция земледелия, при чем: столбик *а*—продовольствия, столбик *б*—кормовые, *в*—все технические культуры, *г*—хлопок, *д*—опий, *е*—все культуры; 2 (черным)—продукция животноводства, при чем: столбик *а*—число лошадей, *б*—крупного рогатого скота, *в*—верблюдов, *г*—овец, *д*—ослов, *е*—продукция мяса, *ж*—кожи, *з*—шерсти.

Картина ясная: очень сильно пострадало земледелие, в особенности, технические культуры—хлопок. См. также текст стр. 345 и 351—352.

Создавшиеся в Средней Азии противоречия между развитием производительных сил и существовавшими социально-экономическими отношениями могли быть уничтожены только революцией. И социалистическая революция, Октябрьская революция разрешила эти противоречия. Социалистическая революция в Средней Азии наряду со своей основной задачей, попутно и одновременно разрешила и задачи бур-

[1]) Цвибак—Классовая борьба в Туркестане. „Историк—Марксист" XI, 1929 г. стр. 131.

жуазно-демократической и национально освободительной революции.

ГЛАВА 3.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА.

ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Пролетариат захватил власть в свои руки в Туркестане 14 ноября 1917 года. В Хиве и Бухаре продолжали царствовать хан хивинский и эмир бухарский. Население некоторых районов еще не было втянуто в борьбу за власть советов (например, горные части Бухары и Памир).

В Средней Азии мы видим большое разнообразие в ходе борьбы за Октябрь в различных районах края. Здесь сказалось все то разнообразие в социально-экономических отношениях, которое сложилось в отдельных районах Средней Азии. Если мы в Бухаре и Хиве имели до 1920 года все еще власть феодальных деспотов, то в Семиречьи до 1920 года русское кулачество стоит и борется за советскую власть, так как оно в этой борьбе хотело отстоять и осуществить свои классовые кулацкие интересы: борьба против привелигированного положения казачества за монопольное пользование киргизскими землями и за монопольную эксплоатацию киргизской бедноты. Все эти моменты создавали значительные трудности на пути к быстрому завершению захвата власти пролетариатом в свои руки во всем крае [1]).

Голод 1917 года продолжался и в 1918 году, ввоз хлеба прекратился, служащие саботировали новую власть, значительная часть туземного населения относилось вначале недоверчиво к советским формам правления, местная буржуазия, баи, манапы, духовенство и националистическая интеллигенция стала бороться против советов, началась гражданская война в Средней Азии (Кокандская автономия, Бухарские события марта 18 года, Семиреченские события февраля—

---

[1]) „В России, кроме того, было бы неправильно изображать империализм, как связанное целое (империализм вообще есть несвязанное целое)—потому что в России очень еще не мало областей и отраслей труда с переходом от натурального и полунатурального хозяйства к капитализму. Это—отсталое, это—слабое, но это все же существует и при известных условиях это может внести элемент затяжки в крахи капитализма". Ленин, т. XIV, ч. I (I-е издание), стр. 120—121.

марта 18 года и т. д.), открылись военные действия на фронтах в Оренбурге и Закаспии, вмешались иностранные империалисты в защиту средне-азиатской контрреволюции (Закаспийская контрреволюция—интервенция), приняло большие размеры басмаческое движение. 20 ноября 1917 года образовалась первая Оренбургская пробка (закрытие путей), а 14 января 1918 г. прекратилась всякая связь с Россией. При таких-то условиях надо было не только восстановить хозяйство Средней Азии, но и перестроить его на социалистических основах. Но для этого прежде всего необходимо было принять все меры для сохранения Советской власти, необходимо было организовать массы вокруг этой власти. Сперва было обращено внимание на снабжение продовольствием населения новых городов, где главным образом был сосредоточен рабочий класс края.

В это время местная власть делает ряд серьезных ошибок в национальном вопросе. «Принимается сыгравшая печальную роль тоболинская декларация, в которой заявлялось: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти советов рабочих и крестьянских депутатов, так и в виду того, что среди туземного населения нет классовых пролетарских организаций» [1]).

Это создало некоторый антагонизм с туземным населением и еще более отдалило последних от Советской власти. Поэтому 14 июля 1918 г. ТурЦИК принимает следующие постановления, касающиеся привлечения к Советской власти местного коренного населения: «1. Об'явить государственным языком, наравне с русским, местный преобладающий язык (узбекский и киргизский). 2. Уравнить в правовом отношении всех граждан республики, издав декрет о равномерном распределении хлеба, мануфактуры и пр. без различия национальностей. 3. Принять все меры к организации пролетариата и беднейшего крестьянства и дехканства республики в Советы на местах усилением активной деятельности советских партий на местах с рассылкой советской литературы из центра в самом широком масштабе как на русском, так и на туземном языках».

«Декрет о равноправии языков, однако, был опубликован лишь 23 августа, а уравнение в правах на получение продовольствия оставалось еще долго на бумаге. Сильный голод в среде местной туземной бедноты заставил работ-

---

[1]) Цвибак—„Классовая борьба в Туркестане". „Историк—Марксист", т. XI. 1929 г., стр. 143.

ников из коренного населения направлять все силы на его ликвидацию, что было делом чрезвычайно трудным, т. к. продовольствием удовлетворялись в первую очередь города, и то только новые. 20 июля организовалось первое «сартовское» потребительское общество. Центральная же комиссия по борьбе с голодом организовались лишь 30 ноября 1918 г.»[1]).

Наряду с борьбой с разрухой и голодом необходимо было сейчас же принять меры к организации управления народным хозяйством края и уничтожению капиталистических и докапиталистических форм эксплоатации.

«В области организации народного хозяйства прямое применение декретов центра, при отсутствии крупной промышленности, не всегда проводило к желаемым результатам. Произведена национализация садов (25 февраля — числа по новому стилю, на который перешли в Туркестане с 1 февраля), Мургабского имения (26 февраля), ряд других имений и хозяйств нетрудового типа высших (!) сельскохозяйственных культур (26 марта), все ирригационные сооружения перешли в Наркомзем (13 марта), который был организован вместо царского «Правления Земледелия». Отделение государственного банка переименовывается в «Народный Банк» (18 мая), организуется «Совет Народного Хозяйства». Национализованы все типографии (3 апреля), Семиреченская (1 марта) и Ферганская (31 марта) железные дороги, пароходы общества «Хива» на Аральском море (26 марта), нефтяные промыслы (16 июня) и т. д. и т. д. Большие осложнения произошли с национализацией хлопковой промышленности, которая находилась в руках контрреволюционно настроенных агентов московских хлопчато-бумажных фирм, распродававших открыто оборудование заводов, хлопок, масло и т. д. 26 февраля хлопок об'является собственностью государства, 2 марта организован «хлопковый отдел» при Совнаркоме, 8 марта приступлено к национализации хлопковой промышленности. Однако, в условиях продовольственного кризиса, при слабой связи с туземным дехканством, хлопковую промышленность наладить не удалось. Она сокращалась все более и более, и только в 1922 году начала вновь возраждаться» [2]).

Одной из важнейших причин сокращения хлопковой продукции являлось, как уже оказывалось выше, нарушение хо-

---

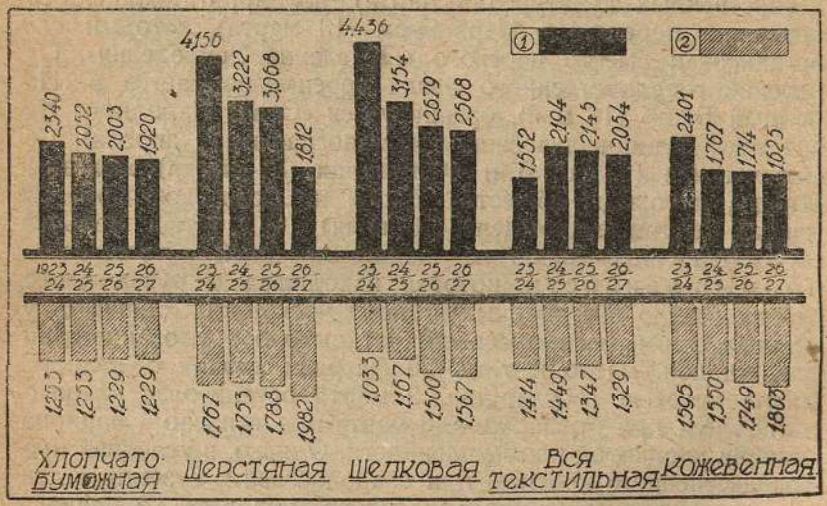
[1]) Муравейский (В. Лопухов)—Очерки по истории революционного движения в Средней Азии. Ташкент 1926 г., стр. 22—23.

[2]) Муравейский—Указанное сочинение, стр. 20.

зяйственной связи между хлопковыми и текстильными районами, между Средней Азией и Россией и установление ненормального соотношения в ценах на хлопок, с одной стороны, и на хлеб и на орудия производства и предметы потребления с другой, при отсутствии планового снабжения хлебом и промтоварами хлопководческих хозяйств и регулирования цен на товары.

Средняя Азия была отрезана от Советской России вплоть до конца 1919 года, когда окончательно была ликвидирована «Оренбургская пробка». За это время хотя транспортная связь с центральными губерниями возобновлялась на короткое время (январь—февраль 1919 г.), но Средняя Азия не получала необходимых грузов из Советской России и не могла сбыть туда свою продукцию. Выход на заграничные рынки мог быть только для высоко транспортабельных грузов (кара-

Средние годовые индексы цен сырья и готовых изделий за ряд лет (с 1923/24 по 1926/27 гг.) **по СССР** (в отношении к 1913 г.).

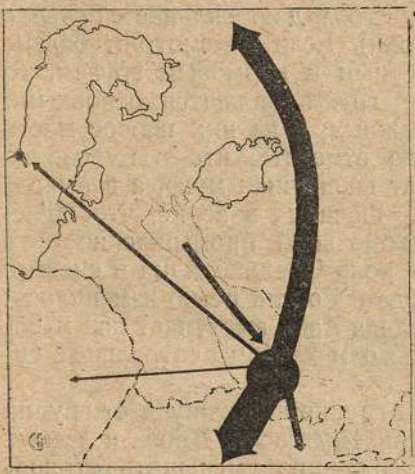
Условные обозначения: **1** (черным)—индексы цен готовых изделий, **2** (штриховкой)—индексы цен сырья.

Эта диаграмма показывает на ножницы в ценах на сырье и готовые изделия. Особенно велики расхождения в хлопчато-бумажной, шерстяной и шелковой промышленностях. Это расхождение имеет определенную тенденцию к снижению. По хлопчатобумажной промышленности она достигается снижением индекса цен на сырье и в большей степени на готовые изделия, а по шерстяной и шелковой промышленности—путем снижени индекса цен на фабрикаты и повышения индекса на сырье.

куль, опий и шелковые ткани). С об'явлением монополии на внешнюю торговлю были приняты меры к прекращению вывоза этих товаров в Китай, Афганистан и Персию. Но эти меры не могли сразу дать ощутительных результатов, т. к. границы охранялись еще слабо, контрабанда процветала в больших размерах, а крупные скотоводы — каракулеводы даже откочевали со своими стадами в Афганистан, особенно их много ушло в конце 1920 года вместе с эмиром бухарским, который после революции в Бухаре бежал в Афганистан.

В сокращении продукции каракулеводства и изменении направления вывоза каракуля из Средней Азии имели огромное значение, как и в хлопководстве, установившееся соотношение цен на внутреннем рынке на каракуль и хлеб и соотношение цен на каракуль на внешнем и внутреннем рынках при отсутствии планового снабжения каракулеводов хлебом и промтоварами. Так, в 1920-21 годах цена на каракуль (за шкурку) равнялась в среднем 1 р. 20 к., т. е. 17% от цены

Направление вывоза каракулевых шкурок из Ср. Азии в 1918—21 гг.

Условные обозначения: черные стрелки показывают направление вывоза каракулевых шкурок, толщиина стрелки обозначает размер вывоза.

В 1918—21 гг. главная масса вывозимого из Ср. Азии каракуля шла в Афганистан (около 63%), в центральные губернии вывозилось только около 30%, в Баку около 5% и в Персию около 2%. Из Хивы каракуль по-прежнему направляется в Бухару (около 10% всего вывозимого из Ср. Азии каракуля).

1913/14 г. (7 р.) и заготовительные цены на каракуль в Средней Азии были почти в два раза ниже цены в Афганистане.

К 1920 году сократилась отчасти продукция опийного мака (в сравнении с 1917 годом), но все-же она была на 14% выше довоенной продукции. Особенно сильно сократилось, как и следовало ожидать, продукция хлопка (дошла до 6% довоенной продукции). Если к 1917 году продукция продовольственных культур сократилась больше чем кормовых,

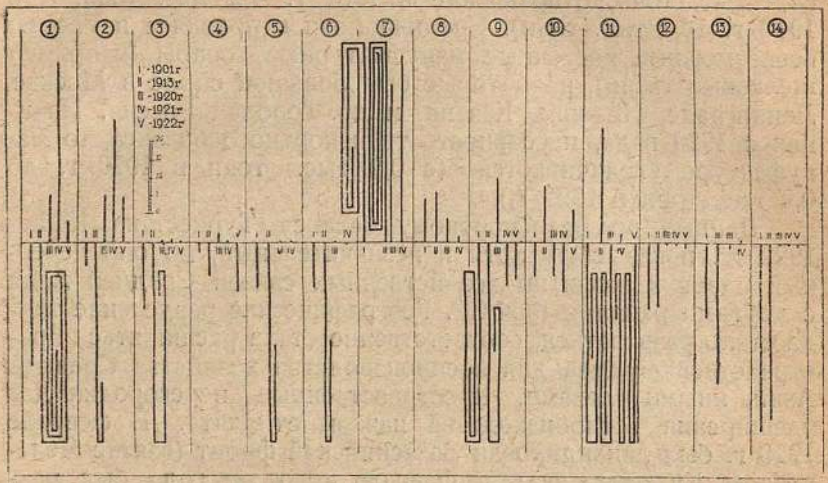
то к 1920 году мы имеем обратную картину, а именно: продукция продовольственных составляет 42% довоенной, а кормовых—32%. Это об'ясняется, с одной стороны, усилением процесса натурализации народного хозяйства Средней Азии, а с другой—сильным падением продукции животноводства. Наибольшее сокращение дают овцы, количество которых к 1921 году составляло всего 33% от довоенного, и лошади—35% от довоенного. Из продукции скотоводства наибольшее сокращение дают опять же наиболее товарные продукты, а именно—шерсть (33%) и затем кожа (34%), значительно менее уже мясо (41%) (см. диаграмму на стр. 346). Иными словами, Средняя Азия перешла в значительной мере на самообслуживание. Особенно рельефно рисуется весь этот процесс по данным транспортного баланса (см. диаграмму: транспортный баланс Туркестана за время с 1901 по 1921—22 гг.). Если мы возьмем грузы хлебо-фуражной группы в целом, то увидим резко отрицательный баланс в 1901 г. и особенно в 1913 году, тогда как в 1920 году ввоз и вывоз балансируются без остатка, а в 1921 году имеется уже положительный баланс, который в 1922 году дает сильнее снижение (с 52 тыс. тонн до 6 тыс. тонн). Если рассмотрим баланс этой группы отдельно по хлебным и кормовым грузам, то увидим, что именно хлебные грузы являются основными грузами по группе хлебо-фуражных, а из них первое место занимает пшеница. Здесь надо отметить, что в вывозе из России на первом месте стоит пшеничная мука, а в вывозе Туркестана в 1921 и 1922 гг.—пшеница в зерне, что об'ясняется слабым развитием мукомольной промышленности в Средней Азии. Следовательно, роль Средней Азии в системе общественного разделения труда в России резко изменилось: в голодные годы (1921 г.) Средняя Азия выступает как хлебный район, который снабжает своим хлебом центральные губернии РСФСР.

Схожую с хлебо-фуражной группой картину дает группа по сахару, крахмалу и растительному маслу. Дрова и лесные материалы имели до войны тенденцию уменьшить отрицательность транспортного баланса (181 тыс. тонн в 1901 г. и—105 тыс. тонн в 1913 году), что об'ясняется постепенным включением в систему географического разделения труда в Средней Азии новых районов с лесами (леса горных районов), но всеже ввиду небольших запасов лесных массивов Средней Азии в нормальных условиях баланс должен быть отрицательным. Только в 1920 году мы видим положительный баланс по этим грузам, но уже в 1921 и 1922 гг. баланс вновь становится отрицательным.

Баланс каменно-угольных и нефтяных грузов до войны

из отрицательного превращается в положительный, в связи с развитием каменно-угольной и нефтяной промышленности в Средней Азии, но затем с некоторыми колебаниями опять превращается в отрицательный. Кризис топливной промышленности в Средней Азии был настолько сильным,—а подвозить топливо из других районов нельзя было,—что желдорожный транспорт должен был заменить уголь и нефть не только саксаулом, но и маслом (растительным) и даже рыбой.

Транспортный баланс Средней Азии за 1901, 1913, 1920, 1921, 1922 гг. по основным грузам.

Условные обозначения: черные столбики показывают размер баланса по отдельным грузам, при чем столбики вверх — активный баланс, вниз—пассивный; **1**—баланс хлебных грузов, **2**—баланс пшеницы в зерне, **3**—муки пшеничной, **4**—кормовых продуктов, **5**—сахара, крахмала, масла растительного, **6**—сахара, **7**—хлопка, **8**—шерсти, **9**—дров и лесных материалов, **10**—каменного угля, **11**—нефтяных грузов, **12** — железа, чугуна и стали не в деле, **13** — железных изделий и земледельческих орудий и **14**—мануфактуры.

В 1901 году мы имеем активный баланс только по хлопку и шерсти, в 1913-м же году, кроме того, и каменному углю и нефтяным грузам. Таким образом, Средняя Азия—колония, ввиду слабого развития промышленности, не могла тогда потреблять в значительном количестве каменного угля и нефти. В 1920, 21 и 22 гг. произошли значительные изменения в транспортном балансе Ср. Азии (подробнее см. в тексте стр. 352—354).

Транспортный баланс хлопка и шерсти интересно сравнить с транспортным балансом мануфактуры: до войны положительность баланса по хлопку и шерсти возрастает, к

1920 же году резко падает; по шерсти падение продолжается и в 1921 году, а по хлопку уже имеется некоторое повышение, мануфактура же дает понижение, хотя и незначительное отрицательного баланас еще до войны, что об'ясняется не понижением ввоза из России, а увеличением вывоза из Средней Азии (прибытие в 1901 г.—57,9 тыс. тонн, в 1913 г.—65,2 тыс. тонн, отправление в 1901 г. 4,2 тыс. тонн, а в 1913 г. 16,4 тыс. тонн). Средняя Азия отправляла в Россию всевозможные восточные мануфактурные товары (например шелковые ткани), на которые был большой спрос в Москве, Ленинграде, Нижнем, Казани, и др. городах России. Начиная с 1920 года, пассивность транспортного баланса по мануфактуре увеличивается (с 0,2 тыс. тонн в 1920 г. до 0,9 тыс. тонн в 1922 г.).

Данные по транспортному балансу Туркестана 1921—1922 гг. показывают хотя и незначительный, но определенный сдвиг в развитии хозяйственных связей Средней Азии с другими райнами РСФСР. Географические разделение труда стало развиваться, соответственно стала расширяться пространственная база для воспроизводства хозяйства Средней Азии, иными словами, пространственные перегородки для расширения воспроизводства начали отпадать. В феврале 1920 г. был ликвидирован Закаспийский фронт (взятие Челекена и Красноводска), в феврале того же года был разбит окончательно Джунаид-хан, глава туркменских контрреволюционеров в Хиве, хан хивинский отказывается от власти и на месте Хивинского ханства образуется Хорезмская Народная Советская Республика, которая вступает в дружественные договорные отношения с РСФСР, в июне 1920 года ликвидируется Семиреченский фронт, а в сентябре того же года революция в Бухаре свергает власть эмира, эмир бежит в Афганистан, и Бухара превращается в Народную Советскую Республику, которая также вступает в дружеские договорные отношения с РСФСР.

Важнейшими задачами в хозяйственном строительстве Средней Азии в то время были: 1) ликвидация басмачества, 2) организация вокруг Советов широких бедняцких и середняцких масс туземного населения, 3) ликвидация колониального наследия (ликвидация антагонистических отношений между пришлым и туземным населением, создавшихся в результате царской колонизаторской политики), 4) ликвидация патриархально-феодальных отношений среди туземного населения, 5) восстановление нормального железнодорожного сообщения, 6) восстановление ирриагционной системы и 7) восстановление сельского хозяйства, в частности и особенности, технических культур (хлопка), и восстановление,

главным образом, тех отраслей промышленности края, которые заняты переработкой сел. хоз. продуктов. Таким образом, этот период можно характеризовать как период восстановительный, который захватывает в среднем время с 1921 г. по 1926 год. Все внимание уделяется созданию необходимых предпосылок для быстрого восстановления довоенного уровня и самому восстановлению. Но наряду с этим ведется работа по подведению базы для социалистической реконструкции хозяйства Средней Азии и к концу восстановительного периода уже создаются основные предпосылки для такой реконструкции.

В первую очередь необходимо было уничтожить басмачество. Басмачество было ликвидировано в основном лишь в конце 1923 года. Остатки басмачества продолжали существовать и позже в Восточной Бухаре около границ Афганистана и горах Ферганы. Если ликвидация басмачества была необходима для восстановления хозяйства Средней Азии, то, с другой стороны, именно восстановление хозяйства края являлось одним из главных условий ликвидации басмачества. Поэтому последнее было ликвидировано окончательно только с восстановлением хозяйственной жизни в Средней Азии.

В сентябре 1920 года после 5-го с'езда Коммунистической партии Туркестана (КПТ) «Пленум Центрального Комитета КПТ принимает постановление создать «союз трудовых дехкан», названное союзом «Кошчи» (кошчи—трудовые чайрикеры), основной задачей которого является об'единение и организация пролетариата и полупролетарских масс и проведение классового расслоения в деревне, кишлаке и ауле. Союзы «Кошчи» получили широкое распространение, об'единив урокчей, мардикеров (сельско-хозяйственные рабочие), баганов (садовники), трудовых чайрикеров, малоимущих дехкан и кустарей—полупролетариев. Союзы «Кошчи» явились действительным средством проведения классового расслоения в деревне»[1])

Союз «Кошчи», несмотря на ряд недочетов в своей работе, несмотря на использование его в некоторых местах баями и кулаками, сыграл огромную роль в деле об'единения туземной бедноты вокруг Советов и тем способствовал внедрению советских форм во все стороны жизни туземного населения.

Завершением работы по ликвидации ненормальных отношений между переселенцами и коренными народами и феодальных отношений в кишлаке и ауле явилось проведе-

[1]) Муравейский—Указанное сочинение, стр. 32.

ние земельно-водной реформы и закрепление ее результатов.

В начале эта работа ведется с некоторыми задержками и зигзагами и завершается только после 1925 года, когда была проведена земельно-водная реформа в Узбекистане (в 1925—26 г. в Фергане, Самарканде и Ташкенте, в 1926—27 г. в Зеравшане), в Туркменистане (в 1925—26 гг. в Мервском и Полторацком округах) и в Киргизии (в 1926—27 гг. в южных кантонах).

Еще в 1918 году во время VI Чрезвычайного с'езда советов ставится вопрос о проведении в жизнь в Туркестане закона о социализации земли. Но в 1918 году так и не приступили к разрешению вопросов. Не благоприятствовали проведению земельной реформы также и последующие годы. Так продолжалось до 1920 года, когда «29 июня 1920 года ЦК КРП принимает следующее постановление об основных задачах РКП в Туркестане. Такими задачами ЦК считает (постановление приводится в важнейших выдержках):

а) Ликвидацию отношений, создавшихся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате 50 с лишком лет империалистической политики самодержавия.

б) Ликвидацию патраларьно-феодального наследия, сохранившегося в общественных отношениях туземного населения.

«В целях ликвидации указанных отношений необходимо срочно принять следующие меры::

1) Отобрать у переселенцев киргизских районов все земли, запроектированные переселенческим управлением или самовольно отобранные переселенцами у киргиз, оставляя переселенцам участки в размере трудового надела. Из'ятые земли обратить в фонд наделения киргизских обществ, артелей и отдельных лиц и устроения на них киргиз и дуган—беженцев после разгрома 1916 года.

2) Обеспечить землей безземельных дехкан.

3) Разбить все кулацкие организации, обезоружить кулаков и самыми решительными мерами лишить их какой либо возможности не только руководить, но и влиять на организацию местной власти и на местное строительство.

4) Выслать из Туркестана в российские концентрационные лагери всех бывших чинов полиции, жандармерии, охранки, спекулянтов, бывших управляющих крупными российскими предприятиями, всех примазавшихся к партии, советским органам, Красной армии и г. п.

5) В порядке перераспределения партийных сил, откомандировать в распоряжение ЦК всех туркестанских ком-

мунистов, заряженных колонизаторством и великорусским национализмом.

6) Уравнять в продовольственном отношении туземное городское население с русским и принять меры к улучшению продовольственного положения туземных крестьян.

7) Принять действительные меры к поддержке и развитию туземной промышленности.

8) Постановление это проводить в жизнь с неуклонной твердостью, подавляя всякое сопротивление органам, проводящим его»[1]).

К 1 мая 1921 года была ликвидирована большая часть «самовольнических хозяйств», захвативших земли у киргиз, и кулацких поселков с общей площадью в около 69500 га. Этот первый опыт крупного землеустройства потребовал значительного напряжения, сил, пришлось подавлять восстания кулаков, (напр. зимой 1920 года в Нарыне).

Затем на несколько лет революция в земельных отношениях была задержана, а в некоторых случаях началась даже реставрация дореволюционных отношений. «Начало реставрации дореволюционных земельных отношений положил декрет Тур. ЦИК за № 241 от 4 марта 1920 года о возвращении земель трудовым дехканам. Байство же сумело его использовать во всю ширь и с большой благодарностью вспоминает бывшего Наркомзема Кери-Бигеева, издавшего этот декрет»[2]). 6-й с'езд КПТ, происходивший 11—20 августа 1921 года, вынес постановление по вакуфному вопросу, смысл которого заключался в отказе от из'ятия вакуфов в общегосударственный фонд. Вакуфы религиозного характера (их незначительная часть, а именноо—вакуфы при мечетях и мазерах) не подлежали из'ятию, а вакуфы культурно-просветительного характера и имеющие своим назначением цели социального обеспечения подлежали действию закона о социалистическом землеустройстве только в том случае, когда того потребует трудовое население.

«Передача вакуфов, несомненно, носила характер «политической уступки»; делая уступку в области религиозных отношений местному населению, советская власть тем самым привлекала на свою сторону ту часть населения, которая шла вместе с басмачами, внося в борьбу с советской властью идейный элемент защитников «мусульманства» от «неверных». «Уступка в этом отношении должна была вырвать у басмачества идейные основания борьбы с советской властью и оста-

---

[1]) Муравейский—Указанное сочинение, стр. 30.

[2]) Мартьянов—Аграрные отношения в Туркестане. Статья в журнале „На аграрном фронте“ № 3—за 1925 г., стр. 161.

вить у него лишь элементы разбойничьей грабительской шайки. В первую очередь советская власть привлекает «уступкой» на свою сторону население Ферганы и делает его врагом басмачества, мешающего мирному труду дехканина, особенно при новой экономической политике. Другой «уступкой», приспособляющей советское законодательство к местному быту и условиям, является восстановление суда казиев и биев наряду с единым народным судом. Это «уступка», как показало будущее, коренным образом отразилась на басмачестве, изменив его физиономию, и явилось хорошим средством привлечения косного в большинстве в своих религиозных предрассудках дехканского населения, особенно басмаческих районов.

«Декретом Турцика от 26 мая 1922 года меры эти, сперва проведенные в Фергане, распространены затем и на остальные области Туркестана»[1]).

Эти «уступки» являлись временными мерами чтобы облегчить подведения базы под земельно-водную реформу. Уничтожение басмачества, организация трудящихся вокруг советской власти, уничтожение влияния баев и торговцев на бедноту, восстановление хозяйства края дали возможность проведения революции в земельных отношениях, но, с другой стороны, именно, проведение земельно-водной реформы еще более сплотило батраков, бедноту и середняков вокруг советов, выбило из рук баев и кулаков экономическую базу их влияния на бедноту и дало возможность не только восстановить хозяйство края, но и вплотную подойти к реконструкции сельского хозяйства Средней Азии на социалистических основах.

В деле осуществления земельно-водной реформы большую роль сыграло национальное размежевание Советских Республик в Средней Азии в конце 1924 года. Образование национальных республик: Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской и Казакской с Кара-Калпакской автон. областью, являлось необходимым этапом национальной политики Советской власти: оно приблизило советский аппарат к массам, провело на деле политическое равноправие населяющих Среднюю Азию национальностей, превратило Туркестанское генерал-губернаторство и вассальные ханства царской России в равноправные Социалистические Советские Республики в составе Союза Социалистических Советских Республик (СССР)..

В пределах Средней Азии к 1925 году образуются две союзные республики (Туркменская с центром в Ашхабаде и Уз-

---

[1]) Муравейский—Указанное сочинение, стр. 34.

бекская с центром в Самарканде) и две автономные республики (Киргизская—центр Фрунзе, бывший Пишпек, и Таджикская—центр Сталинабад, бывш. Дюшамбе). Первая республика в составе РСФСР, вторая в составе Узбекской ССР.

В 1929 году Таджикская Автономная республика выделилась из Узбекской и образовала в составе СССР седьмую Союзную Республику. Летом 1930 года Кара-Калпакская Автономная область выделялась из состава Казакской А. С. С. Р-ки и вошла в Р. С. Ф. С. Р. и в состав Средне-Азиатских Республик.

Национальное размежевание дало возможность поставить земельный вопрос не только как вопрос национально-колониальный—уничтожение остатков колонизации края—но как вопрос классовый: проведение аграрной революции среди всех национальностей края.

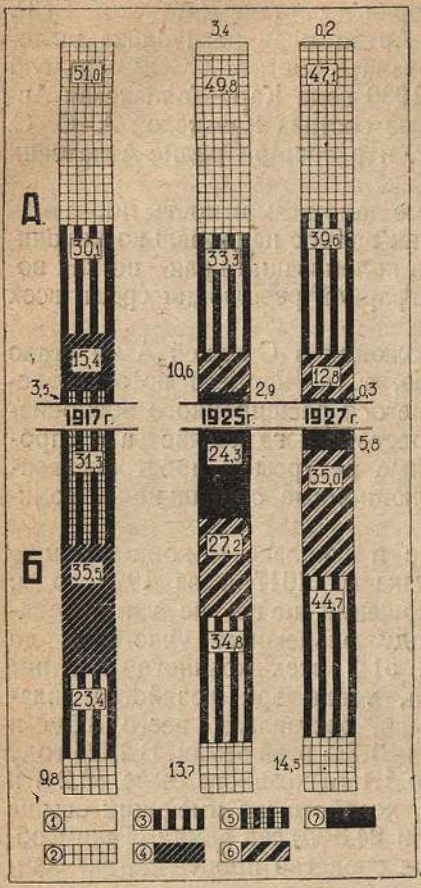
Проведение аграрной революции в Средней Азии стало настоятельной необходимостью, т. к. процесс восстановления хозяйства, процесс начавшегося расширенного воспроизводства в условиях мелкого крестьянского хозяйства воспроизводит не только материальные ресурсы и пространственные отношения, но и дореволюционные социально-экономические отношения.

Если сравнить расслоение в кишлаке и концентрацию земли у высших групп кишлака за 1917 и за 1925 годы, то мы в количественном отношении почти не увидим каких-либо сдвигов. В 1917 году владеющие участками до 1,1 га в Фергане составляли 51% всех хозяйств и у них было всего 9,8% всей земли, тогда как хозяйства, владеющие свыше 11,1 га земли, составляли всего 3,5% и концентрировали в своих руках 31,3% всей земли. В 1925 году безземельных и владеющих до 1,1 га хозяйств было 53,2% и они имели всего 13,7% земли, хозяйств же имеющих свыше 7,7 га было 2,9% и они владели 24,3% всей земли. Таким образом, мы видим, что основное средство производства—земля—оказалось не перераспределенным, здесь продолжали существовать дореволюционные соотношения.

Таким образом, создавалось противоречие между возникающими новыми социальными отношениями в области производства и распределения (кооперирование сельского населения, индустриализация и т. д.) и между старым, в значительной мере, распределением производительных сил в сельском хозяйстве Средней Азии.

К 1925-26 году ирригационная площадь достигла 75% от 1915 года (до 2.808 000 гектаров в 1925-26 г. против 3.743 170 гектаров в 1915 г. в Средней Азии вместе с южными частями Казакстана), тогда как в 1921-22 г. г. равнялась всего

Расслоение средне-азиатского кишлака до Октябрьской революции (в 1917 году), до земельно-водной реформы (в 1925 году) и после земельно-водной реформы (в 1927 году). (По Ферганской области).

Условные обозначения: столбики сверху (А) обозначают процент хозяйств по землевладению к итогу, столбики снизу (Б) — процент земли у них ко всей земельной площади у всех групп; **1**—процент безземельных, **2**—процент хозяйств, владеющих до 1,1 га и земли у них, **3**—владеющих от 1,1 га до 3,3 га и земли у них, **4**—владеющих от 3,3 га до 11 га и земли у них (в 1917 году), **5**—владеющих свыше 11 га и земли у них (в 1917 году), **6** — владеющих от 3,3 до 7,7 га и земли у них (в 1925—27 г.) и **7**—владеющих свыше 7,7 га и земли у них (в 1925—27 г.).

Данные 1917 года не вполне сравнимы с данными 1925 и 27 годов, т.-е. группировки хозяйств различны. Все же по этим данным мы можем сделать вывод, что расслоение по землевладению перед Октябрьской революцией было огромно; к 1925 году расслоение кишлака не уменьшилось; после земельной же реформы мы видим усиление середняцкой группы за счет бедняцкой и байской.

45%. Вся посевная площадь составила к 1925-26 году 2.636,9 тыс. гектароов, т. е. 68,6% от довоенной площади (3843,3 тыс. гектаров), при чем на долю богарных приходилось 25% (в 1914 году—26%).

Восстановились в общем соотношения между основными отраслями сельского хозяйства. Если в 1914 году на долю полеводства приходилось 77% стоимости валовой продукции сел.-хоз. в том числе на хлопководство 32% и 23% на долю животноводства, то в 1925-26 году имеем следующее соотношение: на полеводство—78%, в том числе на хлопко-

водство 35% и на животноводство 22%. Некоторые изменения произошли в соотношении основных отраслей хозяйства по отдельным республикам. В Узбекистане доля животноводства пала с 16,5% в 1914 году до 15% в 1925-26 г. г. соответственно поднялась доля полеводства, особенно же доля хлопководства—с 38,5% до 42%. Ту же картину видим и в Туркменистане, где доля животноводства сократилась с 41% в 1914 году до 36% в 1925-26, а доля полеводства соответственно увеличилась, в том числе доля хлопководства поднялась с 26% до 29%. Иные соотношения установились в Киргизстане и Таджикистане. В этих республиках доля животноводства поднялась: в Киргизстане с 31% до 34%, а в Таджикистане даже с 44% до 56%. Внутри же полеводства в этих республиках произошли противоположные процессы: в Киргизстане доля хлопководства, как и в других республиках, поднялась 13% до 17%, а в Таджикистане резко пала с 18% до 2%. Увеличение доли животноводства в Киргизстане и Таджикистане об'ясняется чрезвычайным уменьшением в этих республиках посевных площадей, а не ростом скотоводства. В то время, как посевная площадь в Туркменистане достигла к 1925-26 году 98% посевной площади 1914 года, а в Узбекистане 69% и в Таджикистане всего 57%. Животноводство по всем республикам восстановилось к 1925-26 в среднем на 66%, в том числе по Туркменистану на 71,5%, по Таджикистану на 68,9%, по Узбекистану на 64,6% и по Киргизстану всего на 61,2%. В Кара-Калпакстане к 1925 году размеры всей посевной площади восстановились в сравнении с 1913 годом на 54%. Особенно медленно восстанавливались посевы зерновых (42%) и люцерны (46%), тогда как посевы под хлопок на 84% превысили довоенные размеры и удельный их вес вместо 9% в 1913 г. стал 31% в 1925 г.

Процесс воспроизводства в каждый определенный момент должен воспроизвести известную пропорцию между отдельными отраслями, хозяйства, нарушение необходимых для данного момента пропорций нарушает и самый процесс воспроизводства, но эта пропорция сама все время изменяется в процессе воспроизводства в связи с развитием производительных сил и изменением социально-экономических условий.

Как, видно, в восстановительном процессе сельского хозяйства Средней Азии не было еще уничтожено нарушенное соотношение (пропорция) полеводства и животноводства, в особенности, в Туркменистане в Таджикистане.

В дальнейшем устанавливались уже некоторые иные соотношения, которые все больше и больше складывались в

пользу товарных отраслей (хлопок, каракулеводство, шелководство и т. д.). Посевная площадь под хлопком в 1925 году достигла 81% от 1914 года, урожай сырых коконов дал 75% от довоенного (4.963.630 килограмм в 1925-26 г. и 6.555.000 кг в 1913 г.), каракулеводство же восстановилось в значительно меньшей степени—62% в 1925-26 г. от 1914 года (2234,7 тыс. каракулевых овец в 1925-26 г. и 3601,5 тыс в 1914 г.). Особенно медленно идет процесс восстановления каракулеводства в Туркменистане—48% к 1925-26 г.; значительно больше в остальных республиках: в Таджикистане—60% и в Узбекистане—72%. Восстановление каракулеводства, также как и хлопководства, было тесно связано с установлением более выгодных для каракулеводов соотношений цен и нормальным снабжением продовольствием и фабрикатами каракулеводов. Как мы уже отмечали, в период сильнейшей разрухи хозяйства Средней Азии были нарушены соотношения цен на продукты питания и на каракуль и хлопок. Восстановление хозяйственной жизни Средней Азии восстанавливало первое время и довоенные соотношения в ценах на рыночные продукты питания (главным образом на хлеб).

Если в первое время стояла задача достигнуть довоенный уровень и довоенные соотношения между отраслями хозяйства, то в дальнейшем с расширением социалистического строительства ставились все новые и новые задачи, новый все более высокий уровень, более высокие темпы и новые соотношения между отраслями хозяйства.

К 1925-26 году в общем восстановилась и довоенное соотношение между валовой продукцией сельского хозяйства промышленности, а именно: доля промышленности, включая и кустарную, составляет около 38%, а доля сельского хозяйства—около 62%.

Внутри промышленности также произошли некоторые сдвиги: увеличение произошло в мелкой кустарно-ремесленной промышленности (число занятых лиц увеличилось к 1926 году в сравнении с довоенным на 9%, не считая Таджикистана), остальная промышленность достигла только к 1925-26 г. 64% от 1913 года (130,5 милл. рубл. в 1925-26 г. и 212,2 милл. руб. в 1913 г.), при этом обрабатывающая промышленность восстанавливалась быстрее чем добывающая, первая достигла к 1925-26 г. 64%, а вторая только 19% от 1913 года. Соответственно изменились и соотношения между добывающей и обрабатывающей промышленностью: в 1913 г. на долю добывающей промышленности приходилось 5,8%, а в 1925-26 г. всего 2,4%. 41% продукции добывающей промышленности в 1925-26 году приходилось на долю каменноугольной промышленности (1971,8 тыс. руб. в современных

ценах из 4788,5 тыс. руб.), затем шли нефтяная и рыбная промышленности (834 тыс. руб. и 858 тыс. руб.), саксауловая (588,7 тыс. руб.), соляная (335 тыс. руб.) озокеритовая (196,5)). В обрабатывающей промышленности в 1925-26 г. 82,5% валовой продукции приходилось на долю хлопкочистительной промышленности, а если сюда прибавить и маслобойную промышленность, работающую главным образом на хлопковом сырье (семена), то 92% обрабатывающей промышленности (по валовой продукции) зависело от хлопководства. В мелкой же промышленности в 1925-26 г. 29,9% валовой продукции приходилось на долю отраслей, производящих пищевые продукты, напитки, и наркотики, 20,6%—одежды и туалет, 18,9%—текстильные промысла, на металло-обрабатывающую промышленность падает 11,3%, кожевенную—9,8%, обработку дерева—5,6%, обработку земли и глины—1,8% рыболовство и охоту—1,2% и другие промысла—0,9%.

Мелкая промышленность получила сильное развитие в годы ослабления связи с центральными промышленными районами РСФСР. Промышленность этих районов не могла снабжать товарами Среднюю Азию. Население было вынуждено перейти к самообслуживанию, а в некоторых районах (напр. в Таджикистане) к ввозу иностранных товаров [1]). На ряду с увеличением продукции и количества занятых лиц в мелкой промышленности, происходил и процесс изменения форм промышленности. Производство маты из домашней формы мелкой промышленности во многих районах стало превращаться в ремесленную и кустарную промышленность, а в шелковой промышленности возникла даже в некоторых районах мануфактурная форма промышленности (напр.—в городе Старой Бухаре)[2]). Восстановление производственной связи с центральными промышленными районами РСФСР отразилось немедленно на развитии мелкой промышленности: последняя не могла удержать в прежней форме завоеванные ею позиции перед развитием крупной социалистической промышленности. Мелкая промышленность Средней Азии в связи с политикой Советской власти получила дальнейшее развитие, но уже на новой социальной базе, на основе кооперирования кустарей и ремесленников [3]).

Восстановительный процесс в Средней Азии шел значительно медленне, чем в СССР, так сельское хозяйство Уз-

---

[1]) Введенский—Иностранные товары на рынке Таджикистана.

[2]) Данные обследования мною шелковой промышленности в Старой Бухаре в 1923—24 году.

[3]) Очень интересные данные в этом отношении были получены мною по той же шелковой промышленности Старой Бухары в 1928 и 1930 г. г. Подробнее об этом см. во 2-й части нашей работы.

бекистана к 1925-26 году восстановилось на 77,4%, а по СССР уже на 83,1%. Этот замедленный темп об'ясняется в значительной мере тем, что в Средней Азии, как уже отмечалось выше, довоенные социально-экономические отношения в кишлаке и ауле уничтожались еще медленно, что сильно задерживало развитие производительных сил края.

Известную роль в задержке темпа восстановления хозяйства Средней Азии сыграла вредительская работа контрреволюционных организаций на железно-дорожном транспорте ирригации, текстильной промышленности и хлопководстве (см. процессы: Водхозников, Промпартии меньшевиков и др.). Ташкентские и Средне-Азиатские железные дороги были запущены, на эти дороги отправлялись негодные паровозы [1]). Поэтому сильно затруднялась правильная и быстрая связь Центрально-промышленной области и хлебных районов Союза, с одной стороны, и хлопковых районов Средней Азии, с другой.

Значительные земельные фонды сохранились еще в руках байства, формы земельных отношений особенно были запутанными там, где сохранилось общинное землепользование с очередным порядком пользования землей (один год сеет одна, а другой—другая часть общины); не менее запутанными были водные отношения, во многих случаях были сохранены те нормы и формы водопользования, которые были установлены еще при Худояр—хане (напр., в районе Ассаке около Андижана некоторые кишлаки пользовались правами, которые им были даны еще Худояр-ханом [2]), во многих случаях сохранилось также то распределение воды между отдельными родами, которое было произведено в отдаленные еще времена, возобновились арендные отношения, издольщина (чайрикерство), опять стали впадать в кредитную зависимость от баев

---

[1]) „Член контр-революционной организации, инженер Шухов показывает: „В одном из моих предыдущих показаний я показал, что наша организация выполняла функции нелегального совета правления бывших частных железных дорог. Частные железные дороги усиленно снабжались новым подвижным составом: Казанская дорога получала товарных паровозов из новых паровозов серии Э взамен негодной фиты. отправленной на Ташкентскую и Закавказскую; Киево-Воронежская и Юго-Восточная получили новых паровозов СУ, а их паровозы серии 6 были отправлены на Ташкентскую, Средне-Азиатскую и Закавказскую. Следует указать, что ряд мероприятий, указанных выше, служат интересам частных дорог, в то же время в современных советских условиях был вредительским, как по своему об'ему и преждевременности, так и ущербу, наносимому попутно остальным дорогам нашего Союза. Например, были запущены Ташкентская и Средне-Азиатская, Курская, недоусилена Омская, ослаблена экспортная Закавказская и т. п.“. Статья Кржижановского „Вредительство, как оно есть в действительности“, в „Правде“ от 12 февраля 1930 года.

[2]) Мои записки летом 1927 года.

бедняцкие и часть середняцких хозяйств; с развитием товарных отношений при слабости в то время в Ср. Азии кооперации усиливалось значение частного капитала в торговле, что опять же усиливало позицию капиталистического сектора в хозяйстве Средней Азии.

С этими явлениями надо было бороться; развитие их все более и более тормозило социалистическое строительство в Средней Азии и вообще задерживало развитие производительных сил страны. Только решительными революционными мероприятиями можно было изменить это соотношение сил. Первым мероприятием была земельно-водная реформа. Затем последовали другие мероприятия; замена частного кредитования государственным кредитованием, классовая линия в кредитовании, контроктация дехканских хозяйств, кооперирование сельского и городского населения, коллективизация и машинизация сельского хозяйства, снятие частников с сырьевого рынка, классовая линия в налоговой политике, ограничение и вытеснение кулака, затем уничтожение кулачества как класса на базе сплошной коллективизации и т. д.

Каковы же были главные экономические результаты земельно-водной реформы? Основными противоречиями, создавшимися в крестьянском хозяйстве хлопководческих и других товарных районах Средней Азии, можно считать следующие:

«1. Противоречие между высокой товарностью сельского хозяйства и отсутствием у дехкан надлежащих средств производства для ведения товарного хозяйства (омач, кетмень).

2. Противоречие между высокой товарностью хозяйств и мелким раздробленным производством. Между тем, господствующей формой труда является здесь не общественный, а изолированный труд.

3. Противоречие между высокой товарностью сельского хозяйства и наличием пережитков докапиталистических форм: издольщина, отработка, кабальные условия найма и т. д.; сюда же надо отнести натурповинность по ирригациям..

4. Противоречие между огромной потребностью в кредите и отсутствием его, что создает почву для ростовщичества.

5. Разорение огромных масс дехканства не сопровождалось созданием крупного хозяйства, основанного на наемном труде, что создало перенаселение»[1]).

---

[1]) Из заключений Сред. Азии ЭКОСО о результатах земельной реформы, проведенной в 1925—26 г. в Ферганской, Ташкентской и Самаркандской областях.

Поэтому основной задачей земельноводной реформы и являлось уничтожение этих противоречий для успешного развития производственных сил в крае и, главным образом, была направлена на окончательное уничтожение оставшихся еще пережитков феодализма. И в целом, несмотря на ряд недочетов в проведении реформы, эта задача была разрешена.

Об'ем земельно-водной реформы 1925-26 года выражался в следующем:

«а) по УзССР—в Ферганской, Ташкентской и Самаркандской областях ущемлено и урезано до нормы 22.000 хозяйств (4,7% от числа всех хозяйств в районах земельно-водной реформы), из'ято земель 16,4 тыс. десятин (10,9%), вновь образовано 63 тыс. хозяйств (14%), общий фонд земельноводной реформы достиг 219 тыс. десятин, из коих уже передано мало и безземельному населению 158 тыс. дес.

б) по ТССР в округах Ашхабадском и Мервском—ущемлено и ликвидировано 12 тыс. хозяйств (21,4%), земель из'ято 18 тыс. дес., наделено землею 25 тыс. мало и безземельных хозяйств (87,4%), общий земельный фонд ЗВР достиг 54 тыс. десятин, из коих передано населению 50 тыс. дес. (94,1% от фонда и 16,9% от площади всей пашни)» [1]).

По Узбекистану было использовано для заселения 35,8 тыс. га вновь орошенных земель. В результате земельноводной реформы уменьшилось абсолютно и относительно количество безземельных и малоземельных и количество крупных нетрудовых хозяйств, увеличилось же количество середняцких хозяйств.

В 1924/25 году в Узбекистане почти 2/3 всех байских земель, поступивших в фонд земреформы 1925-26 года не обрабатывались, а остальная часть почти полностью (94,8%) сдавалась баями чайрикерам. После земреформы эти земли почти полностью поступили в обработку.

Общая посевная площадь и посевы под хлопком в областях, где проведена земреформа, после реформы увеличились. Этому в значительной степени способствовали накопления в дехканских хозяйствах и регулирование социального состава посевщиков хлопка, снабжение дехканских хозяйств инвентарем и введение тракторной вспашки.

До земреформы из из'ятой засеваемой земли в 52.866 га в Узбекистане баи и вообще нетрудовые хозяйства получили в 1925 году ренты в размере 3.589.893 руб. [2]). В Туркменистане рента, уплачиваемая дехканами баям, с засеянной земли в

---

[1]) Из протокола заседания Президиума Госплана СССР от 5 мая 1928 года.

[2]) Данные о ренте приблизительные.

8,212 га. исчисляется в размере 613.606 рублей. Доходы, получаемые баями, шли главным образом на личное потребление и вкладывались в торговлю. Теперь эти суммы остались у дехкан, пошли в значительной мере в сельское хозяйство и тем расширили производительные силы сельского хозяйства Средней Азии. Если же принять во внимание, так называемую «потенциальную ренту», т. е. возможную ренту со всей из'ятой у баев и переданной трудовым дехканам земли в Узбекистане в размере 154.889,8 га и в Туркменистане 13.159,3 га, в дехканских хозяйствах, когда дехкане будут засевать все пашни, останется в Узбекистане 10.024.954 руб. и в Туркменистане 845.552 руб., всего 10.870.506 руб., т. е.. почти 11 милл. рублей.

Поэтому «уже в первый год после земреформы трудовое дехканство 3-х областей Узбекской ССР, освободившись от аренды земли у баев, получило дополнительный чистый доход в размере около 1,76 милл. рублей» [1]).

Наряду с наделением землей новых хозяйств необходимо было снабдить их инвентарем, т. к. только 32,7% из 65,571 землеустроительных хозяйств в Узбекистане имели живой инвентарь; мертвым инвентарем—ураками и кетменями были обеспечены примерно 35% хозяйств и не свыше 20-25% омачами; не лучше обстояло дело в Туркменистане, где 15.482 хозяйств из 24.447 землеустроенных хозяйств нуждались в инвентаризации (около 62%). В Узбекистане было предоставлено землеустроительным хозяйствам 1.760 комплектов европейского инвентаря, 10 тыс. омачей и 65 тысяч комплектов туземнооо инвентаря (кетмень, урак, и наконечник для омача) и 33.761 голов рабочего скота [2]). В Туркменистане было инвентаризовано, примерно, 70% нуждавшихся хозяйств. Землеустраиваемым хозяйствам оказывалась кредитная помощь (долгосрочный и краткосрочный кредит), к обработке их полей были привлечены тракторы. В трех областях Узбекистана 412 тракторами (312 работали в Фергане, 16—в Ташкенте и 39—Самарканде) было вспахано около 22 тысяч га.

В Узбекистане расход на одно хозяйство по земреформе (исходя из всего 65,571 хозяйств) равнялся 153 руб., а в Туркмении (из расчета на 24,447 хозяйств) равнялся 65,9 руб. Наибольшее количество всех затрат (10.078.539 р. по Узбеки-

---

[1]) Из доклада Госплана СССР о практических результатах проведения земреформы в Средней Азии 1925—26 г.г.

[2]) Из этого числа на конфискованный скот приходится 3.432 гол., на выкупленный принудительно—5.426 гол., заготовленный С.-Х. банком—6.560 гол. и приобретенный самыми хозяйствами по кредиту на скот—18.343 гол. Таким образом, из 42.634 бесскотных хозяйств было обеспечено около 60%.

стану и 1.611 102 руб. по Туркменистану) приходилось на приобретение рабочего скота —33,4% в Узбекистане и 58,79 в Туркменистане. Особенно высокий процент затрат на приобретение рабочего скота в Туркменистане об'ясняется тем, что здесь ввиду отсутствия крупных хозяйств, не было конфискации сель.-хоз. инвентаря у ликвидированных или урезанных хозяйств. Вторым наибольшим расходом является расход на ирригационную работу—29,5% в Узбекистане и 10,8% в Туркменистане. На сел.-хоз. инвентарь и тракторы падает 5,6% в Узбекистане и 3,4% в Туркменистане. Расходы по вспашке имеются только в Узбекистане—5,6%. На семена было израсходовано 3,7% и 3,8%. На постройки было затрачено только в Узбекистане—3,6%.

Ко всем этим мероприятиям надо прибавить еще систему мероприятий Хлопкома, по регулированию социального состава посевщиков хлопка, чем был положен предел реставрации дореволюционных отношений в кредитовании баями бедняцких и середняцких хлопководческих хозяйств. В основном эти мероприятия сводятся к следующим: «1) в числе посевщиков хлопка не допускаются лица, занимающиеся большой торговлей; 2) установлен максимум посевов хлопка, на одно хозяйство не свыше 5 десятин; 3) включены в список авансируемых хлопком посевщиков лица, сеющие до $^1/_4$—$^1/_6$ десятины; 4) предоставляются более льготные условия финансирования хлопководов—вновь землеустроенных с выдачей им аванса в размере не 68 рублей, а 75 рублей на десятину; 5) помощь землеустроенным тракторной вспашке, выдачей по 5 пудов продовольствия—пшеницы на хозяйство и пр.» [1]). Все эти мероприятия, связанные с земреформой увеличили общий размер посевной площади под хлопком, несмотря на наметившуюся тенденцию в уменьшении удельного веса посевщиков, сеющих более 2,2 га.

Вслед за земельной реформой в 3-х областях Узбекистана и 2-х Туркменистана были проведены реформы в Зеравшанской области Узбекистана (часть быв. Бухарской Республики) и в южных хлопководческих кантонах Киргизии.

Несмотря на ряд крупных недочетов земельно-водная реформа сыграла огромную роль в дальнейшем развитии производительных сил в Средней Азии.

Восстановительный период заканчивался, и одновременно шел процесс коллективизации и кооперирования сельского хозяйства. Еще во время земреформы в Узбекистане было организовано 364 коллективных хозяйств.

Скоро колхозное движение охватывает значительные слои

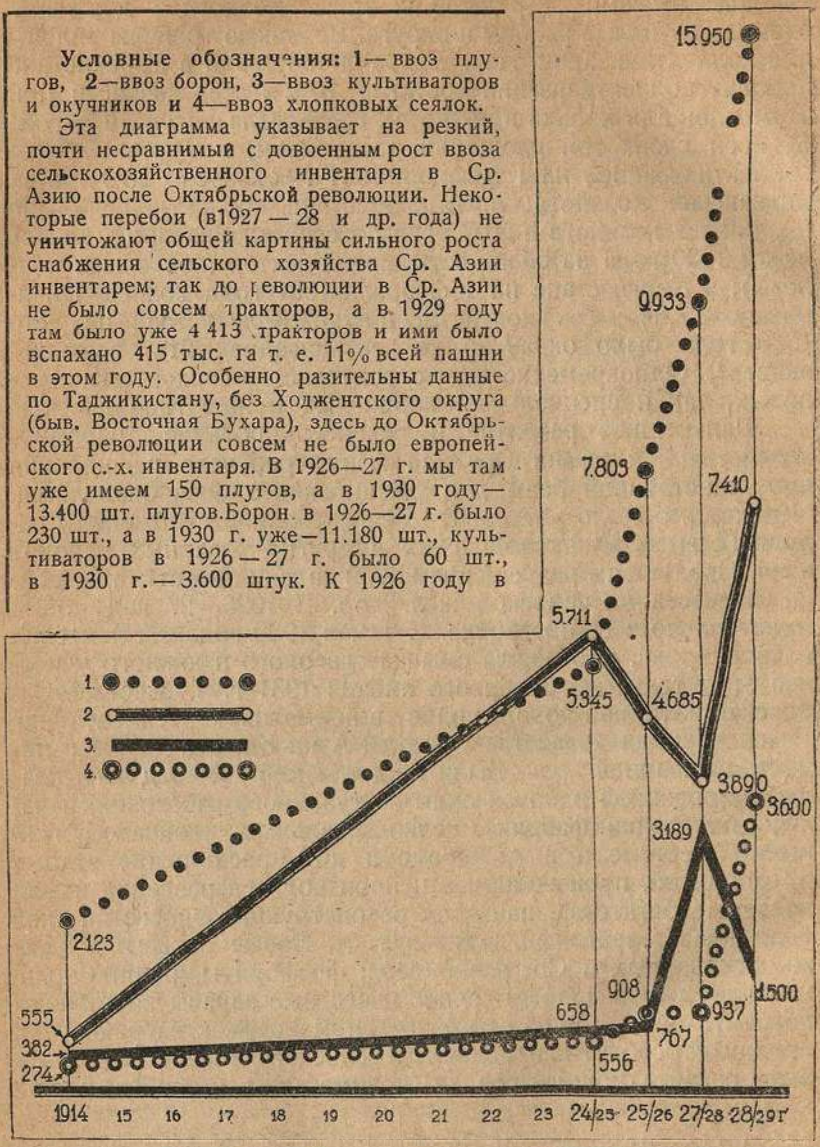
[1]) Из доклада Госплана СССР.

и середняцкого населения. Возникают все новые и новые районы, кишлаки и аулы, охваченные коллективизацией по инициативе самих середняцких масс. Колхозное движение охватывает целые районы и округа. Возникают районы сплошной коллективизации. На 1 февраля 1931 года в Узбекистане процент коллективизации достигает 37,2% всех хозяйств, при этом площадь хлопка в колхозах составляла летом 1930 года 1/3 всей хлопковой площадии республики; в Туркменистане коллективизацией на 1 февраля 1931 г. охвачено 28,9% всех дехканских хозяйств; в Таджикистане коллективизировано 23,4% всех хозяйств и 50% всех посевов хлопка приходилось летом 1930 года на обобществленный сектор (совхозы и колхозы); в Киргизстане на 1 февраля 1931 года коллективизировано 27,6% всех хозяйств; в Кара-Калпакстане на лето 1930 года было охвачено коллективизацией 21% всех хозяйств[1]). Одновременно идет строительство совхозов как зерновых, так и специальных хлопковых и животноводческих.

Дальнейшее развитие и реконструирование народнохозяйственной жизни Средней Азии требовало расширения пространственной базы для расширенного воспроизводства. Необходимо было установить бесперебойное снабжение продовольствием хлопководческих и других товарных районов края. Наилучшим разрешением этой задачи является постройна Туркестано-Сибирской жел. дор. В 1926—27 году было приступлено к ее постройке. С 1 мая 1930 года, на 4 месяца раньше срока, произошла смычка северного и южного участков строительства, и первого января 1931 г. Туркестано-Сибирская железная дорога войдет в нормальную эксплоатацию. Реконструкция хозяйства Средней Азии связана также с индустриализацией края. Были приняты меры к созданию квалифицированной рабочей силы из туземного населения, начались постройки фабрик (шелко-мотальные, хлопчатобумажные в Фергане и в Ашхабаде и др.), расширение старых предприятий, производились и производятся разведки на ископаемые богатства, началась реконструкция энергетической базы края (электрификация) и т. д. Новые открытые залежи ископаемых в Ср. Азии (сера, фосфориты, радий, полиметаллы, ртуть и др.) и ранее известные запасы заставляют обратить на Ср. Азию серьезное внимание, как на район, где наряду с особым направлением сельского хозяйства должна быть развита мощная горная (полиметаллы, и особые и ред-

[1])Сводка Наркомзема СССР № 3 в Правде от 6 февраля 1931 года, „Коллективизация и классовое расслоение кишлака и аула Ср. Азии". Ташкент, 1930 г., „Известия ЦИК СССР" от 19/VII – 30 г. и от 16/VI—30 г. „Правда Востока" от 15/VI—30 г.

Ввоз сельскохозяйственного инвентаря в Среднюю Азию
(с 1914 по 1928—29 гг., в штуках).

Условные обозначения: 1— ввоз плугов, 2—ввоз борон, 3—ввоз культиваторов и окучников и 4—ввоз хлопковых сеялок.

Эта диаграмма указывает на резкий, почти несравнимый с довоенным рост ввоза сельскохозяйственного инвентаря в Ср. Азию после Октябрьской революции. Некоторые перебои (в 1927 — 28 и др. года) не уничтожают общей картины сильного роста снабжения сельского хозяйства Ср. Азии инвентарем; так до революции в Ср. Азии не было совсем тракторов, а в 1929 году там было уже 4 413 тракторов и ими было вспахано 415 тыс. га т. е. 11% всей пашни в этом году. Особенно разительны данные по Таджикистану, без Ходжентского округа (быв. Восточная Бухара), здесь до Октябрьской революции совсем не было европейского с.-х. инвентаря. В 1926—27 г. мы там уже имеем 150 плугов, а в 1930 году— 13.400 шт. плугов. Борон в 1926—27 г. было 230 шт., а в 1930 г. уже—11.180 шт., культиваторов в 1926 — 27 г. было 60 шт., в 1930 г. — 3.600 штук. К 1926 году в Таджикистане было 8 тракторов, а в 1930 г.—293 трактора и т. д. (см. о технической реконструкции сельского хозяйства Ср. Азии во 2-й части работы). До революции усовершенствованный с.-х. инвен-

тарь был распространен единицами. Для иллюстрации приведем данные о распространении с.-х. инвентаря по уездам в 1920 г. в расчете на 110 га посевов (дореволюционными данными мы не располагали). При этом надо иметь ввиду, что посевы в 1920 году сократились по сравнению с 1917 годом почти на 37%. Расположим уезды в убывающем порядке по отдельным видам сельскохозяйственного инвентаря. **Омачи:** 1) Нарынский (60,0), 2) Полторацкий (Ашхабадский) (31,8), 3) Тедженский (29,5), 4) Мервский (28,5), 5) Самаркандский (20,8), 6) Катта-Курганский (20,2, 7) Джизакский (19,7), 8) Ташкентский (18,0), 9) Голодная Степь (10,6), 10) Ходжентский (7,7), 11) Пишпекский (7,4), 12) Каракольский (3,5) и 13) Красноводский (0,5). **Плуги:** 1) Каракольский (12, 4), 2) Пишпекский (10,1), 3) Таджеитский (8,0), 4) Голодная Степь (6,0), 5) Полторацкий (4,9), 6) Джизакский (3,4), 7) Мервский и Ташкентский (по 2,7), 8) Нарынский (2,8), 9) Ходжентский (1,2), 10) Катта-Курганский и Самаркандский (по 0,8) и 11) Красноводский (0,5). **Бороны железные:** 1) Катта-Курганский (13,5), 2) Мервский (8,5), 3) Самаркандский (8,0), 4) Джизакский (7,1), 5) Голодная Степь (5,5), 6) Полторацкий (4,2), 7) Ташкентский (2,8), 8) Тедженский (2,2) 9) Ходжентский (2,0), 10) Каракольский (0,6) и 11) Пишпекский и Нарынский (по 0,3). **Культиваторы:** 1) Голодная Степь (2,8), 2) Мервский и Ташкентский (по (0,08), 3) Полторацкий (0,07), 4) Пишпекский (0,05), 5) Тедженский (0,03), 6) Катта-Курганский и Самаркандский (по 0,05), и 7) Каракольский, Джизакский и Ходжентский (по 0,01). **Хлопковые сеялки:** 1) Голодная Степь (3,0), 2) Ташкентский (0,03), 3) Мервский (0,03), 4) Самаркандский (0,01), 5) Ходжентский (0,003) и 6) Пишпекский (0,001). Эти данные поуездные, но надо иметь ввиду сильную дифференциацию крестьянского населения по обеспеченности инвентарем. Так по тем-же данным 1920 года мы видим в Красноводском уезде 70,5% хозяйств, неимеющих совершенно сельскохозяйственного инвентаря, в Каракольском—28,5%, в Пишпекском — 17,1%, в Тедженском—13,7%, в Самаркандском—13,2, в Катта-Курганском—12,5%, столько же в Полторацком, в Голодной Степи—10,5% и т. д.

кие металлы) и химическая промышленность. Эти задачи не могли быть ни поставлены, ни осуществлены при царском правительстве, когда колониальная политика российского империализма тормозила развитие производительных сил в Ср. Азии. Вместе с этим идет усиленная работа по расширению и реконструкции технической базы сельского хозяйства (постройка новых ирригационных сооружений, машинизация, тракторизация и пр.).

Наша задача в этой части работы сводилась к тому, чтобы показать, как в течение многих столетий складывался хозяйственный тип Средней Азии, как шел процесс специализации Средней Азии на основе развития географического разделения труда, и выяснить наследие, которое получил от царской России пролетариат и которое, с одной стороны, должно быть уничтожено, уничтожено с корнем, с другой стороны—частично использовано для социалистической реконструкции хозяйства края.

Мы видели как выделялись постепенно отдельные земледельческие и скотоводческие районы, как возникали в этих районах своеобразные производственные отношения, как складывалась в них та или иная специализация, как менялась роль Средней Азии и отдельных ее районов в системе общественного разделения труда.

В данное время Средняя Азия ярче проявляет свою специализацию, как район высоко-интенсивных и товарных отраслей хозяйства в общей системе народного хозяйства СССР. Если на долю Средней Азии в снабжении промышленности России отечественным хлопком до войны приходилось от 87 до 90%, то и теперь Средняя Азия в хлопковых заготовках также занимает 89% (1927/28 год). Но процент хлопка ко всем посевам в 1927-28 году составляет 21,1% против 16, 9% в 1914 году, а ко всем поливным посевам 30,5% против 29,9 в 1914 году. Увеличиваются выходы продукции других отраслей хозяйства (каракуль, шелковичные коконы и т. д.), усиливается и развивается более тесная связь с народным хозяйством СССР. Так, например, если в 1913 году 42% коконов шло на экспорт за границу, 54,5% составляло местное потребление (кустарно-ремесленное — 34,5% и домашнее—20%) и только 3,5% шло на вывоз в центральные губернии России, то в 1925—26 году уже 33% шло в центр и только 6% экспортировалось за границу. И эта связь по сути своей, по существу теперь совершенно иная. Если в царской России эта связь устанавливалась стихийно, на основе законов капиталистического хозяйства, на основе эксплоатации Средне-азиатской колонии буржуазией метрополии, то в Советском Союзе эта связь устанавливается в плановом порядке, на основе эффективности социалистического воспроизводственного процесса, на основе взаимной помощи пролетариата и бедняцкой и середняцкой массы дехканства Ср.-Азии и пролетариата и бедняцкой и середняцкой массы крестьянства других районов СССР с целью уничтожения отсталости национальных окраин, уничтожения полученного от царской России экономического и культурного неравенства между национальностями, индустриализации и социалистической реконструкции хозяйства Средней Азии.

Установление более тесной связи с СССР, проведение земельно-водной реформы, контрактация, кооперирование и коллективизация и ряд других мероприятий усиливают основу социалистического переустройства хозяйства Средней Азии. Это переустройство встречает ожесточенное противодействие баев, кулаков, манапов, духовенства, националистической интеллигенции и др. слоев населения, заинтересованных в сохранении дореволюционных социальных отношений.

Все зло они видят в укреплении союза сельского хозяйства Средней Азии с промышленностью СССР. Поэтому они против развития товарных технических культур (особенно хлопка), против вообще развития рыночных отраслей сельского хозяйства, их идеал — возврат к натуральному хозяйству, что уменьшило бы связь Средней Азии с СССР и тем дало бы возможность сохранить господство баев и кулаков.

Они готовы добиться отделения от СССР какими бы то ни было средствами; для них лучше буржуазная Англия, чем пролетарский Советский Союз. Таким образом националистическая контрреволюция Средней Азии (всевозможные национал-демократические группы в Узбекистане и др. республиках) по существу не отличается от контрреволюционных организаций типа «Союза вызволения Украины», «Промпартии», «Трудовой Крестьянской Партии» (Кондратьевщины) и т. д. Поэтому мы и видим на деле союз между национал-демократами «самобытниками» и великодержавниками—кондратьевцами и др. Они связываются с контрреволюционной националистической эмиграцией, притаившейся в пограничных областях (напр., Афганистане), и с империалистами запада в целях интервенции против СССР. Забыты противоречия между туземным, узбекским, туркменским, таджикским, киркизским баем и русским кулаком переселенцем, они единым фронтом выступают против Советов, против строительства социализма[1]).

Возникновение районов сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации еще более усиливает сопротивление байских, кулацких элементов социалистической реконструкции в Средней Азии.

Несмотря на это противодействие, несмотря на огромные еще трудности[2]) в хозяйственном строительстве Средней Азии, мы имеем за последние годы быстрый рост производительных сил края и обобществленного сектора в хозяйстве Средней Азии и неоспоримые достижения в уничтожении фактического неравенства национальностей.

---

[1]) Великодержавный шовинизм, главная опасность на данном этапе, прикрывается всевозможными „левыми“ фразами об „интернациональном языке и культуре“, борясь против того положения, что „период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме“ (Сталин).

[2]) Тяжелым камнем в социалистической реконструкции Средней Азии является сильная культурная отсталость края. В наследие мы получили почти поголовную неграмотность населения. Так по Туркестану (без Ферганы в 1920 году мы имели всего 8,8% грамотных, при чем грамотность мужчин доходит до 11,7%, а женщин падает до 5,7%. Если же мы обратимся к данным по отдельным национальностям, то видим еще

Как на основные причины такого быстрого хозяйственного под'ема Средней Азии можно указать на следующие: 1) ликвидация крепостнических отношений в кишлаке и ауле, 2) систематическая хозяйственная помощь Союзного Правительства, 3) нахождение формы смычки, производственной смычки, сочетающей интересы дехканского хозяйства с развивающейся промышленностью,— снабжение с.-х. машинами, тракторами, квалифицированной рабочей силой, культурная и производственная помощь пролетариата промышленных районов (25-ти тысячники и др.) и т. д., 4) товарное направление сельского хозяйства, поощряемое правительственными мероприятиями, усиливающими и развивающими сырьевую базу социалистической промышленности. Эта смычка кладет основу социалистическому переустройству разрозненных до сих пор дехканских хозяйств Средней Азии.

Современному экономико-географическому описанию хозяйства Средней Азии, описанию тех сдвигов в экономике края и отдельных ее районов, которые мы имеем за последние годы, своеобразным условиям и формам социалистического строительства и перспективам социалистического переустройства отдельных республик и районов края будут посвящены следующие части работы.

более безотрадную картину. Грамотных узбеков мужчин всего 3,1%, женщин—1,8%; казаков—4,3% и 0,2%; киргиз—6,6% и 0,3%; таджиков—6.8% и 1,1%; туркменов—1,1% и 0,0%, тогда как грамотных русских мужчин—4 ,4% и женщин—28,1, татар—50,4% и 33,5%, прочих (главным образом европейцев)—54,9% и 40,8%. Если мы учтем грамотность населения в бывших Хивинском и Бухарском ханствах, то процент грамотных среди туземного населения будет еще меньшим, в особенности среди таджиков (Восточная Бухара) и киргиз (Памир).

Список диаграмм и картограмм

		Стр.
1.	Схематическая карта изотерм и осадков в Средней Азии	138
2.	Почвенная карта Средней Азии	139
3.	Схематическая карта растительности Средней Азии	140
4.	Схематическая карта климатических районов Средней Азии	142
5.	Карта полезных ископаемых Средней Азии	148
6.	Схематическая экономическая карта Средней Азии во II веке до нашей эры	158
7.	Схематическая экономическая карта Средней Азии в IX—XI вв.	170
8.	Схематическая экономическая карта Средней Азии в XIV—XVII вв.	185
9.	Диаграмма: Вывоз хлопка и хлопковых изделий из Средней Азии в Россию с 1758 по 1867 г. (в тыс. руб.)	199
10.	Диаграмма: Вывоз хлопка из Средней Азии по отдельным ханствам (с 1840—50 по 1867 г., в процентах к итогу)	200
11.	Диаграмма: Доля хлопка и хлопчато-бумажных изделий и пряжи в общем вывозе отдельных ханств в 1864 и 1867 гг.	201
12.	Схематическая экономическая карта Средней Азии в первой половине XIX века	204
13.	Диаграмма: Вывоз хлопка-волокна из Средней Азии, ввоз заграничного хлопка в Россию, цена на хлопок-сырец в Фергане, на хлопок-волокно в Москве и Ливерпуле и постройка хлопкоочистительных заводов в Средней Азии (с 1854 по 1914 г) (вкладкой)	210—211
14.	Картограмма кочевых хозяйств в Туркестане в 1868—69 г.	229
15.	Картограмма кочевых хозяйств в Туркестане в 1917 г.	231
16.	Диаграмма: Движение грузов по Средне-азиатской и Ташкентской жел. дорогам	237
17.	Схематическая карта районов транспортного тяготения и торговых районов Средней Азии	238
18.	Диаграмма: Изменение во внешней торговле Бухары с Россией за время с 1840—49 по 1913 г.	241
19.	Карта плотности населения и городов в Средней Азии	244
20.	Диаграмма: Посевы всех зерновых и хлопчатника в Ферганской области с 1907 по 1917 г.	247
21.	Диаграмма: Рост посевов хлопка в Средней Азии по отдельным районам (с 1888 по 1924 г.)	257
22.	Диаграмма: Доля гузы (или джайдары) во всей хлопковой площади Ферганы (с 1888 по 1920 г.)	259
23.	Картограмма посевов хлопчатника за 1915 г.	261
24.	Картограмма вывоза хлопка из Средней Азии за 1909 г.	263
25.	Схематическая экономическая карта Средней Азии в начале XIX века (перед войной 1914—1918 гг.)	264
26.	Картограмма: Направление вывоза каракулевых шкурок из Средней Азии (1911—13 гг.)	267

27. Схематическая карта — диаграмма географического размещения промышленных заведений в Средней Азии (без горной промышленности, по данным на 1914 год) 276
28. Диаграмма: Рост продукции маслобойной промышленности и вывоз масла из Средней Азии (с 1908 по 1915 г.) 282
29. Картодиаграмма сети банковых учреждений в Средней Азии к 1914 году 297
30. Диаграмма: Состав фабрично-заводского пролетариата в Средней Азии (данные за 1914 г. по четырем областям) 304
31. Диаграмма: Темпы роста элементов народного хозяйства Средней Азии (в %%-х к 1916 году) 315
32. Схематическая карта экономических районов Средней Азии (цветная) (вкладкой) . . . . . 316—317
33. Картограмма хозяйств без рабочего скота в Туркестане в 1917 году (процент хозяйств без рабочего скота) 317
34. Картограмма хозяйств без посева в Туркестане в 1917 г. (процент хозяйств без посева) 318
35. Картограмма промыслов сельского населения Туркестана в 1917 году (процент хозяйств с промыслами) 321
36. Картограмма цен на пшеницу в Туркестане (цена муки пшеничного размола в 1915 году в копейках за 16,4 *кг*) 323
37. Картограмма заработной платы сел. хоз. рабочих в Туркестане (зарплата пешего рабочего на своих харчах в копейках в день в 1915 году) 326
38. Диаграмма: Размер и составные части расхода на производство хлопка в Средней Азии и САСШ (в расчете на 1,1 *га*) . . . 334
39. Диаграмма: Цены на хлопок-сырец и на пшеницу в Средней Азии за ряд лет (с 1889—1914 г. в рублях) 337
40. Диаграмма: Соотношение цен на хлопок, пшеницу и рис в Средней Азии (на 16,4 *кг* можно было купить в разные годы пшеницы и риса) 339
41. Диаграмма: Продукция сельского хозяйства Туркестана за 1917 и 1920—21 гг. (в процентах к довоенному уровню) 346
42. Диаграмма: Средние годовые индексы цен сырья и готовых изделий за ряд лет (с 1923—24 по 1926 гг.) по СССР (в отношении к 1913 г.) 349
43. Картограмма: Направление вывоза каракулевых шкурок из Средней Азии в 1918—21 гг. 351
44. Диаграмма: Трансппртный баланс Средней Азии за 1901, 1913, 1920, 1921 и 1922 гг. по основным грузам 353
45. Диаграмма: Расслоение средне-азиатского кишлака до Октябрьской революции (в 1917 г.), до земельно-водной реформы (в 1925 г.) и после земельно-водной реформы (в 1927 г.) (по Ферганской области) 360
46. Диаграмма: Ввоз сельскохозяйственного инвентаря в Среднюю Азию (с 1914 по 1928—1929 гг., в штуках) 370

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие президиума НИА 3
Предисловие автора 5
Методологическое введение . . . . . 7—136
Необходимость методологического введения (7).
1. Процесс воспроизводства и экономическая география . . . . . 7—18
Общественный процесс производства и воспроизводство производственных отношений в пространстве (7—8). Процесс воспроизводства в различные этапы развития общества: родовой строй (8), феодальный способ производства (9), простое товарное хозяйство (9), капиталистический способ производства (9—10). Понятие географического разделения труда (10). Пространство и время (11). Политическая экономия, история хозяйства и экономическая география (11—12). Пространственный подход у Маркса, Энгельса и Ленина (12). Диктатура пролетариата и вопросы размещения экономических явлений в СССР (12—13). Содержание экономической географии (13—14). Территориальное воспроизводство в период родового строя (14), в период феодального способа производства (14—15), в простом товарном хозяйстве (16), в капиталистическом хозяйстве (16). Две системы в современном мировом хозяйстве — капиталистическая и советская, и задачи экономической географии капиталистического хозяйства и экономической географии советского хозяйства (17—18).
2. Географическое или территориальное разделение труда при капиталистическом способе производства . . . . . 18—58
Экономические районы и географическое разделение труда (18). Географическое разделение труда—простейшая категория экономической географии (18—19). Географическое разделение труда и общественное разделение труда (19—20). Различные виды географического разделения труда (международное разделение труда, межрайонное разделение труда, внутри-районное разделение труда) (21). Двоякий характер заключающегося в товарах труда и географическое разделение труда (22—23). Анализ труда в полит. экономии и в экономической географии (23), анализ труда в технологии и товароведении и в экономической географии (23). Изучение производительных сил и производственных отношений в эконом. географии (23—24). Изучение конкретного, полезного труда в эконом. географии (25). Изменение производительной силы труда (25). Полезный труд и природные условия (25—26). Абстрактный труд в эко-

номической географии (26—27). Закон географического разделения труда в период простого товарного хозяйства (28). Закон географического разделения труда при капиталистическом способе производства (28—29). Маркс и формула закона географического разделения труда при капиталистическом способе производства (29—30). Неравномерность развития капитализма и географическое разделение труда (31). Кризисы и географическое разделение труда (31—32). Изучение кризисов в экономической географии (32). Географическое разделение труда в период империализма (33—46). Закон географического разделения труда в период империализма (33). Разделение труда и хозяйственные связи (35—46). Обмен товарами и географическое разделение труда (35—38). Простая форма стоимости (35). Развернутая форма стоимости (35). Всеобщая и денежная форма стоимости (35—36). Превращение денег в платежное средство (36). Торговля и торговый капитал (36). Товарно-торговый (купеческий) капитал (36—37). Развитие торговли путем борьбы (37). Торговая политнка (37) Демпинг (37). Неэквивалентный обмен (37—38). Вывоз капитала и географическое разделение труда (38—44). Последствия вывоза капитала для различных типов стран (39—40). Империализм и неравномерность развития капитализма (40—41). Территориальное отделение районов выколачивания прибавочной стоимости от районов ее присвоения (41). Борьба между отдельными монополиями и между отдельными странами (41—42). Война, как метод распределения и перераспределения производительных сил (42). Империализм и колониальная форма географического разделения труда (42—44). Миграция рабочей силы и географическое разделение труда (44—46). Миграция в различные этапы развития общества (44—45). Мигация в период капитализма и, в частности, в период империализма (45—46). Развитие географического разделения труда вширь и вглубь (46). Особенности экономико-географического анализа труда (46—47). Буржуазные отраслевое (деновщина), географическое (гетнериантство) и районное (бериштейн-когановщина) направления в экономической географии и понятие экономической географии (47—50). Взгляд на экономкческую географию, как на науку, изучающую проявление полезного труда вне социально-экономических отношений (Спектатор) (50—51). Неправильное понимание географического разделения труда и форм хозяйственных связей в марксистской литературе (Зиман) (51—57).

3. Изучение природных условий (географической среды) в экономической географии . . . . . 8—72

Природные условия и соц.-экономические факторы (58). Механизм влияния природных условий на географическое разделение труда (59—60). Процесс труда (59—60). Деление природных условий в экономич. географии: общие материальные (природные) условия труда (60), данный природой предмет труда (61), неподвергнутые обработке средства труда (61), природа самого человека (61—62). Значение отдельных сторон географической среды на развитие отдельных видов труда (62—63). Природные условия — предпосылка развития хозяйственной деятельности общества (63—64). Эконом-географический подход к изучению природных условий (64). Деление природных условий на две группы—зональные и азональные (64). Эконом. географический и физико-географический подход к изучению природных условий (64—65). Влияние природ-

ных условий на географическое разделение труда в связи с развитием производительных сил в различные соц.-экономические формации (65—67). Диалектика влияния природных условий на географическое разделение труда (67—69). Маркс о влиянии природных условий на хозяйственную жизнь (68—69). Выделение в экономич. географии в самостоятельный раздел изучения природных условий (69—70). Неверные понимания влияния природных условий на хозяйство в эконом. географической литературе (Геттнер, Синицкий, Бернштейн-Коган и другие) (70—72).

4. Периодизация истории развития хозяйства в экономической географии . . . . . 72—76

Периодизации Мечникова и Хоррабина (73). Периодизации Ритчеля и Рыбникова (73—74). Марксистская периодизация (75—76).

5. Проблема размещения отдельных отраслей хозяйства при капиталистическом способе производства . . . . . 76—88

Место изучения размещения отдельных отраслей хоз-ва в экономической географии (76). Общая теория штандорта в буржуазной экономической географии (76). Географическое разделение труда и размещение отдельных отраслей хозяйства (77). Эконом.-географический подход при изучении отдельных отраслей хоз-ва (77—78). Методологические указания Ленина (78). Районы отдельных отраслей хозяйства (78). Типы развития сельского хозяйства (79—80). Господство теории Тюнена и теория Вебера в экономич. географии (80). Критика теории Тюнена (80—81). Критика теории Вебера (81). Критика теории Энгелендера (81). Штандортообразующие факторы (82). Штандортообразующие факторы в капиталистическом сельском хозяйстве (82 — 85): земельная рента (82), транспортные издержки (82), заработная плата (83), издержки на постоянный капитал (83) влияние размещения промышленности (84), низкого органического состава капитала в сельском хозяйстве (84), различия между временем производства и рабочим периодом (84), покравительственная и таможенная политика (84), колониальная политика (84), существование мелкого крестьянского хоз-ва (84—85). Основные ошибки буржуазных теорий сель.-хоз. штандорта (85). Штандортообразующие факторы в капиталистической промышленности (85—87): затраты на постоянный капитал (85) основной капитал (85—86), оборотная часть постоянного капитала (86), транспортные издержки (86), рабочая сила (86), процент на заемный капитал (86), земельная рента (86), скорость оборота и издержки обращения (87), агломерация (87), покровительственная и таможенная политика (87), колониальная политика (87), ремесло и кустарничество (87). Основные ошибки буржуазных теорий штандорта промышленности (87). Действие штандартообразующих факторов в совокупности (87—88). Бернштейн-Коган о включении в эконом. географию теорий штандорта хоз-в (88). Спор между отраслевым и районным направлением в эконом. географии (88).

6. Экономические районы в капиталистическом обществе . . . . . 88—111

Понятие экономического района (89). Своеобразие сочетания и соотношения отраслей хоз-ва и своеобразные производственные отношения внутри района (89). Промышленность и сельское хоз-во (89). Избыточное сельское население (89).

Крупная и мелкая промышленность (90). Отдельные виды транспорта (90). Процесс воспроизводства района (91). Социальные отношения, типы производственных отношений, уклады внутри района (91). Экономические районы, как реальные совокупности в понимании Чупрова и др. (92). Факторы районообразования (93). Агломерация (93). Взаимодействие между районами (93—95). Неравномерность развития капитализма и экономические районы (95). Новые формы связи в современном мировом хозяйстве в связи с образованием СССР и вступлением на некапиталистический путь развития Монголии и Тувы; борьба двух систем—капиталистической и советской (96). Типы экономических районов (96). Признаки классификации экономических районов (97). Ленин и характеристика экономических районов (97—101). Границы экономич. районов (101). Схема изучения экономич. районов (102). Понимание эконом. районов в буржуазной экономической географии (102). Классификация эконом. районов у Бернштейн-Когана (103), у Рыбникова (105). Гетнер об экономич. районах (106). Марксистский подход при изучении экономических районов (107). Натуралистический метод районирования Челинцева (108), ценностный метод районирования Котова (108), телеологический метод районирования Кажанова и их критика (110—111).

7. Экономическая география советского хозяйства . . . . . 112—120

Общее состояние экономич. географии советского хозяйства (112). Подход буржуазных ученых (Бернштейн-Когана, Рыбникова и др.) (112). Географическое разделение труда в условиях советского хоз-ва (113). Маркс, Энгельс и Ленин о разделении труда в социалистическои обществе (113). Разделение труда между отдельными агро-индустриальными и индустриально-аграрными комбинатами (114). Новые, социалистические производственные отношения и новый тип затраты рабочей силы и новый тип территориального распределения труда (115). „Кто кого“ (115). Построение фундамента социалистической экономики (115). Развитие производительных сил в условиях советского хозяйства (115). Задача использования природных рессурсов страны (116). Рабочая сила и ее локализующая роль в соц. хозяйстве (115). Основной принцип, регулирующий географическое разделение труда в советском хозяйстве (116). Конкретные методы его осуществления (116). Размещение отдельных отраслей х-ва в СССР (117). Экономические районы в СССР (118). Метод районирования — географический метод социалистической реконструкциии народного хоз-ва СССР (118). Госпланновское районирование (118). Экономические районы и их взаимодействие в СССР и в капиталистических странах (119). Районообразующие факторы в сов. хоз-ве (119). Схема изучения экономическвх районов СССР (119). Задачи эконом. географии в условиях советского хозяйства (120).

8. Метод экономической географии . . . . . 120—136

Исходные методологические положения в эконом. географии (120). Господство философии Канта и неокантианцев (Геттнера, Риккерта и Чупрова) в современной экономической географии (120). Философия Риккерта (121); Геттнер (122); Геттнер и Баранский (124) Буржуазное районное и географическое направления (125). Бернштейн-Коган, Синицкий, Берг, Борзов, Григорьев и др. (125). Буржуазное экономическое на-

правление—Рыбников (126). Буржуазное отраслевой направление—Ден (127). Отличительные особенности марксистской методологии эконом. географии (129). Диалектический материализм и его применение в эконом. географии (129). Специальные методы эконом. географии (129). Метод собирания материалов (129). Метод анализа (130). Аналитический (отраслевой, индуктивный) метод и синтетический (районный, дедуктивный) метод в буржуазной эконом. географии (Швитау, Рыбников, Геттнер) (130). Анализ и синтез, отраслевой и районнюй методы в марксистской эконом. географии (131). Экономические карты (132—135). Геттнер, Силищенский и Баранский об экономических картах (133—135). Метод изложения в экономич. географии (135).

Вывод — необходимо создать марксистскую экономическую географию и от обороны перейти в наступление против буржуазных учений в экономической географии и оппортунистических извращений марксизма—ленинизма в экомической географии (136).

1-й РАЗДЕЛ. Задачи Средне-азиатских республик в перспективном плане социалистической реконструкции народного хозяйства СССР . . . 137—150

Географическое положение и размер территории Ср. Азии (137). Состав Ср. азиатских республик (137). Отличительные особенности географического положения Ср. Азии—отдаленность от морей и замкнутость ее бассейнов (137). Климат Ср. Азии (137). Рельеф (137). Два основных района Ср. Азии (горный и равнинный) (138). Особенности развития хоз-ва в равнинной части (138). Особенности развития хоз-ва в горной части (139). Климат, растительность и почва края (141). Ископаемые богатства (141). Взаимодействие с другими районами и различные формы этого взаимодействия в различные этапы развития Ср. Азии (143). Чрезвычайное разнообразие в сочетании отдельных отраслей хоз-ва и чрезвычайная пестрота экономических форм в Ср. Азии (143). Значение этого явления для социалистического строительства (144). Социалистическое строительство в СССР и задачи Средне-азиатских республик (144—149). Всесоюзное географическое разделение труда и место Ср. Азии в этом разделении (144). Средне-азиатские республики—образец социалистического хоз-ва и культуры для народов Востока, которые еще стонут под игом империализма (146). Роль Ср. Азии в задаче догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны (147). Различные задачи в деле соц. реконструкции по отдельным республикам и районам Ср. Азии (147). Ср. Азия—единый агро-индустриальный производственный комбинат (149). Превращение Ср. Азии в ближайшее же время из чисто аграрного района в агро-индустриальный район (149). Дальнейшее содержание очерка (150).

2-й РАЗДЕЛ Экономико-географические предпосылки социалистической реконструкции хозяйства Ср. Азии . . . . . 151—374

Процесс специализации Ср. Азии на основе развития географического разделения труда . 151—374

Периодизация истории Ср Азии (151—153). Первая эпоха—докапиталистические формации в основном характеризуется феодальным способом производства (151). Вторая эпоха—

эпоха современного буржуазного (капиталистического) способа производства (152). Третья эпоха—социалистическая (152).
ГЛАВА 1-я. Первая эпоха. Докапиталистический способ производства . . . . . 153—208
Первый период. Период возникновения и первого этапа развития географического разделения труда в Ср. Азии (до VIII века) . . . . . 153—166
Возникновение земледельческой культуры в Ср. Азии (153). Верховья и низовья Аму-Дарьи (153). Значение гор и предгорий (154). Экономико-географическое положение Ср. Азии (156). Распространение земледельческой культуры в период греческого завоевания (156). Торговля между оседлым населением и кочевниками (159). Хозяйственная жизнь кочевников (159). Патриархально-рядовой строй и его разложение (160). Хозяйственная жизнь оседлого населения (160). Развитие отдельных культур (160). Отделение города от деревни (161). Возникновение городов (161). Роль городов (162). Установление торгового сношения с другими земледельческими странами—Греция, Египет, Персия, Индия, Китай (162). Торговые пути (163). Возникновение новых отраслей хозяйства (163). Использование ископаемых богатств (164). Ирригация (164). Специализация отдельных районов (164). Крупные землевладельцы—феодалы — декхане (165). Взаимоотношения между крестьянством и феодалами (165). Восстания крестьян (165). Развитие феодализма в Ср. Азии (165). Процесс развития географического разделения труда в Ср. Азии (165). Особенности процесса территориального воспроизводства хоз-ва Ср. Азии в этот период (166).
Второй период. Период наибольшего развития географического разделения труда в эпоху феодального способа производства в главнейших странах мира и в Ср. Азии (с VIII в. по XIII в.) 166—180
Завоевание Ср. Азии арабами (166). Социально-экономический строй арабов (166). Формы землевладения и землепользования у арабов (167). Развитие торгового капитала у арабов (167). Переселение части жителей из района Зеравшана в долину р. Чу (167) Хозяйственная жизнь этого района (167). Перемещение торговых путей (167). Расширение земледельческого оазиса на Западе—Мервский оазис, оазис по р. Атреку и др. (168). Земледельческая полоса по Аму-Дарье (168). Балтийско-Каспийский торговый путь и торговый путь к берегам Иртыша (169). Расширение сети оросительных каналов (169). Возникновение новых городов (169). Расширение географического разделения труда (169). Процесс специализации отдельных районов Средней Азии (169). Возникновение новых отраслей промышленности и развитие старых отраслей хоз-ва (171). Связь между отдельными районами (172). Районы избытка и недостатка хлеба (172). Торговля с кочевниками (173). Торговля рабами (173). Вывоз товаров из Ср. Азии (173). Состояние транспортной техники (174). Состояние техники сельского хозяйства и промышленности (175). Причины слабого развития производительных сил в Ср. Азии (175). Феодальные отношения (176). Эксплоатация феодалами крестьян (176). Рост торгового класса (177). Концентрация земли в руках торговцев, военного и служилого сословия и духовенства (177). Падение значения феодалов—дехкан (177). Процесс закрепощения крестьян и его особен-

ности в Ср. Азии (177). Налоги (178). Кризис сельского хозяйства (178). Отбирание земли у крестьян (178). Восстания крестьян (178). Положение ремесленников (178). Единая таможенная политика в Мавераннагре (179). Денежная система (179). Внедрение денежных отношений (180). Натуральность хоз-ва (180). Особенности географического разделения труда и процесса территориального воспроизводства хозяйства Ср. Азии в этот период (180).

Третий период. Период регресса в развитии географического разделения труда в эпоху феодального способа производства в Ср. Азии (XIII в. по XVIII в) . . . . . 180—187

Продвижение кочевников в Ср. Азию. (181). Переход кочевников к оседлости и земледелию (181). Географическое разделение труда между районами оседлого и кочевного хозяйства (181). Нашествие монголов (182). Социально-экономический строй монголов (182). Процесс феодализации у монголов (182). Разорение отдельных районов Ср. Азии монголами (183). Восстановление хозяйства в отдельных районах (183). Изменения в хозяйственном развитии восточной части и западной части Ср. Азии и по Аму-Дарье (183). Сокращение районов земледельческого хоз-ва (184). Прекращение развития некоторых отраслей хозяйства (84). Период Тимура (184). Перемещение мировых торговых путей в XV веке (184). Узбой (186). Исчезновение старой земледельческой аристократии (дехкан) (186). Возникновение новых феодалов (187). Земледелие, ремесло и торговля у узбеков и таджиков (187). Уделы (187). Процесс феодального накопления (187). Особенности развития географического разделения труда в этот период (87).

Четвертый период. Период нового расширения территориальных рамок географического разделения труда и начала связи с мировым капиталистическим рынком в эпоху феодального способа производства в Ср. Азии (с середины XVIII до средины XIX в.) . . . . . 187—209

Изменения в хозяйстве кочевников и установление регулярной связи между кочевниками и оседлым населением (188). Перемещение торговых путей (188). Торговые связи с Золотой Ордой (188). Торговые связи с Москвой (188). Отдельные этапы в торговле с Россией (189). Продвижение русского торгового капитала в Ср. Азию и борьба с английской конкуренцией (189). Установление торговли с Китаем, Персией и Индией (189). Возрождение некоторых отраслей хоз-ва (189). Причины, задерживающие процесс быстрого развития хоз-ва Ср. Азии (189). Налоги (190). Эксплоатация крестьян (190). Восстания крестьян и ремесленников (190). Образование трех ханств (190). Процесс оседания узбеков (190). Родовые отношения среди узбеков (191). Земельные отношения в районах орошения (191). Ирригационные работы (191). Государственная собственность на землю (191). Кризис хозяйства Ср. Азии в первой половине XVIII века (192). Развитие хозяйства в Европе (192). Продвижение русских к Востоку, основание Орска и Оренбурга (193). Торговля средне-азиатских купцов с Россией (193). Посредническая роль татар в торговле России с Ср. Азией (194). Рост городов (194). Развитие хозяйства Ферганы (195). Расширение территории Кокандского ханства (195). Развитие хозяйства в Туркмении и Хорезме (195). Раз-

витие хоз-ва в Бухаре (196). Торговля между отдельными ханствами (196). Специализация отдельных ханств (196). Торговля с Китаем, Персией, Афганистаном и Индией (197). Рост торговли с Россией (197). Перемещение направления хозяйственных связей Ср. Азии с Зап. Европой (197). Рост вывоза хлопковых изделий и хлопка из Ср. Азии (198). Роль отдельных ханств в торговле с Россией (201). Экономические районы Ср. Азии (202—207). Районы с наиболее быстрым темпом развития (восток-Фергана) (202). Район с средним темпом развития (центральная часть Ср. Азии—Бухара) (205). Район с замедленным темпом развития (север—Хорезм) (205). Районы со слабым развитием меновых отношений, с сильным значением родовых отношений: западный район—Закаспия (206), южный район—Восточная Бухара и Памир (206), северо-восточный район—Семиречье (207). Хозяйственная структура и нац. состав Ср. Азии (207). Особенности географического разделения труда в Ср. Азии в этот период (208).

ГЛАВА 2. Вторая эпоха. Современный буржуазный (капиталистический) способ производства . 209—347

I. Период промышленного капитализма . . . . . 209—279

Интересы торгового класса в сношени между Ср. Азией и Россией (209). Интересы промышленного капитала и торговая политика России (209—210). Продвижение России в Ср. Азию и интересы торгового капитала (210). Хлопковый кризис 60-х годов (210). Вывоз хлопка из Ср. Азии (210). Конкуренция английского капитала (210). Транспортирование грузов из России и Индии в Ср. Азию (211). Конкуренция средне-азиатского торгового капитала с российским (211). Требования России (212). Начало агрессивных военных действий русских против Ср. Азии (212). Завоевание Ср. Азии Россией (213—214). Процесс колонизации Ср. Азии (214—235). Казачья колонизация (оренбургские и сибирские казаки) (215). Баи и манапы быстро приспособляются к новым условиям и становятся посредствующим звеном в системе колониальной эксплоатации (216). Поселения уральских казаков (217). Развитие рыболовства в Ср. Азии (217). Крестьянская колонизация (217—228). Земельная политика царского правительства в Ср. Азии (218). Интересы господствующих в метрополии классов в грабеже Ср. Азии (218). „Положение 1886 года" (218). Колонизация Семиречьи (219). Отбирание земли у киргиз (219). Экономическая мощь киргизских хозяйств и хоз-в переселенцев (220). Классовое расслоение среди киргиз (221). Колонизация Сыр-Дарьинской области (221). Колонизация Закаспийской области (222). Колонизация Самаркандской области (223). Колонизация в Фергане (223). Переселение в Бухару и Хиву (224). Развитие некоторых новых сельскохозяйственных культур и отраслей хоз-ва (224—225). Влияние переселенцев на ведение хозяйства туземцами (225). Процесс оседания кочевников (225) Распространение сел.-хоз. орудий (226). Немцы колонисты (226). Возникновение новых, капиталистических производственных отношений в районах переселения (227). Процесс первоначального накопления переселенцев (228). Наем рабочей силы (228). Состав сельскохозяйственных рабочих (228). Развитие товарного хозяйства (228). Вывоз хлеба из Семиречья (228). Разложение родовых отношений (228). Манапство (228). Процесс оседания и процент кочевников по райо-

нам (228). Производственные отношения между различными социальными группами в процессе оседания и перехода к земледелию (228). Переселенцы из Китая—таранчи и дунгане (229). Развитие посевов риса и опийного мака в Семиречьи (229). Персы (230). Индусы (230). Развитие городской жизни, торговли и ростовщичества (230). Значение военной колонизации края (230—232). Торгово-промышленная колонизация (232). Возникновение новых городов (232). Новые и старые города, состав населения, темп роста и т. д. (233). Усиление процесса отделения города от деревни (234). Начало торгово-промышленной колонизации до завоевания Ср. Азии Россией (234). Постройка ж. д. в Ср. Азии (235). Стратегическое и экономическое значения Ср.-азиатских ж. д. (235). Аму-Дарьинская флотилия (236). Перевозка грузов по ж. д. (237). Превращение Ср. Азии в сырьевую колонию России (240). Внешняя торговля Бухары в 1840—49 и 1913 гг. (240). Развитие товарно-денежных отношений в Ср. Азии (241). Разрушение натуральных форм хозяйства дехканина (241). Доходность отдельных культур (242). Рост потребности во ввозимых изделиях (243). Рост налогового пресса и развитие географического разделения труда (243). Трудоемкость культур (246). Аграрное перенаселение (246). Развитие посевов хлопчатника (246). Вытеснение хлопком зерновых культур (246). Развитие каракулеводства (246). Внедрение денежных отношений в хоз-во дехканина в хлопковых районах (247). Различные методы внедрения капитализма в кочевых и оседлых районах (247). Сокращение киргизского населения (248). Внедрение капиталистических отношений в хлопковое хоз-во (248). Денежная и натуральная части расхода и дохода в бюджете дехканского хоз-ва хлопковых районов (248). Связь хлопковых хозяйств с хозяйствами других районов. (2 8). Развитие хлопководства (250). Вытеснение гузы (250). Развитие посевов американского хлопка (250). Период плантаторства в хлопководстве (250) Причины быстрого падения плантаторского хозяйства (251). Своеобразие развития капитализма в сельском хоз-ве Ср. Азии—издольщина, остатки феодальных отношений (251). Слабое развитие техники сельского хозяйства (252). Андреевский хутор (252). Крупные капиталистические хозяйства в хлопководстве—европейские и туземные хоз-ва (253). Превращение земли в товар (254). Цена за землю (254). Мобилизация земли в руках баев (254). Торгово-промышленные фермы и скупка хлопка (255). Кредитование хлопковых хоз-в (255). Развитие хлопководства по отдельным районам (256—258). Ташкентская область (256). Закаспийская область (256). Бухара (257). Фергана (258). Хлопковые районы Ср. Азии (259). Перемещение центров хлопководства на восток—в Фергану (260). Разделение труда в хлопковых районах (260). Развитие промышленного садоводства (265). Виноградарство (266). Бахчеводство (266). Огородное хоз-во (268). Развитие животноводства (268). Каракулеводство (268). Организаций каракулевой торговли (269). Крупные животноводческие хозяйства Семиречья (270). Развитие шелководства (271). Разделение труда между земледельческими и скотоводческими хозяйствами (271). Скотоводство в хлопководческих районах (271). Перевозка скота (271). Товарно-денежные отношения в скотоводческих районах (272). Отхожие промыслы таджиков Восточной Бухары (272). Пастбищно-земледельческое хозяйство Туркмении (272). Промы-

шленность Ср. Азии до внедрения русского капитала (273). Развитие местной туземной промышленности (273). Очистка хлопка (274). Развитие хлопкоочистительной промышленности (274). География хлопкоочистительной промышленности (275). Географическое размещение хлопкоочистительных заводов (276). Рост хлопкоочистительной промышленности и роль торгово-скупочных фирм (278). Сезонность вывоза хлопка из Ср. Азии (278).

2. Период империализма . . . . . 279—347

Роль торгово-ростовщического капитала в Ср. Азии (279). Вступление России в стадию финансового капитализма и влияние этого положения на развитие хоз-ва Ср. Азии (279). Концентрация промышленности в Ср. Азии (280). Рост монополистических организаций (280). Средняя Азия — район вложения капитала метрополии (280). „Российское хлопко-промышленное Т-во" (280). Сращивание капитала торгово-скупочного с текстильной промышленностью (280). Превращение торгового капитала в промышленный (280). Процесс централизации в хлопковой промышленности (280). Рост акционерного капитала (281). Развитие маслобойной промышленности (281). Первые этапы развития (281). Развитие крупной маслобойной промышленности (281). Сбыт продукции маслобойной промышленности (281). Вытеснение туземной маслобойной промышленности (282). Утилизация отходов хлопкоочистительной и маслобойной промышленности (282). Районы маслобойной промышленности (283). Капитал метрополии в маслобойной промышленности (283). Процесс централизации капитала в маслобойной промышленности (283). Борьба между хлопковыми фирмами (283). Организация маслобойного синдиката (283). Связь хлопкоочистительной и маслобойной промышленности с банками (284). Значение хлопковой промышленности в общей промышленной продукции Ср. Азии (284). Развитие горной промышленности (284—289). Добыча золота (284). Начало разработки нефтяных запасов (284). Добыча нефти по районам (285). Добыча озокерита (286). Борьба между нефтяными компаниями (286). Роль иностранного капитала (286). Причины слабого развития нефтяной промышленности в Ср. Азии (286). Начало разработки угольных запасов (286). Добыча угля по районам (287). Социальная структура каменноугольной промышленности (287). Значение банков и иностранного капитала (287). Слабое использование ископаемых богатств Ср. Азии (288). Разработка медных руд (288). Добыча редких металлов (288). Добыча серы (288). Добыча соли (288) Развите товарного мукомолия (289). Развитие виноделия, условия развития по районам (289). Сахарная промышленность (290). Цементный завод (290). Целлюлозный завод (290). Развитие шелковой промышленности в первые годы после завоевания края Россией (290). Кризис шелководства и шелковой промышленности, его причины (291). Различные формы развития отдельных отраслей туземной промышленности по отдельным районам (292). Керамическое производство (293). Ковровое производство (293). Ремесленные организации в Ср. Азии (294). Удельный вес мелкой промышленности в Ср. Азии (294). Рост классового расслоения в кишлаках и аулах по отдельным районам (294). Пролетаризация дехкан на одном полюсе и накопление капитала на другом (295). Методы накопления (295). Использование накапливаемого ка-

питала в торгово-ростовщические операции (296). Рост кредитных операций в Ср. Азии (296). Банки в Ср. Азии, их возникновение и география (296). Значение иностранного капитала (296). Роль банков в заготовке хлопка (298). Система кредитных отношений в Ср. Азии, методы эксплоатации (298). Задолженность дехканских хозяйств (300). География чайрикерства и мардикерства (301). Процесс развития чайрикерства (302). Рост хлопкоочистительной промышленности с туземным капиталом (302). Туземный капитал в горной промышленности (303). Размер вложения капитала в Ср. Азию (303). География фабрично-заводского пролетариата (303—306). Зарплата, продолжительность раб. дня, норма эксплоатации (306). Образование рабочего класса в промышленности (306). Его состав (306). Сельскохозяйственный пролетариат (307). Потребность в с.-х. рабочих (307). Приход рабочих из Кашгарии (307). Аграрное перенаселение в Ср. Азии (308). Одностороннее развитие хоз-ва в Ср. Азии (308). Использование капиталом докапиталистических методов эксплоатации (308). Противоречия в развитии хоз-ва Ср. Азии—колонии (309). Орошение новых земель по районам (309). Концессии (310). Шерабадская концессия (310). Отношение туземного населения к концессиям (311). Эксплоатация концессиями трудящихся туземного населения (311). Капитал в железнодорожном строительстве (312). Кризис туземного скотоводства (312). Налоговая система царского правительства (312). Доходная и расходная часть бюджета Ср. Азии (313). Военные расходы и расходы на культурные нужды (313). Задержка в развитии производительных сил в Ср. Азии, аналогия с Индией (313). Возникновение новых экономических районов в Ср. Азии (313). Неравномерность развития отдельных отраслей хозяйства (314). Неравномерность развития отдельных районов (316). Экономические районы Ср. Азии по типам производственных отношений: 1) районы наиболее быстрого развития капиталистических отношений, 2) районы со средним темпом развития капиталистических отношений, со значительными еще остатками феодальных пережитков, 3) районы с преобладанием натуральных форм хозяйства, с остатками феодальных и родовых отношений, где капитализм также начал их разрушать (316). Капиталистический промыслово-портовый район Красноводска (320). Смешанный зерново-хлопковый район Закаспия (320). Хлопководческий район торгового земледелия Закаспия (320). Районы пастбищно-земледельческого хозяйства Закаспия (322). Скотоводческие районы Закаспия (324). Район торгового скотоводства, каракулеводства (324). Районы Хивы и Бухары (324). Районы, ныне вошедшие в Кара-Калпакстан: земледельческий район и скотоводческий район (325). Промысловый район—рыболовства и охоты (325). Районы земледельческого хозяйства Хивы (325). Чарджуйский район Бухары (325). Керкинский район Бухары (327). Разложение натуральных форм хоз-ва в этих районах Бухары (327). Горная часть Бухары—Восточная Бухара с прилегающим к ней Памирским районом (327). Район Кашка-Дарьинский (328). Зеравшанский, наиболее капиталистически развитый район Бухары (328). Северные пустынные районы Бухары (328). Призеравшанская долинная часть Самаркандской области (328). Предгорья Самаркандской области (329). Долинные наиболее капиталистически развитые районы Ферганы—западная и во-

сточная части (329). Предгорья Ферганы (330). Горные районы (330). Нарынский район (330). Каракольский и Пишпекский район (331). Ташкентский равнинный район (331). Предгорья Ташкентского района (332). Район голодной степи (332).

Мировая империалистическая война и развитие географического разделения труда в Ср. Азии (333—340) Развитие хлопководства (333). Сравнительная стоимость производства туркестанского и американского хлопка (333). Пошлины на иностранный хлопок (334). Сокращение ввоза американского хлопка (335). Рост хлопководства в Ср. Азии (335). Кризис хлопководства в Ср. Азии и его последствия в воспроизводстве хозяйства края (335). Кризис по разным районам (336). Кризис в снабжении хлебом Ср. Азии (336). Рост цен на хлеб (337). Соотношение цен на хлеб, хлопок и рис. (338). Сокращение ввоза мануфактуры (338). Развитие местной кустарно-ремесленной промышленности (338). Приток капитала из метрополии, концессии и кризис хозяйства (339). Сокращение продукции каракулеводства и изменение в направлении вывоза каракуля (340). Влияние кризиса на Семиречье, Памир и другие районы (340). „Лашманчилык"— призыв на тыловые работы туземцев (340). Восстание 1916 г. (340). Причины восстания (по описанию генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина): у оседлого населения 3-х коренных областей Туркестана (340 и 342), у киргизского населения (341 и 343) у туркменского населения (341 и 343). Начало и распространение восстания (343). Классовая сущность восстания (344). Ход восстания (344). Подавление восстания (344). Усиление кризиса в Ср. Азии (344). Продукция сельского хозяйства в 1917 г. (345). Влияние колониальной политики российского капитализма на развитие хозяйства Ср. Азии (345). Создавшиеся противоречия в развитии хозяйства Ср. Азии (345) Разрушение производительных сил края (345). Снижение доходности дехканского хоз-ва (345). Единственный выход из создавшихся противоречий—социалистическая революция (346). Октябрьская революция в Ср. Азии (346).

ГЛАВА 3-я. Третья эпоха. Диктатура пролетариата и социалистическое строительство (с октября 1917 года) . . . . . 347—374

Ход захвата власти пролетариатом в свои руки в Ср. Азии (347). Хозяйственно-политическое состояние края в первые годы Октябрьской революции (347). Национальный вопрос (348). Отношение отдельных групп туземного населения к новой власти (348). Декрет о равноправии языков (348). Борьба с голодом (348). Реорганизация управления народным хозяйством края (349). Национализации (350). Хлопковая промышленность (350). Хлопководство (350). Каракулеводство (351). Продукция других отраслей сельского хозяйства (351). Транспортный баланс Ср. Азии (с 1901 по 1922 г.) (351). Ликвидации Закаспийского фронта, Кокандской автономии, Хивинского ханства, бухарская революция и т. д. и их значение для развития хозяйства Ср. Азии (354). Важнейшие хозяйственные задачи в этот период (354). Борьба с басмачеством (355). „Союз кошчи" (355). Подготовка земельно-водной реформы (с 1918 г.) (356). Земельная реформа в Семиречьи 1920—21 гг. (356). Начало реставрации дореволюционных земельных отношений (декрет ТурЦИК'а от 4/III 1920 г.) (357). Вакуфы (357).

Суды казиев и биев (358). Уничтожение басмачества (358). Национальное размежевание Ср. Азии (358). Классовая сущность земельно-водной реформы 1925—26 гг. (359). Расслоение кишлака за 1917—25 гг. (359). Процесс восстановления хозяйства Ср. Азии (359). Сельское хозяйство (360). Промышленность (362). Замедленный темп восстановительного процесса в Ср. Азии (363). Земельно-водная реформа 1925—26 г. и ее результаты (364). Подведение базы к непосредственному переходу к социалистической реконструкции хозяйства Ср. Азии (366). Начало коллективизации и тракторизации хозяйства Ср. Азии (368). Коллективизация на I—II 1931 г. (369). Реорганизация транспорта (369). Турксиб (369). Индустриализация страны (369). Процесс специализации Ср. Азии в новых социально-экономических условиях (371). Установление более тесных и социалистических связей с другими частями СССР (372). Классовая борьба в Ср. Азии (373). Борьба местной буржуазии против социалистической реконструкции Ср. Азии (373). Связь местной контреволюции с российской и мировой контрреволюцией (373). Уничтожение старых производственных отношений, установление производственной связи между сельским хозяйством Ср. Азии и социалистической промышленностью СССР—залог быстрейшего осуществления социализма в Ср. Азии (374).

Список диаграмм и картограмм (с об'яснительными текстами к ним), помещенных в 1-й части очерка 375

Содержание . . . . . 377—389